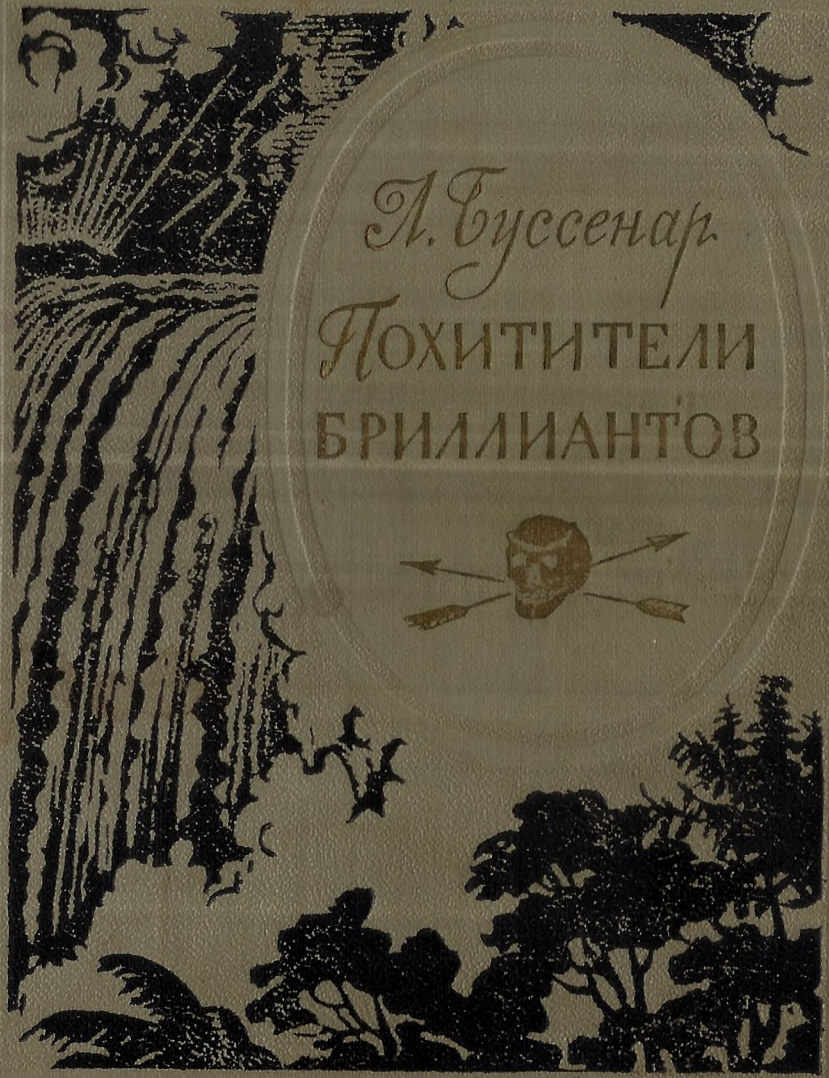
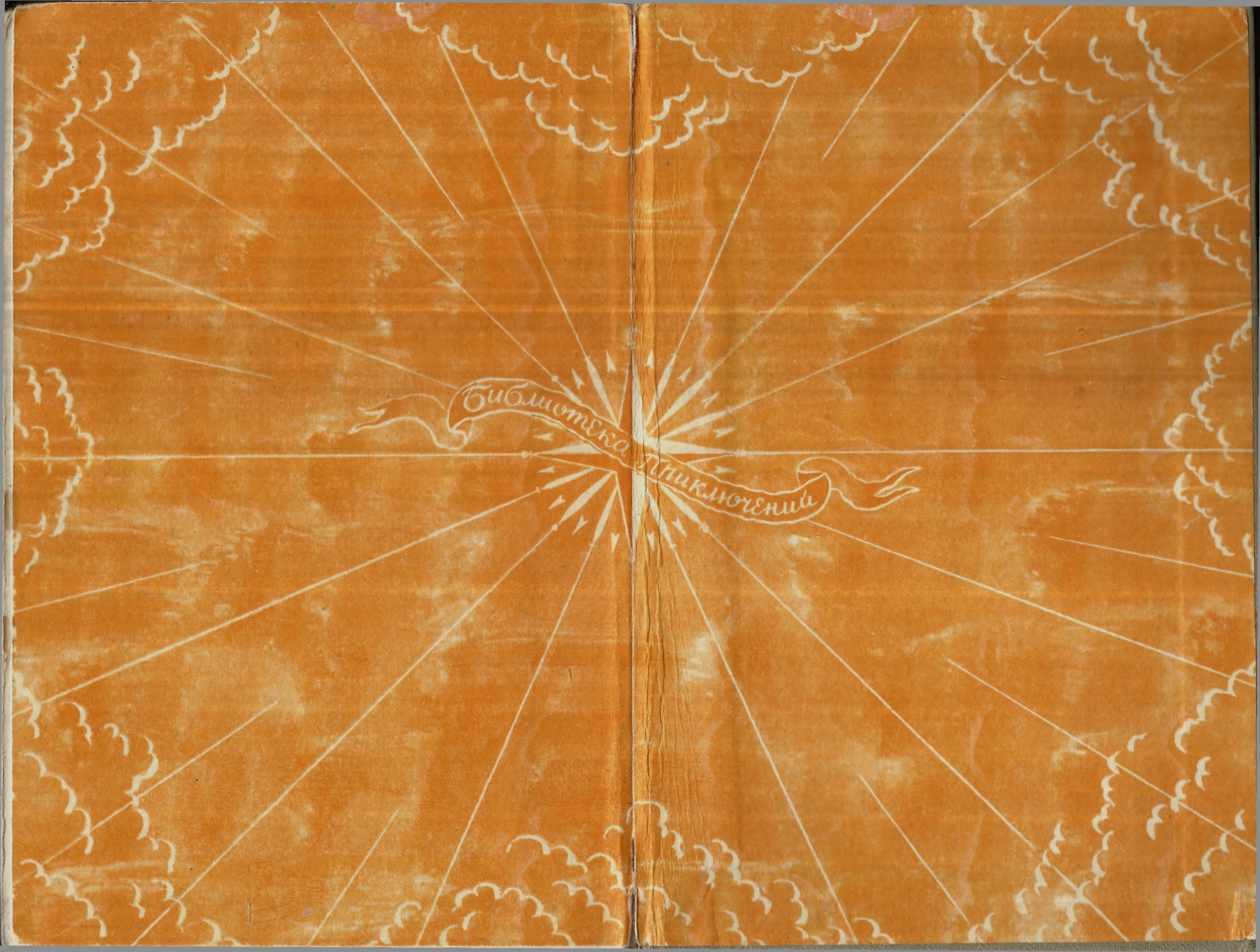
Л. Буссенар

Похитители бриллиантов



Библиотека приключений

Детгиз · 1957


Библиотека приключений

Библиотека приключений

9

Государственное
издательство
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства
просвещения
РСФСР

Луи Буссенар

Похитители бриллиантов

Роман
в трех частях

МОСКВА
1957

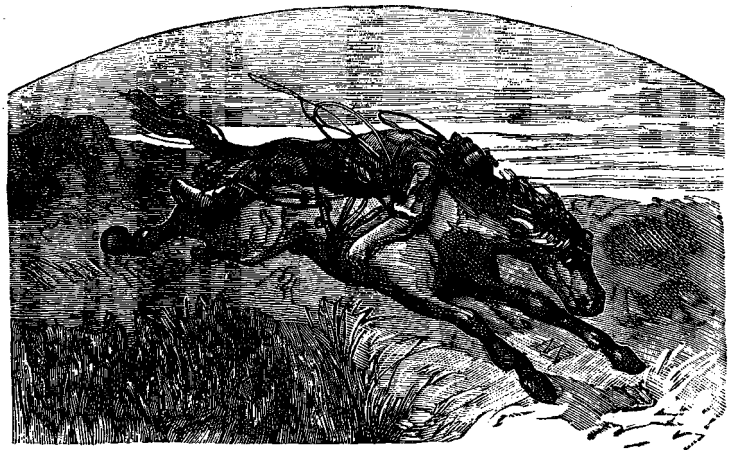
Перевод с французского
В. ФИНКА

Рисунки
ФЕРА

Гравировали
И. ПАВЛОВ, И. БЕЛОВ

Оформление
С. ПОЖАРСКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алмазный прииск. — Алмазная лихорадка. — Нельсонс-Фонтейн. — Жертвы краха. — Альбер де Вильрож и его друг Александр Шони. — Последствия одной дуэли на пистолетах. — Сокровища королей Южной Африки. — В неведомую страну. — Загадочное убийство.

В Нельсонс-Фонтейне, на алмазном прииске, было в этот день более шумно и оживленно, чем когда бы то ни было. Искатели алмазов, среди которых были люди всех рас, всех цветов кожи, всегда работали не покладая рук, но в этот день они находились в состоянии какого-то бешеного исступления. Впрочем, внимательный наблюдатель догадался бы, в чем дело.

Неприветливая местность, голые скалы и множество зияющих глубоких ям делали прииск скорей похожим на каменоломни. Мельчайшая пыль, подымавшаяся над разрытой землей, образовала густые тучи; временами она заслоняла солнце. Свежему человеку сразу бросалось в

глаза бесконечное переплетение металлических тросов, соединявших дно каждой ямы с поверхностью земли. По тросам, на блоках, беспрерывно подымались наверх вместительные мешки из бычьей кожи, наполненные песком. Небольшое приспособление, похожее на те, какими пользуются в парижских пригородах огородники, подает ведро наверх, едва оно наполняется, и мчит его обратно, как только оно опорожнено.

Вся местность напоминала огромную шахматную доску, каждая клетка которой имеет десять квадратных метров. Клетки нарезаны в богатой алмазами земле. На дне глубоких ям с усердием муравьев работают оборванные люди. Они роют, копают и просевают размельченную землю. Их черные, белые или желтые лица покрыты грязью, пылью и потом. Кожаный мешок бежит наверх. Возможно, в нем лежит целое состояние.

Вот блок перестает визжать. Содержимое мешка высыпается на стол. Белый хозяин судорожной рукой разбрасывает землю по столу, а сам смотрит жадными глазами, не сверкнет ли драгоценное зерно.

Обследованную землю потом ссыпают на тачки и увозят по узким тропинкам, которые правильными линиями прорезают весь прииск. Нельзя смотреть спокойно, как беспечно люди толкают тачки по самому краю пропасти: достаточно одного неловкого движения, чтобы оступиться и полететь вниз. Но что значат довольно-таки нередкие несчастные случаи в глазах этих людей, охваченных алмазной лихорадкой! Время от времени происходит обвал, или обрывается камень, или падает вниз тачка. Раздается крик ужаса и боли, и, когда кожаное ведро снова поднимется на поверхность, в нем лежит изуродованное человеческое тело. Какое это имеет значение? Главное — алмазы! Гибель человека — происшествие незначительное.

Вот какой-то поляк нашел алмаз в сорок каратов. Сейчас же маклер предлагает ему пятьсот фунтов стерлингов. Но счастливчик требует тысячу, и маклер уходит, только пожимая плечами.

Вот ирландец. У него вид человека, измученного нуждой и непосильным трудом. Внезапно он подскакивает, точно в приступе умопомешательства. Он кричит, воет,

мечется из стороны в сторону и разражается потоком ругательств на своем гортанном кельтском языке:

— Арра! Арра! Бедарра! Братья мои, я умираю! Я задыхаюсь от радости! Арра! Мои дети будут богаты!.. А я смогу пить виски! Алмаз в семьдесят пять каратов! Это пять тысяч фунтов стерлингов.

Новость мигом облетает весь прииск, и лихорадочное исступление возрастает, хотя это уже как будто и невозможно.

Вот кто-то другой, менее впечатлительный, чем ирландец, явно сдерживает лихорадочную дрожь. Его движения замедляются. Несмотря на все свое видимое хладнокровие, он чем-то озабочен. Потом он делает нечто странное. Босой ногой, пальцы которой у него не менее ловки, чем пальцы рук, он пытается нащупать некий камешек. Он его заметил своим наметанным глазом и сразу оценил: это алмаз, еще не отделившийся от породы.

На минуту человек приостанавливает работу, делает вид, будто удаляет из ноги занозу, хватает свой камешек и быстро прячет его во рту.

Но это заметил надсмотрщик, от которого ничего не укроешь. Мига не прошло, а он уже на дне ямы. Он хватает человека за глотку и сразу обрушивает ему на голову могучий кулак.

— Открой рот, мерзавец, или я тебя повешу!

Но вор лежит в обмороке. Надсмотрщик достает из кармана складной нож, раскрывает его, просовывает клинок между судорожно сжатыми зубами вора, нажимает и с победоносным видом извлекает камешек.

— Подымите мне этого мерзавца наверх. Пусть ему всыпят двадцать пять кнутов для первого раза!

Но такие истории, подтверждающие богатство прииска, только разжигают у людей жадность, и поиски продолжаются все с тем же неутомимым усердием.

Алмазы были обнаружены в Нельсонс-Фонтейне сравнительно недавно несколькими старателями, пришедшими из Тойтс-Пена. Расположенный на 24°30′ восточной долготы по Гринвичу и 27°40′ южной широты, на самом краю Грикаленд-Уэста [1] и примерно в ста семидеся-

[1] Грикаленд-Уэст — территория в Южно-Африканском Союзе, на севере Капской провинции.

ти километрах от Оранжевой реки, Нельсонс-Фонтейн еще недавно был совершенно неизвестен. Теперь же, как утверждают, ему предстоит сделаться одним из самых богатых приисков во всей английской Капской колонии. Однако крайне плохое оборудование и полное отсутствие каких бы то ни было удобств делают пребывание здесь мало завидным. Если бы не надежда быстро разбогатеть, люди вряд ли могли оставаться хотя бы несколько часов в этих душных ямах, да еще при сорокаградусном зное. Воды здесь нет. Ведро стоит франк и даже франк семьдесят пять. В лагере до отвращения грязно. Живут в жалких, раскачивающихся на ветру хижинах и изодранных в клочья палатках. Но власти все же заботятся о безопасности работающих и об оздоровлении местности. Каждый вор — а их здесь много, — если его не приговорили к наказанию кнутом, должен отбыть несколько дней принудительных работ. Наказание это налагается часто и заключается в уборке лагеря. Приговоренные работают под наблюдением полицейского, который ходит за ними с заряженным револьвером в руке.

Однако похоже, что чем больше вывозят тряпья, лохмотьев, коробок из-под консервов, старых сапог и поломанных лопат и кирок, тем больше их вновь оказывается через каких-нибудь несколько часов. Люди пришли сюда в поисках богатства и нисколько не думают о самых элементарных законах гигиены. Режут скотину, а потроха и кости бросают прямо перед палаткой; потом приходят негры, китайцы или собаки, хватают все эти отбросы и с жадностью их поедают. Остатки валяются по всему лагерю.

Ни горловые, ни глазные болезни, ни злокачественные язвы, ни нарывы никого здесь не пугают, никто не думает о своем здоровье. У иного уже припрятано где-нибудь в земле, под палаткой, целое состояние, а он ходит босой, в лохмотьях и питается сухарями, которые макает в местную водку. Для этих одержимых весь смысл жизни выражен в одном слове: алмаз. Оно сверкает и гипнотизирует.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что прибытие новых четырех человек, хотя и не совсем обычного вида, прошло здесь почти незамеченным. Это два европейца

Он хватает человека за глотку и сразу обрушивает ему на голову могучий кулак.

и два негра. Все они, особенно европейцы, внешне не имели ничего общего с приисковой публикой. Главой небольшой группы казался среднего роста, худощавый, коротко остриженный смуглый человек лет тридцати, с пылающими глазами и черной бородой. Правильные черты и подвижность лица выдавали его южное происхождение. Было в нем, кроме того, нечто особое, породистое. Его снаряжение и весь вид показывали, что человек этот весьма и весьма заботится об удобствах, которыми здесь обычно пренебрегают.

Шлем из сердцевины алоэ с назатыльником из белой материи защищал его от зноя. Куртка с поясом и множеством карманов свидетельствовала, что человек привык к дальним путешествиям. Бархатные брюки оливкового цвета, собранные в колене, засунуты в большие сапоги. Широкий нож, который мог служить и тесаком, висел у него на поясе; у него был, кроме того, громадный патронташ и двуствольное ружье крупного калибра. Наконец, из двух карманов выглядывали две цепочки: в одном лежали часы, в другом — никелевый компас.

Второй европеец был одет точно так же и имел такое же снаряжение. Но этим исчерпывалось все сходство между ними, хотя они и были примерно одного возраста и, по-видимому, оба южане и одной национальности. Но первый носил свое дорожное платье с каким-то изяществом, а второй был простоват. Самый поверхностный наблюдатель заметил бы это с первого взгляда. Короче говоря, сразу было видно, что один из них — слуга, а второй — господин.

Что касается двух чернокожих, то вид у них был весьма своеобразный.

Заслуживает описания их одежда. На одном были только штаны, другой носил только сорочку. Обе вещи были грязны и поношены, говоря точней — изодраны в лохмотья. Одеяние того из двух негров, который носил сорочку, дополнялось фетровой шляпой, которая не имела верха и потому не прикрывала его густой, взлохмаченной шевелюры. На бедре у него — там, где камергеры носят золотой ключ, — болтался нож, а в ушах — латунные серьги, к каждой из которых был подвешен кусок агата величиной с абрикос.

Что касается счастливого обладателя штанов, то он носил на голове донышко плетеной корзинки, которое украсил небольшой банкой из-под анчоусов. В мочку правого уха он продел свою трубку, а в левом ухе мочка была растянута картонной ружейной гильзой.

Оба негра были в восторге от своих нарядов и посматривали с высокомерием на чернокожих приисковых рабочих, которым судьба в такой роскоши отказала.

Я забыл отметить, что они носили каждый по огромному двуствольному карабину — из тех, какими в Африке пользуются для охоты на крупного зверя.

Оба европейца проходят медленным шагом и смотрят по сторонам, очевидно ища кого-то или что-то.

В конце концов они обращаются к полисмену. Тот, вежливо ответив на их приветствие, приглашает их следовать за ним и приводит к яме, на дне которой работает человек шесть.

— Это здесь, господа, — кланяясь, говорит полицейский.

Молодой человек подходит к самому краю, стараясь хоть что-нибудь увидеть сквозь густую пыль, поднимающуюся из глубины. Несколько камешков обрывается у него из-под ног. Землекопов, поглощенных работой на дне ямы, это заставляет взглянуть наверх. Один из них испускает крик, в котором радость перемешана с изумлением. По шаткой лесенке он спешит выбраться на поверхность и, нисколько не смущаясь грязи, которая покрывает его лицо, руки и одежду, бросается прямо в объятия элегантному молодому джентльмену.

— Альбер!.. Альбер де Вильрож!.. Друг мой!..

— Александр!.. Дорогой Александр! — восклицает взволнованным голосом новоприбывший. — Наконец-то я тебя нашел!

— Ты здесь! В этом аду! Рядом со мной!.. Какое чудо привело тебя сюда? Какой счастливый случай?

— И не чудо и не случай. Я отвечу тебе, как Цезарь после победы над сыном Митридата: я пришел, я искал, я нашел.

— Славный ты мой Альбер! Ты все такой же весельчак! Значит, ты искал меня?

— И весьма усердно.

— Для чего же именно?

— Во-первых, для того, чтобы тебя повидать. А затем, чтобы помочь тебе вернуть состояние, верней — для того, чтобы мы оба могли вернуть каждый свое состояние...

— Оба? Да неужели ты тоже...

— Разорился дотла.

— Каким образом?

— Да все тот же крах. Сначала ты все потерял, а потом оказалось, что и я остался без гроша.

— Ах ты, бедняга!

— Спасибо за сочувствие... Но мы начинаем привлекать внимание всех этих джентльменов. Я не люблю, чтобы на меня слишком заглядывались. Давай-ка отойдем в сторону. У тебя тут есть где-нибудь свой угол? Какая-нибудь дыра, какой-нибудь насест?

— Вот именно, ты правильно сказал: дыра и насест. Идем!

— Еще одно слово. Я должен тебе представить моего спутника. Ты уже, впрочем, слыхал о нем. Это мой молочный брат Жозеф, сын нашего фермера из Вильрожа.

— Ах, значит, это и есть Пупон?

— Совершенно верно. Пупон — по-нашему, по-каталонски — Жозеф... А теперь идем.

Тот, которого звали Александром, шел впереди и вел своих спутников по узким тропинкам между ямами к палаткам, белевшим в полукилометре от места работ.

Александру Шони примерно года тридцать два. Он полная противоположность своему другу. Большие голубые глаза, светлые волосы, длинные усы, высокий рост и атлетическое сложение делают его похожим на первых обитателей древней Галлии — тип, почти совершенно исчезнувший. Сходство особенно сильно в моральном смысле, ибо Александр Шони наделен не только живостью наших предков, но также их душевной прямотой и храбростью.

— Вот она, моя дыра, — сказал он, раздвигая полог палатки. — А вот и насест. — При этих словах он показал на две бычьи шкуры; они были натянуты на рамы, которые стояли на вбитых в землю кольях.

— Обстановка простая и дешевая, — весело заметил Альбер.

— Пустяки: тысяча франков наличными!

— Ах, черт! А дела-то хоть идут?..

— Как сказать... За эти шесть месяцев я с трудом сводил концы с концами. К счастью, недели две назад мне удалось найти ямку, которая принесла мне тысяч десять. В общем, не бог весть что.

— Зато я принес тебе богатство.

— То есть как это?

— Расскажу в двух словах. Ты знаешь, что за последние годы я бывал в Париже лишь изредка. Мной овладел демон скитаний. Недаром я каталонец. Я охотился на львов в Абиссинии, я был на Суматре и в Конго. Внезапно, находясь в Измаилии, я получаю от моего поверенного письмо с извещением, что все мое состояние ухнуло в результате знаменитого финансового краха. Я мигом помчался в Париж, распродал свои имения, расплатился с долгами и очень скоро оказался без гроша за душой. Единственным ощутимым для меня результатом этой операции было то, что я смог оценить лживость поговорки: «Заплатить долги — значит разбогатеть». Конечно, я расплатился, но я не имею ни гроша, в то время как другие ничего не заплатили и теперь они богаты, как свиноторговцы.

— Да ведь и со мной было то же самое! Мне пришлось продать все, что я имел, вплоть до моего маленького имения Бель-Эр. Я с трудом сохранил две с половиной тысячи дохода для моей бедной матери. Мне удалось удержать ферму в Вильроже, и она аккуратно приносит мне триста франков чистого убытка в год. Так что ты видишь, как процветают мои дела! Но жить-то ведь надо. А меня не привлекает чиновничья служба. По-моему, место консула или жалованье супрефекта не более заманчивы, чем высокопочетная, но низко оплачиваемая должность ночного сторожа. Тогда у Анны возникла гениальная мысль...

— У Анны? Кто это Анна?

— Черт возьми, моя жена! Ведь я женился! Ты ничего не знаешь? Это целая история. Мы познакомились полтора года назад, и как раз недалеко отсюда — в Транс-

ваале. Она дочь методистского проповедника. Друг мой, это ангел, жемчужина! Некий господин Вандер... не вспомню точно его фамилии... словом, один бур, сущий белый дикарь, у которого сто квадратных миль своей земли, добивался ее руки. Анна видеть его не могла. Мы с ним дрались на пистолетах. Мой нынешний тесть был его секундантом. Проповедник! Бур ужасно смутился и стрелял в меня как-то так неловко, что пуля прострелила ухо достопочтенному слуге божию... Эта неловкость погубила все матримониальные расчеты моего противника. Так что спустя неделю счастливым супругом мисс Анны Смитсон стал я!..

— Очень хорошо! — прервал его Александр, смеясь во все горло. — Однако перейдем к гениальной мысли твоей жены.

— Очень просто. Ты, быть может, знаешь или не знаешь, что уже в 1750 году, в ту эпоху, когда Грикаленд принадлежал голландцам, миссионеры составили карту, в которой указывалось, что эти земли, едва известные белым, содержат алмазы. И действительно, установлено, что коронны, кафры и бушмены пользуются алмазами если не для украшения, то как орудием труда. Эти дикари говорят, что их предки уходили в Грикаленд за алмазами и пользовались ими для обработки жерновов.

— И ты все это узнал? О, кладезь мудрости!..

— Не я, а моя жена. За какой-нибудь час она рассказала мне об алмазах гораздо больше, чем наш лицейский преподаватель за три года. Из всего, что он нам вдалбливал, я помню только, что, вопреки некоторым мнениям, алмаз — это чистый углерод, что он кристалл и имеет форму куба, восьмигранника, десятигранника и так далее и так далее. Всему этому я охотно верю. Но Анна, видишь ли, родилась в здешних местах, в фургоне, когда ее папаша проповедовал евангелие дикарям. Она говорит на четырех или пяти местных наречиях, и, можешь мне поверить, в ее устах эти странные звуки кажутся не менее певучими, чем трели соловья.

— Здорово! — воскликнул Александр.

— Она пережила немало приключений, и, между прочим, ей довелось спасти от мучительной смерти одного кафра, по имени Лакми. А ты прекрасно знаешь, что чер-

нокожие — народ благодарный. Лакми привязался к дому пастора, каковой дом стоял на колесах и находился в постоянных разъездах. За несколько месяцев до моей женитьбы этот бедняга Лакми умер от чахотки. Он был потомком могущественного вождя какого-то племени. Умирая, он принес в дар своему доброму ангелу, своей благодетельнице, огромное количество алмазов, единственным и законным владельцем которых он был. Точней говоря, это куча камней, которые предназначались для обработки жерновов, — килограммов двадцать. И все это припрятано в одном местечке, куда мы с тобой и отправимся сию же минуту, без всякого промедления. В Капштадте французский консул сказал мне, что ты находишься здесь, на Нельсонс-Фонтейне. Тогда я подумал, что надо поделиться моим богатством с тобой. Ты всегда был моим лучшим другом, и тебя постигла та же беда, что и меня. Поэтому я считаю, что будет вполне естественно, если ты разделишь со мной мою удачу. За этим я сюда и прибыл, дорогой мой Александр. Вот и все.

Александр задумчиво молчал. Его друг заговорил снова:

— Ты онемел? Ты не говоришь: «Едем поскорей»? Ты не торопишься продать свою гнусную яму и эту рваную палатку, которая кишит всякими мерзкими насекомыми? Или ты мне не веришь?

— Верю, верю, но...

— Что «но»? У меня есть карта местности. Правда, плохонькая. Но мы с тобой не робкого десятка, мы не пропадем и с такой картой. Ее составил по указаниям покойного Лакми мой тесть, пастор Смитсон. Он ее начертил раствором пороха на платке. Это будет наша путеводная нить, и она нам поможет найти клад. У меня есть доброе предчувствие. Поверь мне, ты выкупишь свой Бель-Эр, а я построю в Вильроже замок из красного гранита, с восемью сарацинскими башнями и с террасой над обрывом... Да что это с тобой?

Александр вскочил, точно его подбросило пружиной. Он схватил револьвер, висевший на колышке, и быстро вышел.

— Тихо! — сказал он шепотом. — Нас подслушивают!

Нетвердой походкой пьяного мимо проходил человек огромного роста.

— Ничего! — сказал Александр Шони, вернувшись в палатку. — Какой-то пьяный. Он едва не свалился на палатку.

— Одобряю твою осторожность. Подобные тайны не следует выбалтывать так, чтобы слышал всякий и каждый. Тем более что нам еще, по всей вероятности, предстоит встретиться с моим соперником, с этим буром, которого Анна спровадила. Он и два его брата поклялись меня убить.

— Ах, так? — резко перебил его Александр. — В таком случае, я еду с тобой. Черт возьми, предвидится драка, и моему лучшему, моему единственному другу грозит смертельная опасность, а я буду сидеть в логове, как дикий кабан? Да что я, подлец, что ли?

— Ну вот, наконец-то! Узнаю своего старого галла! Не думай, однако, что я собираюсь задержать тебя надолго. Нам достаточно трех месяцев, а там одно из двух: либо мы себе составим состояние, либо придется все начинать с самого начала. Просто потеряем три месяца и покончим с иллюзиями. Большой ценности они не представляют, поэтому мы спишем в счет убытков только потерянные девяносто дней и вместе возьмемся за разработку какого-нибудь участка.

— Идет! Я завтра же продаю свою концессию, орудия, палатку, алмазы, и едем!

— Почему завтра? Почему не сию минуту?

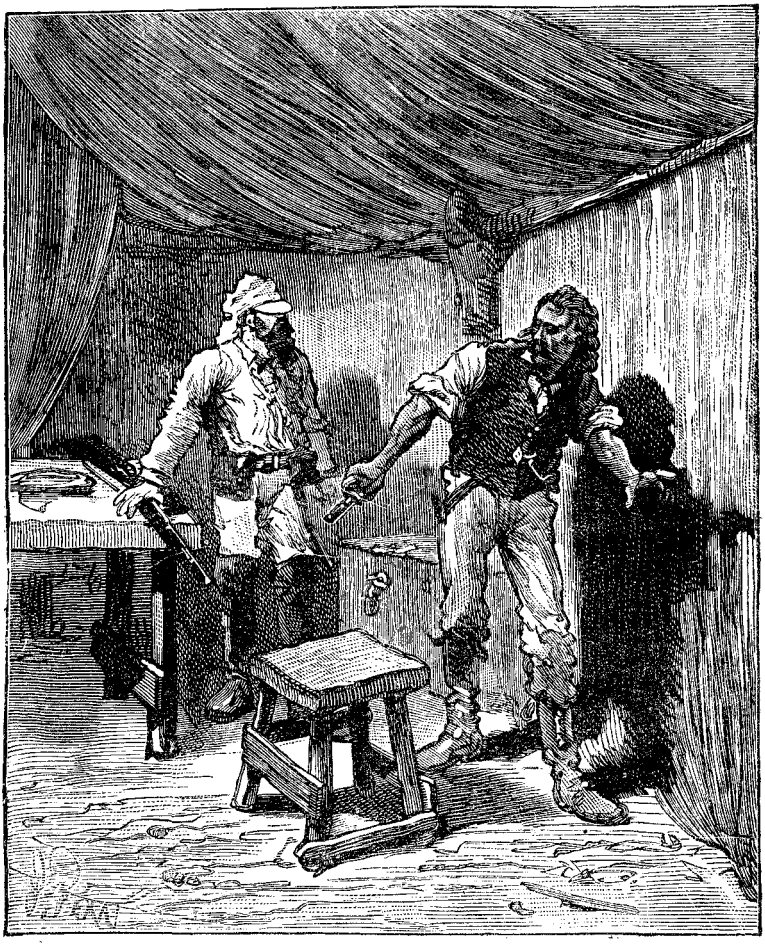
— Надо найти покупателя.

— Покупатель есть. Только что, проходя мимо, я заметил козлиный профиль какого-то торговца. Он продавал консервы и кап-бренди. Там, где есть торговцы, всегда можно сделать дело.

— Это, вероятно, хозяин огромного фургона, в который запряжено двадцать быков. Он только вчера прибыл.

— Какое нам дело? Распродай все поскорей, и едем!

Дали знать торговцу, и он явился немедленно. Алмазы он тщательно осмотрел, ощупал, взвесил и в конце концов купил их. Равно как и оборудование и права. Кроме денег, он дал Александру крепкую, молодую, но



— Тихо! — сказал де Вильрож. — Нас подслушивают!

страшно норовистую лошадь. Впрочем, француз был прекрасным наездником.

Купец отсчитал двадцать тысяч франков золотом и удалился.

Ночь спустилась быстро, и три европейца, сопровождаемые двумя туземцами, все пятеро верхом, без шума покинули прииск и взяли путь на север, то есть в страну западных бечуанов, которая начиналась в нескольких километрах от Нельсонс-Фонтейна.

Утро едва успело бросить на прииск свои первые лучи, когда всех взволновал странный слух, передававшийся из уст в уста. Говорили, что ночью произошло убийство. Все побросали работу и пустились в лагерь, к палаткам.

Люди всех цветов кожи собрались шумной толпой вокруг огромного фургона, принадлежавшего торговцу, и испускали оглушительные крики. Двое полицейских пробились сквозь людскую стену и проникли в фургон. Труп старика плавал в луже крови и загораживал вход. Глаза были широко раскрыты, рот перекошен. Длинный нож был воткнут в грудь, наружу торчала одна рукоятка. Кровь капля за каплей стекала под фургон и смешивалась с кровью сторожевого пса, которого тоже зарезали.

В фургоне стоял невообразимый беспорядок: все было перерыто, и рыли, видимо, весьма поспешно — везде остались кровавые отпечатки пальцев. Сундук был взломан и опрокинут, и на полу сверкали алмазы, должно быть не замеченные грабителями.

В глубине фургона, за тяжелой портьерой, кто-то стонал. Полицейские нашли там двух связанных женщин — белую девушку и старую негритянку. У обеих были завязаны рты, обе задыхались. Полицейские освободили их.

Белая девушка была замечательно красива. Ее расширившиеся от ужаса глаза увидели труп, который еще продолжал лежать на месте.

— Отец! Отец! — душераздирающим голосом закричала она.

Девушка встала, сделала, шатаясь, несколько шагов, взмахнула руками и рухнула на труп старика.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Удачливый народ. — Золотоносные земли и алмазные прииски. — История английской Капской колонии. — Борьба англичан с бурами. — Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль. — Первые алмазы. — Для какой цели кафры в старину пользовались алмазами. — «Звезда Южной Африки». — Прииски сухие и речные. — Политика захватов. — Злоключения господина Дютуа. — Полицейский художник. — Мастер Виль. — Сон полицейского. — Нож и ножны. — След.

С богатыми государствами бывает, как с богатыми людьми. Пусть промышленное предприятие правильно организовано, пусть им хорошо руководят — всего этого еще мало для того, чтобы дела шли хорошо. Нередко бывает, что стечение совершенно случайных обстоятельств создает процветание, которого не смог бы принести самый усердный труд. Удача в делах, то, что называется везением, зависит нередко от случая. Англичане просто-напросто «везучий» народ. Похоже, что всюду, где гражданин Соединенного Королевства только водрузит свой Юнион-Джек [1], счастливый случай торопится взять его под свое покровительство.

Мало того, что климат и производительные возможности Австралии замечательно благоприятствовали разведению скота и создали счастливым переселенцам из Англии источник обогащения, — надо было к тому же, чтобы здесь были найдены золотоносные земли.

Началось невиданное обогащение. Такая же удача ожидала англичан и на мысе Доброй Надежды. Был момент, когда из-за прорытия Суэцкого канала звезда великой Южно-Африканской колонии могла закатиться, но чудесный случай придал этой звезде новый и неожиданный блеск: в колонии были найдены алмазы.

События скоро приведут нас в некие страны, которые давно ждут цивилизации, но до сих пор все-таки мало изучены. Поэтому читатель согласится с нами, что раньше чем продолжать наше повествование, необходимо дать здесь кое-какие пояснения из области истории и географии.

---

[1] Английский флаг.

Известно со слов Геродота [1], что в 610 году до н. э. мыс Доброй Надежды видели финикийские мореплаватели; в 1291 году н. э. до мыса доходили генуэзцы братья Вивальди. Однако открыл его Бартоломео Диац в 1486 году [2]. Васко да Гама [3] обогнул его 20 ноября 1497 года. Между 1497 и 1648 годами португальцы и голландцы делали попытки организовать там свои колонии, но безуспешно. И только в 1652 году хирург нидерландского флота Антоний Ван-Ризбек основал на мысе предприятие, построил цитадель и положил начало городу, который называется Кейптаун.

Еще до войны за независимость Америки колония достигла неслыханного процветания, и это несмотря на упорную враждебность коренного населения. Во время войны за независимость адмирал Эльфинстон и генерал Кларк овладели колонией в результате кровавых боев, но в 1803 году она была возвращена Голландии и снова перешла к Англии в 1814 году.

Британское правительство применяло колониальную систему, прямо противоположную системе голландской. Англичане отменили старые привилегии колонов, освободили от рабства готтентотов и, к великому недовольству голландских буров, пытались уравнять туземцев в правах с белыми. Буров было много, и они, по существу, считали себя голландцами. Южно-Африканская колония казалась уголком Голландии, до такой степени колонисты сохранили и свой тип, и нравы, и обычаи, и домашний уклад, и язык. Освобождение черных туземцев произошло в 1838 и 1839 годах, но буры не хотели примириться с потерей рабов и предпочли переселиться на земли, лежащие за Оранжевой рекой. Переселилось пять тысяч душ. Они объявили себя независимыми, основали колонию Наталь и отдали себя под покровительство Голландии. Это покровительство было чисто платоническим и не

[1] Геродот (484—425 до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный отцом истории.

[2] Бартоломео Диац (1450—1500) — португальский мореплаватель; первым обогнул берега Африки в 1486 году и открыл мыс Доброй Надежды.

[3] Васко да Гама (1469—1524) — португальский мореплаватель; открыл морской путь в Индию через мыс Доброй Надежды.

спасло их от нового захвата, так что после кровавого сопротивления Наталь также был объявлен английской колонией.

Буры были побеждены, но духом они не пали. Их не испугали превратности нового переселения, и под предводительством Преториуса они подались на восток и поселились у истоков Оранжевой реки. Англия не хотела допустить, чтобы в этой упорной борьбе последнее слово осталось за бурами. Она присоединила к своим владениям и эту новую территорию, предоставив ей право называться Государством Оранжевой реки. Соответствующий декрет был издан 3 января 1848 года. Буры взяли оружие в руки и дрались отчаянно, но были разбиты 29 августа того же года в знаменитом сражении при Бум-Плаатсе. Впрочем, их непреклонное упорство позволило им еще раз сорвать захватнические планы Соединенного королевства. Они снова предприняли массовое переселение и осели в бассейне реки Вааль, где и основали республику Трансвааль.

Но англичане вскоре увидели, какую ошибку они совершили, так широко захватывая земли, коренное население которых не желало сносить ига белых завоевателей. Англичане поняли, что буры могут служить достаточно прочным барьером между ними и непокорными кафрами и базутами. Будучи ловкими политиками, англичане вернули независимость бурам Оранжевой реки. Договор был подписан 22 февраля 1849 года в Блум-Фонтейне.

Кроме войн, которые они вели с голландскими колонистами, англичане вели отчаянную борьбу с туземцами. Английское владычество не раз стояло под угрозой. Особенно непримиримыми и страшными противниками оказались кафры. Их восстание в 1850—1853 годах было не менее грандиозным, чем восстание в Индии в 1857 году. Англичанам удалось его усмирить лишь ценой необычайных трудностей и кровавых потерь. Восстание базутов в 1858 году под предводительством вождя Мозеша приняло огромные размеры и поставило власть колонизаторов под непосредственную угрозу.

Что касается нового захвата Трансвааля и последней войны с зулусами, то об этом мы подробно поговорим ниже.

Кончилось тем, что в результате многочисленных захватов в Капскую колонию вошла вся Южная Африка — от Оранжевой реки, то есть от 29° южной широты, до южной оконечности материка.

И, несмотря на все потрясения, там все-таки царило процветание. Исключительно здоровый климат, пастбища, плодородная земля, овощи, фрукты, — благословенный край! Местные вина констанс, шираз и понтак славятся в Европе и давно служат капским виноделам источником обогащения.

Капская колония в смысле природы была не менее богата, чем Австралия. Но подобно тому, как Австралия внезапно еще больше разбогатела в результате открытия золота, так и капская колония стала все больше богатеть, когда были найдены алмазные россыпи.

Этот драгоценный камень здесь обнаружили впервые еще в 1750 году. Но организованная добыча алмаза началась лишь в 1867 году.

Какой-то местный торговец, один из тех, которые разъезжают по стране в больших фургонах, запряженных двадцатью—тридцатью быками, и развозят всякие дешевые товары, за которые туземцы отдают им слоновую кость, как-то остановился на ферме у одного бура, по имени Жакоб. И тут он заметил, что детишки играют удивительно сверкающими прозрачными камешками. Ему пришло в голову, уж не алмазы ли это. Приходит на ферму какой-то охотник и высказывает то же предположение. Правда, ни торговец, ни охотник никогда сроду алмазов не видали и, стало быть, могли ошибаться. Но загадочные камешки резали стекло. Значит — алмазы. Тогда охотник и торговец заключили с фермером договор. Охотник — его фамилия была О'Рейли — отобрал самый крупный и самый сверкающий из всех камешков и понес продавать. Было условлено, что вырученные деньги он поделит с буром и с владельцем фургона.

Камень оказался алмазом и был продан за пятьсот фунтов стерлингов.

Слух об этом облетел всю колонию с быстротой молнии. Волнение, которое он вызвал, было тем сильней, что как раз в это время эпизоотия опустошала стада и на рынке упали цены на шерсть.

Новый источник обогащения был найден в такой момент, когда в стране царила паника.

Первые искатели сразу нашли много алмазов, а кафры стали приносить еще больше: кафры пользовались алмазами для обработки жерновов. Запасы переходили у них из поколения в поколение. Говорят, именно так был приобретен знаменитый алмаз «Звезда Южной Африки», вызвавший в Лондоне восторг знатоков. Его купили за десять тысяч франков, затем перепродали за триста тысяч, затем он снова был перепродан за восемьсот пятьдесят тысяч франков.

Тогда поднялась алмазная лихорадка, подобная той золотой лихорадке, которая охватила Калифорнию и Австралию, когда там было найдено золото. Не прошло двух месяцев после того, как был найден первый алмаз, а в Пниль уже сбежалось пять тысяч человек. Попадались отдельные экземпляры весом в 180, 186 и в 288 каратов. Но чем они крупней, тем желтей.

В некоторых местах добыча оказалась баснословно обильной. В районе Бирс-Нью-Пош находили в течение восьми месяцев подряд не менее трех тысяч алмазов в день, и большей частью крупных. Ни в одном приниске мира не было найдено ни таких крупных алмазов, ни такого количества их.

Неожиданные открытия разбудили в Европе легко понятные страсти. Надежда и отчаяние волновали общество вплоть до 1873 года. Волнение измерялось количеством добытых алмазов. В те годы корабли, выходившие из Капштадта, увозили алмазов на сумму в шесть—семь миллионов франков каждый.

Началась усиленная эмиграция из Европы в Южную Африку, и безлюдные пространства, лежащие вдоль Вааля, вскоре были заселены. Несмотря на неудачи, которые ожидали здесь многих новоприбывших, работа все же оказалась, в общем, выгодной: в течение какой-нибудь одной недели группа искателей нашла в районе Пниля семьдесят четыре алмаза такого качества, что одних только налогов пришлось заплатить двадцать пять тысяч франков. Это позволяет судить, сколько стоили сами алмазы.

Необычайный наплыв искателей вызвал необходи-

мость создать органы власти. Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль взяли это дело на себя. Спустя некоторое время искатели избрали некоего господина Паркера президентом «Речных Полей». Выбор пал на Паркера как на человека, пользовавшегося всеобщим уважением и прекрасно знавшего местные условия. Став во главе столь разношерстного населения, среди которого было довольно много людей не слишком щепетильных, Паркер ввел весьма простой кодекс законов, позаимствовав их главным образом у пресловутого судьи Линча: кто провинился, того выставляли на солнцепек, либо пороли кнутом, либо топили в реке.

Эта президентская власть имела своей конечной целью создание Республики Алмазных Полей. Но вскоре стало ясно, что для этого пришлось бы вступить в борьбу с Трансваалем. А это могло бы тяжело отразиться на еще не окрепнувшей алмазной промышленности.

Английские подданные представляли меньшинство на этой территории, на которую претендовал Трансвааль. Возникла опасность вооруженного столкновения. Паркер был смещен, власть перешла в руки некоего Кемпбелла.

Спустя короткое время здесь возникла Хоптоунская алмазная компания с центром в Блум-Фонтейне. Но между соперничавшими предприятиями начались трения, и тогда Англия нашла способ водворить мир: она захватила территорию россыпей, называемую Западный Гриквленд.

В заключение этого исторического обзора и раньше, чем мы опишем эксплуатацию алмазных приисков, надо привести забавный случай.

Известно, что, когда был отмечен Нантский эдикт [1], множество французских гугенотских семейств эмигрировало в Капскую колонию. Французы смешались с бурами и стали жить их жизнью, которая протекала в стороне

[1] Нантский эдикт, изданный французским королем Генрихом IV в 1598 году, несколько облегчил положение протестантов, или гугенотов, подвергавшихся религиозным преследованиям. В 1685 году Людовик XIV отменил эдикт, и это заставило многих протестантов покинуть Францию.

от прогресса и цивилизации. Некий господин Дютуа, потомок французских эмигрантов, спокойно жил у себя на ферме, которую в округе называли Дютуа-Пен, потому что неподалеку находилось небольшое круглое озеро. Слово «пен», собственно, означает сковороду, но так стали здесь называть и круглые водоемы.

Господин Дютуа очень мало думал о Франции, стране своих предков. Как настоящий белый дикарь, он скорей всего даже не подозревал, что эта прекрасная страна существует на свете.

В один прекрасный день к Дютуа заявились какие-то люди, которые, видимо, наслышались историй об алмазах и о сказочном обогащении. Они бесцеремонно расположились на ферме. Дютуа так испугался, что ночью перетащил в фургон все, что можно было перетащить — постели, вещи, деньги, — запряг волов, усадил семью и, обливаясь слезами, тронулся в путь куда глаза глядят в состоянии, близком к умопомешательству.

Он так усердно старался замести следы, что гостям, которых он принял за опасных злоумышленников, стоило большого труда найти его. Но каков же был ужас этого простоватого бедняги, когда в один прекрасный день они его все-таки нашли. Оказалось, что они обследовали принадлежавшую ему землю, обнаружили алмазы и искали хозяина только для того, чтобы самым честным образом откупить у него его владения.

Но они еще не знали, с кем имеют дело. Хозяин был так напуган, что снова спрятался и не хотел показаться. Покупателям пришлось уехать ни с чем. Однако им все же очень хотелось разбогатеть. Через некоторое время они снова появились, и на сей раз их ждала удача. Никак этому простаку не влезало в голову, что люди, из-за которых он бросил родной дом, пришли только для того, чтобы предложить ему богатство. Но пришлось поверить, и он подписал заранее приготовленный покупателями акт купли-продажи. По этому акту он переуступал им свою землю за сто двадцать пять тысяч франков. Он не знал, насколько смехотворна была эта цена по сравнению с миллионами, которые впоследствии были извлечены из проданного им участка.

Дютуа по-настоящему поверил в свое счастье только

тогда, когда покупатели вручили ему всю сумму золотом и он подержал в руках каждую отдельную монетку. Еще в 1875 году передавали, что самой большой его радостью бывало считать и пересчитывать эти сто двадцать пять тысяч франков. Несомненно они достались и его наследникам в целости и сохранности.

Страсть к золоту довольно распространена среди буров. Они постоянно копят и копят и ничего не тратят. Среди них есть весьма богатые люди, которым досталось то, что сберегали многие поколения их предков. Они никогда не пускают своих денег в оборот, а хранят их в кубышках, которые закапывают в землю или прячут в каких-нибудь укромных и безопасных местах.

А теперь, когда читатель получил кое-какие сведения, касающиеся географии, истории и промышленности тех мест, где будет развертываться первая часть драмы, кровавый пролог которой ему известен, мы вернемся к нашему повествованию.

Вид убитого торговца вызвал у всех и ужас и гнев. Кражи не были такой уж редкостью на прииске, но убийств не случалось. Жуликов было не перечесть, но никому не приходило в голову, что надо бояться за свою жизнь. Неудивительно, что, когда эти люди, в большинстве не признающие особых нежностей, почувствовали угрозу для своей жизни и своего кармана, они стали вопить о мести и потребовали суда Линча.

Один только полицейский сохранял невозмутимое спокойствие. Прежде всего он не позволил дотрагиваться до убитого и чем бы то ни было нарушить беспорядок, царивший в этом базаре на колесах.

Покуда приводили в чувство несчастную девушку, у которой обморок сменился страшнейшей истерикой, полицейский устроил беглый допрос служанке. Но, как и следовало ожидать, она ровно ничего не знала. Она спала возле своей госпожи, когда чьи-то руки грубо схватили их обеих и связали. Ей показалось, что она слышит сдавленный стон, и в смертельной тревоге стала ждать, когда придет помощь, но помощь пришла слишком поздно.

Вот все, что могла сказать старая негритянка.

Полицейский с сомнением покачивал головой, но его бесстрастное, точно сделанное из камня лицо не выдавало волновавших его чувств.

Между тем он был глубоко взволнован, и мы не осмелимся утверждать, что это злодейство, сопровождавшееся столь загадочными обстоятельствами, не доставляло ему известного удовлетворения. Дело в том, что мастер Вильям Саундерс, которого на прииске звали просто мастер Виль, считал самого себя — по праву или без права — человеком ловким, но таланты которого все никак не находили себе достойного применения. К своей великой досаде, он прозябал в полиции на самых низших должностях и с нетерпением ожидал, когда случай предоставит ему наконец возможность выдвинуться. Теперь такая возможность перед ним открывалась. Заставить какого-нибудь кафра вернуть алмаз, который он прячет во рту; заставить какого-нибудь белого сознаться в краже; схватить несколько китайцев и потащить их за косы в тюрьму; помогать при наказании палками, или командовать нарядом штрафных, которые убирают нечистоты в лагере, — ну что это, в самом деле, за занятие! Любой чернорабочий справится.

Но раскрыть тайну загадочного и кровавого убийства, от видимых фактов добраться до тайных причин, собрать все данные, все самые незначительные улики, найти какое-нибудь, хотя бы самое маленькое указание, которое могло бы послужить путеводной нитью, броситься по следам убийцы, проявить в борьбе с ним смелость и смекалку, схватить его, доставить в суд, слышать со всех сторон, как люди говорят, что это Виль, несравненный Виль, сам, один раскрыл все дело, видеть свое имя окруженным самыми лестными эпитетами, находить свой портрет в газетах рядом с портретом пойманного преступника, — такая перспектива могла бы взволновать любого полицейского, даже лишенного честолюбия. А Вильям Саундерс был честолюбец, который к тому же любил свое дело.

Он услышал крики: «Линчевать! Линчевать!» — и это заставило его оторваться от мечтаний в такую заманчивую минуту, когда он уже своими ушами так и слышал речь губернатора, который в награду за блестя-

щий подвиг назначал его начальником всей полиции Капштадта.

Он с важным видом повернулся, обвел взволнованную публику бесстрастным взглядом и проронил только нижеследующие несколько слов:

— Вы хотите его линчевать?.. Кого?..

Этот простой вопрос произвел впечатление холодного душа. По адресу почтенной корпорации, коей Виль был лучшим украшением, посыпались весьма нелестные замечания.

— Спокойствие, джентльмены! — невозмутимо продолжал Виль. — Идите работайте! О вашей безопасности должны заботиться мы, и мы свой долг выполним. Что касается меня, то я это дело распутаю. Тому порукой моя честь. И — господь меня слышит — вы еще повеселитесь: я обещаю вам одну или несколько великолепных виселиц!

Легко возбудимая толпа, состоявшая из людей нервных, быстро переходящих от одной крайности к другой, стала хлопать в ладоши и оглушительно громко кричать:

— Гип! Гип! Ура! Да здравствует Виль!

Полицейский вернулся в фургон и продолжал расследование. Результаты были ничтожны. Отдавая себе в этом отчет, Виль все же тщательно измерил кровавые отиски рук убийцы, осторожно вытащил нож из груди убитого, прочитал на клинке имя фабриканта и собрался уходить, когда взгляд его совершенно случайно упал на некий небольшой предмет. От удивления мистер Виль даже вздрогнул.

Он поднял предмет, запрятал его в карман и вышел из фургона, бормоча про себя:

— Так! Мне везет с самого начала. Дай бог дальше не хуже.

Он медленно направился к помещению, где были расквартированы полицейские, когда к нему подошел человек огромного роста и выпалил:

— Вам известно, что француз ночью уехал?

— Какой француз?

— Тот самый, у которого покойный откупил вчера участок, и алмазы, и орудия, и даже палатку.

— Знаю. Что из этого?

— Подождите. Француз уехал с двумя белыми, ко-

торых никто раньше на прииске не видал. Они были оба одеты по-дорожному.

— Дружище, вы напрасно тратите время. Я знаю все это не хуже вас.

— Вы так думаете? А знаете, что я нашел возле палатки француза, которую покойный еще не успел разобрать и унести?

— Что именно?

— Вот эти ножны. Посмотрите, не подойдут ли они к тому ножу, который торчал у старика в груди.

— Покажите.

Ножны пришлись как нельзя лучше. Ошибки быть не могло — нож имел слишком необычную форму.

— А что это доказывает? — спросил мастер Виль.

— Очень многое. Хотя бы то, что убийство совершил именно француз, или его спутники, или все трое вместе.

— Не исключено, — пробормотал полицейский, казавшийся более флегматичным, чем всегда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Под баобабом в ожидании завтрака. — Виль начитался романов о путешествиях. — Прожекты будущих миллионеров. — Как каталонцы произносят «б» и «в». — Проповедник или канцелярист. — Оригинальная форма изгнания. — Наивные хитрости детей природы. — Тайна.

Четверо суток прошло после того ознаменовавшегося кровавым событием дня, когда на Нельсонс-Фонтейн приезжал Альбер де Вильрож.

Сейчас мы видим его и Александра Шони расположившимися под огромным баобабом [1]. Дерево имеет чуть ли не двадцать пять метров в обхвате и делится на четыре громадных разветвления, прикрывающих своей листвой довольно просторную площадку. Над жаровней шипит

[1] Баобаб — дерево или, вернее, целый растительный агрегат, обладающий необычайной живучестью. Его ствол можно выдолбить, рубить, жечь, а дерево будет продолжать расти. Доктор Ливингстон описывает случаи, когда баобаб рос после того, как дерево было срублено. *(Примеч. автора.)*

продетая на ветку какого-то душистого дерева туша животного средней величины, в котором естествоиспытатель с первого взгляда узнал бы капского тупорылого кабана. Это был еще всего лишь поросенок, но клыки у него были длинней, чем у старого европейского вепря.

Жозеф, который заведует всеми делами де Вильрожа, чистит ружье и одновременно присматривает за жарким, аппетитный вид и запах которого приводят в явное восхищение двух негров, чье своеобразное одеяние мы описали выше. Их лица, скорей темно-коричневые, чем черные, расплываются от удовольствия при виде этого зрелища, радующего вечно пустые желудки туземцев.

Оба они расхваливают на своем языке вкусовые достоинства маленького слона, как зулусы зовут кабана из-за клыков, но не помогают кулинару европейцу, а только посматривают на него, застыв в позе ленивого блаженства.

Расседланные лошади мирно пощипывают траву.

Альбер де Вильрож рассказывает кое-что, по-видимому, весьма интересное; Шони слушает своего друга внимательно и не перебивая, лишь время от времени улыбаясь его остротам, которые могли бы вывести из равновесия даже индийского факира.

— Видишь ли, дружище, — говорил де Вильрож, — в жизни всякое бывает. Ты говоришь — роман. А роман — это та же правда. Самые, казалось бы, невероятные хитросплетения человеческой фантазии в конце концов воплощаются в действительность. Вот мы с тобой лежим под этим баобабом, который торчит здесь, вероятно, с незапамятных времен. Разве одно это не подтверждает мои взгляды, которые ты назвал слишком смелыми? Что касается меня, то я рожден для всяческих приключений, не спорю. Ты помнишь, как меня бросало в лихорадку, когда я читал романы Густава Эмара о приключениях, или захватывающие драмы Габриеля Ферри, или Дюплесси, или Фенимора Купера?.. Я впивался в потрепанные страницы, сердце у меня билось, я бывал близок к обмороку, когда читал о подвигах великих искателей приключений... Эти люди казались мне не менее великими, чем великие завоеватели... Грозный Пиндре, перед которым трепетали бандиты Сонъоры, отваж-

ный Рауссе-Бульбон... А скачка по Великому Западу рядом с этим канадцем Буи-Розе, истинным героем долга?.. Я так и видел выжженные солнцем долины, прииски, в которых золото сверкает, как молния, и которые находятся под охраной краснокожих демонов; безрадостные поля, на которых белеют кости воинов, погибших в пустыне, необозримые, но проклятые леса, завлекающие беспомощного человека! Всю мою молодость меня не покидали мечты об этом едва угадываемом рае, о захватывающих страстях, которые так превозносили мои любимые писатели...

— Браво, дорогой мой! Если бы ты говорил не в пустыне — ибо здесь мы в совершеннейшей пустыне, — если бы ты выступал так красноречиво перед воспитанниками лицея, ты бы сразу мог зажечь кучу юнцов... Но что касается меня, то я давно вышел из того счастливого возраста, когда люди протирают свои короткие штаны на школьных скамьях, и, скажу тебе откровенно, я не вижу ничего райского и захватывающего в том положении, в какое мы попали.

— Эх, прозаический ты человек!

— Ну давай попытаемся рассуждать, по возможности, здраво. Я всего-навсего обыкновенный уроженец Боса, и меня демон приключений никогда не искушал. Я прост, как земля, на которой впервые увидел свет божий. Если бы я родился в каком-нибудь портовом городе, у моря, где корабли все время приходят и уходят и пробуждают в ребенке мысли о незнакомых краях и потребность в передвижениях, было бы другое дело. Морские дали всегда имеют обаяние экзотики, и нельзя от этого отделаться. Но ведь я-то прожил всю жизнь в таких местах, где никто о путешествиях и не мечтает. Я преспокойно делил свое время между хлопотами по имению и парижской светской жизнью...

— И вот ты попал в Южную Африку, к бечуанам, ты сидишь под баобабами, ты жаришь тушу дикого кабана и сейчас будешь с аппетитом ее уплетать. Вот оно как! Теперь ты видишь, что всякое бывает? Ты разорился до нитки и решил, что надо поскорей и честно восстановить свое благосостояние. Но ты выбрал способ довольно-таки странный для человека, привязанного к земле.

— Тоже заслуга, нечего сказать! В Париже, когда я обеднел, мои знакомые чувствовали себя неловко, встречаясь со мной. Они точно боялись, что я утащу у них бумажник! А что касается моего алмазного участка, который я бросил, то я хотел бы знать, что более достойно сумасшедшего: отправиться с тобой на поиски этой грандиозной кубышки или копаться в грязной яме, в которой можно каждую минуту погибнуть?

— Упрямый ты человек! Ну ладно, поедим жаркое и двинемся дальше, в страну миллионов.

— Почему не миллиардов?

— Пожалуйста, пускай в страну миллиардов. Мне так много даже не нужно. Когда я отстрою Вильрож, и прикуплю соседние каштановые рощи, и подарю моей Анне бриллиантовый гарнитур, я заживу, как легендарный Потемкин: я буду сорить алмазами, я буду их раздавать направо и налево. Конечно, некрасиво, когда мужчина увешивает себя этими сверкающими кусочками булыжника. Это могут делать только бразильцы. Им очень нравится быть похожими на ювелирную витрину. А я украшу бриллиантами упряжь моих лошадей, ошейники моих собак.

— Ты сошел с ума!

— Пожалуйте кушать, — прервал его Жозеф, нарезавший на ломтики хорошо прожаренное кабанье мясо.

— Если бы нас видели наши бывшие парижские друзья! Воображаю, какие шуточки посыпались бы по нашему адресу!.. — заметил Александр.

— Мы еще больше могли бы посмеяться над ними... Они едут в какой-нибудь модный кабачок и вяло жуют кусочек мяса, обработанного тонким кулинаром. Они выпивают стакан кислого вина, которое потом не могут переварить, а вечером они будут сидеть неподвижно в каком-нибудь большом зале, разделенном на тесные и неудобные уголки. Там они будут сидеть, как некие Будды, и смотреть, как накрашенные мужчины и дамы встречаются под газовым фонарем и рассказывают друг другу нелепые и вымышленные истории, и наконец они поедут домой спать. В то время как мы созерцаем эту пышную природу...

— ...и едим жаркое без хлеба!..

— Здесь чистый воздух! Свобода...
— Мы ее запиваем простой водой...
— Какие великолепные деревья!..
— В их тени мы спим под открытым небом...
— Какие ослепительные цветы!..
— Они кишат скорпионами и тысяченожками...
— Какие птицы в ярких перьях!..
— Какие ленивые и грязные негры!..
— Сколько насекомых! Они более разнообразны, чем украшения султанши.
— В том числе комары и муравьи.
— Извольте идти кушать, — повторил Жозеф, прерывая таким образом беседу, которая развлекала двух взрослых, как двух детей.

Обычно, когда мысли Жозефа не бывали заняты ничем особенным, он выговаривал «б» и «в» почти как все. Но когда что-нибудь его беспокоило и он начинал говорить со всей своей каталонской словоохотливостью, то, как это почти всегда бывает с испанцами, эти две буквы менялись у него местами, и речь его порой звучала довольно странно.

— Позбольте, месье Альвер и месье Александр, — сказал он. — Мясо вудет холодное. Получится везовразие...

Затем он обратился к обоим неграм:

— Эй, бы! Вудете кушать? Ну, конечно! Тогда завирайте свою порцию...

Негры ели с жадностью, кости так трещали у них в зубах, что крокодил и тот мог бы позавидовать. Европейцы тоже собрались поесть. Но в этом важном деле им помешал невообразимый шум и гам, поднявшийся на другом конце полянки и причину которого от них скрывала густая трава.

Это была какая-то какофония. Ее производил целый оркестр. Музыканты дули в туземные флейты, в дудки, выдолбленные из слоновых бивней, они били в барабаны и тренькали на струнных инструментах. К этим звукам примешивались свирепые вопли, которые, казалось, не могли исходить из человеческого горла.

Трое белых были захвачены врасплох. Всегда готовые к тому, что придется столкнуться с опасностью,

они мгновенно схватились за оружие и расположились в трех точках, спиной друг к другу, с карабинами в руках.

Но их опасения были непродолжительны. Все трое разразились громким смехом, когда перед ними предстало зрелище, какого они еще никогда в жизни не видели. Чернокожие, производившие этот шум, шли полукругом и одной только своей бешеной музыкой гнали впереди себя какое-то существо, одетое по-европейски. Оно было похоже на зверя, которого травит разъяренная свора, и пыталось вырваться, но тщетно. Грохот барабанов, плач флейт, рычанье струн, вой костяных дудок — весь этот ливень звуков обрушивался на него с такой яростью, что оно еле держалось на ногах.

Александр, Альбер и Жозеф, сотрясаясь от непреодолимого смеха, были не в силах сохранить свое воинственное настроение — слишком уж необычной была такая форма преследования. Впрочем, сама внешность жертвы могла бы вызвать улыбку у наиболее невозмутимого из граждан Соединенного Королевства. Вообразите себе редко уже встречающийся в Париже тип мелкого канцеляриста лет пятидесяти, с обветренным и загорелым лицом, на котором облупилась кожа; вообразите его в высоком цилиндре, в длинном черном сюртуке с засаленным воротником и лоснящимися рукавами, в брюках орехового цвета недостаточной длины, чтобы доходить до ботинок, которые были совершенно стоптаны. Представьте себе этого человека жадно глотающим вместе с воздухом пыль и грязь. Телосложением он весьма напоминал ящик от стенных часов: посадите на этот ящик плешивую голову с морщинистым лицом и с испуганными глазами; забросьте такого субъекта куда-нибудь к туземцам Южной Африки, и вы получите некоторое представление о человеке, который, опустив голову, изгибаясь и размахивая руками, спасался от бури, поднятой неумолимыми виртуозами.

Наконец он заметил трех европейцев, подскочил от удивления и направился прямо к ним, больше не обращая внимания на своих преследователей.

— Мир вам, братья мои!

— И вам того желаю, — ответил Александр, который покусывал усы, чтобы сдержать смех.

— О неверные! О проклятые! — вопил незнакомец.

Теперь он показывал своим преследователям кулак.

Но те, увидев европейцев, и сами перестали шуметь.

— Ладно, сударь, успокойтесь! — в свою очередь сказал Альбер де Вильрож. — По-моему, эти добрые малые не питают к вам особенно враждебных чувств. Единственное, что вам грозит, — это либо оглохнуть, либо на всю жизнь возненавидеть музыку.

— Ах, брат мой, что бы для меня значила пытка, даже сама смерть, если бы мне только удалось пролить свет евангелия на эти заблудшие души, погрязшие во тьме варварства! Но они упорствуют!..

Эти слова были сказаны по-английски.

Тогда де Вильрож шепнул своему другу:

— Да это, никак, проповедник!

— Однако скажите, пожалуйста, каковы их намерения? Чего они хотят? — спросил Александр.

— Они хотят изгнать меня со своей территории, брат мой. Меня, мирного человека, который принес им свет истинной веры...

— Изгнать вас?

— Да! Хотя они и считаются подданными ее величества, но живут по своим законам. И если вы пришли к ним с пустыми руками, то есть если у вас нет фургона, нагруженного товарами для обмена, они вас вежливо выпроваживают вон — до самой границы. В этом я убедился на собственном опыте. Я прибыл только сегодня утром, и уже мне приходится убираться.

— К счастью, они не сделали над вами никакого насилия, — сказал Александр. Он уже пожалел, что смеялся над этим беднягой.

— Они бы не посмели. Довольно близко отсюда имеются цивилизованные учреждения. Но что я теперь буду делать один и без средств?

— Успокойтесь. Мы вас не оставим. Хотите делить с нами наш скромный стол и сопровождать нас в нашей экскурсии? С нами вы можете не бояться никакой музыки.

— Увы, братья мои, если у вас нет никаких предме-

тов, которые могут утолить их жадность, вы здесь передвигаться не сможете.

— Ну, на сей счет не беспокойтесь. Мы еще и не такое видели. Не правда ли, Александр?

— Еще бы! — ответил Александр Шони со своим великолепным хладнокровием. — Впрочем, мне кажется, что этот маскарад не больше чем шутка. Просто милые чудаки захотели повеселиться.

Во время этого короткого разговора оркестранты, которые раньше разглядывали белых с неким почтительным любопытством, подошли ближе. Затем тот, кто, по-видимому, был их вождем, повернулся к Александру Шони, которого он по солидному виду принял за начальника, и заговорил с ним на ломаном английском языке.

Внушительный арсенал трех европейцев и запасное оружие, которое держали их слуги, видимо, подействовали на черного вождя. Он подал знак, и из густых зарослей мгновенно выскочила целая регулярная рота, вооруженная копьями и старыми ружьями.

Одежда — верней, неописуемые лохмотья, которые висели на этих людях, — придавала им вид одновременно и смешной и свирепый. Вождь был в серой фетровой шляпе с белым пером, в изодранной куртке, в коротких штанах из светлой кротовой кожи, в сапогах с отворотами; он представлял собой законченный пример того, как сын природы превращается в смешную карикатуру. К воротнику его, по туземному обычаю, были подвешены коробочка, ожерелье, нож, табакерка и хвост шакала, который служит носовым платком.

— Мой белый брат знает, конечно, что за переход через землю бечуанов надо заплатить?

— С удовольствием. Но кому?

— Мне.

— Кто вы?

— Я вождь. Меня послал царь Сикомо.

— Знаете, любезный, уж я лучше заплачу самому господину Сикомо.

Посланец казался несколько растерянным, но скоро освоился и сказал:

— Мой брат даст мне синий костюм, красную рубашку и шляпу с пером.

— У меня нет никакого старья, милый вы мой. Зайдите как-нибудь в другой раз.

— Мой брат даст мне ружье и порох...

— Ваш брат — раз уж на то пошло — даст вам монету в сто су и благословение, если вы хотите. Что касается всего остального, то мы поговорим с Сикомо.

— Но, чтобы проводить вас к Сикомо, мне нужен синий костюм.

— Мы это знаем: рубашка, шляпа с пером и так далее. Но мы надеемся обойтись без ваших услуг, так что я не вижу, почему я должен дать вам все эти вещи. Наконец, есть еще одна важная причина, заставляющая меня отказать вам: у меня попросту нет этих вещей.

— То есть как это? — воскликнул вождь с раздражением балованного ребенка. — Белый путешествует без фургона?

— Совершенно верно.

— И белый не имеет вещей, которые он мог бы обменять на слоновую кость?

— Как видите.

— Однако зачем же вы сюда приехали?

— А мы просто прогуливаемся. Для укрепления здоровья.

— У всех белых есть фургоны, и все белые покупают слоновую кость. Почему вы этого не делаете? Кто вы?

— Ну, знаете, любезный, вы все-таки чудак. Уж не собираетесь ли вы потребовать у меня документы? Я вам буду благодарен, если вы прекратите этот допрос. Он уже начинает мне надоедать. И еще: раньше вы еле лопотали на каком-то почти непонятном английском языке, а теперь вы вдруг заговорили слишком правильно для жителя этой дикой страны. Вы, быть может, умеете также читать? Тогда я вам сообщаю, что мое имя записано у меня в паспорте, а этот важный документ служит мне в настоящий момент пыжом и лежит у меня в ружье. Если вам угодно его прочитать, я к вашим услугам.

Посланец царя Сикомо опустил голову. Он был совершенно сбит с толку.

— Я и мои воины, мы проводим наших белых братьев к Сикомо.

— Ваши белые братья обойдутся без вас и пойдут, куда им заблагорассудится.

Тем временем Альбер де Вильрож сделал знак Жозефу. Тот ушел и через минуту вернулся, ведя лошадей под уздцы.

Европейцы вскочили в седла и приказали черным слугам следовать за ними.

— Мои братья не найдут ни чем питаться, ни на чем переправляться через реки, — все еще настаивал вождь.

И так как круг сужался, то Александр, Альбер и Жозеф быстро зарядили свои карабины на случай неожиданного нападения. Щелканье затворов и решительный вид трех европейцев подействовали мгновенно. Ряды сразу разомкнулись, копья и ружья опустились.

Александр, уже готовый дать шпоры своему коню, стал искать глазами проповедника, чтобы попрощаться с ним, но его преподобие исчез.

— Вперед! — зычным голосом скомандовал Шони.

И трое всадников, сопровождаемые двумя слугами, скакавшими, как антилопы, тронулись в путь, и совершенно беспрепятственно: никто им не помешал.

— Или я сильно ошибаюсь, — сказал Альбер де Вильрож, — или вся эта орда не больше, чем сброд самых отъявленных грабителей. Во всяком случае, раз мы отказались от их услуг, они объявят нам войну. Довольно скверно для начала. Как по-твоему?

— Ну вот еще! — возразил Александр. — Если они начнут на нас наседать, мы их перещелкаем одного за другим, вот и все... А что касается проповедника, пусть сам устраивается как умеет.

А проповедник устроился очень хорошо. Почтительно окруженный своими недавними преследователями, он с великолепным аппетитом уписывал недоеденную кабанью тушу и, оказывая честь жаркому, завел с вождем оживленный разговор, свидетельствовавший об их довольно-таки странной близости.

Его преподобие явно пользовался влиянием среди недавних преследователей, что не совсем обычно для жертвы.

Не была ли вся эта комедия лишь прологом кровавой трагедии?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чернокожие требуют плату за проход через их территорию. — О французских исследователях. — Не имея ничего другого, три француза хотят платить припасами. — Голод среди туземцев. — Рядом с хищниками. — Стадо слонов. — В чем опасность охоты на слонов. — Ужасное положение. — Под ногами толстокожего. — Волнение Жозефа отражается на его речи. — Раненые гиганты. — Лошадь под Александром пугается, на Александра наступает слон.

Всякий скажет, что затея наших трех путников была безумием. Не столько из-за намерения найти клад, самое наличие которого еще могло быть отнесено к царству химеры, сколько из-за почти непреодолимых препятствий, создаваемых и природой, и людьми.

Весело, с чисто французской беззаботностью отправиться на поиски драгоценных камней, зарытых неизвестно где на этом огромном континенте, без проводника, не имея ничего, кроме компаса и грубого чертежа, нанесенного на тряпку, да и то по указаниям невежественного кафра, — конечно, такая затея может принести много бурных переживаний, но главная цель рискует остаться недостижимой, — верней, она не может быть достигнута.

Во все времена и у всех народов исследователи, поставив перед собой цель, пускай даже химерическую, все же иногда успевали сделать памятные открытия. Однако люди, жаждущие неизвестного, верящие легенде об Эльдорадо [1], все эти изобретатели философского камня и открыватели Северного полюса всегда располагали тем, что им бывало нужно для работ.

А наши три француза пустились в глубину незнакомой страны без припасов, с оружием, которое, как хорошо знают охотники, всегда может выйти из строя, и с лошадьми, которых муха цеце, этот бич Южной Африки, может уничтожить в несколько часов. Как правильно заметил вождь чернокожих, они не имели фургона, этого дома на колесах, где путешественник всегда может укрыться в непогоду и где, что весьма существенно, он

[1] Эльдорадо — легендарная страна между Ориноко и Амазонкой, которую якобы открыл Орельяно, сподвижник Писаро, и которая, по его предположению, была богата золотом.

может возить всякий хлам, которым расплачивается за проезд.

Между тем надо отметить, что многие африканские царьки чрезвычайно ревниво относятся к неприкосновенности своих владений. Не то чтобы они были так уж свирепы (я говорю главным образом о тех, которых можно встретить между экватором и крайним югом) и чтобы они вообще отказывались пускать к себе путешественников, но за разрешение пересечь их территорию они требуют плату, и нередко довольно высокую.

Сколько исследователей застревало на долгие месяцы, едва вступив во владения этих наивных и алчных тиранов! Сам знаменитый Ливингстон бывал вынужден, исчерпав аргументы и материальные возможности, менять свои маршруты и, преодолевая новые большие трудности, обходить эти негостеприимные земли. Только один Стенли сумел противопоставить силу этому налогу на транзит. Но Стенли, который завалил трупами весь свой путь от Занзибара до Конго, весьма и весьма подорвал дело мирного завоевания Экваториальной Африки.

Он поступил плохо с точки зрения гуманности. Наука имеет неотъемлемые права, но и права гуманности непререкаемы, и не может быть антагонизма между гуманностью и наукой.

Должен ли я напомнить об уничтожении жителей Тасмании, об истреблении австралийцев, о массовых расстрелах населения Капской колонии, о вымирании краснокожих на Дальнем Западе? Почему мне не привести прославленные имена французских исследователей, которые вдохновляются только благородными примерами и взяли себе за правило человеколюбивый девиз: «Мягкость, убеждение»? Я имею в виду отважного Жана Дюпюи, открывшего на Дальнем Востоке путь, который тридцать лет искали англичане, и мирно покорившего десять миллионов тонкинцев; я говорю о добром Солейе с нежным профилем апостола, — его память чтут даже разбойники Сахары; об энергичном Брю де Сен-Поль-Лиа, который утвердился на Суматре и завоевал дружбу свирепых малайцев; о Баполе, счастливом исследователе Фута-Джалона; об ученом Дезире Шарне, ко-

торый вывез из Мексики целую древнюю цивилизацию; о храбром Бразза, которому мы обязаны колонией в Габоне; о неподкупном правителе Шессе, который дал нам Таити; об Альфреде Марше и Ашиле Рафре, которые обогатили наши естественно-исторические коллекции; об аббате Дебезе, скончавшемся в трудах на берегу Танганьики, и несчастном Крево, который стал жертвой, потому что не пожелал быть палачом. Они себя вели не как завоеватели, они не появлялись вместе с многочисленными и хорошо вооруженными войсками; они не привозили в колонии продукты цивилизации в виде разрывных пуль. Они подвигались как подлинные посланцы мира и прогресса [1]. Если они и пали жертвами своей преданности науке, то, по крайней мере, они ее не опозорили. И даже наоборот, ибо для великих идей кровь мучеников — лишь благотворная роса.

. . . . . .

. . . . . .

Что касается предприятия наших героев, то, даже не будучи бескорыстным, оно, однако, не лишено смелости и не ограждено от опасностей. Вильрож и Шони хотели бы продвигаться быстро и без лишних приключений пересечь область, ревниво охраняемую от белых. Трудность удваивается, если вспомнить, что у них нет ничего с собой. Но Альбер де Вильрож при всей своей внешней беспечности был весьма наблюдателен; к тому же он был знаком с трудами тех, кто изучал здешние места до него. На основании всего этого он нашел верный, как ему казалось, способ улаживать всякие трудности.

— Видишь ли, — сказал он Александру, — сейчас самый разгар засушливого времени года...

— Это нетрудно заметить, — признал Шони. — Трава стала как трут, листья пересохли, а лошади поднимают препротивную пыль.

— Вот и отлично!

— А мне и в голову не приходило, что это отлично.

— Сейчас увидишь. Добрые люди, которые живут в этом солнечном краю, никогда не читали нашего дорого-

[1] Автор впадает в шовинизм: Франция завоевывала свои колонии и хозяйничала в них не менее бесчеловечно, чем другие капиталистические державы.

го Лафонтена и не знают его милой и поучительной басни «Стрекоза и Муравей».

— Допустим.

— Они не позаботились отложить запасы на нынешнее бедственное время. У них, просто говоря, жрать нечего, и они сейчас пляшут на голодный желудок.

— Мы можем плясать вместе с ними. Этакую «кадриль пустого брюха»!

— Ну, что ты! Имея ружья? Неужели ты не смог бы всадить пулю в глаз слону или подстрелить хотя бы простую антилопу с расстояния в сто метров?

— Допустим.

— Вот видишь! Выходит, что мы явились сюда как спасители этих бедняг! Мы охотимся и наваливаем им целые горы битого мяса. За прохождение по их земле мы платим натурой. Не я буду, если у них окажутся неблагодарные желудки. Твое мнение?

— Мысль блестящая!

— Значит, ты со мной согласен? Я даже думаю, что нам не придется надолго откладывать наше намерение. Видишь эту движущуюся черную линию под холмом? Это негры...

— Вижу, — сказал Шони, подымаясь на стременах.

Три француза дали шпоры своим лошадям и помчались галопом по направлению к холму.

А негры, которые там находились, имели самый жалкий вид. Их было человек сто, в том числе женщины и дети. Исхудалые, изможденные, кожа да кости, они все казались больными какой-то страшной и странной болезнью.

Увидев европейцев, они стали испускать крики радости. Быстро образовав круг, они простерлись на земле и стали подносить руки ко рту и к животу, то есть делали тот выразительный жест, который во всех странах мира означает: я голоден.

— Ах, бедняги! — воскликнул Альбер, на которого зрелище произвело тяжкое впечатление. — Да они чуть живы! Они умирают!..

— Еще бы! — подтвердил Александр. — Вот теперь-то и надо взяться за охоту и дать им возможность пообедать, пока не поздно. Я только боюсь, дичи здесь мало.

Что за несчастная страна! Земля растрескалась, родники иссякли...

Один из этих несчастных знал несколько слов по-английски. Дополняя их жестами, он объяснил, что все они являются последними из оставшихся в живых жителей некогда цветущей деревни. Между ними и их соседями возникла ссора, обе стороны взялись за оружие. Была отчаянная борьба, они оказались разбиты, неприятель унес весь их урожай и сжег деревню. В довершение несчастья стоит засушливая погода. Никаких источников существования. Они скитаются по лесам в поисках корней, ягод, диких фруктов, черепах или насекомых. Из-под просохшего слоя земли они выковыривают лягушек, которые там прячутся до наступления дождей. Жалкое пропитание! Многие погибли от голода. Их стрелы и копья не годятся для охоты за крупным зверем, который водится неподалеку. К тому же враги расположились на берегу речки, как раз в том месте, куда приходят на водопой слоны и носороги и где плещутся бегемоты. Они не могут найти хотя бы птичьи гнезда. Обычно они доставали неоперившихся птенцов и зажаривали их живыми, потому что окрепшие птенцы улетают далеко и за ними невозможно охотиться, не имея ничего, кроме «ноббери» — суковатой палки, которую они бросают, правда, с большой ловкостью.

Слова «слон», «носорог», «бегемот» пробудили в наших трех французах охотничью страсть. Свалить такое огромное толстокожее, совершить такой ловкий и смелый поступок, осуществить эту мечту всякого цивилизованного Немврода [1] и вместе с тем сделать доброе дело — вот вам двойной соблазн, и они даже не подумали ему сопротивляться.

Переводчик вызвался служить им проводником. Они согласились с понятной радостью и отправились немедленно, оставив черным слугам гладкоствольные охотничьи ружья и захватив крупнокалиберные карабины.

После довольно трудного перехода, длившегося не меньше часа, они добрались до почти совершенно высохшей реки, куда обычно приходили на водопой крупные

[1] Немврод — легендарный царь Халдеи, страстный охотник. Его имя стало нарицательным для обозначения охотников.

звери. Здесь кончается пустыня и лес подымается высокой зеленой стеной. Нечего и думать о том, чтобы пробраться в эти заросли верхом. Лошадей стреножили и оставили. Проводник советовал соблюдать абсолютную тишину. Скоро на водопой придут слоны. Они придут непременно. Видно сразу по свежим следам, что они сюда ходят. Охотники легли на землю, за деревьями, зарядили карабины и стали ждать.

Не успели они, однако, приготовиться, как издалека послышался шум, похожий на грохот приближающегося поезда. Сходство усилилось еще и благодаря размеренному покашливанию, напоминавшему пыхтение паровоза. Нетрудно было разобрать, что шум идет со стороны чащи, из глубоких проломов, ведущих к реке.

Альбер де Вильрож лежал ближе других. Он приподнялся на локтях и увидел в пятидесяти метрах от себя огромного слона. Александр, расположившийся вправо от своего друга, вскоре увидел на полянке еще восемь слонов. Они шли гуськом. По их огромной величине, по могучим бивням Александр узнал самцов. Девятый слон, чуть поменьше, замыкал шествие. Это была беззубая самка. Таких буры зовут «carl cop» — «голая голова».

Смелые охотники зачарованы. Они любуются гигантами. Слоны шагают медленно и торжественно, сотрясая землю и ломая заросли с непреодолимой силой снаряда. Выйдя к спуску, ведущему к воде, они имели совершенно фантастический вид.

Александр выжидал удобной минуты, чтобы выстрелить. Плотно прижавшись к земле, согнув локти под прямым углом и крепко держа карабин в руках, как в сошках, он прицелился в третьего слона, выбирая точку между ухом и глазом.

Альбер, как человек более горячий, вспомнил поучительные слова доктора Ливингстона: «Пусть тот, кто собирается стрелять слонов, станет посреди железнодорожной колеи, пусть он слушает свисток и убежит не раньше чем поезд будет в двух—трех шагах от него. Тогда он будет знать, позволяет ли ему его нервная система идти на слона».

И в самом деле, нетрудно понять, как опасно тягаться с этим огромным животным, которое бегает, как ло-

шадь в галопе, и не знает никаких препятствий. Этот гигант прорывается сквозь заросли, опрокидывает или ломает все, что ему попадается на пути, вырывает хоботом из земли или растаптывает ногой, след которой имеет до двух метров в окружности, все, что может служить защитой его врагу, и ко всей этой грозной мощи присоединяет ужасный рев.

Каталонец увидел, что все описания, которые он читал у знаменитых охотников, справедливы. Ни Левайян, ни Андерсон, ни Вальберг, ни Болдуин, ни Делегорг ничего не преувеличивают.

Позиция, которую занимал Жозеф, была крайне неудобна для стрельбы. Он находился как раз против первого слона, но видел только его голову и массивные, колонноподобные ноги. Если бы он хоть мог видеть грудь! Нечего и думать о том, чтобы свалить слона, попав ему в череп, — это все равно, что пытаться пробить стальную броню.

Стадо уже на берегу. Река едва ли имела метров двадцать в ширину. У вожака выражение добродушное и одновременно хитроватое. Он с любопытством оглядывает оба берега, затем, моргнув своими маленькими глазками, глубоко втягивает воздух. Хобот выпрямляется и вытягивается в сторону охотника, который видит огромную пасть с отвислой нижней губой и два монументальных бивня. Слон как будто встревожен. Он медленно оборачивается к своим, как бы говоря им: «Внимание!» Альберу мешал пень, и он не мог использовать это движение слона. Со своей стороны, Александр не мог понять причины такого промедления Альбера и нетерпеливо бормотал про себя: «Какого же черта он не стреляет?»

Секунды начинают казаться часами. Слоны несколько успокаиваются. Подгоняемые жаждой, они решительно входят в воду, разбрасывая вокруг себя сверкающие брызги, немедленно начинают зачерпывать воду хоботом, поливать себе бока и резвиться как обычно.

Два оглушительных выстрела, а через полсекунды и третий прокатываются над лесом, как отдаленный гром, и немедленно вслед за ними — крик ярости и боли. Это вопит слон. Кто однажды слышал этот вопль при подобных

обстоятельствах, никогда его не забудет. Один из гигантов, точно сраженный молнией, застывает на какое-то мгновение и затем валится в ужасных судорогах.

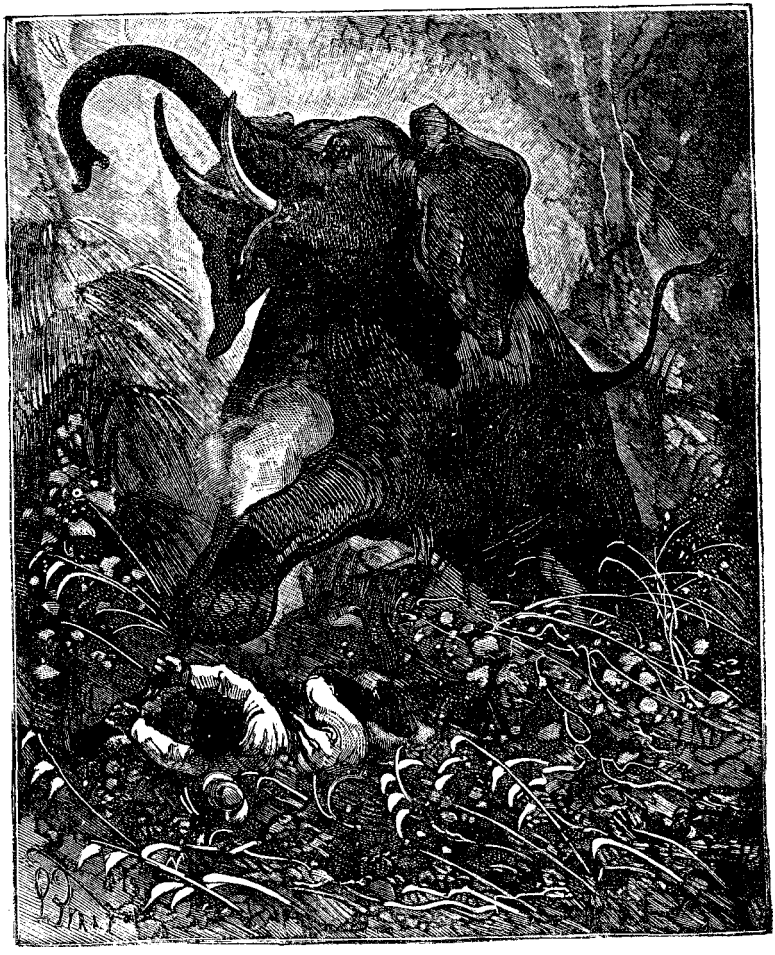
Это выстрелил так мастерски Александр. Как человек осторожный, он сохранил неподвижность и сберег свой второй заряд. Обезумевшие слоны убегают, храпя от ярости и ужаса, и исчезают в зарослях баугиний. Однако убегают не все: два из них тяжело ранены.

Жозеф выстрелил одновременно со своим господином. Он стрелял в слона, который смотрел прямо на него. Не надеясь попасть в грудь, он выстрелил в переднюю ногу. Он не мог сделать ничего лучшего. Животное продолжало вопить и, хромая, пустилось вдогонку стаду. Сейчас можно будет пойти по его кровавому следу.

Альберу не повезло, и положение его стало чрезвычайно серьезным, почти безнадежным. Полагаясь на пробойную силу конической пули восьмого калибра, которую вытолкнули из ствола пятнадцать граммов мелкого пороха, он стрелял в предплечье. Рана должна была быть смертельной. Но, на свою беду, Альбер не учел огромной живучести животного, которое невозможно свалить с первого выстрела. Слон заметил стрелка и ринулся туда, где еще не развеялось облачко дыма. Альбер попытался уложить его вторым выстрелом, но раненое животное передвигалось с быстротой, которую ярость только усиливала, и охотник промахнулся. Не успел он вскинуть ружье, как страшная масса уже раскачивалась у него над головой, грозя раздавить его. Ни бежать, ни хотя бы укрыться не было возможности. Он едва мог защищать свою жизнь.

Александр выскочил из своей засады. Он, разумеется, забыл всякую осторожность и поспешил на помощь своему другу. Альбер сидел на корточках и понимал, что это выгодно только для зверя: сейчас слон либо обхватит его хоботом, либо раздавит ногами. Он кинулся на спину, крепко уперся ружьем в землю и, громко крича, спустил курок. Пуля попала слону прямо в грудь. Оглушенный выстрелом, ослепленный вспышкой, напуганный криками охотника, слон на мгновение остановился, потом повернулся и удрал.

Оба друга вздохнули с облегчением. Они быстро



Пуля попала слону прямо в грудь.

перезарядили карабины на случай, если опасный враг вернется.

— Уф! — восклицает Альбер с нервной дрожью в голосе. — Наконец-то!

— Черт возьми! — отвечает Александр, сжимая его в объятиях. — У меня мурашки побежали по телу. Мне показалось — он тебя раздавил. Ты цел?

— Цел и невредим и ничего не понимаю. Если бы я не отодвинулся чуть в сторону, все было бы кончено. Я уже чувствовал на себе его хобот. Что за страшная сила у этих чудовищ! У него в теле сидят две пули по шестьдесят пять граммов каждая, а он ломает толстые деревья, как спички!

— Что мы сейчас предпримем? Тот, в которого я стрелял, не подает признаков жизни. Я думаю, он убит окончательно и бесповоротно. Давай пока этим и ограничимся. У наших голодающих есть чем насытиться — смотри, какая гора мяса!

— Да ни за что на свете! Я еще должен разделаться с этим мошенником. Он нагнал на меня такого страха, — я обязательно должен с ним разделаться! И, по-моему, рана у него все-таки смертельная. Было бы грешно не узнать, куда девались его бренные останки. Но ведь Жозеф тоже стрелял. И он уверен, что тоже нанес своему слону серьезную рану. А я его знаю, — он свою добычу так не бросит. Однако куда он девался? Эй, Жозеф!

Жозеф прибежал, задыхаясь от волнения. Волосы его были взъерошены, лицо и руки исцарапаны.

— Ах, месье Альбер! — кричал он. — Месье Альбер! Я собсем потерял голобу! Я думал, что не быдержу!

— Успокойся, дружок! Я цел и невредим, как видишь. Но ты-то что делал?

— Зверь стоял прямо против меня. Я быстрелил.

— Я тебе сказал стрелять в переднюю ногу.

— Я так и сделал.

— Попал?

— Еще как! Он кричал, а потом увежал, как заяц.

— Ты собираешься догонять его, я надеюсь?

— Упаси меня вог!

— Как, такой заядлый охотник, как ты, и отказывается от такой добычи?

— Я-то, конечно, пойду поискать его, но вы — нет!

— Это еще почему?

— Потому что я хочу привезти вас домой в целом виде. Наконец, что я скажу мадам Анне? Она мне строго наказала присматривать за вами.

— Тише! Ей мы ничего не скажем. Давай в погоню! Я уже успокоился, да и ты перестал путать «б» и «в».

— Я считаю, — вставил Александр, — что правильно было бы сесть на коней! Кто его знает, куда нас заведет погоня за ранеными слонами.

— Верно!

Спустя несколько минут три смелых товарища ехали по следам одного из слонов — того, который, отступая, поливал землю потоками крови. Они не прошли и пятисот метров, когда Альбер первым увидел его: слон лежал в густой чаще. Он, видимо, умирал. Глухое дыхание еле вырывалось из его пасти. Он уже не пытался идти дальше и только запускал хобот себе в самое горло, выкачивал воду из желудка и обмывал свои раны, из которых текли пенящиеся красные струи.

Александр шел впереди. Он припустил коня, однако подумал и о том, чтобы оставить себе на всякий случай возможность быстро отступить. Когда он был не больше чем в тридцати шагах, слон заметил его, поднял хобот и напал на него, издавая яростные вопли.

У Альбера и Жозефа лошади испугались, встали на дыбы и понесли в чащу. Конь Александра с испугу уперся всеми четырьмя ногами в землю. Он стоял как вкопанный, храпел и не желал или не мог повиноваться своему всаднику, хотя тот до крови вонзил ему шпоры в бока.

Окаменев от страха, конь продолжал неподвижно стоять, даже когда слон был близко. Всадник видел только голову слона и хотел выстрелить. Если бы пуля попала в самую середину черепа и хотя бы даже не пробила черепную коробку, она бы оглушила животное и человек успел бы соскочить с седла и укрыться в чаще. Но в довершение всего конь стал мотать головой, и это мешало всаднику прицелиться.

Слон был в каких-нибудь десяти метрах.

Александр почувствовал близость своей гибели.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Белый носорог. — Он поднимает и коня и всадника. — «Подожди ты у меня!» — Неплохая коллекция заноз. — Африканский слон. — Как устроены бивни. — Взрыв. — Лечение слона. — Как измерить рост слона. — Жареные ноги. — Жаркое из хобота. — Вес бивней и цены на слоновую кость. — Прекрасное место для цилиндрической пули восьмого калибра. — Сушеное мясо. — Тревога.

Невообразимый, неправдоподобный случай сразу переменил обстановку. С шумом ломая все на ходу, из зарослей вылезла огромная, передвигающаяся на коротких ногах беловатая масса и пошла прямо на слона.

Это был белый носорог. По-видимому, его потревожил топот лошадей, и он с глухим ворчанием удирал.

Слон захрипел и остановился.

Гиганты столкнулись, и силу этого столкновения нетрудно себе представить. Носорог, увидев своего самого опасного врага, пришел в неописуемую ярость. Он крепко уперся всеми четырьмя ногами, нагнул свою безобразную голову, затем с непреодолимой силой подбросил ее вверх и вонзил свой рог умирающему слону прямо в брюхо. Раздался глухой удар, затем треск раздираемых кожных покровов, и на землю вывалились внутренности. Слон качнулся справа налево, затем рухнул, даже в последнюю свою минуту стараясь подмять под себя своего врага. Но тот отскочил в сторону с проворством, которого никто не мог бы и подозревать у такой бесформенной массы, и оказался на расстоянии едва одного метра от коня Александра.

А это глупое животное, еще более напуганное, чем раньше, стояло на месте и продолжало мотать головой. Носорог, весь в крови, ринулся на коня.

Все дело продолжалось несколько секунд. Носорог повторил удар, который только что так успешно нанес слону. Что значат для животного, наделенного такой силищей, всадник и конь! И тот и другой были подброшены в одно мгновение.

Конь перевернулся в воздухе и свалился с распоротым брюхом. Он еще пытался бить ногами, но совершенно бесполезно.

Что же касается всадника, то он не упал, и в этом было его счастье. Александр Шони сохранил полнейшее хладнокровие. Почувствовав толчок, он бросил карабин, привстал на стременах, ухватился обеими руками за ветвь и, будучи прекрасным гимнастом, поднялся на мускулах. Через секунду он уже спокойно сидел на дереве и не без любопытства смотрел, как внизу бушует разъяренный носорог. А тот вертелся вокруг самого себя, перебегал от туши коня к туше слона, наносил им исступленные удары и катался в луже крови. Затем, по-видимому считая свое дело законченным или же просто устав от такой гимнастики, он спокойно ушел в чащу.

Тогда охотник, чудесному спасению которого помогли счастливая звезда и самообладание — два важных козыря в игре, — выждал несколько минут, пока его невольный спаситель уйдет достаточно далеко. Затем он с бесчисленными предосторожностями покинул свое убежище, которое вполне можно было назвать воздушным или возвышенным, подобрал карабин, осмотрел его, убедился в его исправности и щелкнул языком в знак удовлетворения.

— Горячее было дельце, черт возьми! — пробормотал он. — Я остался без коня. Но тут можно сказать, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Это глупое животное могло сыграть со мной еще не такую штуку. Но у меня есть карабин, есть припасы, я могу обороняться.

Он углубился в лес, и внезапно ему почудилось, будто ломают ветви.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Неужели мне предстоит еще раз схватиться с каким-нибудь толстокожим? Ну, уж на сей раз подожди ты у меня!..

А шум приближался. Александр даже услышал человеческие голоса. Дрожь пробежала у него по всему телу при мысли, что это Альбер и Жозеф натолкнулись на третьего слона.

Тревога его была непродолжительной, потому что очень скоро перед ним раскрылась картина, которая при всяких других обстоятельствах могла бы рассмешить кого угодно. На полянке, которая образовалась в зарослях после того, как слон и носорог вытоптали растительность, показались верхом на лошадях Жозеф и Альбер.

Но в каком виде, великий боже! Жозеф был без шляпы, платье в клочьях, лицо и руки в крови. Он с трудом сдерживал лошадь, белую масть которой трудно было узнать из-за тысяч усеявших ее красных точек.

Надо было видеть ярость этого пылкого каталонца и слышать, какими ругательствами он честил своего обезумевшего от испуга коня. Жозеф выпустил из рук поводья, а уздечка порвалась, и бог его знает, сколько могла бы продолжаться эта безумная скачка, не подвернись здесь Александр и не схвати он коня за храп.

А рука у нашего приятеля была крепкая, и лошадь это почувствовала: она сразу остановилась как вкопанная, так что всадник вылетел из седла кубарем и выразил свои чувства, обозвав коня мерзавцем.

Альбер выглядел не лучше. Вся разница была в том, что он еще кое-как мог править своим конем. Он буквально остолбенел, увидев, что здесь натворил носорог.

— Да откуда это вы? — спросил Александр, которого необычный вид его спутников и рассмешил и встревожил.

— Черт бы их побрал, этих дурацких коней! — ответил де Вильрож. — Они затащили нас в заросли колючек.

— О, это мне знакомо! Попадешь в такое милое место, и тебе покажется, что там растут одни штыки. Да ты похож на подушечку для булавок! Ты весь утыкан колючками. К тому же они причиняют сильную боль, эти Wagt een beetje.

— Как, как?

— Wagt een beetje. По-голландски это значит «подожди немного». А по-английски wait a bit.

— Какой ты образованный!

— Вот видишь? Но позволь, я тебе помогу удалить все эти проклятые колючки. Подожди немного.

— «Подожди немного»?.. Вот уж, действительно, точней и сказать нельзя!

Александр извлек из кармана небольшой дорожный набор инструментов, достал ланцет и принялся за дело.

Тем временем Жозеф глазами знатока рассматривал слона и лошадь, которых так обработал носорог, и в нем тотчас проснулся страстный любитель боя быков.

Почувствовав толчок, он ухватился обеими руками за ветвь.

— Ничего не скажешь — это хорошая работа, это слабная работенка! Любой пикадор мог вы гордиться, если вы ему удалось так распороть врюхо выку. Все кричали вы браво. Такого я даже в Барселоне не бидал.

Александр ловко извлекал у своего друга занозы, а тот ругался по-каталонски и по-французски и вертелся как черт перед заутреней.

— Тише, тише! — говорил доморощенный хирург. — Ты, пожалуй, и не знаешь, что у тебя в теле торчат образцы всех африканских колючек. Вот смотри — эти две загнутые острые пластинки, похожие на рыболовный крючок, — это «подожди немного»[1].

— Да уж, подождешь! Смею тебя уверить, что поневоле остановишься, когда напорешься на эту дрянь!

— А вот этот маленький клык тоже здорово вас держит. Если вы сделаете резкое движение, чтобы от него избавиться, он воткнет в вас еще парочку колючек по пять сантиметров каждая. Это Наак en steek.

— Легче! Палач!

— Я говорю Наак en steek. А вот Motjiharra, мать дамарасов, с крепкими крестообразными иглами; а вот мимоза обыкновенная, с белыми шипами, а вот Wagt een beetje или Acacia detinens, то есть хватающая акация...

— Да будет тебе! Ты изучаешь ботанику на моей шкуре! Хватит!

— Пожалуй, хватит. Я займусь Жозефом.

— Гром и черти! Мне было так больно после этой скачки по проклятым зарослям, что я даже не спросил тебя, как ты-то сам выпутался из беды.

— Да очень просто. Благодаря одному милому носорогу.

---

[1] Ливингстон утверждает, что в Южной Африке есть много колючих растений и деревьев, снабженных колючками разной величины и формы: прямых, длинных и тонких, коротких и толстых, имеющих вид обыкновенного крючка или крючка рыболовного, или наконечника копья, или шила. Они бывают так крепки и остры, что разрезают кожу, как бритва. Стручки, орехи, шелуха, — словом, все коробочки, которые содержат семена этих растений, окружены колючками. Одни плоские, как монета, и на них торчат две колючки, как раз посередине. Другие вооружены множеством страшнейших шипов. Когда такое растение впивается в быка, бедное животное чувствует себя беспомощным и начинает мычать от боли. *(Примеч. автора.)*

— Ты все шутишь!..

— Я не менее серьезен, чем любой директор хирургической клиники. Давайте, Жозеф, займемся вами.

Каталонец оказался терпелив, но зато Альбер дал полную волю своему дурному настроению.

— Да это просто напасть какая-то! Просто напасть! С тех пор как мы встретили этого чертова проповедника, у нас все валится из рук. Или у него дурной глаз, или пусть меня возьмут черти!

— Ладно уж, успокойся. Я думаю, ты и не такое видал — ведь ты весь свет изъездил. Стоит ли обращать внимание на такую ерунду! Куда девался твой пыл? Смотри, ведь все у нас устраивается самым лучшим образом! Охота была удачная, за проезд мы заплатили и обеспечили этих несчастных... Дай мне только вытащить колючки у Жозефа, и мы вернемся на реку. Ты сможешь поплескаться, покуда мы займемся моим слоном. А потом я тебя натру жиром этого симпатичного толстокожего. Говорят, нет лучшего средства для заживления ран. А затем мы пообедаем тушеной слоновьей ногой... Если верить путешественникам, это очень вкусная штука.

— Ты прав, — ответил Альбер. — Но я прихожу в бешенство, когда подумаю, что мы здесь застрянем, в этом проклятом месте.

— Застрянем? Как это мы застрянем? Почему?

— А ты разве не остался без коня?

— Тем лучше! Я пойду пешком и буду охотиться. Этак я, по крайней мере, не рискую свернуть себе шею. Наконец, я добуду себе лошадь на ближайшем пункте.

Крики, скорей похожие на вой, прервали их разговор. Это чернокожие, привлеченные выстрелами и надеждой на обильную еду, пошли по следам охотников и, увидев на берегу реки животное, убитое Александром, кричали от радости.

А наш хирург уже сложил инструменты, подобрал карабин и ушел в том направлении, откуда доносились крики. Его товарищи следовали за ним, ведя на поводу изнуренных лошадей.

Бечуаны были измучены голодом, и голод торопил их. Однако они ожидали, пока придут законные владельцы туши. На радостях, а может быть и для того, чтобы как-

нибудь скрасить томительное ожидание, они затеяли пляску, в равной мере живописную и бешеную Тот, который служил нашим европейцам проводником, стоял рядом с тушей и потрясал копьем, которое готов был вонзить ей в бок. Европейцы не могли сдержать возгласов удивления, увидев эту чудовищную тушу. Гигантской величины слон возвышался над водой, как глыба серого гранита. Прирученный слон, встречающийся в Индии, или такой, какого показывают в зверинцах, не выдержал бы ни малейшего сравнения с этим могучим первобытным африканцем, павшим на родной земле. Сраженный колосс внушал почти ужас, против которого не устоял бы никакой храбрец. Огромные передние ноги слона достигали берега. Голова лежала на земле, поддерживаемая слегка изогнутыми снизу вверх желтоватыми бивнями. Хобот, застывший в мертвой неподвижности, вытянулся в траве, продолжая линию, образуемую телом и широким лбом. Характерным признаком слона африканской породы является плоский лоб с легкой выпуклостью, в то время как у слона азиатского имеется посередине лба вмятина. Чрезвычайно сильно развитые уши прикрывают верхней своей частью почти половину шеи, а нижний край достигает груди. На боках кожа серая, крепкая, испещренная глубокими скрещивающимися бороздами, точно на животное накинута грубая сеть. Бока покрыты жесткой, короткой и редкой шерстью. Вся остальная часть туши никакой шерсти не имеет.

Вышина его, должно быть, не меньше четырех метров. Человека, который стоит позади головы, не видно. Правый бивень имел почти три метра в длину. Левый короче сантиметров на тридцать, окончание его кажется обломанным или стертым. Эта особенность удивила наших европейцев. Однако они не нашли бы в ней ничего удивительного, если бы жили в стране слонов подольше и лучше знали их обычаи. У слона — как у самца, так и у самки — левый бивень всегда короче и легче правого и больше блестит. Это объясняется тем, что, принимая пищу, слон хватает хоботом охапки покрытых листьями ветвей и заносит их в рот слева направо. Таким образом, ветви трутся о левый бивень и с течением времени стирают его. Кроме того, слон имеет привычку

ощупывать почву именно левым бивнем. Короче говоря, слон — левша.

Вождь чернокожих все еще продолжал стоять в позе гладиатора, с копьем в руке.

— Да что это ты тут делаешь? — спросил его по-английски Александр. — Слон убит, совсем, совсем убит. Его добивать не надо!

— Уйдите, белые вожди! Уйдите! — ответил бечуан.

— Почему?

Чернокожий что-то пробормотал, чего Александр не понял, отошел на шаг и, с силой раскачав свое копье, метнул его слону в брюхо. Затем он с изумительным проворством отскочил назад.

Раздался страшный треск. Кожа на слоне лопнула, образовался разрыв длиной в метр, и через него с шумом кузнечных мехов вырвались газы.

Альбер и Александр были потрясены. К счастью, они стояли чуть в стороне. Но бедняга Жозеф, который следил за каждым движением бечуана, был отброшен на самую середину реки.

— Караи! — выругался он. — Не иначе, как у него в животе была торпеда!..

— Ну вот, — хохоча сказал Альбер. — Теперь я понимаю, что проводник давал нам правильный совет. Вот уже часа три, как слон убит. А солнце шпарит. Естественно, что у слона образовались газы во внутренностях и кожа натянулась, как барабан. Говорят, если проколоть слоновую тушу, которая пролежала на солнцепеке целый день, то взрыв получится такой, точно выпалили из пушки. Я об этом слыхал и теперь вполне этому верю... Ну что ж, ешьте! — прибавил он, обращаясь к бечуанам.

Но как ни были эти бедняги измучены голодом, они отнюдь не набросились на тушу. Их вождь отрезал у слона хобот, ловко отделил передние ноги и со всей скромностью и вежливостью поднес эти наиболее лакомые части европейцам.

Затем он сделал знак.

Вооруженные копьями, ножами, топорами, кирками, чернокожие взгромоздились на свой чудовищный тро-

фей. Они с трудом разрезали толстую слоновую кожу. Голод терзал их, и насыщение длилось час. Затем, когда было уже немало съедено, когда вместо печально запавших голодных животов появились объемистые выпуклости, несколько до отвала наевшихся сотрапезников затянули странную, заунывную песню.

Проводник не знал, как бы еще доказать свою благодарность трем европейцам, и, вместо того чтобы соснуть на песке и предаться перевариванию только что съеденной обильной пищи, стал рыть довольно широкую и глубокую яму. Когда она была готова, проводник опустил в нее слоновьи ноги, засыпал их золой, углем и хворостом, видимо собираясь оставить их так на всю ночь, как того требуют классические правила местной кухни. Но тут его остановил Александр.

— Мне было бы любопытно узнать, — обратился Шони к своему другу де Вильрожу, — какого роста был мой слон.

— По-моему, это трудно установить.

— Не очень.

— Во-первых, у тебя нет никаких точных измерительных приборов. Во-вторых, туша лежит на боку. Не вижу, что ты тут сможешь предпринять.

— А у меня на карабине, на прицеле, нанесены сантиметры, так что мне нетрудно отметить дециметр на куске кожи. А затем я перенесу этот дециметр на ремень и сделаю на нем десять делений. Вот тебе и метр.

— Ладно. Единицу измерения ты придумал неплохо. Но это еще не разрешает всех трудностей.

— Не торопись. Я измеряю длину окружности одной ноги слона. Получается метр и девяносто сантиметров. Помножить на два. Получается три метра восемьдесят. Это и есть рост слона.

— Да быть не может!

— Совершенно точно. Этот способ проверил знаменитый исследователь доктор Ливингстон и считает его безошибочным. Но, конечно, он применим только ко взрослым слонам.

— Браво, дорогой Александр! Ты молодец!

Затем он обратился к вождю бечуанов, который был немало заинтересован его измерениями:

— А теперь, приятель, приготовь нам свое жаркое. Ибо если твои соплеменники уже наелись, то у нас животы все еще подводит.

Бечуан не столько понял слова, сколько догадался, о чем говорил белый, и показал, что несколько ломтей хобота жарятся у него на медленном огне.

— Вот и отлично! И спасибо за внимание. Если вкус соответствует запаху, то блюдо должно получиться восхитительное. Александр, Жозеф! За стол!.. А хобот и в самом деле восхитительное блюдо! — заметил Альбер через несколько минут. — Сейчас, когда наши тревоги миновали и это мясо вливает в меня свежие силы, мне становится неловко оттого, что я поддался дурному настроению.

— Еще бы! О чем тужить? Тебе даже не пришлось купаться, и все твои ранки засыхают сами собой. Через два дня все пройдет! Но лицо у тебя такое, точно ты дрался с двадцатью злыми кошками.

— Ты прав, не стоит тужить! Тем более что для начала дела наши идут неплохо.

— Теперь у нас, как и у наших спутников, имеется изрядный запас продовольствия.

— Я говорю о другом. Я говорю о слоновой кости.

— Верно! Я и не подумал!

— Тогда слушай меня, бескорыстный ты человек! Тебе известно, сколько примерно весят бивни твоего слона?

— Думаю, килограммов сто.

— Самое меньшее. А почем слоновая кость, ты знаешь?

— Пятнадцать франков кило, если мне не изменяет память.

— Совершенно верно. Сто раз пятнадцать — это полторы тысячи, если только верно, что арифметика — наука точная. Стало быть, одна остроконечная цилиндрическая пуля, помещенная между ухом и глазом этого честного толстокожего, принесла тебе полторы тысячи франков.

— Здорово! Главное, какой удивительно точный арифметический подсчет. Однако позволь мне заметить...

— Я слушаю...

— Ты забываешь перевозку.

— Я как раз об этом и хотел сказать. Челюсть второго слона, которого так аккуратно распорол носорог, представляет не меньшее количество товара и, стало быть, не меньшую денежную ценность. А что касается того слона, которого подбил Жозеф, то его мы еще, пожалуй, тоже найдем, и о нем поговорим отдельно. Во всяком случае, сегодняшнее утро принесло нам не меньше трех тысяч франков чистого дохода.

— Но опять-таки перевозка этого громоздкого товара...

— Это касается наших лошадей. Мы на них аккуратно навьючим четыре бивня. На ближайшей станции мы оставим бивни на хранение и потребуем их, когда будем возвращаться. А уж тогда одно из двух: либо мы найдем клад, который ищем, и тогда мы эти бивни подарим начальнику станции. Или же мы будем возвращаться с пустыми руками. В этом последнем случае мы где-нибудь приобретем фургон и быков и увезем свой товар, не считая всего прочего, что нам удастся собрать.

— Что ж, неплохо. А припасы на обратный путь?

— Наши славные бечуаны показывают нам, как это делается. Они уже отдохнули, и смотри, как они заботливо разрезают остатки мяса на тонкие ломтики. Ты догадываешься, зачем? Они развесят это мясо на деревьях на самом солнцепеке и будут держать до полной просушки. Это то, что в здешних местах называется «бельтонг». Они сделают то же самое со вторым слоном и таким образом надолго обеспечат себя пищей. А теперь мы здесь устроимся самым удобным образом. Уж положись на меня. Скоро ночь, а мы здорово устали. Наши бечуаны разведут костры, чтобы отогнать диких зверей, которых несомненно привлекут запахи бойни. Мы расположимся неподалеку от ямки, в которой тушатся слоновьи ноги. Это будет нам на завтра. А пока — спать! Пусть благотворный сон принесет нам отдых после трудного дня.

Однако этому столь естественному пожеланию не суждено было сбыться. Не прошло и трех часов с той минуты, как глубокая тишина объяла лагерь, как в перелеске, в нескольких шагах от спящих, раздался страш-

ный шум. Европейцы и туземцы вскочили, схватились за оружие и заняли оборонительные позиции. Стреноженные лошади стали беспокоиться и пытались порвать свои путы.

Шум все усиливался, и трое друзей выбивались из сил, чтобы хоть как-нибудь прекратить переполох.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Четыре разбойника. — Подвиги Альбера де Вильрожа запечатлены неизгладимыми письменами на лицах Похитителей Бриллиантов. — В заброшенном шалаше. — Полугиппопотамы-полубизоны. — Его преподобие. — Угасающая отрасль промышленности. — Любовь и ненависть африканского бандита. — Воры, пьяницы и картежники. — Еще о сокровищах кафрских королей. — План Клааса. — Письмо и газетная заметка. — Сплетение интриг. — Человек, которому нужен труп!

— Пусть меня возьмут черти и пусть они свернут шеи всем нам, если я хотя бы теперь не избавлюсь от этого француза!

— Брат мой Клаас, мне кажется, вы опять тешите себя несбыточной мечтой.

— Чума на вашу голову, Корнелис! Вы мне всегда и во всем противоречите! У вас какая-то мания...

— Ладно! Только что вы пожелали видеть когти Вельзевула на моей шее, теперь вы призываете на мою голову чуму. Брат мой Клаас, вы заговариваетесь.

— У брата Клааса потемнело в глазах.

— Вы хотите сказать, Питер, — покраснело: он видел кровь.

— Оставьте меня в покое! Что я вам, бабенка какая-нибудь? Для меня что человека зарезать, что цыпленка — одно и то же.

— Я понимаю, зарезать кафра или готтентота... Но европейца — это все-таки, знаете, другое дело.

— Подумаешь! Я заколол его так же спокойно, как его собаку. Больше того: у собаки все-таки были клыки, она могла защищаться. А хозяин был совсем как баран...

— Тогда я не понимаю, почему вы волнуетесь.

Я вас никогда не видел в таком состоянии. Вы меня удивляете и даже тревожите.

— Меня взволновала встреча с французом, пропади он пропадом!

— Надо было, в таком случае, обойтись с ним так, как вы обошлись с торговцем.

— Да ведь вы знаете, что он какой-то демон. Он силен и ловок, как ни один из нас.

— Ну, уж это положим! Я вас не понимаю! Этот сумасброд вызвал вас на дуэль, а вы были достаточно глупы, чтобы пойти стреляться с ним и промахнуться. Вдобавок вы едва не ухлопали отца той молодой особы, руки которой добивались! А теперь вы сплетаете вашему сопернику венок из мирта и лавра и считаете, что он стоит выше таких храбрецов, как мы? Да никогда я с этим не соглашусь! Просто вы слепец!

— Ладно! Будет вам! Раскаркались! Он, однако, не очень-то испугался всех нас вместе взятых, и у вас еще остались достаточно убедительные доказательства на лицах. Взять хотя бы тебя, Корнелис. Ты, конечно, задавака, а все-таки он всадил тебе револьверную пулю прямо в глаз...

— Выстрел был меткий, не спорю. Но что из этого? Я с ним еще расплачусь...

— А вы, Питер? Почему бы вам не пойти попросить его, чтобы он еще раз сломал свою саблю о ваш череп?

— Дурак! Я потому и сержусь на вас, что у вас была полная возможность свести с ним все счеты, а вы...

— Вы, по-видимому, забыли, — возразил тот, кого называли Клаасом, — как великолепно он вел отступление. Три недели подряд он разгадывал все наши хитрости, обходил все наши ловушки и умел не попадаться нам на глаза. Он как будто знает местность лучше нас. И когда он наконец соизволил попасться, дело кончилось тем, что двое из нас остались на месте. А с ним еще была женщина, которую ему надо было оберегать. Я вас уверяю, это не человек, а демон!

— А нельзя ли узнать, как вам удалось избавиться от него?

— Конечно! Я затем и пригласил вас в эту собачью

будку, чтобы рассказать вам все, что я сделал и каковы мои дальнейшие планы.

— Говорите, мы вас слушаем.

— Хорошо. Только вы, ваше преподобие, сходите осмотрите местность, нет ли какой-нибудь опасности. Благо у вас глаза кошки и чуткий слух горного козла. А я тем временем прополощу себе глотку и соберусь с мыслями.

Четвертый субъект, до сих пор хранивший молчание, встал и удалился неслышными шагами хищника, выходящего на охоту.

Еще стояла глухая ночь. До рассвета было не меньше двух часов. Помещение, в котором происходило описываемое нами совещание, вполне заслуживало нелестного названия собачьей будки, данного ему Клаасом. Несколько плохо сколоченных досок, щели между которыми были кое-как заткнуты смесью глины с просяной соломой, и полусгнившие листья вместо крыши — вот и все. Мебель соответствующая. Постелью служила груда листьев; вместо стульев — бычьи черепа с рогами, заменявшими подлокотники; вместо стола — не очищенный от коры пень, на котором слезилась сальная свечка. Три огромных длинноствольных ружья с тяжелыми прикладами прислонены к стене. Нетрудно узнать в них те почтенные голландские ружья, которые не изменили своего вида за полтораста лет. В Трансваале и в Оранжевой Республике колонисты передают их из рода в род и пользуются ими еще и поныне [1], несмотря на все достижения современной техники.

Единственное изменение, которое привнесли эти отчаянные рутинеры, заключается в курковой системе. Да и на это потребовался упорный труд двух поколений. Конечно, этот старый железный лом не может выдержать никакого сравнения с современным карабином, однако в руках таких прекрасных стрелков, как буры, он все еще представляет весьма грозную опасность. На столе стояли большие бычьи рога с кап-бренди, на полу валялись сумки, в каждой из которых можно было бы поместить трехмесячного теленка, как зайца в ягдташе.

Эти громадные ружья и эти рога, вмещающие доста-

[1] Роман написан в 1883 году.

точно водки, чтобы напоить целый взвод, вполне соответствовали росту и телосложению хозяев. В хижине находились три гиганта в возрасте от девятнадцати до тридцати пяти лет. Помесь бизона с гиппопотамом. Шесть футов роста. Длинные, круглые, толстые, тяжелые, неотесанные туловища, к которым прикреплены до безобразия могучие конечности, делали их похожими на людей другой породы и другого века. Лица, обожженные горячим африканским солнцем, не имели той бледности, которая свойственна креолам Гвианы и Больших Малайских островов. Это широкие простоватые лица с правильными чертами, и все же есть в них грубость и жестокость, свойственные крупным толстокожим.

Все трое носят одинаковые куртки и штаны из желтоватой кожи. Это платье исцарапано колючками и покрыто пятнами жира и крови — крови людей и животных. Все три гиганта поразительно похожи друг на друга. Однако благодаря некоторым неизгладимым особым приметам, которые имеют двое из них, спутать их невозможно. Эти особые приметы — последствия страшной борьбы, на которую намекал субъект, называемый Клаасом.

Корнелис — кривой. Вместо левого глаза у него страшный, лилового цвета шрам, по-видимому полученный от выстрела в упор из мушкета.

У Питера на голове, от бровей до темени, тоже великолепный рубец, проложенный, как пробор, посередине головы и делящий шевелюру на две абсолютно симметричные части. Вид этого рубца наводит на мысль о добром клинке и твердой руке, но также и о черепной коробке, не боящейся испытаний.

Несколько слов, оброненных Клаасом в минуту дурного настроения, заставляют предположить, что к этим двум шедеврам пластической хирургии причастен Альбер де Вильрож. Все трое сидят молча: они ждут возвращения своего разведчика. Внезапно и одновременно, с точностью в движениях, которая восхитила бы прусского капрала, они хватают рога, откупоривают их, высоко поднимают и льют себе прямо в глотку, глухо урча, как урчат звери, утоляющие жажду.

Их товарищ появился в эту минуту как из-под земли. Его появление казалось чудом. Несмотря на всю обостренную чуткость этих детей природы, ни один не слышал его приближения.

— Эге, ваше преподобие! — громко смеясь, воскликнул кривой Корнелис. — Откуда вы взялись? Правда, у меня всего один глаз, но он видит хорошо, а уж слух у меня лучше, чем у любого кафра...

Гримаса, которая могла бы сойти за улыбку, прорезала на секунду лицо вошедшего, затем оно снова превратилось в непроницаемую и мрачную маску. Этот человек представлял поразительный контраст со своими тремя товарищами. Если в них можно было с первого же взгляда узнать буров, то у этого все черты выдавали уроженца метрополии.

Он был так худ и тощ, что в холодную погоду у него, должно быть, мерзли кости. Он походил на глисту и вряд ли весил больше ста фунтов. Помятый сюртук и штаны орехового цвета лишь подчеркивали его страшную худобу.

Это облачение казалось тем более странным и смешным в здешних местах, что его дополнял высокий цилиндр. Но уж зато всякая охота шутить пропадала при виде его стальных серых глаз, мрачно смотрящих из двух дырочек, его безбородого лица, изрезанного морщинами, его застывшего оскала. Закрытый рот, как будто лишенный губ, изобличал холодную и неумолимую жестокость, а большие волосатые уши придавали этой унылой физиономии выражение одновременно и зловещее и комичное.

Ничего не ответив Корнелису, он щелкнул пальцами. Звук был похож на треск кастаньет.

— Ничего, — сказал он тихо, как бы приглушенным голосом, — можно говорить. На прииске Нельсонс-Фонтейн все спокойно. У нас еще два часа впереди до рассвета. Больше чем нам нужно.

— Нас никто не слышит?

— Ну вот еще! — беспечно ответил тот. — Какой же это черт продерется сюда через три ряда колючих кустов, которые охраняют нашу хижину? Кто найдет проход, по которому вы сами с трудом пробрались? И, на-

конец, кому придет в голову, что бедный священник встречается с тремя самыми опасными бандитами? Не будем тратить время попусту. Говорите, Клаас. Опишите нам всю вашу экспедицию, не пропустите ничего. Я хочу все знать. Наша безопасность и охрана нашего будущего богатства требуют доверия.

— Золотые слова, ваше преподобие! Перехожу к делу. Не стоит, я думаю, повторять вам, что мы не имеем средств. Вы знаете не хуже меня, что дела идут из рук вон плохо и что нашему маленькому предприятию грозит безработица, и на довольно неопределенный срок. Не то чтобы алмазов стали добывать меньше, — напротив. Но искатели стали осторожны. Маклеры вооружены до зубов и в одиночку не ходят, а полицейские удвоили бдительность. Все боятся, товар вывозится под необычайной охраной. О том, чтобы захватить эти волшебные камешки силой, и думать нечего. Точно так же нечего думать и о том, чтобы как-нибудь хитростью пробраться на склад: тебя схватят тотчас же и предадут суду Линча без промедления.

— Клаас, брат мой, вы говорите, как с амвона!

— Тише! — резко оборвал оратор. — Не сбивайте меня, иначе я потеряю нить. Дело в том, что мы сами виноваты. Мы забыли меру. Не так ли, ваше преподобие? Если бы не вы, мы бы уже давно болтались на хорошо намыленных пеньковых веревках. Но вы, старый мошенник, вы — наше провидение. Только благодаря вам знали мы день за днем, час за часом, что делается на прииске. Это вы указывали нам, какие дела можно сделать и когда именно. Вам помогало ваше звание священнослужителя, которое вы себе так смело присвоили. К тому же вы выполняли ваши духовные функции с такой ловкостью, что ни один черт не узнал бы в этом слуге божьем одного из самых отъявленных мерзавцев Западной Европы.

— Потом! — перебил его преподобие, внутренне польщенный этим признанием его заслуг.

— Просто я хотел отдать дань почтения тому, кто руководил нами до сих пор и чьи удачно выполненные замыслы принесли нам благосостояние...

— Увы, оно непрочно, это благосостояние! Не будь

вы самые горькие пьяницы и самые отчаянные картежники во всей колонии, вы бы теперь были богаты, как лорды...

— А вы? Если бы вы не соединяли в вашей священной особе все пороки, какие вы приписываете нам, и еще много других, вы бы теперь были не бедней самого губернатора.

— Что ж делать, — возразил его преподобие, — человек — создание несовершенное. Потому-то мы и остались без гроша и без видов на будущее.

— А у меня есть план! Вы уже знаете, что я прибыл из Кейптауна, где договорился относительно результатов нашей последней операции. Гроши. Но случай привел меня в гостиницу, где остановился мистер Смитсон с дочерью и зятем. Не могу описать, какое впечатление произвела на меня эта женщина! Она является мне во сне. Сильное впечатление произвел на меня и этот человек, этот француз де Вильрож. Я ненавижу его больше, чем кого бы то ни было на свете. Ах, с каким удовольствием пошарил бы я кинжалом у него в груди!

— Клаас, брат мой, вы мельчаете.

— Скоро вы увидите, мельчаю ли я и настолько ли меня ослепили две страсти — любовь и ненависть, — чтобы я забыл интересы Похитителей Бриллиантов. Ни мистер Смитсон, ни его родные даже не подозревали, что я нахожусь рядом с ними. А я сумел следить за каждым их шагом, я жил их жизнью, я проник в их тайны. Я, грубиян, белый дикарь, который как будто только на то и годится, чтобы выследить гиппопотама, я чувствовал себя в большом городе так же привольно, как в здешних пустынях.

— Наконец-то! Слава богу!

— Так вот: они тоже остались без средств. И ни на что они сейчас не рассчитывают, кроме одной сумасшедшей идеи, в которую никто на свете не поверит, а я верю.

— Говорите, Клаас! — перебили заинтересованные слушатели.

— Вы слыхали легенду о неисчислимых сокровищах кафрских королей, об этой груде алмазов, припрятанных где-то на Замбези, недалеко от порогов?

— Бедняга тронулся умом, — перебил его преподобие, — а мы теряем время на то, чтобы выслушивать глупую болтовню.

Клаас пожал плечами, пропустил себе в глотку изрядную струю пойла и весьма холодно продолжал говорить:

— Тайну о сокровищах им выдал кафр Лакми. Вы знавали этого чудака. Я держал его над жаровней и пропекал ему пятки, но ничего не мог из него вытянуть. А у них есть карта местности, это я знаю наверняка. И они твердо уверены, что найдут этот клад. До такой степени, что сам этот проклятый Вильрож лично отправился на поиски. Я не выпускал его из виду и незаметно проводил до Нельсонс-Фонтейна, где он был вчера вечером. Я слышал, как он там говорил с одним французом. Вильрож взял его в компаньоны. Я даже чуть было не получил пулю от этого компаньона, когда подслушивал, о чем они говорили в палатке. Если бы у меня была хоть крупица сомнения, достаточно было того, что я услышал, чтобы оно рассеялось. Самый факт существования клада абсолютно неоспорим, и я уверен, что они его найдут.

— Ну что ж, дело ясное. Надо следовать за ними, а потом, когда они найдут клад, надо будет освободить их от этой тяжести. Самые простые способы всегда самые верные.

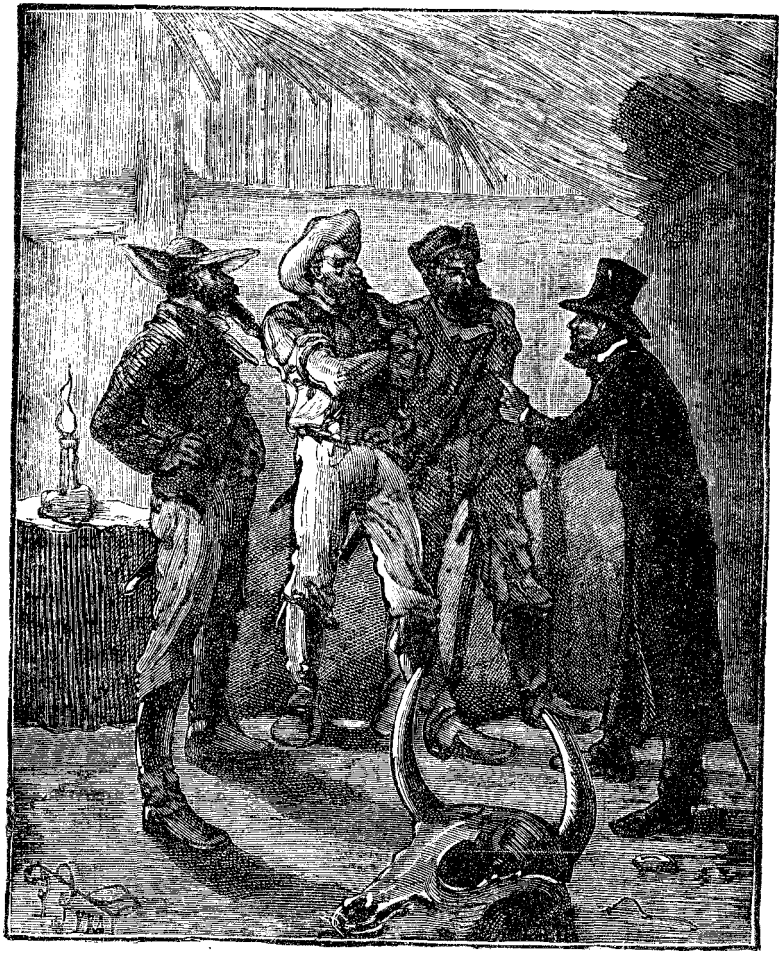
Клаас скроил презрительную улыбку и с видом некоего превосходства оглядел своих слушателей.

— Плестись по их следам мало — надо их сопровождать. Надо что-то придумать такое, чтобы быть принятыми в их среду. Но это невозможно — они слишком хорошо нас знают.

— А мне это вполне доступно, — заметил его преподобие, на которого подействовала самоуверенность бандита.

— На вас я и рассчитывал.

— И совершенно правильно, друг мой. А я, со своей стороны, охотно повидаю наших бывших помощников, западных бечуанов. Мне нетрудно будет набрать среди них хоть целую команду и бросить по следам французов. Таким образом, французы получат почетную охрану,



— Вы слыхали легенду о неисчислимых сокровищах кафрских королей?..

которая будет состоять из самых отчаянных головорезов Южной Африки.

— Хорошо! Недаром я на вас надеялся. Поводы для встречи с французами и присоединения к ним по-детски просты. Скоро будет война между кафрами и англичанами. Я сужу об этом по безошибочным признакам. А вы якобы сопровождаете несчастных беженцев, которые переселяются на север, потому что война согнала их с мест.

— Ну, Клаас, вы молодец! Это вы здорово придумали!

— А все потому, — ответил бандит, — что меня днем и ночью гложут две безжалостные страсти. Во имя любви и ненависти я способен на все, даже на добрый поступок.

— Вы могли бы присоединить к этим двум страстям еще и жадность.

— Не знаю. Я люблю, и я ненавижу. Вот и все. Конечно, я хочу участвовать в дележе, если, как я надеюсь, нам удастся забрать у проклятого француза его клад. Но я бы отказался от своей доли, если бы мне позволили вырвать у него сердце из груди и если бы я мог держать в своей власти ту, воспоминание о которой стало для меня сладостным кошмаром.

— Вот и отлично! — сказал его преподобие. — Я пускаюсь в путь сегодня же, собираю всех наших молодцов из Бакалахари, догоняю французов, стараюсь во что бы то ни стало завоевать их доверие, произношу проповеди направо и налево и в конце концов становлюсь их неразлучным спутником. А вы что думаете делать в это время?

— Корнелис и Питер останутся здесь и будут дожидаться меня. А я возвращаюсь в Кейптаун.

— Ничего не понимаю!

— Два слова. Я буду краток, потому что время-то не ждет. Надо, чтобы жена Вильрожа уехала из города: там она находится в безопасности. Пусть выедет сюда. Напасть на нее в пути и похитить — пара пустяков.

— Это несомненно. Но как вы ее заставите пуститься в путь?

— А уж об этом, преподобный отче, тоже вы должны позаботиться. Я-то сам ни читать, ни писать не умею,

а вы сейчас же нацарапаете мне письмецо и заметку в газету. У вас есть бумага и чем писать?

— Найдется.

— Хорошо! Сочините-ка мне письмо, которое Вильрож, якобы будучи тяжело ранен, продиктовал кому-нибудь — кому попало. Пишите, что состояние его внушает самые серьезные опасения и что он нуждается в тщательном уходе. А уж доставку письма я возьму на себя. Она его получит и сразу тронется в путь.

— Так. А газетная заметка о чем?

— Об убийстве купца. И вину надо взвалить на француза.

— Никто никогда не поверит.

— Заметка появится в печати на другой день после отъезда этой дамы. Так что ее внезапный и поспешный отъезд будет похож на бегство и только внушит подозрение.

— Постойте, но вы привлечете целые орды полицейских!..

— Подумаешь! Вы их знаете так же хорошо, как я. Они безобидные твари.

— Но ваши намерения?

— Закрыть Вильрожу, по крайней мере на время, доступ в колонию. А так как его жена будет в наших руках, у него не хватит времени доказывать свою невиновность. Он все пустит в ход, чтобы освободить жену, но ему нельзя будет обратиться за содействием ни к англичанам, ни к оранжевым бурам, потому что его тотчас арестуют по обвинению в убийстве.

— Ничего нельзя прибавить к тому, что вы сказали, друг Клаас. Вот вам обе бумажки. Заметка для газеты сложена в длину, а письмо квадратиком. Смотрите не перепутайте.

— Будьте спокойны. А теперь отдохнем. Скоро будет обнаружено убийство купца и ограбление повозки. Я тоже там буду и постараюсь толкнуть полицию на ложный след.

— Только опасайтесь мастера Виля. Кстати, вы нашли в фургоне что-нибудь стоящее?

— Пустяки. Но не в этом дело. Мне был нужен труп, покойник. И это я нашел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Размышления самонадеянного, но нерешительного полицейского. — Человек, который верит в предчувствия. — Концерт диких зверей. — Кто рычал — лев или страус? — Шакал охотится, лев забирает добычу. — Новый подвиг опытного охотника. — «На помощь!» — У льва в пасти. — Бред. — Жаркое из слоновьей ноги. — Мнение доктора Ливингстона о южноафриканском льве. — Появление его преподобия, который узнает в раненом мастера Виля.

Мастер Виль, полицейский из Нельсонс-Фонтейна, считал себя самым ловким из всех сыщиков Объединенного Королевства, но все же он был вынужден сознаться самому себе, что задача, которая свалилась ему на голову, полна необычайных трудностей. Если весьма лестное мнение, которого он держался насчет своих личных талантов, и толкнуло его ввязаться в это, скажем прямо, путаное дело; если он поначалу увлекся, что не совсем обычно для представителя англо-саксонской расы, то зрелое размышление подействовало на него охлаждающе, как ледяной душ.

Волнение, вызванное загадочным убийством, улеглось в несколько минут, как по щучьему велению. Весь прииск снова принял свой обычный деловой вид: стучали кирки; скрипя, поднимались и опускались по тросам кожаные мешки; люди, которых ночное происшествие отвлекло было на минуту, работали с обычным упорством. У каждого хватало своих забот, чтобы не слишком долго думать о вещах посторонних. Вот если бы убийцу тут же, на месте, поймали и линчевали, тогда другое дело — тогда они, пожалуй, потратили бы несколько минут на то, чтобы посмотреть повешение. На приисках так мало развлечений! Но что им за дело до слез осиротевшей девушки, потерявшей единственную опору в жизни? Что им до более или менее неприятных размышлений полицейского, занятого распутыванием загадочной драмы?

Текли часы, но мастер Виль не знал, что предпринять. А тут над самонадеянным сыщиком еще стали подтрунивать коллеги. Их грубые шутки заставляли его держаться нарочито уверенно, хотя никакой уверенности у него не было.

— Ладно, ладно! — угрюмо отвечал он. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Занимайтесь своими делами, а мои вас не касаются. Я у вас не прошу ни совета, ни помощи. Мне нужен отпуск. Если мне откажут, я все равно устроюсь. А все остальное беру на себя...

Мастер Виль принял героическое решение. Он запихнул в сумку необходимые вещи, приготовил оружие, оседлал коня и пустился в путь. Он обошел все алмазное поле, осмотрел все участки, тщательно осведомился обо всех, кто уехал и кто приехал, и убедился, что, кроме буров и французов, ни один посторонний на прииске не показывался.

Хотя здесь и работала добрая тысяча человек и среди них хватало темных личностей, которых легко можно было заподозрить в каком угодно преступлении, сыщик все время думал только о трех французах и трех бурах. Это была навязчивая мысль, какое-то смутное, но неодолимое предчувствие.

«Да почему бы и нет, в конце концов? — рассуждал Виль. — Эти французы едва появились и сразу исчезли. Тот, который здесь работал, виделся с убитым вечером незадолго до убийства, а ночью они скрылись. Все это наводит на нехорошие мысли. Но, с другой стороны, три тяжеловеса-бура тоже, по-видимому, изрядные жулики. С какой целью могли они сюда припожаловать на столь короткий срок? Один из них преподнес мне ножны. А зачем? Чтобы помочь мне или чтобы сбить меня с толку? Однако, не могу же я разорваться на части и пуститься по всем этим следам одновременно. Буры разделились и пошли в разные стороны: один — на юг, двое — на запад. Французы подались на север. Какого черта им нужно на севере? Все-таки мне надо выработать какой-нибудь план. Здесь я задерживаться не могу, иначе я стану всеобщим посмешищем. Надо выследить или одних, или других. Но кого? Орел или решка? Буров или французов? Я больше склоняюсь в сторону французов. Потому что предмет, который я нашел на месте убийства, мог принадлежать только убийце, а мои буры слишком большие мужланы, чтобы владеть подобными драгоценностями! Ну что же, так и быть, махнем на север. Там я и раскрою истину».

Едва покончив со своими колебаниями, мастер Виль стал укрепляться в мысли, которая, как мы видели, нелегко ему далась. Считая, что лучше ошибиться, чем оставаться в нерешительности, он пустился в путь, нисколько не думая о неизбежной потере службы, если его поиски окончатся неудачей, что, в конце концов, тоже было весьма вероятно.

И затем — пусть объяснит тот, кто умеет объяснять такие вещи, — наш полицейский, хотя и был человек весьма положительный, слепо верил в предчувствия и, как мы видим, ошибался лишь наполовину. Впрочем, верно и то, что предчувствия, вероятно, заставят его совершить огромную оплошность.

Напасть на след трех французов было легко, потому что они ничуть и не старались скрыть или замести свои следы. Полицейскому почудилось в этой беспечности не что иное, как доказательство закоренелости преступников, а заодно и сознание ими своей безопасности. До границы английских владений было едва каких-нибудь два дня ходьбы, а задержать их на чужой территории, где власти чрезвычайно ревниво охраняют свои прерогативы, мастер Виль не мог. Но преступники — сыщик не сомневался, что они преступники, он бы дал голову наотрез, — от него не уйдут. И, как говорится, что отложено, то не потеряно. Вильям Саундерс решил не отставать от них ни на шаг, сопровождать их в любое место, куда им только захочется сбежать, но в конце концов схватить их и предать в руки карающего закона, едва только они неосторожно ступят ногой на английскую землю. Для человека такой закалки, как мастер Виль, время, расстояние, лишения, болезни не имеют ровно никакого значения!..

. . . . . .

Альберу де Вильрож и Александру Шони не сразу удалось разобраться в шуме, который внезапно поднялся на берегу реки, там, где были убиты слоны и где произошло столь грандиозное пиршество. Лошади, стоявшие на привязи, взвились на дыбы и делали отчаянные, но напрасные усилия, чтобы вырваться, но в конце концов покорно застыли на месте. Однако их била дрожь, и они судорожно фыркали и храпели, глядя в сторону

опушки. Туземцы, отяжелевшие от огромного количества только что съеденного мяса, спали глубоким сном и, проснувшись, еле могли двигаться.

Один только проводник сохранял хладнокровие. Покуда трое европейцев брались за оружие и делали это с тем спокойствием, какое присуще подлинным храбрецам, проводник, дитя природы, старался проникнуть взглядом в густые заросли, которые едва освещала луна, затянутая белыми облаками. Наступило несколько секунд покоя, затем в тишине ночи раздался трепещущий звук, точно вырвавшийся из металлического горла, — как если бы хищный зверь, потревоженный в своем царственном одиночестве, поднял свой голос, полный недоумения и гнева. Затем этот шумный раскат перешел в глухое, прерывистое рычанье, от которого стали дрожать листья и которое оглушило наших не столь испугавшихся, сколь заинтригованных европейцев.

— Лев... или страус, — сказал черный проводник на своем ломаном английском языке.

— Как это — страус? — с недоумением спросил Александр. — Разве это страус?

Его прервал неописуемый шум. В непроходимых зарослях поднялась буря звуков. Только что слышанный вопль был для нее как бы сигналом. Она прокатилась по берегу и, подобно отдаленному грому, замерла над рекой. Сила этих дьявольских звуков была такова, как если бы на полной скорости промчался поезд.

Эти ужасные голоса доносились справа и слева, и путешественники понимали, что невидимые музыканты расположились вокруг всего их бивуака. Нетрудно было догадаться, что их много.

Наконец послышались крики на высокой ноте, похожие на пронзительные звуки фанфар и всех прочих медных инструментов.

— Это не страус! — крикнул проводник Александру в самое ухо. — Это лев!

— Почему?

— Я слышу шакала. Он вышел на охоту для льва.

— Невозможно, чтобы один-единственный лев поднял такой шум. Их, должно быть, не меньше полудюжины.

— Ты прав. Но тех привлекает бельтонг, который провяливается на деревьях, а также запах жаркого из слоновьей ноги, которое тушится в ямке.

— Но тот лев, о котором ты говоришь...

— Он вожак. Он великий лев, и он ест только живую добычу. Сейчас он преследует газель или буйвола. Шакал ведет его по следу, как охотничья собака.

— А мы что будем делать в это время?

— Ничего. Нам ничто не грозит. На нас львы не нападут. Они слишком боятся человека, в особенности белого человека.

— Ты меня удивляешь. Но это не важно. Все-таки неприятно, когда тебя разбудят этаким манером. Если бы я мог различить в темноте хоть одного из этих крикунов, я бы с радостью послал ему пулю восьмого калибра — просто чтобы заставить его с минутку помолчать.

— На, смотри!..

Облака, закрывавшие луну, разошлись, и ночное светило залило лесную лужайку ярким, почти дневным светом. Молодой человек отчетливо увидел в тридцати шагах от себя резко очерченную черную, неподвижную, как пень, массу и узнал в ней льва, величественно сидящего на задних лапах.

Александр не был человеком впечатлительным, но и он оторопел.

Как же это? Добычей, столь легко и добровольно подставлявшей себя под его выстрелы, был лев, великолепный царь Африки, гроза долин и лесов? Он, скромный французский Немврод, заброшенный по прихоти судьбы в необозримую пустыню Калахари, сможет повторить подвиг великих охотников? Всего каких-нибудь двенадцать часов назад он убил слона, колоссальное, сильное, хитрое, почти неуязвимое животное, а сейчас он еще подстрелит льва?

Все эти соображения, описывать которые было бы слишком долго, молнией пронеслись у него в мозгу в ту минуту, когда он медленно поднимал ствол карабина. Он искал мушку и увидел ее блеск как раз над головой зверя. Оружие оставалось две секунды неподвижным в его руках, затем из ствола вырвался огонь. Густое об-

лако дыма еще застилало стрелку глаза и он еще ничего не видел, а лев, пораженный огромной пулей весом в шестьдесят пять граммов, сделал десятиметровый прыжок и свалился, издавая ужасное рычанье, в котором смешались боль и ярость.

— Здóрово, Александр! — крикнул Альбер де Вильрож. — Ну и стрелок же ты, черт побери! Бьюсь об заклад, что ты попал этому милому котенку прямо в голову. Полюбуйся, как он извивается! И как он сжимает мордашку лапами, точно он хочет вырвать оттуда твой кусочек свинца! Не старайся по-пустому, приятель: позади этой пульки было пятнадцать граммов тончайшего пороха.

Выстрел заставил временно умолкнуть всех диких зверей. Некоторые из них уже, по-видимому, знали, что это за гром. И только лев, рана которого была смертельна, стонал жалобно, но все более и более тихо. Александр сменил патрон и собирался выстрелить второй раз, когда в нескольких шагах от него раздался хруст ветвей и крик ужаса и страха. Все три француза замерли. Если вспомнить, как близко находились львы, то несчастного, который молил о помощи, надо было считать человеком конченным.

— Сюда! На помощь! — кричал он. — Погибаю!

Альбер, как человек смелый, но безрассудный, был готов броситься туда, откуда доносились крики, но почувствовал на плече тяжелую руку Александра:

— Спокойствие, дружище! Ты хочешь пойти на верную смерть?

— К тому же бесполезную, — добавил Жозеф.

— На помощь!

Крик прозвучал в последний раз и замер.

Затем послышался шум, какой могло бы произвести тяжелое тело при падении, и лужайку медленно пересек крупный лев, державший в пасти какую-то белую массу. Трое друзей оцепенели. В этой массе, которую хищник нес с такой же легкостью, с какой кошка несет мышь, они узнали очертания человеческого тела.

Совершенно машинально Альбер вскинул карабин и выстрелил, — можно сказать, не целясь! Какому же настоящему охотнику не случалось в минуту отчаяния вы-

стрелить, не думая, машинально и в то же время удачно!

Выстрел заставил льва резко остановиться. Он выпустил добычу и медленно сел. Держа голову прямо, он широко раскрыл пасть и, обернувшись в сторону своих неожиданных противников, устрашающе зарычал. А когти его впились в несчастного, который не подавал признаков жизни, и словно месили его бесчувственное тело.

Альбер, Жозеф и Александр спокойно прицелились.

— Пли! — скомандовал Александр.

Три выстрела слились в один. Хищник выпрямился во весь свой рост, стал пятиться на задних лапах, как лошадь, поднявшаяся на дыбы, сделал три или четыре шага и свалился.

Несмотря на все мольбы проводника, который не без оснований боялся последних судорог агонизировавшего зверя и заклинал их не двигаться с места, они все трое бросились к несчастному, который лежал, распростершись на земле. Покуда Альбер добивал льва, Александр поднял раненого и перенес его к костру. Это был европеец, и в крайне плачевном состоянии. Длинные кровавые полосы пересекали всю его спину, а одна рука, по-видимому пострадавшая от клыков хищника, беспомощно свисала.

Несколько капель холодной воды привели его в чувство. Он приоткрыл глаза и тотчас закрыл их, едва бросив растерянный взгляд на своего спасителя. Затем он стал бормотать что-то бессвязное. Странно, его бред не имел никакого отношения к опасности, которой он столь счастливо избежал. Казалось, его терзали воспоминания о каком-то загадочном убийстве, и он все говорил о жертве, о законе Линча, о полиции и об убийцах.

— Что нам делать с этим беднягой? — спросил Альбер, хлопоча вокруг раненого.

— Я и сам не знаю, — ответил Александр. — С одной стороны, мы не можем взять его с собой: у нас не хватает перевозочных средств и для самих себя, но, с другой стороны, не можем же мы бросить его.

— Я того же мнения. По-моему, у него сломана рука. Я постараюсь наложить ему шину. Затем, если только

Выстрел заставил льва выпустить добычу.

он сможет удержаться, мы посадим его на одну из наших лошадей и доставим на ближайшую станцию.

— Но какого черта он здесь таскался, в этом гиблом месте, да еще ночью?

— Возможно, он спасался от убийц. Тут какая-то мрачная драма.

— А может быть, это преступник, которого мучает совесть? Ибо не надо забывать, что мы там оставили довольно-таки пестренькую публику...

Альберу все не удавалось уложить сломанную руку незнакомца в лубки, и он сделал раздраженный жест.

Тогда черный проводник сказал ему шепотом:

— Слушай меня, вождь, и подожди минутку. Если хочешь, я наложу этому белому перевязку по нашему способу.

— Пожалуйста! Мне кажется, что я только напрасно мучаю его. К счастью, он снова потерял сознание.

Чернокожий окинул опушку быстрым взглядом, затем, увидев молодое деревце приблизительно такой же толщины, как сломанная рука незнакомца, сделал на коре несколько продольных надрезов и весьма умело содрал ее. Затем он обложил корой раненую руку и перевязал гибкой лианой.

Наложение этого простого и остроумного аппарата, весьма сходного с шиной, какими широко пользуются наши хирурги, принесло пострадавшему немедленное облегчение. Он зашевелился, попросил пить, жадно сделал несколько глотков и сразу глубоко заснул.

Тем временем над лужайкой поднялся аромат готового жаркого. Жозеф обратил на это внимание и прибавил, что после всех пережитых треволнений очень хочется есть, ибо переживания прогнали сон и ожесточили аппетит.

— Ты чертовски прав! — сказал Альбер. — Вчера нам поневоле пришлось отказаться от кабана как раз в ту минуту, когда мы собрались поесть. Я того мнения, что нам бы следовало попробовать слоновьей ноги.

Неутомимый черный проводник разбросал тлеющие угли, лежавшие на поверхности, и с бесконечными предосторожностями выгреб туземное блюдо из ямки. Ноги толстокожего животного невероятно разбухли и стали

неузнаваемы. Но вид у них был соблазнительный, и они весьма вкусно пахли.

— Да ведь это блюдо, достойное короля! — воскликнул Альбер, набивая рот.

— Оно достойно императора, сатрапа, набоба! [1] — поддержал Александр. — Грош цена медвежьей лапе!.. Грош цена свиному окороку с трюфелями!..

— Нет, вот уж никогда не увидят современные Лукуллы [2] такое вкусное блюдо на своем столе! Ни за какое золото не купят они ничего подобного...

— Просто непостижимо, как это такое грубое, тяжеловесное животное, как слон, может дать такое тонкое и деликатное блюдо.

— Я нисколько не удивляюсь, если дикое четвероногое, зовущееся царем лесов, тоже пришло понюхать аромат, идущий из этой незатейливой харчевни.

— А ведь правда! Я так увлекся нашими гастрономическими делами, что забыл о диких зверях. А проводник еще утверждал, будто один вид белого человека внушает львам непреодолимый ужас. Взгляните на беднягу, который валяется на траве, — вот вам убедительное опровержение.

Это замечание было сделано по-английски, и проводник, почувствовав себя задетым, ответил своим гортанным голосом:

— Я помню почтенного белого человека, по имени Дауд [3]. Он-то прекрасно знал, что лев — трус и нападает только на более слабых. Какой это подвиг — зарезать козла или антилопу? Я, например, сопровождал Дауда и Ма Робер [4] на озеро Ньями. Два льва напали на буйволенка. На буйволицу они напасть побоялись. Но она ринулась на одного из львов, подняла его на рога и убила наповал. А второй удрал, как последний трус. В другой раз Дауд спал ночью под кустом. Он лежал между дву-

[1] Сатрап — правитель провинции в древней Персии. Слово употребляется для обозначения деспота, ведущего пышную жизнь. Набоб (арабск.) — богатый индийский вельможа.

[2] Лукулл — древнеримский полководец, отличавшийся пышностью жизни и пристрастием к изысканной еде.

[3] Чернокожие Южной Африки называли этим именем доктора Давида Ливингстона.

[4] Имеется в виду жена Ливингстона.

мя мужчинами моего племени. И вот они забыли поддерживать огонь, и уголь почти погас. Вдруг подошел лев. Он стал рычать, но не набросился на людей, которые лежали в нескольких шагах от него. Он не посмел броситься даже на быка, который стоял в кустарнике. Лев увидел белого человека и ушел подальше и только ворчал до самого рассвета. А ты разве не знаешь, что, когда белые люди стали стрелять дичь и отогнали ее далеко от краалей, голодные львы съедали своих детенышей, но не решались нападать на людей твоего племени?

— Все это верно, — ответил Альбер, — однако сегодня ночью у нас под самым носом произошло как раз обратное. Я бесконечно уважаю мнение прославленного путешественника, но, видимо, он не всегда бывает прав. Наконец, исключения всегда возможны.

Не в укор нашему герою и для сведения читателя я не могу устоять против желания познакомить его с тем, что писал о южноафриканских львах доктор Ливингстон. Пусть слова столь авторитетного человека опровергнут ошибочные утверждения кабинетных путешественников или рассказы писателей, которые, добросовестно заблуждаясь, составили себе преувеличенное мнение о той опасности, какую представляет встреча со львом.

«Днем, — пишет знаменитый английский исследователь, — лев останавливается на одну — две секунды, чтобы осмотреть встреченного им человека. Затем он начинает медленно ходить вокруг и отдаляется на несколько шагов, не переставая озираться. Затем он ускоряет шаг, и наконец, когда ему кажется, что его уже не видно, он пускается наутек, скача, как заяц. Днем нет никакой опасности, что лев нападет на вас, если только вы его не тронете. И то же самое ночью, если светит луна. В лунные ночи чувство безопасности бывало у нас так велико, что мы лишь очень редко привязывали быков, и они спали рядом с фургонами, в которых находились мы сами; зато в темные или дождливые ночи, если только где-нибудь поблизости находился лев, можно было быть уверенным что на лошадей и волов он нападет непременно.

Если вы встретили льва среди бела дня, то и тогда, вопреки распространенному мнению, вы увидите зверя далеко не величественного. Он попросту немного крупней большого дога и очень напоминает зверей собачьей породы [1]. У него морда удлиненная, как у собаки, и он мало похож на того льва, какого изображают на картинках.

Льву приписывают разные вымышленные внешние черты, а его рычанье изображают, как самый страшный звук на свете. Мы слыхали это «величественное рычанье царя зверей»; конечно, можно испугаться, особенно ночью, если оно примешивается к раскату южного грома, если ночь такая темная, что после каждой вспышки молнии вы чувствуете себя совершенно ослепшим, а дождь идет такой, что ваш костер гаснет и ничто вас не защищает: ни дерево, ни даже ваше ружье, ибо оно мокро и первый выстрел будет неудачен. Но если вы находитесь в фургоне, тогда другое дело, тогда вы слушаете рычанье льва без страха и без почтения.

Страус кричит так же громко, но никогда человек его не боялся. Я высказал это утверждение несколько лет назад, но оно было взято под сомнение. Поэтому я тщательно проверял его у европейцев, которые слышали и льва и страуса. Я спрашивал их, могут ли они установить какую-нибудь разницу между рычаньем льва и рычаньем страуса. И все признавали, что никакой разницы не находили.

Наконец, охота на льва с собаками почти не опасна, если сравнить ее с охотой на индийского тигра, потому что затравленный лев оставляет охотнику полную возможность спокойно прицелиться и стрелять не спеша.

Надо рассчитывать на частые встречи со львами во всех тех местах, где водится много дичи. Они выходят на ловлю группами по шесть и по восемь голов. Но, во всяком случае, скорее можно быть раздавленным на улицах Лондона, чем съеденным львами в Южной Африке, — если только не охотиться за ними. Судя по тому, что я видел и слышал, ничто не может остановить человека смелого...»

[1] Лев с собачьей мордой водится в Южной Африке. Он меньше других львов.

Занималась заря, и трое французов, освежевав убитых ночью львов, собирались выйти на поиски раненого слона.

Проснулся больной. Он казался более спокойным и уже не смотрел на своих спасителей так растерянно.

Радостными кликами было встречено появление нового лица, которое нетрудно было узнать по необычному наряду.

— Как! — с обычной своей сердечностью воскликнул Альбер де Вильрож и бросился к новоприбывшему. — Это вы, ваше преподобие? Мы рады видеть вас! Вам удалось-таки удрать от ваших бродячих музыкантов? Очень хорошо! Садитесь, поешьте! Тут еще хватит чем насытиться, если вы голодны. А мы отправляемся в небольшую экскурсию.

— Тысяча благодарностей, господа. Я тронут вашим милым приглашением. Я действительно изнемогаю от голода и усталости.

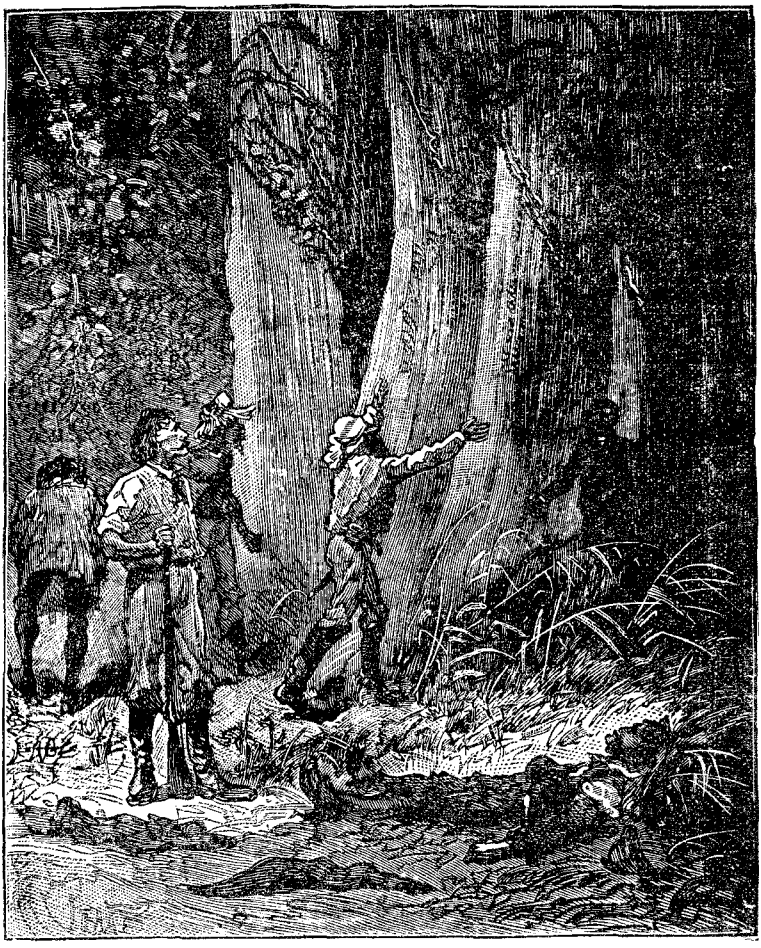
Затем, случайно взглянув на раненого, он едва сдержал дрожь, пробежавшую у него по всему телу.

«М-да! — сказал он самому себе. — Что все сие означает? Здесь мастер Виль!.. Неужели он что-то подозревает? Во всяком случае, будем начеку!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Полицейский и бандит. — К путникам присоединяются один проводник, один шпион и один враг. — Пустыня Калахари. — Питательные клубни и арбузы. — Бушмены и бакалахари. — На что идет желудок дикой полосатой лошади куагги. — Жажда. — Рябчик — дурная примета. — Четвероногие, могущие обходиться без питья. — О чем говорят следы носорога. — Невидимый водоем в Калахари. — Иссякший источник. — Бедствие.

И полицейский и лжемиссионер были оба слишком заинтересованы в том, чтобы не упускать французов из виду, поэтому они быстро спелись и стали понимать друг друга с полуслова. Его преподобие — до поры до времени мы вынуждены называть его так — сумел с дьявольской ловкостью использовать отсутствие хозяев,



— *Это вы, ваше преподобие? Мы рады вас видеть!*

отправившихся на поиски слона, которого подранил Жозеф. Его преподобие был ласков, наивен, он говорил умно и убедительно и обвел полицейского вокруг пальца, как нормандский барышник. А полицейский, со своей стороны, был убежден, что покорил миссионера.

Несмотря на всю свою слабость, мастер Виль головы, однако, не потерял. Костлявую антипатичную фигуру миссионера он слишком часто видел в Нельсонс-Фонтейне и, встретив его здесь, не мог рассчитывать, что сам останется неузнанным. Стало быть, приходилось как-нибудь объяснить, что он делал здесь, на подступах к пустыне Калахари, в ту минуту, когда французы столь удачно вытащили его у льва из пасти. Но мастер Виль не смущался ни капли. Он выдал себя за американского матроса, который бросил свое судно в Дурбане. Нужда якобы заставила его поступить в колониальную полицию, но ему надоело прозябать на ничтожной должности. Когда в Нельсонс-Фонтейне произошло убийство и начальник послал его на розыски убийц, он решил дезертировать. Он якобы увидел, что это дело не могло принести ему ни малейшей пользы, ибо в случае удачи честь и выгоду присвоит себе начальник. А в случае неудачи, на которую, конечно, и следовало рассчитывать больше всего, единственной наградой за все его труды была бы ругань. Поэтому он и решил сбежать. Он хотел пробраться на голландскую территорию, но, пытаясь перейти вброд какую-то речку, сбился с пути, заблудился в лесу и в конце концов, потеряв лошадь, свалился без сил рядом со слоном, которому распорол брюхо носорог. Его разбудил ружейный выстрел, и он направился по звуку, когда внезапно почувствовал, что его схватили, зажали в железные тиски и уносят в глубь леса. Он потерял сознание и очнулся только здесь, на бивуаке.

Его преподобие сделал вид, что свято верит всей этой глупой выдумке, а сам ломал себе голову только над одним вопросом: знает ли ищейка о его причастности к убийству или не знает. А вдруг начальнику полиции взбрело в голову бросить каких-нибудь ловких сыщиков по следам трех буров? А вдруг мастер Виль выслеживает именно его самого? Это предположение, далеко не лишенное оснований, нисколько, впрочем, не

тревожило преподобного отца. Сейчас ему, в общем, никакая непосредственная опасность не угрожала, ибо они уже больше не находились на английской территории, и лучше было иметь полицейского рядом с собой — это позволит избавиться от него, когда наступит время.

Он скоро сообразил, что оказал слишком много чести изобретательности этого самонадеянного господина: тот всячески старался держаться в обществе французов, притом не внушая им никаких подозрений.

«Вот здорово! — подумал его преподобие, борясь с сильным желанием смеяться. — Да если бы Клаас, Корнелис и Питер заплатили этому дураку, он не должен был бы сделать ничего лучшего. Пусть меня возьмут черти, если он сам не осуществляет полностью первую часть нашей программы и если он не уверен, что купца убили именно эти три француза!.. Воистину полиция — чудесное учреждение! Этот чудак способен арестовать своих спасителей. Не возражаю! Пожалуйста! Во всяком случае, он не станет болтать с ними об убийстве. С этой стороны никакой опасности нет».

— Послушайте меня, мастер Саундерс, — сказал он, — ваше положение вызывает у меня большое сочувствие. Я отлично понимаю, что в вашем плачевном нынешнем состоянии вам невозможно искать убежища у буров. Я-то сам не больше чем бедный миссионер. У меня нет ничего, кроме доброго сердца и великого желания принести несчастным дикарям свет истинной веры. Я намерен добраться до Замбези. Как мне кажется, наши путешественники держат путь туда же. Оставайтесь со мной. Если хотите, проделаем путь вместе, а когда вернемся, то миссионерское управление — а оно, как вы знаете, довольно богато — сумеет вознаградить вас.

Мастер Виль с восторгом принял это предложение, так чудесно соответствовавшее его собственным планам. Альбер и Александр, которые сразу к нему привязались, потому что оказали ему такую услугу, тоже одобрили план его преподобия. Они были очень далеки от того, чтобы догадаться, с каким мерзавцем имеют дело.

И вот небольшая группа, пополненная двумя новичками, уходит в пустыню Калахари. Негры, надолго обеспеченные пищей (третий слон был найден мерт-

вым примерно в десяти километрах), проводили их благословениями. Что же касается чернокожих слуг, то они взвесили все трудности и опасности, могущие встретиться в пути, и почли за благо исчезнуть.

Один лишь проводник, в котором знакомство со знаменитым Ливингстоном зародило живую симпатию к белым, согласился их сопровождать. У них не было никаких мелких вещей, какие так любят наивные местные уроженцы, но этот славный малый поверил французам на слово, когда они обязались вознаградить его по окончании путешествия. Он попрощался со своими и отправился в качестве проводника пересекать огромное и пустынное пространство, лежащее между 29° и 20° южной широты.

Это был чистокровный бечуан, и звался он Зуга. Прекрасное знание местности делало его весьма ценным, прямо-таки незаменимым членом маленькой экспедиции, ибо все остальные пустились в опасное путешествие несколько легкомысленно.

Действительно, хотя пустыня Калахари поросла густой травой, хотя там и произрастает множество разнообразных растений и встречаются не только густой кустарник, но и крупные деревья, она, однако, не менее, а, пожалуй, и более иссушена и безводна, чем Сахара. Ее именно потому и называют пустыней, что в ней нет рек и крайне редко встречаются родники. Это — огромное пространство, местами пересеченное руслами иссякших рек и населенное разнообразнейшими видами животных, в том числе некоторыми породами антилоп, организм которых весьма мало нуждается в воде. Почва здесь песчаная — очень мелкий, бледного цвета песок, то есть почти чистый силиций. Вдоль русла высохших рек лежат наносные породы, затвердевшие на солнце, не менее прочные, чем скала, и не пропускающие воды. В период дождей здесь образуются естественные водоемы, в которых вода сохраняется долго. Среди обильных и густых трав тут и там встречаются участки, где почва совершенно обнажена или покрыта ползучими растениями. Их корни сидят очень глубоко, но сами они подвергаются сильнейшему действию солнца и представляют некоторые странные особенности. Так, многие из них имеют

корни в виде клубней и могут одновременно утолять и голод и жажду в засушливое время, когда нет никакой иной пищи и никакого питья. Наконец, благодаря любопытной своей приспособляемости волокнистые корни одного из этих растений превращаются в клубни, когда растению необходим для произрастания известный запас влаги. Это растение принадлежит к породе тыквенных. Оно меняет свой вид в зависимости от почвы, на которой произрастает, и дает пунцового цвета огурец, пригодный для еды. Другое растение, которое туземцы зовут «мокоми», принадлежит к разряду травянистых и ползучих. Оно дает по нескольку крупных клубней — величиной с голову человека. Туземцы находят их благодаря остроумному приему, для которого нужен весьма чувствительный слух. Они берут камень, бьют им по земле, и разница в звуке показывает им, где есть клубни и где их нет. Эта невероятная сноровка туземцев восхитила бы наших врачей, которые по звуку определяют, какие изменения произошли в человеческом организме. Встречается также великолепный, восхитительный арбуз. Туземцы зовут его «кэмэ». Это освежающее и одновременно укрепляющее растение. Оно является благодеянием не только для человека, но и для животных. Травоядные — как слон и носорог, хищники — как лев, гиена и шакал, и даже грызуны ценят этот дар природы, удовлетворяющий самые разнообразные вкусы.

Живут здесь племена бушменов и бакалахари. Бушмены, которых некоторые этнографы относят к семейству готтентотов, малорослы, хотя не следует причислять их к карликам. Они кочевники, никогда земли не обрабатывают и не разводят домашних животных. Это страстные охотники, вся их жизнь проходит в преследовании дичи, которую они тут же, на месте, и съедают. Бушмены питаются также корнями и дикими плодами, сбор которых возлагается на женщин. Бушмены худы, жилисты, неутомимы и, подобно арабам в пустыне, способны переносить необычайную усталость и неслыханные лишения.

Бакалахари, которые являются ответвлением бечуанов, напротив, трудолюбивые земледельцы и скотоводы. Они терпеливо обрабатывают землю мотыгой, хотя неблагодарная почва ничего не дает им за их труды, кро-

ме небольшого количества арбузов и тыкв. Корни, немного проса, козье молоко — таково скудное питание этих бедных людей.

Целую неделю бродили по этой пустыне пятеро европейцев и их чернокожий проводник. Много пришлось им перенести лишений, и если ложиться спать на голодный желудок приходилось все же не каждый день, то недостача воды мучила беспрерывно. Уже на второй день пришлось бросить все шесть слоновьих клыков, которые были навьючены на одну из лошадей. Ей много надо было работать, чтобы всех обеспечить продовольствием, и не следовало ее переутомлять. Александр, Альбер и Жозеф по очереди садились на нее и пускались по следам антилопы, буйвола или жирафа. Вторая лошадь служила только для перевозки мастера Виля, у которого рука поправлялась очень медленно. Что касается его преподобия, то он в своем шелковом цилиндре и развевающемся сюртуке шагал как человек, которому все обычные потребности чужды.

Пять дней назад Александр подстрелил куаггу — однокопытное, похожее на зебру, но меньше ростом. Полосы, столь чудесно украшающие зебру, куагга носит только на шее, на голове и боках. Проводник Зуга отложил в сторону желудок животного, утверждая, и не без оснований, что нельзя пренебрегать самым лучшим сосудом для перевозки питьевой воды. Зуга наполнил его водой из довольно грязной лужи, и это был весь запас путешественников на целых два дня. Вот уже сутки, как выпита последняя капля и всех мучает жажда. Особенно тяжело полицейскому: у него лихорадка, он кричит и бредит и производит впечатление буйно помешанного. Между тем его спутники героически отказались каждый от части своей воды в его пользу, и он получил больше, чем другие. Это была большая жертва, но бедняга не мог ее оценить, так как совершенно потерял голову. Лошади едва тащились, а люди передвигались тяжело — у них горело в горле, губы потрескались, язык покрылся язвами и кружилась голова.

Зуга пытается приободрить их: он говорит, что поблизости есть источник и вечером будет много хорошей воды. Однако очертания местности не дают оснований

рассчитывать на близость родника. Сколько видит глаз, все безжизненно и однообразно. Повсюду выгоревшая трава, повсюду островки сухого песка, тощий кустарник или сморщенные деревца. Нет больше арбузов, нет сочных клубней. Несчастные обитатели этой пустыни уже давно поглотили все, что содержало хотя бы каплю влаги.

Альбер де Вильрож знает Южную Африку по своим прежним путешествиям, ему знакомы тайны этой безнадежной земли. Жестом, полным отчаяния, показывает он проводнику на стайки рябчиков, которые взлетают, часто хлопая крыльями. Рябчик, вообще говоря, птичка зловещая: он питается насекомыми и водится на земле безводной и выжженной. И никакой другой птицы не встречали наши путники. Все говорило о полной заброшенности и безжизненности этих мест.

— Терпение, вождь! — пробормотал проводник в ответ. — Терпение и надежда!

— Да ты сам посмотри, друг мой Зуга: ведь здесь все без исключения живые твари принадлежат к тем породам, которые могут почти совершенно обходиться без воды. Увы, мы не наделены этим счастливым свойством! На, смотри, еще один штейнбок. А вот пути. И целое стадо жембоков. С самого утра встречаются только лось, куду, спрингбоки, дикобраз и страусы. Ты отлично знаешь, что все эти проклятые твари могут жить в здешнем пекле, как саламандра в огне, и даже не замечать, что нет воды.

Проводник улыбнулся и пальцем, сухим, как корень лакрицы, показал на свежий большой и глубокий след животного.

— Носорог, — сказал он просто.

— А хоть бы и так! Что это доказывает?

— А то, что все животные, которых ты перечислил, могут удаляться от воды на пятьдесят и шестьдесят миль, а носорог дальше чем на семь — восемь миль от воды не уходит. Вот, смотри!..

— Я вижу далеко-далеко стадо жирафов.

— А эти антилопы гну, которые убегают влево?

— Ну и что? Четвероногих здесь много. Есть и буйволы, и зебры, и фалла.

— Да, но там, где есть жирафы, гну, буйволы, зебры, фалла и носорог, там должна быть и вода — и не дальше чем в семи — восьми милях.

— Ну, друзья, — сдавленным голосом воскликнул тогда Альбер, — потерпите еще немного! Кажется, мы спасены.

Лошади, которым инстинкт, видимо, подсказал то же самое, подняли головы и зашагали веселей. А людей приободрила надежда, и они удвоили усилия. В сосредоточенном молчании прошагали еще три часа, затем и люди и животные, полностью обессилев, остановились в чаще, среди кустов и деревьев из семейства стручковых, покрытых лиловыми цветами.

— Здесь! — с торжествующим видом сказал Зуга.

— Но я вижу только песок! — с отчаянием в голосе возразил де Вильрож.

— Пить! Пить! — хрипел мастер Виль.

Но проводник правильно оценил эту песчаную, чуть вдавленную посередине прогалинку, напоминающую таз. Дно ее было истоптано животными и носило отпечаток многих копыт. Зуга, видя, что его белые спутники изнемогают, молча сел на корточки и стал усердно разгребать песок руками.

— Что это ты делаешь? — спросил его Александр.

— Рою колодец. Можешь помочь?

— Конечно. Что надо делать?

— То, что делаю я. Рой! Но у тебя нежные руки, и они слишком слабы. Скоро все твои пальцы будут в крови. Возьми свою саблю.

— И мы добудем воду?

— Да.

— Ты уверен?

— Насколько может быть в чем-нибудь уверен слабый человек.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда придется идти еще три дня, пока мы встретим новый источник.

— Для нас это было бы равносильно смерти.

— Успокойся, белый вождь, вода здесь есть. Смотри, песок уже становится влажным.

Александр, который страдал от жажды меньше дру-

гих, не сидел сложа руки во время этой беглой беседы. Альбер, Жозеф и миссионер, побуждаемые его примером, старались изо всех сил и рыли с ожесточением. Мастер Виль и тот дотащился и стал царапать землю здоровой рукой.

Таким образом они вырыли яму примерно в два квадратных метра по поверхности и столько же в глубину. Зуга вскоре был вынужден умерить их пыл, предостерегая не пробивать дна ямы, представляющего довольно твердый, не пропускающий воды слой, иначе вода мгновенно исчезнет и больше не вернется.

Проводник не ошибался. Когда доморощенные землекопы дошли до этого прочного слоя, со всех сторон стала медленно просачиваться чистая, прозрачная и прохладная вода, но шла она не снизу, не из твердого дна, а из стен колодца.

Путешественники изнемогали от усталости. Им показались столетиями последние минуты ожидания, покуда драгоценная влага не собралась в таком количестве, что можно было удовлетворить их насущные потребности.

Затем пришли радость, буйство, безумие, легко понятные всякому, кто под палящим зноем Африки пережил пытку жаждой, с которой никакая другая пытка сравниться не может. Всякая осторожность была забыта. Эти несчастные, у которых из-за обильного выделения пота сгустилась кровь, у которых из-за температуры доменной печи ссохлись внутренности и которые исхудали, как после двухнедельной голодовки, бросились на благодатный источник и стали с жадностью диких зверей поглощать воду, возвращавшую их к жизни.

Проводнику пришлось чуть ли не силой оттащить их от ямы, над которой они стояли на коленях, не думая о том, что неумеренность грозит им смертельной опасностью.

Затем вволю напоили лошадей, и Александр, боясь, как бы не иссяк этот поистине чудодейственный источник, о существовании которого никто и не подозревал всего несколько часов назад, наполнил водой про запас желудок куагги.

— Ты предусмотрителен, — улыбаясь, сказал проводник. — Это хорошо! Ты великий вождь. Но будь спо-

коен — завтра утром здесь опять будет полно воды. Нам хватит на все время. А потом мы яму засыплем, чтобы животные не продавили дно. А теперь поедим.

Несколько ломтиков сушеного мяса и два жареных рябчика составили весь обед, и он был съеден с аппетитом, после чего все легли спать, устраиваясь поудобнее на теплом песке. Развели костер, ночь наступила очень быстро.

— Я не очень любопытен, — сказал Альбер негромким и неясным голосом, каким люди говорят засыпая, — но мне все же хотелось бы знать происхождение этого чудесного источника, который наш славный Зуга открыл столь непонятным образом. Местность, насколько видит глаз, была ровная, ни подъемов, ни впадин, так что тут и речи не может быть о подземных течениях, которыми питаются артезианские колодцы. Вода, просачивающаяся здесь сквозь песок, не достигает высокого уровня и не пробивается наружу. Наконец, и водоупорный слой не может распространяться слишком далеко. Тут какая-то загадка, и я никак не могу ее разгадать...

— А вы не полагаете, — вмешался его преподобие своим трескучим голосом, напоминающим шуршание саранчи, — вы не полагаете, что вода идет из источника, который теряется в песках? По Калахари, должно быть, еще совсем недавно проходило много рек. Мы часто встречаем высохшие русла. Я бы скорей считал, что низшие, более глубокие слои земной коры не пропускают воду и этим мешают ей испариться. Допустите попросту, что на протяжении такого водонепроницаемого слоя, покрытого песком, есть изменения в уровне. Тогда в более низком месте вода проступит тотчас, едва будет удален песок. Я просто высказываю вам свое предположение.

— Вы, пожалуй, правы, ваше преподобие. Я вам благодарен за объяснение. Этот вопрос не давал бы мне спать... Господа, спокойной ночи!

Солнце едва-едва стало выплывать из-за чащи, заслонявшей горизонт, когда спящих разбудил крик боли и отчаяния, вырвавшийся из уст проводника.

Все вскочили, чуя беду. Действительность — увы! — оказалась мрачней самых мрачных предположений: со-

вершенно иссяк источник. Посреди углубления, дно которого, по-видимому, кто-то ночью топтал, все увидели дыру, в которую вода ушла до последней капли.

— Гром и молния! — воскликнул в ярости Александр. — Кто совершил такое варварство? Человек или звери? Лучше бы мне сделали такую дырку в груди!..

— Не верю я, — сказал ошеломленный Альбер, — что дикий зверь приходил сюда на водопой, в двух шагах от нас. Да и следов никаких не видно.

— А что бы ты хотел увидеть на этих движущихся песках? Они не хранят следов... Постой-ка, одна лошадь отвязана. Может быть, она все и натворила?

И в довершение несчастья, желудок куагги, в котором хранился запас воды, валялся на земле, распоротый и пустой. Было похоже, что широкое рваное отверстие сделано зубами грызуна.

Вся предусмотрительность Александра оказалась напрасной. Запасы воды погибли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Человек, который не любит лошадей. — Разведчик. — Бушменский краааль. — Люди пьют кровь. — Как утолить жажду. — Как бушмены роют колодцы. — Воду держат в скорлупе страусовых яиц. — Мастер Виль начинает жалеть, что отправился в путь. — Почему его преподобие так легко сносил лишения. — Капля воды в пустыне. — Укус пикаколу. — Героическая самоотверженность. — Чамбок.

При виде непоправимой беды, в которой, должно быть, была виновата лошадь, Александра, несмотря на все его обычное хладнокровие, охватила ярость. Он вскинул карабин, прицелился и готов был сразить животное пулей.

Но Альбер быстро отвел его ружье.

— Ты с ума сошел! — сказал он своему другу. — Мало тебе одной беды? Ты забываешь, что лошади еще будут нам не то что полезны, а прямо-таки необходимы.

— Если только какая-нибудь из них не сыграет с нами поганую шутку. Нам положительно не везет с лошадьми. Из-за лошади я чуть-чуть не был раздавлен

слоном, тебя и Жозефа лошади понесли в заросли, и вы спаслись только чудом, а теперь нам предстоит погибнуть от жажды опять-таки из-за лошади!.. Нет, право, это уж чересчур. Их убивать надо!..

— Да будет тебе, успокойся! Я вижу, твоя старая ненависть к лошадям только усилилась...

— Я действительно давно их ненавижу, но теперь они мне стали омерзительны.

— Караи! Я не разделяю твоих взглядов. Лошадь — необходимый помощник путешественника. Сейчас я, кстати, отправлюсь в разведку. Вы следуйте за мной, и побыстрей: надо использовать время, пока солнце еще не печет вовсю. Как твое мнение, Зуга?

— Правильно, белый вождь. Отправляйся. Но будь осторожен, ибо мы на земле бушменов, а они, когда увидят белого, способны на всякую гадость.

— Почему?

— Потому что недавно сюда приходили белые и полубелые и покупали людей...

— Работорговцы? — с негодованием воскликнул молодой человек. — Но я считал, что эта гнусная профессия упразднена.

— Увы, нет. За водку, за табак, за ткани черные вожди делают набеги на краали, похищают жителей и отдают их людям, у которых белые лица и длинные бороды.

— Ну, уж если и меня примут за такого гнусного барышника, мне будет нетрудно оправдаться. Зато уж сами барышники пусть лучше не подходят ко мне слишком близко. Во всяком случае, спасибо за совет. Я еду. До скорого свидания.

Немного спустя все тронулись по следам всадника, которого уже скрывала густая трава.

Первый переход проделали молча. Александр, опустив голову, предавался размышлениям. Жозеф шел за ним след в след и молчал. Позади, непроницаемый и мрачный, плелся миссионер. Шествие замыкал грустный Виль, который уже, быть может, раскаивался в своей глупой затее и, во всяком случае, испытывал неловкость от сознания, что столь многим обязан великодушным преступникам.

В полдень сделали привал и позавтракали. Завтрак был мрачный. Без питья вяленое мясо застревало в горле. Было такое ощущение, точно жуешь паклю. Вдобавок начинало беспокоить долгое отсутствие Альбера, так что решили не задерживаться, хотя зной стоял безжалостный.

После мучительного дня наступила ночь. Пришлось остановиться. Развели огонь, и Жозеф кое-как собрал поужинать, но никто к еде не притронулся. Мысли об Альбере перешли в мучительную тревогу. Александр изнемогал от усталости и жажды, но усидеть на месте не мог. Несмотря на ночное время и опасность повстречаться с дикими зверями, он уже собирался выйти на поиски своего друга, когда послышался тяжелый, заглушенный конский топот. Александр и Жозеф закричали от радости, увидев Альбера. Забыв усталость, они бросились ему на шею.

— Ну, дружище, и заставил же ты нас тревожиться! Ты, надеюсь, цел и невредим? Какие новости? Нашел ли ты воду? Говори!..

— Право, я и сам не знаю, — весело ответил Альбер, соскакивая на землю. — Я, во всяком случае, набрел на нечто вроде деревушки. Мое появление вызвало невероятную растерянность. Но поберегись-ка. Дело в том, что я загнал лошадь. Сейчас она упадет. Смотри, как бы она тебя не задела, когда начнутся судороги. Хорошо, что мы тогда ее не убили, потому что она здорово мне послужила. Но она окажет нам еще одну услугу. Вы, вероятно, умираете от жажды, как я понимаю.

— В буквальном смысле слова. У меня нет сил говорить. Виски у меня сжало, как клещами.

— Ну вот, я и привез вам попить.

— Правда?

— Конечно, правда! Питье не очень вкусное, но что уж там — в темноте пить можно. А я пил и днем.

— Оттого ты так весел?.. Давай!

— Пожалуйста. Но должен тебе объяснить...

— Никаких объяснений. Давай скорей. Я выпью все. Даже если это кровь.

— Вот ты сам все и сказал. В Мексике, на Соноре, мы всегда так делали. Мне не раз случалось в подобных

обстоятельствах пустить кровь лошади и пить прямо из вены, превозмогая отвращение. Только что я вскрыл шейную вену этому бедному буцефалу, прильнул ртом к ране и напился. Это меня сразу подкрепило. Я наложил перевязку из шипов мимозы, и кровотечение приостановилось. Надо извлечь шип, и кровь потечет снова. Тогда можно будет пить. Конечно, противно до тошноты, но ничего не поделаешь. Сейчас я ей свяжу ноги... Готово. Ты нашел?

— Не могу... Не могу пить... кровь.

— Торопись... Она подыхает... Видишь, она уже хрипит!..

Его преподобие лежал на животе, уткнувшись лицом в песок, но не пропустил ни одного слова из советов Альбера. Он встал, шатаясь подошел к лошади, которая уже агонизировала, обнял ее за шею и стал пить ее кровь, как вампир. Наконец он оторвался, заткнул рану пальцем и, обернув измазанное кровью лицо к Жозефу, сказал ему глухим голосом:

— Ваша очередь. Еще не поздно.

Каталонец колебался секунду. Лошадь сделала резкое движение, палец лжемиссионера соскользнул с надреза, и длинная красная струя пролилась на землю. Альбер прижал голову лошади коленом:

— Да пей же... Кровь уходит, а это ваша жизнь!.. Она уходит из ваших жил...

Жозеф, преодолевая отвращение, долгими глотками пил ужасный напиток и сделал знак Александру, но тот мотнул головой в знак отказа.

— Нет, я никогда не смогу, — пробормотал он с неописуемым отвращением.

— Но подумай, малокровные женщины и дети ходят на скотобойни и стаканами пьют кровь только что зарезанных животных!..

— Возможно! Но что касается меня... Мастер Виль, пейте, если вам угодно.

Полицейский не заставил повторить это приглашение. Он тоже прильнул ртом к ране, и обескровленное животное забилось в судорогах. Это было как бы последнее возмущение жизни против смерти, последняя дрожь, последний хрип. Кровь перестала течь. Благородное жи-

вотное было мертво. Оно отдало свою кровь, чтобы спасти четырех человек.

— Бедная лошадка! — сказал Александр, расчувствовавшись. — Если она даже и была, сама того не зная, виновата перед нами, она искупила свою вину. — Затем он обратился к Альберу: — Ну, расскажи, что ты видел. Деревню? И там поднялся переполох? Там где-нибудь поблизости должна быть вода. Я очень обессилел, но сутки я еще продержусь.

— Я действительно видел какие-то шалаши. У нас в Европе в них не захотели бы жить и собаки. Метрах в пятистах оттуда я встретил группу женщин, человек двадцать. У них был довольно жалкий вид. Заметив меня, они быстро собрали страусовые яйца, штук по десять каждая, уложили их в сетки и панически пустились наутек. Я хотел их догнать и всячески успокаивал, но безрезультатно. Ни одна мне не ответила, и ни одна не хотела понять мои жесты. Когда я дошел до их хижин, яйца куда-то исчезли. Странно, но мужчин было всего несколько человек. Они смотрели на меня равнодушно, без враждебности. Но они тоже не понимали меня или не хотели понять. Пришлось вернуться.

— Вождь, — сказал тогда Зуга, — в этом краале живут бушмены. А женщины, которых ты встретил, несли в яичной скорлупе запасы воды. Нам бушмены воды не дадут, а яйца запрятаны так, что никто их не найдет. Однако это ничего не значит. Я сам сумею найти источник, и вы сможете напиться. Надо выйти до восхода солнца и отправиться к бушменам. Кто знает, быть может, когда они увидят, что вы такие же люди, как Дауд, и что вы не покупаете черных людей, они сами придут нам на помощь.

Проводник рассуждал правильно. Бушмены боятся набегов работорговцев и даже чужих бечуанов, поэтому они селятся далеко от воды или не говорят, где берут ее. Законный инстинкт самосохранения так развит у них, что они закапывают в землю сосуды с водой и разводят на этом месте костры. Когда им бывает нужно немного воды для личного потребления, они прибегают к довольно необычному приему. Но при их ограниченных возможностях и когда приходится быть постоянно начеку, им

ничего другого не остается. Женщины укладывают в мешок или сетку штук двадцать—двадцать пять страусовых яиц, верней — пустую скорлупу. В этой скорлупе проделана дырочка, в которую можно просунуть палец. В скорлупах они переносят воду и хранят ее. Они отправляются к роднику, засыпанному песком, и руками разгребают ямку. Дойдя до твердого слоя, они берут полый тростник длиной сантиметров в семьдесят, прикрепляют к одному концу пучок травы и втыкают этим концом в яму. Когда это сделано, они ее снова засыпают песком, но так, чтобы верхний конец тростника оставался свободным. Через этот свободный конец они ртом втягивают в себя воздух до тех пор, пока через траву медленно, трудно, но начинает подниматься вода. А воду они изо рта, глоток за глотком, переливают в яичные скорлупы, но не сплевывая, а спуская по соломинке, и не через соломинку, а именно по соломинке, по ее наружной поверхности.

Каждый может убедиться, насколько превосходен этот способ, — стоит только попробовать наполнить водой бутылку, стоящую на некотором расстоянии от сосуда, из которого вода вытекает, или пустить струю вдоль какой-нибудь ветки, приставленной по диагонали к тому сосуду, который надо наполнить.

Когда запасы воды наконец набраны, женщины уносят их в крааль и тщательно закапывают. Пусть явится неприятель или чужеземец — он сможет разграбить все село и обыскать всю округу, но воды не найдет. По этому поводу рассказывают характерную историю, показывающую, что для бушмена недостаток воды является первостепенным средством самозащиты.

Однажды в бушменский крааль пришли умиравшие от жажды бечуаны и попросили воды. Бушмены ответили, что воды у них нет, потому что сами они никогда не пьют. Бечуаны, убежденные в том, что их обманывают, решили разоблачить этих негостеприимных кочевников. Они караулили денно и нощно, совершенно погибая от жажды, но надеясь, что в конце концов вода все-таки выйдет из своего укрытия. Несмотря на все свое упорство, они через несколько дней отчаялись добиться успеха.

— Як! Як! — кричали они в ужасе. — Надо поскорей удирать отсюда! Это не люди!

А бушмены обманывали своих бдительных, но непрошенных гостей и каждый день пили воду из своих подземных запасов.

Не стоит слишком распространяться о тех новых муках, какие претерпели наши несчастные путешественники, прежде чем добрались до крааля, открытого Альбером. Скажем только, что они шли, верней тащились, пятнадцать мучительных часов почти не останавливаясь. Они понимали, что если остановятся на более или менее продолжительное время, то у них не будет сил снова подняться.

Мастер Виль больше чем когда бы то ни было проклинал свою сумасшедшую затею и свое честолюбие и уже тосковал по скромной должности, которую занимал в Нельсонс-Фонтейне. Теперь это уже был не самоуверенный, подталкиваемый радужными надеждами сыщик, чьему имени предстояло вскорости прогреметь вплоть до самой метрополии. Теперь он охотно согласился бы снова подставить себя под шуточки коллег, лишь бы ему дали вернуться в их среду. Да что там — за стакан воды он, Вильям Саундерс, сам пошел бы выполнять теперь все работы вместе с разными проходимцами, приговоренными к принудительным работам.

Совсем другое дело его преподобие. Вот кого не покидала мрачная энергия. Казалось — по крайней мере, внешне, — что этому человеку чужды обычные человеческие потребности. Он говорил мало, никогда не жаловался и только шагал и шагал. Спутники не переставали восторгаться его непреклонной твердостью и, по простоте, приписывали ее одной только его горячей вере, не подозревая, конечно, с кем имеют дело. Каждую ночь мерзавец ненадолго отлучался к своим чернокожим сообщникам, которые следовали за караваном на небольшом расстоянии, и получал от них продукты и воду, отсутствие которых так тяжело переносили несчастные французы, их проводник и полицейский.

Единственное, что интересовало лжемиссионера, были сокровища кафрских королей. Он мысленно переносился на Замбези. Там он видел сверкание драгоценно-

стей, обладание которыми, как он рассчитывал, должно было принести ему и его сообщникам вожделенное богатство. Он находил, что смерть делает свое дело слишком медленно. Он охотно помог бы курносой, чтобы поскорей завладеть картой, находившейся у одного из трех французов. Он только не знал, который именно из них держит при себе этот драгоценный документ.

Ни Альбер, ни Жозеф, ни Александр не делали ни малейшего намека на цель своего путешествия, и бандит никогда ничего не заподозрил бы, если бы не рассказы бура Клааса. Он и не думал, что его сообщники убьют французов. Напротив, для него не было исключено, что, будучи людьми осторожными и искушенными, французы и вовсе не взяли карты с собой. Они могли тщательно ее изучить и хорошо запомнить, так, чтобы, придя на место, уметь обойтись без нее.

Их не только не следовало убивать, но, если нынешнее тяжелое положение затянется, надо будет даже помочь им.

И так как всему приходит конец, даже страданиям, то, дойдя до предельного изнеможения, путники увидели бушменский крааль. Мужчины, должно быть, ушли на охоту, а у женщин и детей появление белых вызвало обычный страх, смешанный с любопытством.

Зуга, крепкий, точно он был сделан из бронзы, перенес все тяжкие лишения относительно легко. Он поддерживал Александра, который еле волочил ноги. Обращаясь к женщине, которая толкла просо в ступе, он два раза умоляющим голосом сказал ей:

— Метце! Метце! (Воды! Воды!)

Женщина подняла голову. В глазах у нее промелькнуло выражение сострадания, но она быстро его подавила, даже как будто устыдилась этого непроизвольно обнаруженного чувства, и с усердием продолжала работать.

— Женщина, — сказал проводник, — этот белый человек — друг черных людей. Он и его спутники — такие же люди, как Дауд. Они не уводят в рабство воинов пустыни. Они накормили воинов Калахари, которые умирали от голода. Дай им напиться.

У Александра подкашивались ноги. Его могучий ор-

ганизм был сломлен, он был обречен на гибель. Альбер и Жозеф бредили, мастер Виль хрипел. Один только лжемиссионер смотрел на всех своими бесстрастными и пронзительными глазами.

— Женщина, — повторил Зуга, — дай пить этим белым. Я отдам за них мою кровь.

Бушменка молча поднялась, вошла в шалаш и вернулась через несколько минут, неся две скорлупы страусовых яиц, наполненные свежей, прозрачной водой.

Путники пили жадно. Но проводник отмерил каждому недостаточную порцию. Вернувшись к жизни, они едва были способны пробормотать слова благодарности и тотчас заснули свинцовым сном.

Не прошло и часа, как этот целительный сон был прерван пронзительными криками. Две женщины склонились над ребенком, который кричал, показывая ногу.

— Что случилось? — спросил Александр.

Одна из женщин, как раз та самая, которая дала им пить, смотрела на бедного малыша, и глаза ее наполнились слезами.

— Он укушен, — наконец с трудом выговорила женщина.

Затем она взяла ребенка на руки и, страстно его целуя, подала европейцу.

У малыша уже опухла ножка, и на месте укуса, на светло-коричневой коже, образовалось серое пятно. Две капельки крови, как два рубина, просочились из двух маленьких ранок.

— Это змея пикаколу, — с грустью пробормотал Зуга. — Сам Дауд не знал средства против этого укуса. Женщина, твой ребенок умрет.

В это время из одного шалаша вышел старик. Он холодно осмотрел рану и, покачивая головой, подтвердил:

— Пикаколу...

Ничего больше он не сказал и лишь молча следил за быстрым действием яда. Нога у ребенка распухала и распухала и бледноватое пятно подымалось к бедру.

Мать сидела на земле. Она молча плакала крупными слезами и судорожно прижимала к себе малыша, который издавал душераздирающие крики.

— Ты уверен, что умрет? — спросил Александр.

— Через полчаса. Против укуса пикаколу средств нет.

— Клянусь, эта несчастная женщина имеет слишком много прав на нашу благодарность. Я попробую заплатить ей наш долг... Альбер, — обратился он к своему другу, — у нас нет никаких прижиганий, и я не вижу хотя бы жаровни с углями. Высыпь мне порох из одного патрона. А ты, Зуга, скажи женщине, что я попытаюсь вырвать ребенка из лап смерти, но ему будет больно.

Мать отдала малыша беспрекословно и устремила на белого человека взгляд, полный нежности и доверия.

Из своего дорожного прибора Александр достал ланцет, сделал на месте укуса два крестообразных надреза, раздвинул края и нажал, чтобы выжать кровь, которая все не вытекала.

Затем после секундного колебания он взглянул на эту скорбную мать, увидел жаркую мольбу в ее глазах, полных слез, и посмотрел на ребенка, которого сотрясала страшная судорога.

Альбер как будто угадал, что переживает его друг, и у него сжалось сердце. Он побледнел, но не сделал ни малейшего движения, чтобы остановить сопряженную со смертельным риском безумную попытку Александра.

Превозмогая страх, Александр прильнул ртом к одной из ранок и стал отсасывать кровь, время от времени сплевывая покрасневшую слюну.

Напрасно пытались вмешаться и его преподобие и полицейский.

Не слушая их и не отвечая им, Александр прильнул ко второй ранке и стал из нее также отсасывать отравленную кровь. Решив, что отсосано достаточно, он повернулся к Альберу:

— Порох! Высеки огонь! Зажги трут...

Альбер все предвидел и все приготовил.

Александр крепко зажал раненую ножку, насыпал немного пороху на одну из ранок и поднес трут, каким они обычно пользовались для разжигания огня. Порох вспыхнул, поднялось белое облачко, запахло жженым мясом. Ребенок корчился и кричал.

— Хорошо! Давай дальше!

В два приема он повторил ту же операцию, не обращая внимания на отчаянные крики маленького пациента.

Несчастная бушменка снова подняла свои заплаканные глаза и снова взглянула на француза нежным и глубоким взглядом. Француз понял ее немой вопрос.

— Надейся, женщина, — сказал он мягко. — Твой ребенок будет жить.

Его прервал внезапный раскат саркастического хохота, за которым последовал нечеловеческий крик.

Александр резко повернулся, как если бы сам наступил на змею. Он остолбенел, увидев чернокожего с тяжелой колодкой на шее, который со всех ног бежал к ребенку. Малыш уже тем временем перестал плакать. Негр схватил его на руки и, громко крича, стал сжимать в объятиях.

Тут снова раздался смех, похожий на скрежет пилы, и длинный бич из кожи гиппопотама, опустившись на спину несчастного бушмена, оставил на ней кровавую полосу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Работорговцы. — Что такое чамбок. — Так ему и следует! — Искупление. — Благодарность — добродетель чернокожих. — Праздник в краале. — Пирушка у туземцев. — Корни, стрекозы, гусеницы, ящерицы, черепахи и лягушки. — Остроумное устройство печи. — Пиво в плетенке. — Приготовления к большой охоте.

Европейцы были поглощены наблюдением за героическим и безумным поступком Александра, а мать умиравшего ребенка была целиком во власти своего горя и своей надежды, поэтому никто не заметил, какая мрачная процессия неожиданно показалась в долине, направляясь в сторону беззащитного крааля. Человек пятьдесят негров с закрученными за спину руками и с ногами, связанными, как у приговоренных к смерти, медленно плелись под конвоем вооруженных до зубов мулатов со зверскими лицами. Несчастные негры изнемогали от усталости и умирали от жажды. Из утонченного варварства их привязали за шею по двое к одному бревну в три мет-

ра длины и с развилками на обоих концах. Прикрепленные друг к другу этим двойным ярмом, негры были лишены возможности повернуться или хотя бы повернуть голову. Так они и плелись, спотыкаясь на каждом шагу, безжалостно подгоняемые чамбоком.[1] В довершение всего несколько женщин, несших за спиной маленьких детей, были также скованы попарно и подвергались тому же бесчеловечному обращению.

Подлые барышники, которые перегоняли это человеческое стадо, были одеты по-европейски: они носили куртки и бумажные штаны, широкополые соломенные шляпы и сапоги со шпорами. Их лица, на которых застыло выражение жестокости, были бы страшны, даже если бы с ними пришлось повстречаться в стране цивилизованной. А уж в этой дикой и заброшенной пустыне они были до того омерзительны, что и рассказать трудно.

Александр, Альбер, Жозеф и даже мастер Виль не могли поверить своим глазам. Как! В XIX веке, в нескольких переходах от английских владений еще встречаются злодеи, занимающиеся возмутительной торговлей людьми? И в жилах этих чудовищ течет наполовину кровь тех самых черных народов, которыми они торгуют, и наполовину кровь белых! Какая мерзость!

Александр, еще чувствовавший на себе молчаливый взгляд матери спасенного им ребенка, внезапно ощутил приступ того бешеного гнева, с каким не умеют совладать люди, обычно спокойные. Только что он смело рискнул собой, чтобы спасти жизнь ребенка. Он не мог сохранить хладнокровие, когда его самоотвержению был брошен такой вызов.

Этот негр, который завыл после удара бичом, но лицо которого все же сияло сверхчеловеческой радостью, не мог быть никем иным, как отцом спасенного малыша. Своими зоркими глазами сына природы он издалека

---

[1] Чамбок — бич, которым погоняют волов. Это полоска кожи гиппопотама или носорога длиной в два метра, толщиной сантиметра в четыре у рукоятки и постепенно сужающаяся. Чамбок предварительно хорошо просушивают, затем обрабатывают деревянной колотушкой, после чего он получает удивительную прочность и гибкость. Средней силы удар, нанесенный быку, вырывает у него шерсть и оставляет след, который держится целый день. *(Примеч. автора.)*

Сделав отчаянное усилие, он сломал ярмо раба и подбежал к ребенку.

увидел, что́ здесь происходит, и понял великодушный поступок белого. Сделав отчаянное усилие, он сломал свое ярмо раба и подбежал к ребенку. А конвоир-мулат, делая вид, что заподозрил попытку к бегству, безжалостно вытянул его чамбоком и рассмеялся, когда улыбка радости несчастного отца смешалась со слезами и с кровью.

На француза это зловещее веселье подействовало, как пощечина. Он резко выпрямился во весь свой гигантский рост, подскочил к насильнику, вырвал у него чамбок и так хватил его этим самым чамбоком по скотской роже, что тот сразу облился кровью.

— Это белый из Европы! — пробормотал мулат сдавленным голосом. — Это настоящий белый!

— Да, мерзавец, я белый, и я европеец, и ты мне сейчас за все ответишь! На колени, презренная тварь! На колени перед всеми этими людьми, которых ты лишил свободы!

Крик радости вырвался у чернокожих, когда они увидели, что возмездие близко. Но другие работорговцы, сообразив, что положение становится угрожающим, приготовились к борьбе.

— Бросить оружие, или я сейчас же застрелю этого мерзавца! — приказал им неумолимый мститель. — Альбер, Жозеф, возьмите их на мушку! И пулю в лоб тому, кто шевельнется.

Когда работорговцы увидели, что на них смотрят стволы крупнокалиберных карабинов, рассчитанных на слонов, они поняли, что белые незнакомцы держат их жизнь в руках. Тогда они побросали ружья на землю. И хорошо сделали, потому что оба наших каталонца, Альбер и Жозеф, были в таком состоянии, что еще немножко, и они бы застрелили работорговцев, как гиен.

Пусть не удивляется читатель, что три случайных человека смогли так сразу отбить у мулатов всякую охоту к сопротивлению. Надо знать, как велик у этих первобытных народов престиж чистокровных белых, насколько он выше престижа людей со смешанной кровью, особенно тех, кто происходит от португальцев и туземных женщин. Эти презренные полукровки бесчеловечно жестоки в обращении со своими, но один лишь вид европейца внушает им почтение.

— А теперь, — сказал Александр, — освободите-ка этих людей, которых вы хотели угнать! Развяжите их! И живей!

Покуда у мулата страдала только шкура, он молчал. Но когда под угрозой оказался его карман, он заволновался и попробовал торговаться. Жадность сильнее страха.

— Но позвольте, белый сеньор, эти люди принадлежат мне. Я купил их... И дорого за них заплатил... Я их купил у родного брата царя Сикомо. Я должен доставить их на Вааль, бурам. Им там будет очень хорошо. Смотрите, как они здесь несчастны, в этой пустыне, где нечего ни пить, ни есть... А там о них будут заботиться. Вот что, белый сеньор, если вы хотите купить их у меня, я их уступлю вам без всякой наживы. Не захотите же вы этак вот разорить бедного человека, я надеюсь. Вы мне заплатите за них сколько хотите и когда хотите. Слово белого человека свято.

— Ах, трижды мерзавец! — воскликнул Александр, которому эта беседа уже начала надоедать. — Ну погоди же, я тебе заплачу сейчас же! И с лихвой! То, что ты получил от меня чамбоком по роже, пока только задаток. Подожди минуту, сейчас мы произведем полный расчет.

Он поднял чамбок, который все время судорожно сжимал в руке, и стал так добросовестно обрабатывать шкуру негодяя, что тот, задыхаясь, запросил пощады и милости.

— Развяжи этих людей, — приказал ему Александр.

Несчастные невольники, почуяв свободу и видя, что их враги обезврежены, стали кричать от радости. Некоторые пытались поломать свое «бревно рабства», как здесь называют деревянные колодки, надеваемые на невольников.

Освободитель, желая, чтобы его приказание было выполнено в точности, сделал неграм знак не шевелиться. Затем он взял за ухо мулата, тяжело дышавшего после полученной трепки, и, поведя его по рядам, заставил развязать одного за другим всех невольников, и в первую очередь женщин. Альбер и Жозеф, держа в одной руке большие кухонные ножи, другой рукой схватили каждый по одному мулату, и даже мастер Виль схватил здо-

ровой рукой пятого и поволок его, несмотря на сопротивление. Один только преподобный довольно растерянно смотрел на шестого мулата. Но этот последний, видя, что все его сообщники поневоле покорились и развязывают путы на невольниках, подчинился беспрекословно. Он был счастлив, что дело обошлось для него без проклятого ремня.

Не прошло и пятнадцати минут, как справедливость восторжествовала — невольники получили свободу. Колодки были свалены в кучу, а Зуга, угадывая мысль белых, развел костер и бросил «бревна рабства» в огонь. Бушмены затеяли бешеную пляску, на которую шестеро работорговцев смотрели разочарованно и понуро.

— Вы нарушили самые священные права человека! — строго сказал им Александр. — Вы лишили этих людей свободы. Я мог бы отдать вас им на растерзание, но мы судьи, а не палачи. Я ограничусь тем, что отберу у вас оружие. Идите на все четыре стороны. Где-нибудь вы свою веревку найдете. Марш!..

Мулаты были подавлены. Они робко поглядывали на бушменов, которые, вероятно, с удовольствием разорвали бы их на куски. Опустив головы и побросав все свое оружие, они медленно удалились.

Александр позвал проводника.

— Собери все эти ружья, сабли, ножи, раздай людям — пусть у них будет чем защищать свою жизнь и свободу.

Затем он резко обернулся, почувствовав какое-то теплое и мягкое прикосновение к своей руке. И тотчас лицо его, доселе бледное от гнева, осветилось доброй улыбкой: он увидел бушмена и его жену, склонившихся над заснувшим ребенком.

Бушмен весь сиял от счастья. Тихие слезы текли по его лицу, и он их не сдерживал. Одна из этих жемчужин, в тысячу раз более ценная, чем настоящий жемчуг, и упала Александру на руку.

Тут раздался веселый голос Жозефа:

— Караи! Теперь, когда бся эта падаль ушла, а добрые вушмены бернулись домой, можно немного и побеселиться! Не прабда ли, месье Альвер?

И действительно, в этот день в краале был праздник.

Бушменам хотелось достойным образом чествовать своих белых заступников. На стол поставили все, что было, и европейцы увидели такие яства, существования которых никогда и не подозревали.

Много было блюд не только странных, но даже таких, на которые наши друзья поглядывали с опаской. Сначала пошли вкруговую красивые тарелки, искусно сплетенные из трав и наполненные зелеными гусеницами «лапанес», которые имеют до десяти сантиметров в длину. Бушмены набросились на них с жадностью. Затем гостям подали второе блюдо. Это были личинки некоего крылатого насекомого, покрытые сладковатой слизью. Насекомое называется «мопанес». Этим именем туземцы обозначают, собственно, дерево, на котором данное насекомое живет. Европейское название дерева — баугиния. Оно очень красиво, но обладает странной особенностью, вследствие которой его листья дают мало тени. В жаркие часы дня они свертываются и подставляют солнечным лучам только жилки. А в складках этих листьев находит себе приют маленькое съедобное насекомое. Жареные кузнечики, эти воздушные креветки, как их шутливо назвал Альбер, имели у наших европейцев немного больший успех. Вид больших сушеных ящериц, сухих, как вяленая треска, вызвал у Жозефа тошноту. Зато он налег на восхитительный корнеплод, имеющий до метра в окружности. По-бушменски он называется «маркуэ». Его сочная и питательная мякоть тает во рту и напоминает сметану. Затем ели «камерос» и «киамало», похожие на картошку, но сладкие. Они были поданы в вареном виде, и люди, которые несколько дней не видели никакой горячей пищи, ели их с аппетитом.

Белые не соблазнились ни гусеницами, ни ящерицами, ни личинками, но отдали честь питательным растениям и были уже сыты, когда торжественно внесли новое блюдо. Восхитительный запах, который оно издавало, стал еще больше раздражать аппетит, так что лакомства вегетарианские были отставлены.

Альбер без всякой церемонии поднял крышку с блюда, на котором легко мог бы поместиться средней величины теленок. Там оказалось штук шесть черепах. Они

были приправлены ароматичными травами и варились вместе со своими панцирями.

— Браво! — воскликнул каталонец. — Конечно, и ящерица — друг человека, но не в вареном виде! Да здравствуют черепахи!

— И лягушки! Да здравствуют лягушки! — воскликнул Александр, хватая второй котел. — Вот это уж вполне французское кушанье. Отказаться от него было бы не то что неблагодарностью, но просто-таки преступлением против кулинарии. Господа англичане, — обратился он к его преподобию и к полицейскому, — не угодно ли?

Но оба гражданина Соединенного Королевства, у которых это милое земноводное еще не завоевало симпатий, ответили выразительной гримасой.

— Напрасно, господа, поверьте моему опыту. В Нельсонс-Фонтейне мне не раз случалось дополнять обед этим блюдом, и я, право, не знаю ничего вкусней.

— Что черепахи и лягушки встречаются на алмазных полях, где поблизости имеются болота, меня ничуть не удивляет, — заметил Альбер, — но не понимаю, как они попали в здешние выжженные места?

— Я тебе объясню. Но прежде всего я должен отметить, что бушмены готовят их гораздо лучше, чем мой бывший повар-китаец. Он попросту варил их в кастрюле, а наши хозяева, по-видимому, ставят их в духовку.

— Как — в духовку? Я здесь не вижу никакой духовки.

— Ну вот! Неужели я должен тебе описывать Южную Африку? Ты, кажется, исколесил ее с севера на юг и с востока на запад, в то время как я ничего не видел, кроме своего участка в Нельсонс-Фонтейне!

— А все-таки!

— Да ведь очень просто. Видишь этот конусообразный холм? Ты, быть может, принимаешь его за хижину? Ошибка, дорогой мой. Это муравейник. Наши бушмены проделали у самого основания отверстие, просунули туда огонь и выжгли муравьев. Потом они хорошенько все прочистили, и получилась прекрасная печь. Ею пользуется вся деревня. Каждый варит, жарит и печет в ней что хочет.

— Ладно, а причем тут лягушки и черепахи? Они,

правда, восхитительны. Но посмотри, какие они крупные. Особенно лягушки. Если у них и голоса соответствующие, то это должны быть басы-профундо, они должны заглушать рычанье льва и крик страуса. Взгляни-ка на эту. Она не меньше пулярки. Да и вкусом не хуже.

— Местные жители зовут их... Вот я уже и забыл!

— Здесь их зовут матламетло, — напомнил его преподобие, который до сих пор разжимал зубы только для того, чтобы поглощать пищу. Он ел с жадностью человека, который страдает солитером.

— Матламетло, вот именно! Благодарю вас, ваше преподобие. Туземцы думают, что эти лягушки падают с неба.

— Шумная манна, я вам доложу! И тяжеловесная!..

— Ах ты, Фома неверующий! Во всяком случае, в дождливое время года они живут в лужах, которые образуются на здешних твердых грунтах. Когда наступает засуха, матламетло устраивают себе жилища под кустами и прячутся там до новых дождей. Они выходят только в дождь, а дождей здесь не бывает месяцами. Этим пользуется громадный паук, которому нужно ткать паутину: он закрывает ею весь вход в убежище лягушки. Но лягушку это спасает от комаров. Так что когда бушмены выходят на охоту, они не упускают случая поднять этот занавес, зная, что найдут здесь добычу. А что касается поверья об их небесном происхождении, то вот чем оно объясняется. Перед грозой, когда вот-вот пойдет дождь, лягушки выползают из своих норок и начинают громко квакать, напоминая обезьяну-ревуна. А бушмены страшно боятся молнии. Они прячутся у себя в хижинах, накрывшись кароссами [1]. Их поражает оглушительное кваканье, и они уверены, что так громко квакать могут только небесные создания. Что касается черепах, то они тоже водятся в песке, осевшем на дне высохших луж. До начала дождей они находятся в состоянии глубокого летаргического сна, если только их не пригласят на пирушку вроде сегодняшней.

— Вот уж поистине чудна́я страна! — пробормотал

[1] В Южной Африке кароссами называют большие плащи, сделанные из звериных шкур. *(Примеч. автора.)*

Жозеф, уписывая туземное рагу. — Все в земле: корни, вода, животные; воду носят в яичной скорлупе и пиво подают в плетенках. Ведь эта кислятина — пиво? Не так ли, месье Александр?

— Кислятина? — возмутился Александр. — Да ведь это пиво из сорго! Прекрасное пиво!..

— Оно вполне может выстоять против лучших страссбургских и мюнхенских сортов, — прибавил Альбер. — Но меня не меньше удивляет посуда. Ведь это плетенки! Они сделаны из растительного волокна. Но посмотрите, как искусно! Они совершенно водонепроницаемы!

Пирушка затянулась до поздней ночи и закончилась плясками, каких гости-европейцы еще не видали. Если судить по фантастическим телодвижениям, которые танцующим подсказывала африканская Терпсихора, их радость была ни с чем не сравнима, разве только с их неутомимостью. А ведь всего неделю назад эти бедные люди, выйдя на охоту, были пойманы враждебным племенем, вступившим в союз с португальскими мулатами-работорговцами! Но каких только чудес не совершает и с людьми первобытными, и с людьми цивилизованными магическое чувство свободы!

Несмотря на бешеную пляску и обильные возлияния, какими она сопровождалась, утро застало жителей крааля бодрыми, как стадо прыгающих газелей.

Поскольку из-за подлого нападения работорговцев сорвалась большая охота, на которую ушли все здоровые мужчины, а бушменам все же хотелось продолжить увеселения, они пригласили своих новых друзей на грандиозную облаву. Засуха вызвала сильную нехватку продуктов, так что устроить облаву было необходимо, и решено было закончить ее грандиозной травлей, во время которой сотни, а быть может, и вся тысяча животных должна была попасть в «хопо».

Как ни хотелось нашим трем приятелям продолжать путь на север, они не могли отказаться от приглашения. Да им и самим необходимо было спокойно провести хоть несколько дней в краале, во-первых, чтобы восстановить силы, во-вторых, чтобы закрепить дружбу с бушменами, на помощь которых они еще рассчитывали в будущем.

Мастер Виль вполне основательно сослался на свою больную руку и изъявил желание остаться в деревне. Проповедник, который до сих пор ничего не проповедовал по причине отсутствия слушателей, нашел наконец где применить свои таланты и стал всерьез наставлять на путь веры бушменских женщин и детей. Это позволило ему уклониться от столь светского развлечения, как охота, и он тоже остался в деревне.

А бушмены, попивая местную сливовую водку «муцуни», условились немедленно приступить к приготовлениям. На это требовалось не меньше двух дней.

Европейцы постарались использовать эти сорок восемь часов с наибольшей пользой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Взгляды человека с двойным зрением. — О чувствительности. — Утерянный медальон. — Облава. — Что такое «хопо». — Антилопы, жирафы, буйволы, зебры, лоси. — Охотничий праздник. — Невиданное скопище южноафриканских зверей. — Паника. — Избиение. — Что произошло, когда убили куаггу. — Носом к носу с огромным крокодилом. — Смертельная опасность.

— Знаете, дружище Жозеф, ваши суеверия подарите бушменам! Где это видано, чтобы белый человек так расстраивался из-за сновидения!

— Из-за сновидения, месье Александр? Караи, скажите лучше — из-за страшного кошмара.

— А хоть бы и кошмара. Но ведь вы проснулись, и неприятные вещи, которые вы видели, исчезли?

— Что вы! Они все еще стоят у меня перед глазами, и мне страшно. Знаете, мы, каталонцы, верим в двойное зрение.

— А бушмены и бечуаны верят, что их колдуны могут вызвать дождь! Впрочем, они правы, в конце концов. Когда их колдуны несколько недель подряд заклинают солнце, луну и звезды, дождь все-таки начинает идти... раньше или позже.

— Да, но знаете, месье Александр, двойное зрение...

Александр только рассмеялся.

— А ты, Альбер, — спросил он своего друга, — ты тоже видел кошмар этой ночью? Ты нем, как рыба, и бледен, как саван того привидения, которое посетило Жозефа. Эх вы, горцы! Вы забыли, где родились и где находитесь! Вы бродите в густом тумане, в обществе героев Вальтера Скотта, — всяких гномов, кобольдов и домовых. Не забывайте, что мы находимся в Южной Африке. Здесь все призраки и привидения можно потрогать руками, и легенды нашего Старого Света здесь еще хождения не имеют.

Альбер де Вильрож, всегда казавшийся веселым, тоже обнаруживал в этот день какую-то странную озабоченность.

— Ах, дорогой мой Александр, — ответил он угрюмым, почти страдальческим голосом, — усилиями разума можно иногда разогнать страхи, которые нагнало ночное сновидение. Однако у некоторых особенно чувствительных субъектов сны вызывают совершенно реальные мучения.

— Так! Вот тебе еще один перепуганный!..

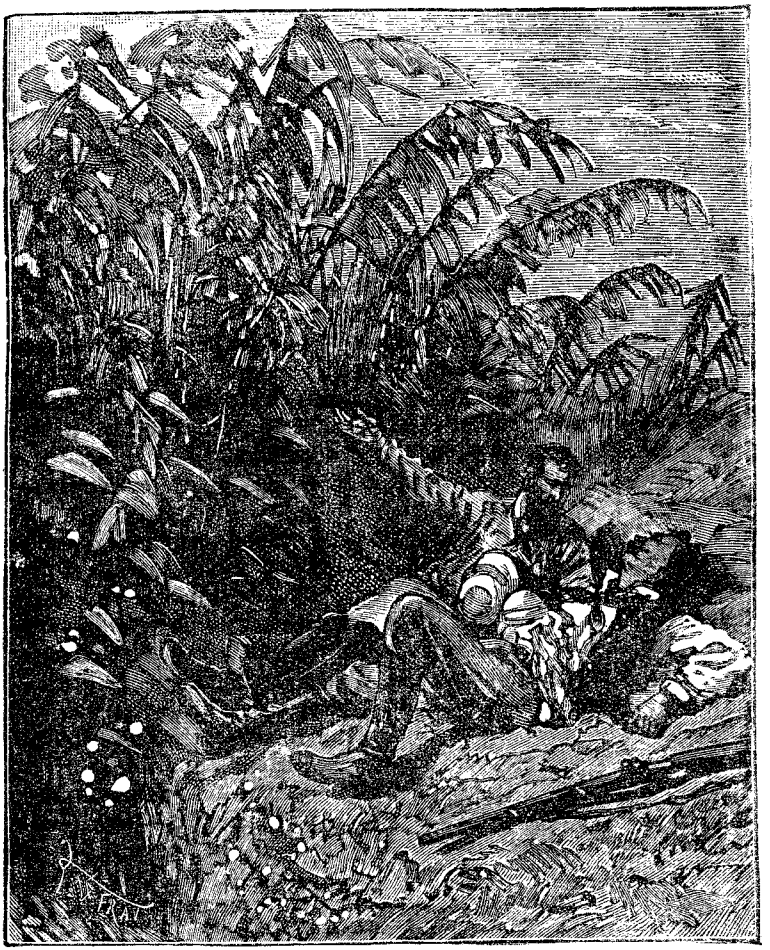
— Можешь смеяться сколько угодно! А мы, южане, народ нервный, и от иных переживаний нам бывает не так легко отделаться. Взгляни на эту гигантскую мимозу, под которой мы лежим. Ты не находишь, что есть что-то общее между чувствительностью ее нежно-зеленой листвы к разным метеорологическим влияниям и моей душой, которую терзают таинственные ночные сновидения?

— Знаешь, у тебя получается какая-то смесь метафизики с ботаникой, и я ничего не понимаю.

— Сейчас объясню. Еще вчера это прекрасное дерево было величественным и пышным. Его ветви смело поднимались вверх, к небу, и нежные листья сладострастно принимали поцелуи солнца. А сегодня оно выглядит больным, ветви обвисли, листья свернулись, короче — больное дерево.

— Да ведь приближается гроза. И меня уже мучает мой застарелый ревматизм, а ведь я-то далеко не мимоза.

— Значит, ты допускаешь, что растение может заранее, за несколько дней или часов, предчувствовать



— *Взгляни на эту гигантскую мимозу.*

приближение разных явлений природы? А человек, человеческая мысль не может, по-твоему, предчувствовать катастрофу?

— Конечно, не может! Не будем смешивать причину со следствием. Мимоза съеживается оттого, что воздух насыщен электричеством. А твой разум поразило...

— Мой разум поразило то, что он видел во сне, и он чувствует, или ему кажется, что он чувствует, приближение опасности.

— Да, но атмосферное электричество и гроза — вещи вполне реальные, а твоя опасность вымышленная.

— Этого ты не знаешь!..

— Ты просто болен, друг мой. У тебя лихорадка, вот ты и несешь какую-то околесицу.

— Да нет же! Заметь, все у нас в экспедиции пошло плохо с самого начала.

— Вот уж чего бы я не сказал! Правда, у нас были приключения, и довольно-таки сложные, но ведь мы очень хорошо выпутались из всех бед. И мы все-таки хоть и потихоньку, а приближаемся к цели нашего путешествия.

— Я не об этом говорю. Со мной однажды случилась неприятность. Я не хотел тебе даже и рассказывать, но сегодня она мне как-то очень уж отчетливо припомнилась, и все из-за этих ночных сновидений. Когда мы уходили из Нельсонс-Фонтейна, я потерял медальон с портретом Анны. Не знаю, где, в каком именно месте и в какую минуту я его потерял. Возможно, когда мы были в фургоне у того торговца. Так или иначе, но на другой день, когда я захотел взглянуть на портрет моей любимой, я увидел, что цепочка оборвана, а медальона нет.

— Конечно, — мягко сказал Александр, — это большая потеря, я не буду спорить. Однако, дорогой мой Альбер, ты потерял только портрет. А ведь оригинал остался, и он возместит тебе твою потерю. Конечно, это досадно и грустно, но ведь беда поправима, и с ней можно примириться.

— Я и примирился. Не ребенок же я, черт возьми! Однако поверь, несмотря на все успокоительные слова, которые мне подсказывает рассудок, я не могу побороть мрачные предчувствия в отношении Анны.

— Вполне естественный результат разлуки.

— Хочу так думать. Но сегодня ночью я видел Анну. Она умоляла помочь ей, у нее был такой душераздирающий голос, она так страшно кричала, что я проснулся весь в поту. Я был как сумасшедший. У меня стучало в висках, теснило в груди... И тут появляется Жозеф, и у него тоже расстроенный вид. Оказывается, что ровно в ту же самую минуту он тоже видел Анну в каком-то отчаянном положении. Но что это с тобой? Ты так побледнел...

— Ничего. Это со мной бывает... Нервы... — ответил Александр и подумал про себя: «А вдруг они правы? Я не знаю госпожи Анны де Вильрож. Но она жена моего самого близкого друга, и я люблю ее, как сестру. А ведь и мне приснилось, что она переживает страшные затруднения и зовет на помощь...»

Другу своему он сказал:

— Дорогой мой, твоей жене ничто не грозит. Она живет со своим отцом в большом цивилизованном городе. А что касается нас, то мы должны выполнить определенную задачу. Нам нельзя быть малодушными, надо идти вперед и вперед. Пустыня иногда действует расслабляюще на самых закаленных людей, но это проходит. А мы целых два дня ничего не делаем. Да еще такие переживания. Конечно, это тоже повлияло. Надо сняться с места и пойти. Двадцать четыре часа ходьбы по направлению к тайнику, где лежат сокровища кафрских королей, — и все будет забыто.

— Я, кстати, хотел тебе сказать по этому поводу два слова, пока мы одни.

— Пожалуйста! Его преподобие сбывает свой запас проповедей, а мастер Виль ему помогает, как будто он всю жизнь ничем другим не занимался. Говори, мы с Жозефом слушаем.

— Надо было бы еще раз и самым тщательным образом просмотреть карту.

— Мне это не нужно, я твердо полагаюсь на свою память. У меня в голове все очертания местности — и деревья, и базальтовая стрелка, и весь островок. Все это я могу воспроизвести по памяти.

— А ты, Жозеф?

— Ну, знаете, у меня для таких вещей голова неподходящая! Вот если бы я там разок побывал, то уж второй раз нашел бы это место с завязанными глазами. Идите вы вперед, а я пойду за вами по пятам. Покажите мне место издали. Если это вершина крутой скалы, я взберусь, как ящерица. Если надо нырнуть в соленую или пресную воду — пожалуйста. Если надо пуститься в лес — пожалуйста. В болото — пожалуйста. По болоту я скольжу еще лучше, чем по снегам у нас в Канигу. Но чтобы я разбирался в этой мазне, в этой тарабарщине, — нет, этого вы от меня не требуйте. Я отказываюсь. Это по вашей части, вас даже латыни учили...

— Ладно, — решил Александр, — ничего не поделаешь. Я вижу, Жозеф относится к топографии враждебно. Но поскольку мы не имеем в виду расставаться, то это значения не имеет. А теперь послушай моего совета: давай уничтожим эту карту. Бог его знает, что может случиться. Мы можем заболеть, нас могут ранить или захватить в плен, а этот документ не должен попасть в чужие руки.

— Если хотите, — сказал Жозеф, — доверьте его мне. В случае опасности я всегда сумею его уничтожить.

— Идея! На, возьми. И не забывай, что ты держишь при себе все наше богатство.

Сорок восемь часов, которые были нужны на изготовление хопо — огромной туземной ловушки, в которую должны были попасться звери после облавы, истекли.

Депутация от бушменов пришла в полной военной форме официально пригласить французов. Охота должна была скоро начаться.

Его преподобие и мастер Виль были поглощены своим благочестивым занятием и снова изъявили желание остаться в краале. Александр, Альбер и Жозеф были готовы в одну минуту и пошли с бушменами, которые должны были расставить их на хорошие места и позаботиться обо всех их нуждах.

Участие в такой грандиозной облаве, в которой наши три француза могли бы увидеть южноафриканскую фауну во всем ее разнообразии, конечно, весьма привлекало

этих трех заядлых охотников, но они все же не могли подавить тяжелые воспоминания, оставленные ночным кошмаром.

Особенно был расстроен Жозеф. Его напускная веселость никого не обманывала, и славный малый решил не упускать своих спутников из виду, боясь, как бы с ними не случилось какой-нибудь беды.

Покуда приглашенные на охоту загонщики из соседних племен уходили далеко, на свои места, бушмены, счастливые как дети, показывали своим новым друзьям хопо, и французы без долгих объяснений поняли его незатейливое устройство.

Представьте себе два частокола вышиной в два метра. Колья перевязаны лианами и крепко сидят в земле. Каждый такой частокол имеет от трех до четырех километров в длину и ни малейшей щели. Они поставлены в долине и почти сходятся под острым углом, в форме колоссальной латинской цифры V. Расстояние между свободными концами равно длине одной из сторон угла. Эти стороны, однако, не сходятся и угла не образуют. Метрах в семи—десяти от точки, где могло бы произойти скрещение, они начинают идти параллельно, на расстоянии метров двадцати один от другого. Так образуется коридор. Он заканчивается ямой, имеющей примерно двадцать квадратных метров по поверхности и четыре метра в глубину. На краях ямы, с той стороны, откуда звери должны появиться, и на противоположной стороне, там, куда они попытаются бежать, лежат поваленные деревья, так что всякая попытка к бегству становится невозможной. Яму прикрывает легкий настил из прутьев, замаскированный травой и листьями, и в нее неизбежно сваливается каждое животное, которое попадает между частоколами.

Загонщики собираются в наивозможно большем числе и уходят далеко, за пять—шесть километров. Там они образуют огромный полукруг и медленно направляются к открытому основанию цифры V. При этом они исступленно кричат. Дичь, смертельно напуганная их голосами и шумом, который они производят, беспрерывно ударяя копьями по щитам, не пытается прорваться сквозь их ряды, а бежит от них. Она бежит стремглав в сторону

хопо и попадает между частоколами. Иногда, заметив, что стенки начинают сближаться, зверь пытается повернуть обратно, но поздно. Поблизости, в засаде, сидят охотники. Они появляются внезапно, как дьяволы, потрясают копьями, бьют животных не глядя, а те, имея перед собой только одну дорогу, мчатся в узкий проход и падают в яму. Они валятся одно на другое, покуда вся яма не заполняется трепещущей массой, по которой скачут последние из оставшихся в живых.

Именно здесь поставили бушмены трех французов, которым предстояло принять участие во всех перипетиях этой шумной и оживленной охоты.

Хопо установлено так, что один частокол идет вдоль открытой местности, а второй тянется вдоль леса. Благодаря такому расположению европейцы смогли укрыться в тени больших деревьев. К тому же теперь неизбежно попадет в загон не только лесная дичь, но и та, которая обычно живет в пустыне.

Прошло часа два терпеливого ожидания, когда в отдалении стали видны густые клубы пыли. По-видимому, это бежали поднятые и обезумевшие от испуга звери. Затем показалась как бы пунктирная линия, образуемая черными точками, поставленными на равном расстоянии одна от другой. Точки резко выделялись на белом песке. Послышался отдаленный гул — началась охота.

В авангарде, прыгая с изумительной легкостью, шли грациозные блюбоки. Вот наконг с опасными рогами, с синеватой шерстью, с большими ногами, имеющими до тридцати сантиметров в обхвате. Наконг встречается редко в этих местах, он живет в топких болотах, по которым удивительно легко бегает на своих уродливых толстых ногах. Очертя голову мчатся несколько страусов. Мелкой рысью, как рекогносцировка в легкой кавалерии, идет табун жирафов. Эти странные животные, ростом до семи метров, смешно покачивают на бегу своими маленькими головами, а шеи у них от страха извиваются. Внезапно охваченные ужасом, они сбиваются в кучу, вертят хвостами и в бешеном галопе налетают на эскадрон зебр и куагг. Вскоре появляются лоси с покатой грудью, а за ними — стадо разъяренных серых буйволов с глазами, налитыми кровью.

Но больше всего было антилоп. Самые разнообразные виды, самые разнообразные масти предстали перед изумленными европейцами, которые так залюбовались этим необычным зрелищем, что даже забыли свой охотничий пыл.

До сих пор животные особого шума не поднимали. Они лишь проявляли некоторое беспокойство, видя, что их собралось так много и что всё так перемешалось.

Тем временем полукруг загонщиков медленно, но неотвратимо сжимается. Их крики слышны всё более отчетливо, и беспокойство животных, которые, кроме буйволов, все безобидны, переходит в ужас. Передовые видят частокол, прямая линия закрывает перед ними горизонт.

Животные делают крюк, с быстротой метеора пересекают пространство, лежащее между обоими частоколами, но каждый раз натыкаются на частокол и уходят всё дальше и дальше вглубь, подталкиваемые все новыми и новыми потоками, наседающими сзади.

Здесь великолепный подбор антилоп. Самый наименее впечатлительный натуралист замер бы от восторга, только увидев это разнообразие пород, блеск шерсти, грациозно посаженные головы и глаза, полные испуга. Огненно-красные гризбоки, едва достигающие роста козы; белые газели с рыжеватым оттенком; огромные куду с неправильными вертикальными полосами и четырехугольными завитыми рогами; антилопы конеподобные, которых зовут так потому, что по величине они не уступают лошади; черные гаррисбоки, у которых откинутые назад рога длиной не меньше метра имеют форму кривой сабли, а черная, как уголь, шерсть и развевающаяся грива придают этим животным живописный вид; ориксы, которым длинные рога, заостренные, как копье, позволяют не бояться даже льва.

И еще много других животных напирали друг на друга, сшибались лбами, с испуга прыгали одно другому на спину, падали, вставали и бежали дальше, ослепленные страхом.

Однако буйволы, зебры и куагги, по природе далеко не такие мирные, не хотят следовать за этой обезумевшей

массой. Ни за что не хотят они идти дальше, когда видят, что расстояние между частоколами сужается. Они резко поворачивают назад и намерены броситься на загонщиков. Но тут с шумом появляются охотники. Вместе с тремя европейцами они сидели в засаде, замаскированной воткнутыми в землю ветками. Теперь они внезапно выскакивают, оглушительно шумят, потрясают копьями и тычут животным прямо в глаза свои ярко раскрашенные длинные щиты.

Европейцы берут ружья наизготовку. Сейчас начнется истребление.

Вид людей доводит страх и ярость зверей до предела. Буйволы с ревом бросаются на бушменов, но те уклоняются с ловкостью, достойной испанских тореадоров. Зебры громко ржут и яростно бьют ногами. Но взлетают копья и впиваются в животных. Куагги пытаются перегрызть древко зубами.

Раздается несколько выстрелов, и два буйвола, зебра и жираф падают, пораженные насмерть.

Тогда прибегают загонщики. Они кричат еще более дико и громко. Животных охватывает паника, и они наконец бегут к яме. Жирафы, буйволы, страусы, антилопы напирают друг на друга и давят друг друга. Целый лес рогов — прямых, остроконечных, хрупких, прочных, длинных, изогнутых, завитых спиралью! И все это движется, переплетается, ломается, трещит! И затем — страшный рев боли!

Настил, перекрывающий яму, проваливается, и яма заполняется в один миг. Ничто не может больше остановить это беспорядочное бегство. Задние подталкивают передних, и передние проваливаются. Страшное зрелище!

Но черные охотники опьянены удачей, они испускают крики радости. Европейцы тоже увлечены и не жалеют зарядов.

Александр только что тяжело ранил куаггу. Он имел в виду сделать из ее желудка бурдюк взамен того, который они недавно потеряли. Но животное вырвалось сквозь пролом в частоколе, сделанный разъяренным буйволом. Тогда Александр тоже выбрался через пролом и стал преследовать свою добычу, а та убежала в лес.

Александр снова вскинул карабин и выстрелил крокодилу прямо в глотку.

Александр видел, что куагга на каждом шагу спотыкается, и решил, что сможет ее догнать. Мало-помалу он углубился в лес и очутился на берегу илистой речки. Куагга вошла в воду, чтобы освежиться. Охотник счел момент подходящим и вскинул ружье. Ногу он поставил на ствол поваленного дерева. Ему нужно было упереться локтем в колено, потому что после бега у него не было достаточной твердости в руках.

Внезапно дерево зашевелилось у него под ногой, он потерял равновесие, оступился и почти по колено увяз в тине. То, что он принял за поваленное дерево, оказалось не больше не меньше, как огромным крокодилом. Обозлившись на неосторожность охотника, который нарушил его сладостную дремоту, крокодил раскрыл свою вместительную пасть и собрался проглотить обидчика. Но Александр не растерялся, увидев эту страшную прорву, утыканную громадными зубами, из которой шел отвратительный запах мускуса. Он снова вскинул карабин и выстрелил крокодилу прямо в глотку.

Но эти исполинские ящеры так живучи, что, несмотря на страшную рану, крокодил еще успел вплотную подойти к молодому человеку, который, увязнув в тине, не мог сдвинуться с места.

Прогремел второй выстрел. Пуля, порох, пыж — все попало чудовищу в самую утробу, и пасть захлопнулась.

Александр, считая, что крокодил наконец убит, попытался вырваться из трясины, как вдруг крокодил снова распялил свои страшные челюсти. Тут охотник схватил карабин за ствол и грохнул своего врага изо всей силы по голове. Но приклад скользнул и попал между челюстями. Они захлопнулись. Напрасно пытался Александр вытащить оружие. Уж если крокодил что-нибудь держит, так держит. Нужно топором разрубить его на куски, чтобы заставить челюсти разжаться.

Молодой человек тщетно напрягал все свои силы. Он уже хотел позвать друзей на помощь, но крик застрял у него в горле. Шони почувствовал, что какая-то петля сжимает его горло, и поднял руку, чтобы попытаться высвободиться, но кто-то тащил его сзади, и он почувствовал, что голова его касается земли. Он задыхался и вскоре потерял сознание.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обмен опытом. — Подарок «людей обезьяны». — Бесчисленные ответвления семьи бечуанов. — Как добывают соль жители Калахари. — Отсутствие Александра. — Тревога. — Бесплодные поиски. — Александр в плену. — Португальские мулаты. — Предложения мерзавца. — Страшная угроза. — Алчность и жестокость. — Покинутый крааль. — Казнь белого. — Страшные пытки. — Пролом в частоколе.

Когда Альбер и Жозеф увидели, что Александр пустился преследовать подраненное животное, им и в голову не пришло встревожиться: они слишком хорошо знали, что их товарищ — охотник ловкий и осторожный.

Их тоже увлекла невиданная облава, и вместе с бушменами они побежали к яме.

А как раз в эту минуту Александр и выстрелил в крокодила.

— Ага! — сказал де Вильрож. — Это наш Александр воюет с какой-то дичью, еще способной защищаться.

Де Вильрож и не подозревал, как он близок к истине.

— А не пойти ли и нам к нему? — предложил Жозеф.

— Пожалуй, это не совсем удобно, — ответил де Вильрож. — Если мы все уйдем, наши хозяева могут обидеться. Ведь они отвели нам почетные места. Подождем немного, он вернется.

Тем временем бушмены приступили к дележу добычи. Дележ производился замечательно справедливо: учитывалось, сколько у каждого охотника едоков в семье. И так как охота была удачной, то каждый получил обильный запас пищи.

Но это еще не все. Воины из соседних племен, желая достойным образом поблагодарить бушменов, которые пригласили их на охоту, объявили, что поделятся с ними солью. Это вызвало взрыв радости, которую сможет понять лишь тот, кому приходилось подолгу обходиться без этой необходимой приправы. Приветственные клики раздавались в честь «обезьян», которые получили таким образом непререкаемые права на благодарность хозяев.

Чтобы понять, почему бушмены называли своих гостей обезьянами, надо знать, что у бечуанов каждое племя носит имя какого-нибудь животного. Так, например, «бакузна» означает «люди аллигатора», «батлапи» — «люди

рыбы», «батаус» — «люди льва», «баногас» — «люди змеи», и так далее. Каждое из бесчисленных мелких племен, образующих большую семью бечуанов, носит другое имя: бангуакетцы, бахорутцы, баролонги, бамангутос, батуанос, бакоас, бамотларос и т. п. Каждое из этих племен питает суеверный страх к животному, имя которого оно носит, как на Дальнем Западе краснокожие боятся своего тотема. Это животное не только нельзя убивать — с ним нельзя плохо обращаться. Наконец, его именем каждое племя называет свой собственный, особый танец. Поэтому у туземца не спрашивают, какое имя носит его племя. Спрашивают, какова его «бина» — танец. И он отвечает, что «танцует» льва, змею, гиппопотама и т. д. «Люди обезьяны», или племя бакатлас, в последнее время нуждались в мясе, но они были богаты солью. Впрочем, богатство было относительное, если принять во внимание, какую редкость здесь представляет это драгоценное вещество и каким способом оно добывается.

Когда соль не приносят на собственных плечах из глубины пустыни Калахари, где есть соленые озера, когда совершенно высыхают лужи с соленой водой, когда нужда дошла до крайности, туземцы поступают следующим образом. Они срезают в болотах особый тростник и ветки растения, называемого «цитла», сжигают их и тщательно собирают пепел. Затем они делают из тонких и гибких веток широкую воронку, напоминающую опрокинутый улей, и внутри этого примитивного приспособления выкладывают слой трав. Затем золу пересыпают в наполненную водой тыкву и потихоньку переливают в воронку. Вода, насыщенная пеплом, фильтруется и, испаряясь, отделяет находящуюся в растворе соль [1].

Бушменам, по крайней мере на время, больше не надо было бояться желудочных заболеваний, вызываемых отсутствием соли. Следует отметить, что недостаток соли, равно как пища, насыщенная почти одним азотом, вызы-

[1] Я видел у негров Верхней Гвианы, равно как и у краснокожих в Марони, аналогичные способы добывания соли. Они сжигают пальму, называемую «парипу», промывают пепел и посредством испарения добывают из него соль. Я пользовался этой солью. Она горьковата, но в крайнем случае может заменить обычную столовую соль. *(Примеч. автора.)*

вает бездеятельность желудка, которая проявляется в плохом переваривании пищи. От этого страдают не только туземцы, но и европейцы.

Лучшее лекарство — кофейная ложка соли. Болезнь проходит мгновенно.

Альбер и Жозеф смотрели, как негры обмениваются любезностями, и, правда, не понимая, в чем дело, разделяли общую радость. Однако длительное отсутствие Александра уже начинало серьезно их беспокоить. В такой совершенно дикой стране, где опасность может предстать в самом неожиданном виде, где любое дерево, растение, цветок, насекомое может в любую минуту стать источником смертельной опасности, беспокойство очень скоро переходит в мучительную тревогу.

Негры тоже заметили отсутствие белого вождя, которого полюбили за мужество и силу.

Вокруг Альбера и Жозефа стали собираться. У людей был озабоченный вид. Отец ребенка, которого спас Александр, энергично жестикулировал и говорил больше других. Он встал во главе всей группы, перескочил через частокол и направился в лес, идя по следам Александра. Время от времени он останавливался, внимательно прислушивался к лесному шуму, как если бы надеялся услышать какие-нибудь посторонние звуки, затем встряхивал головой и шел дальше, пригибаясь к земле, осматривая примятую траву и следы на песке, ища и безошибочно находя след, который мог бы кому-нибудь другому показаться совершенно невидимым.

Так дошли до болотца, которое сохранило бесспорные доказательства того, что Александр здесь проходил. Вытянувшись на боку и выпучив глаза, лежал застреленный крокодил. Его могучие челюсти еще сжимали приклад карабина, длинные зубы впились в дерево, как железные гвозди. Негры топором разрубили голову на части и освободили ружье. Альбер и Жозеф, с замиранием сердца и бледные от тревоги, тщательно осматривали окрестности.

Теперь они уже могли восстановить часть драмы, относившуюся к борьбе их друга с крокодилом. Страшная мысль пришла им в голову, когда они увидели, как гро-

мадно это животное. Было вполне возможно, что Александра съел крокодил.

Бушмен разгадал их мысли и понял их тревогу. Он медленно покачал головой и показал им, что на зубах крокодила нет никаких следов крови. Для большей уверенности он рассек крокодилу живот. Конечно, человек легко мог бы там поместиться, но живот был пуст.

На топких местах никаких следов не сохранилось; все затянуло. Но в нескольких метрах, на твердой земле, следов оказалось много. Прежде всего примятая полоса в траве, как если бы здесь прошел крупный зверь или протащили тяжелое тело. Странная вещь: примятые растения оказались в одном месте облиты водой и на листьях еще кое-где сверкали капли.

Бушмен осмотрел стебли, сделал несколько шагов, нагнулся и, исчезая в зарослях, сделал рукой знак, означавший, что следовать за ним не надо. Он вернулся примерно через полчаса и посмотрел на Альбера и Жозефа с необыкновенно красноречивым выражением скорби. Затем он произнес всего лишь одно слово: «лекоа», что означает «белый человек». Затем он приказал шестерым неграм сделать вид, что они ловят седьмого, и прибавил: «макоа» — то есть несколько белых.

Альбер понимал, что значат эти два слова, часто употребляемые туземцами. Он стал догадываться, что его друга похитили несколько белых.

Как жалел де Вильрож, что их проводник Зуга остался в краале! Но Зуга принадлежал к племени, у которого антилопа была эмблемой, он не мог участвовать в охоте. Между тем этот славный малый все же знал хоть несколько слов по-английски, он мог бы перевести Альберу, что говорят бушмены об Александре.

А бушмен и сам понимал, что европейцы хотят все знать. Он знаками предложил им приготовить оружие, позвал своих товарищей, снова углубился в заросли и теперь уже просил своих спутников не отставать от него. В каких-нибудь трехстах метрах лежала просторная полянка, на которую падала тень больших деревьев. На полянке росла редкая трава. Сразу бросались в глаза многочисленные следы некованых лошадей, а также остатки поспешно покинутого бивуака.

Затем стало видно, что таинственные всадники разъехались в разные стороны; следы вели в шести направлениях.

Альбер заметил, что одна из лошадей оставляла более глубокий след, чем другие, и заключил, что она несла двух всадников.

Хотя сердце и сжалось у него от боли, но открытие все же несколько его успокоило. Александр, заключил он, быть может, ранен и похищен, но он жив. Раз таинственные похитители не убили его, надежда еще не пропала.

Альбер был очень далек от того, чтобы догадаться, какого рода катастрофа произошла с его другом.

. . . . . .

Александр почти потерял сознание, но ощущение холода привело его в чувство. Он открыл глаза и удивился, увидев незнакомца, который кропил ему лицо водой из фляги.

Александр был человек бесстрашный, но он невольно вздрогнул, увидев скотскую физиономию этого человека, наискось пересеченную лиловым рубцом. Он узнал мерзавца португальца и его сообщников. Они все были тут и разглядывали Александра с чувством удовлетворенной ненависти.

Пленник захотел встать, но у него были связаны ноги и руки, невозможно было сделать ни малейшего движения.

Человек с рубцом, увидев, что Александр пришел в себя, перестал брызгать на него водой и убрал ремень, сжимавший ему горло.

— Вы наконец решили все-таки очнуться, белый красавчик? — сказал он на ломаном английском языке. — Я, быть может, слишком туго завязал вам этот галстук? Но теперь ваш обморок прошел, давайте побеседуем.

Александр хранил презрительное молчание.

— Что-то у вас сегодня голос не такой громкий, как третьего дня в краале, когда вы так ловко увели у нас этих черных скотов. Нет ваших дружков с карабинами? Вы одни, совсем одни... И в полной моей власти... Молчите? Что ж, ваше дело! А у меня есть верный способ заставить вас разговориться. Как бы нам даже не пришлось

просить вас помолчать, потому что скоро вы у меня сделаетесь разговорчивым, как серый попугай.

— Попробуй, — спокойно сказал француз.

— Сначала выслушайте меня. Я на вас не очень сержусь, хотя вы и здорово огрели меня чамбоком. Я честный купец и люблю делать дела мирно. А вы помешали мне и моим компаньонам доставить товар на место и этим причинили нам большие убытки. Вы их нам возместите, не правда ли, белый сеньор?

Александр пожал плечами.

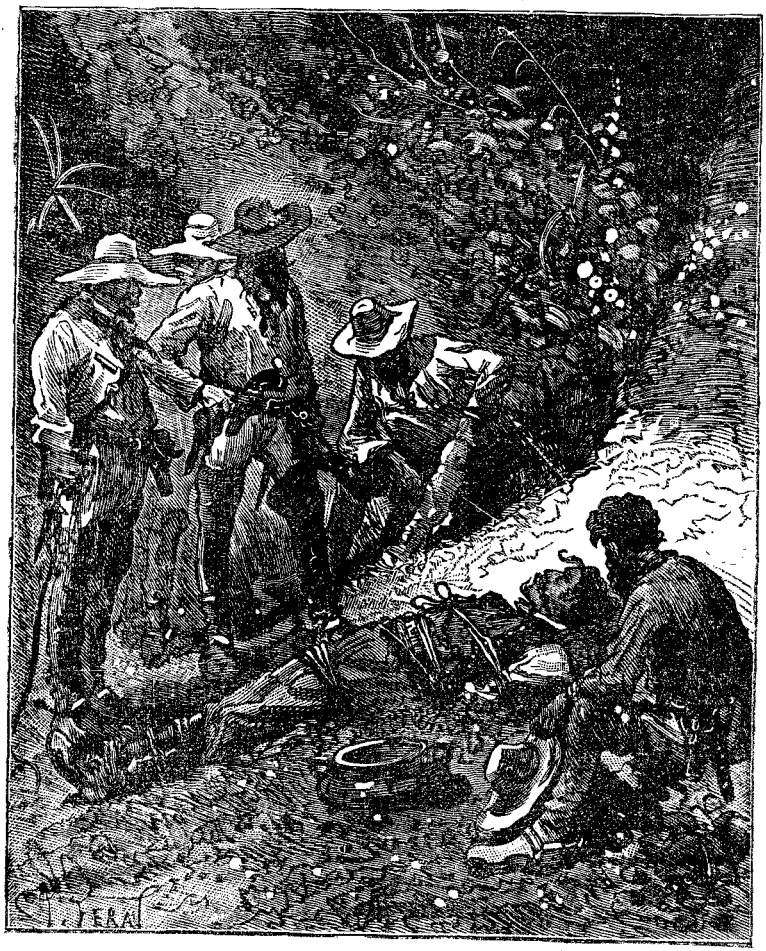
— Вы, по-видимому, путешествуете для своего удовольствия? Стало быть, вы человек богатый. Слушайте меня внимательно и решайте быстро, потому что минуты дороги. Ваши друзья заметят ваше отсутствие и бросятся искать вас, а нам не хочется — по крайней мере сегодня — вступать с ними в переговоры. У нас было пятьдесят чернокожих. Если хотите, можете считать, что мы захватили их незаконно. Но каждый из них стоил в среднем сорок фунтов стерлингов. Подпишите нам чек на эту сумму на имя вашего банкира в Кейптауне, и мы будем квиты и расстанемся, если вам угодно, друзьями.

Александр расхохотался. Предприимчивый мошенник был озадачен.

— Да ты просто сумасшедший, — с насмешкой сказал француз. — Во-первых, у меня нет таких денег. Говорю тебе это просто так, для сведения, потому что, были бы у меня деньги, ты бы все равно ни гроша не получил. Затем скажи, пожалуйста, кто может мне помешать выписать тебе чек на любую сумму на имя какого-нибудь несуществующего банкира?

— Ну, знаете, — возразил португалец, — мы тоже умеем читать и писать, и мы хорошо знаем все банки в городе, да и на всем побережье. Мы через них ведем все дела.

— Какая честь для английских банкиров! Но оставим это. Допустим, ты бы мне поверил, а я сделал бы все, что только возможно, чтобы тебе заплатить, — я считаю, что долги надо платить даже мерзавцам. Но неужели ты считаешь меня таким дурачком, чтобы поверить тебе? Если бы я дал тебе деньги, ты бы так-таки и отпустил меня? Ты



Человек с рубцом, увидев, что Александр пришел в себя, перестал брызгать на него водой и убрал ремень, сжимавший ему горло.

бы не попытался отплатить мне за чамбок, от которого у тебя до сих пор рожа вздута?

Мерзавец почувствовал, что его намерения разгаданы, и пришел в ярость. Его напускное спокойствие сразу пропало. Он уставился на пленника свирепым взглядом, в котором смешались неутоленная алчность, бешенство и жажда мести.

— Белый! Сын белого! Проклятый иностранец! — рычал он сдавленным от ярости голосом. — Ты угадал. Верно, я хотел заставить тебя подписать мне чек... а затем убить тебя... убить тебя, как собаку. Но раньше я бы тебя хорошенько отстегал кнутом! Твоя белая кожа летела бы клочьями. Что ж, денег я от тебя не получу? Так и быть! Но я, по крайней мере, отмщу тебе. Это тоже кое-чего стоит.

Александр сохранял свою обычную невозмутимость. Человек посторонний никогда не догадался бы, что перед ним — главное действующее лицо подготовляющейся мрачной драмы. Если бы не то, что руки и ноги были у него туго связаны лианами, его можно было бы принять просто за любопытного, которого забавляют штуки человекоподобной обезьяны.

— Трус! — сказал он спокойно. — Сын раба! Барышник! Ты торгуешь человеческим телом! Попробуй только тронуть один волос у меня на голове, и тогда ты еще увидишь, что с тобой сделают мои друзья, которые сейчас меня разыскивают. Ага, мерзавец, дрожишь? А ты торопись выполнить свои намерения. Торопись, потому что все ваши шкуры в опасности, я не дал бы за них и рейса[1].

Мулат пришел в ярость. Он заорал и бросился на Александра. А тот, считая, что пришло время прощаться с жизнью, плюнул ему прямо в лицо. Но к обиде мулат был нечувствителен. Он сделал знак своим сообщникам, те подхватили пленника и быстро унесли его в глубину леса. Здесь они вышли на полянку, на которой паслись шесть прекрасных оседланных капских коней. Александра взгромоздили на одного из этих коней, на шею; его враг вскочил в седло, отдал резко и кратко несколько приказаний, назначил своим сообщникам место встречи, а затем все поскакали в разные стороны.

[1] Рейс — мелкая португальская монета.

Бешеная скачка продолжалась около трех часов. Наконец лошадь выбралась на просторную, открытую поляну, посреди которой стоял круглый частокол. Остальные пять лошадей, несшие меньший груз, пришли раньше.

Они уже были расседланы и разнузданы и пощипывали редкую траву. Александра спустили на землю. У него ломило все тело.

Он увидел давно покинутый крааль. Хижины были сожжены, сохранилось только укрепление. Всякого рода отбросы свидетельствовали, что здесь еще недавно было много народу. Возможно, что в течение некоторого времени здесь содержали бушменов, которых он освободил.

Француза положили на солнцепеке, прямо на раскаленную землю. Его мучила жажда. Португалец рычал, пена стекала у него изо рта, глаза налились кровью. Он подошел к Александру.

— Ну что, проклятый белокожий, — орал он, — теперь тебе ясно, что ты у мулата во власти? Теперь, если мулат захочет, он тебе за все заплатит... Да еще с процентами... Твои дружки далеко, а моя шкура все еще на мне. Я тебе сказал, что знаю безошибочный способ заставить тебя говорить. Сейчас ты у меня подпишешь чек. Увидишь!..

Его сообщник принес охапку колючек «подожди немного», которые мы описали раньше. Он привязал их к хвосту одной из лошадей, и она вся затряслась от боли.

— Так! — сказал мулат. — А теперь посадите этого белого сеньора в седло. И привяжите покрепче. Вот так... Садитесь и вы на своих коней. Возьмите чамбоки и хлещите куда попало и коня и всадника... Слушай, белый, ты будешь скакать час, и мои люди будут тебя хлестать. Потом мы повторим. Пока ты не подпишешь чек. Валяйте!

Коню отдали поводья. Почувствовав свободу, он шарахнулся, взвился на дыбы и бешено заржал. Затем он стал на все четыре ноги, взбрыкнул, повернулся и понес. Вскоре он домчался до частокола, но было слишком высоко, перескочить он не мог и стал мелким галопом бегать вокруг. Один из мулатов до крови хлестнул его чамбоком. От неожиданности и боли конь сделал бешеный прыжок в сторону. От этого резкого движения колючки сначала хлестнули его по бокам, а потом врезались в тело. Он

снова пустился вскачь, наткнулся на второго всадника, и тот тоже стегнул его ремнем. Конь обезумел, понесся, сам не зная куда, и все норовил укусить человека, который болтался у него на спине. Это ему не удавалось. Палачи налетали, стегали его по крупу и по шее, заставляя проделывать фантастические прыжки.

Наконец, весь в мыле, тяжело дыша, с широко раздувающимися ноздрями, с ужасом в глазах, конь вернулся на середину поляны, стал бить копытом и затем, совершенно обезумев, понесся прямо на частокол.

С каждым его скачком мучения Александра усиливались. Все его тело было так туго перевязано лианами, что мышцы, казалось, вот-вот лопнут. Кровавый туман застилал ему глаза, в ушах шумело, в горле пересохло, не хватало воздуха в легких.

Вдруг Александр услышал треск и обо что-то больно ударился, а бешеная скачка сделалась еще более бешеной.

Конь очертя голову бросился в крааль. Частокол подался, как если бы в него попала бомба, и теперь бедное животное, вконец замученное колючками, неслось куда глаза глядят.

Александр понял, что это будет продолжаться до тех пор, покуда конь не свалится замертво.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мрачное возвращение. — Мучительное ожидание. — Ночной праздник. — Веселье в краале. — Стрелы и яд бушменов. — Нгуа — яд смертельный. — Туземная музыка. — Гурра и жум-жум, рабукены и ромельпо. — Пляска. — Человек, который так хорошо танцует, должен драться еще лучше. — Воины напали на след. — Страшное возмездие. — «Но где белый вождь?» — «Кто меня любит, за мной!»

Альбер де Вильрож решил немедленно пуститься по следам той лошади, которая, как ему казалось, несла двойной груз. Многочисленные невзгоды и приключения сделали Альбера смельчаком. В пампасах Аргентины он прошел суровую школу гаучосов, он поддерживал тесные отношения с последними траперами Дальнего Запада и с охотниками Мексиканской Сонъоры, он прекрасно знал пустыню. Так что без долгих размышлений он решил

Конь очертя голову бросился в крааль.

оставить преподобного его пастве вместе с мастером Вилем, а самому пуститься с Жозефом на розыски Александра и его похитителей. В нескольких словах он посвятил в свои намерения проводника Зугу, но тот советовал подождать.

Подождать, когда друг, находящийся в лапах бандитов, быть может, в отчаянии зовет его на помощь! Подождать! Одно это слово заставило пылкого молодого человека подскочить. Несмотря на все свое внешнее спокойствие, он был смертельно бледен и весь трясся нервной дрожью.

— Поверь мне, белый вождь, — почтительно настаивал Зуга. — Сегодня ты уедешь один, а завтра с тобой пойдут бушмены. Ты увидишь, что такое благодарность черных людей.

— Но почему не сегодня?

— Потому что сегодня в краале будет праздник. И, наконец, скоро ночь, все равно никакие поиски невозможны. Но время не будет потеряно. У тех, кто похитил белого, лошади долго бегать не смогут, они скоро устанут. А бушмены быстро их догонят. Потому что бушмен бегает быстрей любого коня. Я тоже пойду с тобой, потому что тот белый — друг черных людей.

Альбер признал правильность этих доводов и последовал за охотниками, которые, неся богатую добычу, возвращались в крааль шумной гурьбой.

У забора стояла улыбающаяся, счастливая женщина с ребенком за спиной, видимо пришедшая сюда затем, чтобы первой приветствовать возвращающихся. С невыразимой нежностью смотрела она на своего ребенка, время от времени переводя взгляд своих черных глаз на обоих европейцев и Зугу.

Альбер узнал ее: это была мать того мальчика, которого укусила пикаколу. А она заметила бледность обоих каталонцев и то, что с ними нет их третьего товарища.

— Где белый? — воскликнула она с тревогой в голосе.

Подбежал ее муж.

— Жена! — сказал он. — Белого похитили. Приготовь стрелы. Приготовь яд. Я отправлюсь искать белого. Тот, кто поднял руку на великого вождя, умрет. Ступай!

— Хорошо! — ответила женщина и пустилась бегом.

— Слыхал? — торжествующе спросил Зуга. — Белый вождь будет освобожден. Его враги завтра умрут. Так сказал бушмен.

Альбер, снедаемый мучительной тревогой, уединился в хижине, которую бушмены наскоро построили для европейцев, а Жозеф отправился на поиски преподобного и мастера Виля. Он с возмущением рассказал им, каким несчастием закончилась охота, и стал строить планы мести один страшней другого.

Лжемиссионер и полицейский взволновались, на что у каждого была своя причина. Но Жозеф был им признателен за интерес, который они проявили к этому делу. Он не мог предположить, что в миссионере заговорила алчность; он не знал, что его преподобие готов перевернуть небо и землю, лишь бы найти Александра, потому что в его глазах и в глазах его сообщников Александр олицетворял тайну фантастического богатства. А полицейский считал, что у него похитили преступника, которого он мечтал изловить. Мастер Виль стал твердить, что надо без промедления вернуться на английскую территорию за подкреплением и пройти по всей провинции с огнем и мечом.

— Во всяком случае, рассчитывайте на меня, — сказал миссионер. — Я, правда, человек мирный и всякая мысль о пролитии крови мне претит, но я приму участие в ваших поисках, хотя бы мне пришлось поплатиться жизнью.

— А что касается меня, — заявил мастер Виль, — то хотя одна рука у меня еще не совсем действует, зато другая, слава богу, достаточно крепка. И ноги крепкие. Да и голова на плечах. Я с вами в любую минуту.

Жозеф был тронут таким сердечным участием:

— Значит, друзья, выходим завтра утром. Караи! Скорей бы прошла ночь! Мне не терпится повидать этих мерзавцев вблизи. Уж я для них что-нибудь придумаю — какую-нибудь невиданную пытку. Они мне ответят за бедного месье Александра!

Тем временем начались приготовления к ночному пиршеству. Всюду пылали огромные жаровни, из рук в руки передавались плетенки с пивом. Негры пили, как слоны; они плясали, точно их всех покусали тарантулы.

В другое время Альбер не без любопытства и даже не без удовольствия посмотрел бы эти бурные развлечения, но сегодня ему было не до того. Он покинул свою хижину, пошел бродить по краалю и оказался перед жалкой лачугой, в которой жена бушмена готовила яд и стрелы.

И в Африке и в Австралии туземцы обычно держат в строгой тайне все, что относится к изготовлению этих грозных орудий самозащиты, и упорно отказываются посвящать белых в способы изготовления ядов.

Наполовину от нечего делать, наполовину подталкиваемый любопытством, молодой человек вошел. Женщина не считала нужным скрывать что бы то ни было от друга ее благодетеля и продолжала свою страшную работу.

Небольшой лук из дерева твердой породы, длиной не больше метра, она смазала жиром и поставила новую тетиву из лосевых жил. Затем она вынула стрелы, хранившиеся в колчане из леопардовой шкуры, аккуратно разложила их на земле и тщательно осмотрела. Они были сделаны из простого тростника, но очень искусно: для этих простодушных работниц изготовление хороших стрел — дело чести. Здешние стрелы далеко не имеют такой необычайной длины, как стрелы южноамериканских индейцев, достигающие чуть ли не двух метров в длину. Бушменская стрела короче в четыре раза. Но как они сделаны, как остроумно подогнаны все части, из которых приготовляется это смертоносное оружие! Наконечник длиной в шесть — семь сантиметров представляет собой круглую кость с зазубринами. Он вставляется в полый конец тростника, но не слишком плотно. Когда стрела попадает в живую цель, тростник можно легко выдернуть, а наконечник остается на месте. Сбоку у него небольшой железный и очень острый крючок, который не позволяет его выдернуть. Крючок и зазубрины смазаны ядом.

Бушменка взяла стоявший в углу большой сосуд из необожженной глины и осторожно извлекла из него штук тридцать гусениц, по-местному называемых «нгуа». Она раздавила их на куске тыквенной скорлупы, отложила внутренности, а кожицу выбросила. Из этих внутренностей женщина скатала мягкий зеленоватый шарик, смазала им все стрелы одну за другой — костяные наконечники

и железные крючки — и затем аккуратно все уложила в полчан.

Наконец она закончила работу.

Альбер уже слыхал о страшном действии этого яда и все же относился к нему скептически.

— Если это все, — пробормотал он про себя, — на что они рассчитывают, чтобы освободить бедного Александра, то уж лучше я положусь на мой верный карабин.

Незнание бушменского языка не позволило ему обратиться к женщине за какими бы то ни было разъяснениями. Его недоверие было, однако, поколеблено, когда он увидел, как тщательно она очищает свои ногти от малейших остатков налипшего на них вещества.

Он собирался пойти поискать проводника, когда тот сам вошел в хижину. Увидев, чем занята хозяйка, он обрадовался.

— Женщина, — сказал он, — это хорошо! Ты приготовила нгуа. Те, кто похитил белого, умрут.

— Что ты сказал? — осведомился Альбер.

— Это нгуа, — ответил тот. — Нгуа ужасен. Нгуа убивает наповал пантеру и леопарда. Слон, если стрела попала ему в хобот, умирает очень скоро. А лев приходит от этого яда в такое бешенство, что, прежде чем умереть, грызет землю и деревья. Когда стрела с нгуа попадает в человека, он испытывает такую страшную боль, что катается по земле, рвет свое тело и просит, чтобы мать покормила его грудью: ему кажется, что он снова стал младенцем. Или же он впадает в бешенство. Тогда он убегает далеко от крааля, куда-нибудь в глубину леса, и там умирает. А рот его покрыт пеной. Белый вождь будет отмщен.

— А нет ли у бушменов и бечуанов другого яда?

— Конечно, есть яд пикаколу и соки растений, которым вы даете непонятные нам названия. Но эти яды вызывают оцепенение и убивают, не причиняя страданий, а нгуа — яд мести.

Наступила ночь, и на пиру царило небывалое оживление. К потрескиванию тростника, который охапками бросали в огонь, присоединилось рычанье мужчин, визг женщин, пронзительные крики детей. Все без различия пола и возраста были пьяны. Общий шум перекрывала невооб-

разимая какофония, которую производили жум-жумы, гурра и всякие другие местные музыкальные инструменты.

Гурра имеет вид лука. Она состоит из струны, прикрепленной к птичьему перу. В стволе пера проделано отверстие, в которое виртуоз дует изо всех сил, как в дудку. Когда в оркестре есть десяток этаких гурра, подымается такой вой, такое мычанье, что становится страшно.

Рабукен — длинная треугольная доска, на которую натянуты три струны. Колка нет, и струны упираются в надутый пузырь, который служит резонатором. Этот инструмент еще удивительней, чем гурра.

Но предел — это ромельпо. Представьте себе дуплистый пень, поставленный на треножник и туго перетянутый шкурой куагги. Музыкант вооружен двумя дубинами и беспрерывно бьет ими что есть силы по этой прочной шкуре. Это более оглушительно, чем все барабаны на свете.

Танцоры соответствуют оркестру. Возбужденные его шумом, они становятся в круг. Все почти совершенно голые. У каждого в руке палка, или топорик, или копье. Каждый орет во всю силу своих легких. Затем все одновременно поднимают одну ногу и одновременно отбивают один удар. Это единственное движение, какое они производят все вместе. А дальше — кто во что горазд. Какие угодно телодвижения, какие угодно звуки! Вообразите оркестр, в котором каждый музыкант самым усердным образом исполняет другую мелодию, или балет, в котором каждый танцует что вздумается, или хор, в котором каждый поет что бог на душу положит, и вы едва ли получите представление об этом непостижимом смешении звуков и движений, которое составляет радость жителей крааля. Руки и головы дергаются в разные стороны, все исступленно кричат; тучи пыли окутывают танцоров, так усердно колотящих ногами в землю, что после пляски в ней остается глубокий след.

Время от времени из круга выходит танцор. Сейчас он будет плясать один. Он исполнит какой-нибудь особенный, им самим придуманный номер и будет награжден рукоплесканиями.

В пляске принимают участие не только молодые. Южноафриканская Терпсихора имеет горячих привер-

женцев среди взрослых и даже среди седых стариков. Не стоит и говорить, какую жажду вызывают такие упражнения. Плетенки с пивом передаются из рук в руки и опорожняются до капли.

Бушмен, который обещал Альберу найти Александра и отомстить его похитителям, обращал на себя внимание своим бешеным темпераментом. Время от времени он выходил из круга. Тяжело дыша, с раздувающимися ноздрями подходил он к Альберу и горделиво выставлял себя напоказ, как бы говоря: «Смотри и любуйся! Смотри, какой я великий воин! Будь спокоен — человек, который так хорошо танцует, умеет еще лучше драться».

Но Альберу вся эта гимнастика внушала серьезное беспокойство. Он, пожалуй, не без оснований думал, что завтра утром эти люди и шевельнуться не смогут.

Его тревога оказалась напрасной, потому что задолго до восхода солнца бушмен взял оружие и вместе со своим братом углубился в лес. А через Зугу он настойчиво потребовал, чтобы Альбер остался и ждал его возвращения.

Альбер был раздосадован. Ему хотелось присоединиться к охотникам, и он уже пожалел, что доверил розыски друга чужим людям: Жозеф, мастер Виль и преподобный разделяли его нетерпение. Им тоже хотелось отправиться немедленно.

Но проводник отлично знал обычаи черных охотников и потому всячески удерживал европейцев в краале, убеждая их, что у черных есть свой план и лучше им не мешать.

— Терпение, терпение, вождь! — беспрерывно повторял он. — Человек сказал, что вернется до наступления ночи, — значит, вернется. Не беспокойся!

Альберу не оставалось ничего другого, как шагать взад и вперед по краалю и считать часы и минуты.

Зуга оказался прав. Солнце стало скрываться за деревьями, когда вдали, со стороны хопо, показались люди.

— Верховые! — воскликнул Жозеф, взобравшийся на крышу одной из хижин. — Я вижу лошадей!

— Быть не может! Ты ошибаешься! Это, должно быть, антилопы, которые уцелели после охоты.

— Караи! Я знаю, что говорю! Через минуту вы сами увидите, что это лошади.

— Но, в таком случае, кто же это едет?

— Три, четыре, пять... Пять лошадей... Постойте, а всадников всего двое. Вот они остановились. Лошади отказываются идти дальше. Ах, нет! Копьем в бок — и они скачут!

— А месье Александр? Его-то ты видишь?

— Лица я различаю плохо — солнце бьет мне прямо в глаза. Нет, месье Александра я не вижу. Ах, да ведь это те двое, которые ушли ночью!

Крик отчаяния вырвался у Альбера:

— Я трижды дурак! Я подлец! Как это я мог передоверить чужим людям то, что обязан был сделать сам! Двенадцать часов я проторчал здесь сложа руки, вместо того чтобы помчаться на выручку моему другу!

Иозеф не ошибался. Двое верховых, которых он увидел, были действительно бушмены. Они подбадривали коней остриями своих копий и скакали довольно быстро. И еще три лошади, дисциплинированные, как все капские лошади, привыкшие ходить вместе, следовали за ними свободно.

Вид у наездников был ужасный. С головы до ног оба они были покрыты запекшейся кровью. Оба исступленно кричали, лица обоих были перекошены злобой, раскрытые рты показывали сверкающие острые зубы. И лошади, также покрытые кровавой пеной, имели ужасный вид. У одного из негров — как раз у отца спасенного Александром ребенка — висела через плечо сетка, в каких женщины переносят яичные скорлупы с водой. Но в сетках лежали не эти невинные сосуды, а свежесрезанные человеческие головы.

Бушмен быстро соскочил на землю и издал крик, на какой человек, казалось, не способен. Он быстро освободился от своей страшной ноши, схватил головы за волосы и швырнул их к ногам окаменевшего от ужаса Альбера.

— На, смотри! — с демоническим смехом закричал негр. — Ты их узнаешь? Считай! Они все тут. Ни один не ушел.

Альбер, превозмогая отвращение, взглянул на одну из этих голов и увидел след чамбока — рубец, который Алек-

сандр оставил два дня назад на лице португальского мулата.

И тотчас он все понял. Он понял, что друг его попал в ловушку, поставленную работорговцами. Эти негодяи, по-видимому, оставили своих лошадей в укромном месте, а сами неотступно следили за краалем, за охотой и за охотниками, рассчитывая, что им представится случай утолить мучившую их жажду мести.

И этот случай представился, когда Александр бросился преследовать раненую антилопу.

— Но Александр! Где белый вождь? — воскликнул Альбер сдавленным голосом. — Говори!

Негр как будто и не слышал. Ему было непонятно, почему Альбер не уделяет достаточного внимания его трофеям, и он затянул монотонную песню, которую время от времени прерывали раскаты сардонического смеха.

— Полубелые пришли из страны заката. Они обманом похитили черных людей, чтобы увезти их далеко, очень далеко. Черные люди носили на шее бревно рабства. Им предстояло навеки покинуть свою пустыню Калахари. Но прибыли настоящие белые... Такие белые, как Дауд, высокочтимый отец чернокожих. Настоящие белые сломали бревно рабства и освободили бушменов. Белые люди — великие воины. Их вождь добр, как Дауд. Он спас ребенка, которому предстояло умереть. Белый вождь добр. Он храбр, но неосторожен. Он не убил работорговцев, и они похитили его, чтобы наказать за то, что он вернул свободу бушменам. Но бушмены великие воины. Они имеют нгуа — смертельный яд, который причиняет страдания. Стрела, смазанная ядом нгуа, убила их всех. Они мучились, их рты, которые больше никогда не будут говорить, выли от боли. Их головы будут выставлены в краале. Бушмены храбры. Они любят белых людей!

Альбер слушал с понятным нетерпением этот дикий напев, из которого не понимал ни одного звука. Хорошо, что тут был Зуга, который все переводил.

Бушмен рассказал также, что нашел мулатов в таком месте, где они, видимо, считали себя в полной безопасности и спали. Он разделался с ними, как счел нужным, и стал искать Александра. Руководимый своим безошибочным инстинктом, он напал на след обезумевшей лошади,

но не знал, что к ней был привязан спаситель его ребенка. Он считал, что белый вождь сбежал от мулатов и вернулся в крааль другой дорогой. Теперь он был совершенно растерян и стал неистово ругать мертвых мулатов.

Альбер на минуту упал духом, но вскоре к нему вернулась вся его энергия. Приготовления к отъезду он закончил в одну минуту. Оружие, продовольствие, вода, боеприпасы были упакованы и навьючены на лошадей, которых сметливый и практичный бушмен пригнал в расчете, что они смогут пригодиться белым гостям.

Ночь спустилась быстро. Однако было решено выехать немедленно, чтобы поскорей добраться до покинутого крааля, где нашли свою смерть работорговцы и где терялись следы Александра.

— Давай, Жозеф, живей! Едем! Едем! А вы, мастер Виль? И вы, преподобный? Едете или остаетесь?

— Я весь к вашим услугам, — ответил каждый из обоих англичан. — Рассчитывайте на меня.

— И я тоже тебя не оставлю, — сказал бушмен. — Ночью в пустыне небезопасно. Я не хочу, чтобы мой белый благодетель пострадал от когтей льва или жала змеи. Едем!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бешеная скачка. — В чем преимущество кожаных наручников перед веревочными. — Александр стал дичью, за ним охотятся крокодилы. — Он едва не съеден. — Расплата за добрый поступок. — На что может пригодиться пучок колючек, завернутый в охотничью куртку. — Крокодил здорово наказан. — Как туземцы погоняют лошадей. — Отравленная пика. — Освободитель рабов сам попадает в рабство.

Лошадь, к которой привязали Александра, была истерзана колючками и неслась без оглядки. Это было крепкое животное с мощной шеей, с округлым крупом, с выпуклой грудью скакуна, с тонкими ногами антилопы и с твердыми, как мрамор, копытами. Распустив гриву, выкатив глаза, тяжело дыша и храпя, лошадь неслась, как метеор.

Один только ее галоп нарушал тишину этих пустынных мест. Лишь изредка взлетала, хлопая крыльями, стайка рябчиков или проносилось несколько антилоп.

Александр ударялся головой о лошадиный хребет; голова его отяжелела, болела и болталась из стороны в сторону, так что он даже не мог разобрать достаточно хорошо, что именно с ним происходит. У него стучало в висках, яростное солнце все время било ему в глаза, он был ослеплен. Напрасно пытался он опустить веки — красные круги все равно вставали у него перед глазами, пыль все равно забивалась в них. Он испытывал головокружение и приступы тошноты.

Однако памяти Александр не утратил. Все, что предшествовало случившейся с ним беде, и все, что было после, он помнил вполне отчетливо. Все подробности стояли перед его невидящими глазами, как кошмарные видения. Но уж таковы были изумительная крепость организма и сила воли у этого молодого человека, что он сделал еще одно, последнее бешеное усилие, чтобы порвать путы, которые связывают ему руки и ноги. Александр судорожно дергался и извивался, но безрезультатно. Он только причинял лишнюю боль своей лошади, та спотыкалась и едва не падала, а сам он лишился чувств.

Но, как и тогда, когда он потерял сознание во время схватки с крокодилом, его привело в себя ощущение холода и боли. Шони чувствовал себя так, точно его бросили в воду. Открыв глаза и увидев серо-зеленую массу, он стал захлебываться, глухой шум наполнял уши, его сотрясал кашель. Но глаза промылись, освободились от песка, и несколько глотков, которые он сделал против воли, сразу освежили его. Вместе с сознанием к нему возвратилось самообладание, и он увидел, что действительно находится в воде. Однако, лежа на лошади в неудобной позе, он не мог обозреть берега. Лошадь шла вплавь, с каждым шагом вода становилась все глубже, у Александра голова то уходила под воду, то снова поднималась над поверхностью. Освободиться он не мог, но каждый раз, всплывая, он набирал в легкие запасы воздуха, чтобы не задохнуться при следующем погружении.

Действительно ли несколько ослабели путы у него на руках, или ему только показалось? Нет, так оно и было. Он вспомнил, что мулаты связали его ременным лассо. В воде ремни набрякли. Скоро они станут растягиваться. Через несколько минут он высвободит руки.

А лошадь наискось пересекала озеро. Время от времени она теряла дно под ногами и пускалась вплавь, но вскоре снова находила твердую почву. Невольное купанье значительно успокоило ее и придало новые силы. Александр, предчувствуя, что, когда она выйдет на сушу, начнется новая скачка, решил использовать передышку. Солнце высушит ремни в один миг, и тогда пропала всякая надежда на освобождение. Не теряя ни секунды, он снова начал дергаться во все стороны, однако не слишком быстро, чтобы не растратить последние силы.

Наконец ремень стал поддаваться все больше, и вот исцарапанные и распухшие руки Александра свободны. Он может хоть немного расправить затекшие члены, вытянуться, лечь на спину. Как ни малы результаты стольких мучительных, но упорных усилий, бесстрашный охотник испускает вздох облегчения и чувствует, что к нему возвращается надежда. Увы, она не очень тверда, эта надежда, потому что руки, которые были слишком долго и слишком туго связаны, онемели и отказываются служить. Кровь не хочет больше циркулировать по посиневшим пальцам.

Александр начинает бояться, нет ли у него перелома или вывиха. Тревога, на минуту покинувшая его, возвращается снова, в еще более сильной форме.

Кроме того, лошадь, которая, казалось, несколько успокоилась, начинает проявлять внезапный и необъяснимый страх. Она пытается встать на дыбы, когда достигает дна, ржет, брыкается и рвется вперед. Александр пытается ее успокоить, повторяя ей слова, знакомые всем лошадникам, но лошадь пугается чего-то все сильней и сильней.

Но вот онемение в руках как будто проходит. Александр может двигать пальцами, кровообращение восстанавливается. Он хватается обеими руками за гриву и садится лошади на шею. С тревогой вглядывается он в горизонт. До берега не так далеко — в каких-нибудь пятидесяти метрах начинаются прибрежные заросли тростника. Синие цапли и пепельно-серые аисты поднимаются шумливой тучей, посреди которой, как фейерверк, сверкают розовые фламинго. Одни эти безобидные голенастые не могли бы так испугать колониальную лошадь, привык-

шую ко всякого рода птицам, как бы шумно они ни хлопали крыльями, как бы пронзительно ни кричали.

Но вот на спокойной глади воды Александр замечает странные борозды: они широки у основания и сходятся под острым углом. Эти борозды двигаются, приближаются со всех сторон и к тому же в строгом порядке. Больше нет никаких сомнений — центром, к которому они тянутся, являются лошадь и всадник, как если бы флотилия подводных лодок атаковала корабль, который ей удалось окружить.

Лошадь окаменевает от страха, но уже не стремится, как раньше, укусить свою живую поклажу. Она чувствует, что человек наполовину свободен, она оборачивается, смотрит на него своими умными глазами и с душераздирающей силой ржет, как бы говоря человеку: «Спаси меня!»

Пузыри возникают на воде и лопаются, а в воздухе, громко крича, реют водяные птицы. Несколько странных черных точек едва показываются над водой и тотчас снова исчезают.

Александр понимает ужас своего положения, и дрожь пробегает у него по всему телу. Эта флотилия, приближающаяся так размеренно и неотвратимо, точно ею руководит опытный командующий, — не что иное, как стая крокодилов.

Погибнуть в когтях льва, попасть под ноги слону или на рога бизону — все это одинаково ужасно, и никакой храбрец не может думать об этом без содрогания. И все-таки любой бесстрашный охотник добровольно, с легким сердцем и сознательно идет на такой риск всякий раз, когда отправляется в малоизученные страны, на охоту за крупным зверем. Но у охотника есть оружие. Оно дает ему большое преимущество, — конечно, при условии, если он умеет владеть своими нервами и не теряет самообладания.

Но чувствовать себя бессильным, безоружным, привязанным за ноги к крупу изнуренной лошади, провести почти целые сутки без пищи, да еще под палящим солнцем, которое выжигает глаза, и быть на волосок от страшных челюстей крокодила — согласитесь, тут может взволноваться даже самый закаленный человек. К тому

же лев, слон, даже тигр нередко испытывают при виде человека известную робость, и охотнику это иной раз помогает выйти из критического положения. Но крокодил, это олицетворение неумолимой и хищной прожорливости, крокодил, который помышляет только о том, чтобы проглотить свою добычу, что́ бы она собой ни представляла, не знает никакой робости.

Несчастный, который попал в пасть к крокодилу, чувствует, как острые зубы впиваются в его тело, разгрызают его кости. В предсмертную минуту он слышит, как эта огромная пасть прожевывает и заглатывает его.

У Александра нет никакого оружия. Ровно никакого. У него даже нет ножа, чтобы разрезать ремни, которые стягивают ему ноги. А крокодилы все приближаются на своих огромных лапах и хлопают челюстями. Иногда они наталкиваются друг на друга, и тогда раздается сухой стук.

— Подумать только, — растерянно бормотал несчастный Александр, — эту пытку даже невозможно сократить! Сейчас они меня сожрут, а я ничего поделать не могу. Ничего!.. Ну что ж, пострадаю за то, что совершил хороший поступок. Я не жалею. Я вернул свободу человеческим существам. Бедняги бушмены станут ценить белых людей... Это будет мой вклад в дело цивилизации. Альбер, мама, прощайте!

Чудовищной величины крокодил до половины вылез в эту минуту из воды и пытался схватить Александра за руку. К счастью, вода приходилась лошади только по брюхо.

Александр вскрикнул так громко, что благородное животное сделало могучий скачок, сильно ударило крокодила задней ногой и на какую-то минуту оторвалось от земноводного.

Но резкое движение сместило колючий клубок, шипы снова врезались лошади в тело, и она снова пришла в неистовство.

И тут в голове у Александра молнией сверкнула счастливая мысль.

«Инструменты!.. Да ведь при мне мои инструменты!..»

Делом одной минуты было порыться в кармане, до-

стать кожаный чехол с инструментами, найти ланцет и перерезать ремни, которыми были связаны его ноги.

Вздох облегчения!

«Стало быть, я смогу защищаться... Хотя бы только кулаками и ногами... А там кто знает. Если у этой проклятой коняки хватит сил, я, быть может, еще спасусь...»

Берег понемногу приближался. Крокодилы были в двух—трех метрах. Некоторые из них, по-видимому, были напуганы или, по крайней мере, озадачены.

Только один — тот, который едва не схватил Александра, — продолжал рваться вперед.

Но Александр уже почуял проблеск надежды, и хорошее настроение вернулось к нему со всей быстротой, свойственной его неустрашимому галльскому характеру.

— Блестящая идея! — весело воскликнул он. — Раз я уже сижу верхом по-человечески, то почему бы мне не поиграть с этой мерзкой тварью, которая хочет попробовать, каков я на вкус? Но поскорей! Для начала освободим лошадь от этого милого клубка колючек, который ей прицепили двуногие крокодилы. Надеюсь, они мне еще за это ответят... Так! Готово! Теперь надо идти на жертву — надо расстаться с курткой. Ничего не поделаешь! Лучше потерять куртку, чем собственную шкуру.

Александр подобрал ноги. Теперь он стоял на спине лошади на коленях.

И правильно сделал: крокодилы могли в любую минуту откусить ему ноги. Он снял с себя куртку, завернул в нее клубок «подожди немного» и застыл в неподвижности.

Недолго пришлось ему так стоять. Хищный обжора возобновил свои поползновения и раскрыл фантастически громадную пасть. Тогда Александр спокойно забросил в нее свой тючок.

Кр-рак! Раздался стук, точно захлопнулась крышка сундука. И сразу крокодил стал вертеться, кружиться и нырять.

— Так тебе, гадина, и надо! — воскликнул Александр.

Несмотря на весь ужас своего положения, он не мог удержаться от смеха.

Крокодил, разумеется, проглотил колючки, и теперь они ему раздирали нёбо и глотку. Он уже не мог закрыть пасть и, бешено колотя хвостом по воде, все высовывался из нее, видимо боясь захлебнуться.

Не задерживаясь слишком долго на созерцании этой утешительной картины, молодой человек дал шпоры лошади, и та вынесла его сначала на отмель, а потом и на твердую землю.

— Ну, кажется, спасся! Долго мне будут сниться эти крокодилы!.. Ладно, посмотрим, какова обстановка. Не очень она веселенькая, эта обстановочка! Знать бы, по крайней мере, где я нахожусь... Эта бешеная лошадка бегала и бегала, так что теперь она еле дышит, а меня она умчала миль на пятнадцать от крааля, если не больше. Бедный мой Альбер! Мой славный Жозеф! Как они, должно быть, тревожатся! Надо дать лошади отдышаться. Это прежде всего. Но предварительно надо хорошенько ее стреножить, чтобы ей не пришло в голову оставить меня здесь одного. Пусть она пощиплет травку, а уж я пообедаю мысленно. Черт возьми, нет сил... Идея! Если я не найду каких-нибудь кореньев, то использую тот несложный прием, к которому одинаково прибегают и чернокожие и люди цивилизованные, с той разницей, что африканцы стягивают себе живот и желудок лианой и очень туго, а европейцы, когда приходится долго поститься, затягивают поясок всего на одну дырочку.

По счастью, Александр не был доведен до такой крайности. Он уже привык к трудным условиям жизни в южноафриканской пустыне, он умел извлечь уроки из пережитых превратностей и помнил полезные наставления своих чернокожих спутников.

Среди разнообразных растений, названий и свойств которых он не знал, он заметил зеленоватых сверчков. Они медленно ползали по толстым, мясистым, необычного вида листьям.

«Постой-ка! — подумал Александр. — Этих сверчков я знаю. Когда наш Зуга замечал их, он начинал раскапывать землю под теми растениями, на которых они живут, и всегда что-нибудь находил. Копать!.. Но чем копать? Ничего, любая ветка заменит мне лопату».

Александр не ошибался в своих предположениях. Он

Крокодилы могли в любую минуту откусить его нижние конечности.

обломал ветку на первом подвернувшемся дереве, выковырял при ее помощи широкое углубление в земле и в результате получасовых усилий нашел крупный клубень, величиной с голову, немного похожий и по виду и по вкусу на репу, но значительно нежней и сочней [1]. Он с аппетитом съел все без остатка, затем, подкрепившись этой пищей отшельников, вернулся к лошади. Она лежала на земле в изнеможении.

— Так! — пробормотал Александр. — Теперь только не хватало лишиться лошади! Ладно, дружище, вставай, и поскорей! Надо снова скакать, как мы скакали сегодня утром, но только в обратном направлении, на юг. Думаю, что я не ошибаюсь. Мы ведь шли от крааля в северном направлении. У меня нет компаса! Ни часов! Ничего у меня нет! Впрочем, у меня есть двадцать тысяч франков золотом. Они лежат у Жозефа в сумке. Почти семь кило мертвого груза...

Он погладил лошадь. Та подняла голову, сделала большое усилие, чтобы встать, и снова тяжело повалилась.

Александра начало охватывать нетерпение.

— Ну! — крикнул он и щелкнул языком. — Да она и двигаться не может!.. Если бы у меня хоть была уздечка! Что ж, в крайних случаях нужно принимать крайние меры.

Александр схватил палку и сильно ударил лошадь по крупу. Она встала.

Александр вскочил ей на спину, стал бить ее ногами по бокам, даже уколол ее кончиком ланцета, но ничто не могло заставить ее двигаться.

Александр выбивался из сил. Наконец он вспомнил, как в Капской колонии поступают фургонщики, когда у них заартачится мул. Александр соскочил на землю, набрал песку и насыпал лошади в уши. Затем снова вскочил ей на спину, схватил ее за уши и стал трясти изо всех сил.

Эта необычная и жестокая мера подействовала сразу. Лошадь сделала несколько шагов, затем понемножку

---

[1] По-видимому, это корень Mesambryanthemum edule. (*Примеч. автора.*)

стала расходиться и в конце концов пошла мелкой рысью, чем всаднику пришлось удовольствоваться, хотя теперь он предпочел бы галоп, каким лошадь неслась утром.

— Ну что ж, — сказал он философски, — заночую где-нибудь под деревом, а утром доберусь до крааля... Лошадь в неважном состоянии, да я и сам измучился. Несколько часов отдыха пойдут нам обоим только на пользу.

Но Александру положительно не везло. Словно было начертано в книгах судеб, что в этот злосчастный день одна беда будет на него валиться за другой.

Он уже трясся на лошади не меньше часа, все высматривая подходящее место для ночлега, когда внезапно что-то просвистело у него над головой, скользнул какой-то предмет, который ему сразу и разглядеть не удалось, и упал лошади прямо на шею. Лошадь свалилась мгновенно, как сраженная молнией.

Александр посмотрел, что́ убило его лошадь, и только тогда ему стало понятно, какой новой страшной опасности он подвергался: это было огромное копье с отравленным наконечником. Туземцы развешивают такие копья над тропинками, по которым ходит крупный зверь, в частности носорог. Копье висит на веревке, перекинутой через дерево; свободный конец привязан к колышку, вбитому в землю. Когда зверь задевает веревку, на него падает тяжелое копье длиной в полтора метра и толщиной почти с ногу взрослого человека. На древко надет острый наконечник, смазанный ядом. Наконечник сидит более или менее свободно, так что легко отделяется от древка и застревает в теле животного.

Если бы лошадь шла чуть быстрее, удар получил бы сам Александр.

Яд оказался излишним. Железный наконечник, сидевший на тяжелом древке, перебил лошади спинной хребет. Он сделал это не менее точно, чем нож качетеро, которым тореадор во время боя быков добивает животное, получившее смертельную рану.

— Вот уж действительно, — с шутливым отчаянием сказал Александр, — мне нельзя служить в кавалерии: я приношу несчастье лошадям! Что ж, перейдем в пехоту! Ночь я проведу здесь, а утром отправимся дальше

пешком. Но пока что надо развести огонь, потому что туша моего буцефала, конечно, привлечет всех хищников этого леса. К счастью, у меня уцелело огниво и не промок трут. Значит, все в порядке. Кусок жареной конины на ужин — и спать.

Ночь, наступившая после столь бурного дня, прошла спокойно, и Александр проснулся на рассвете, разбуженный разноголосым хором серых попугаев. Он хотел вскочить и поскорей стряхнуть с себя оцепенение, вызванное ночным туманом, но не мог, — его точно пригвоздили к земле.

В его мозгу внезапно пронеслось все, что он пережил накануне. Ему показалось, что продолжается кошмар или что у него свело руки и ноги, и он крикнул, чтобы убедиться, что не спит.

Ему ответили громкие крики, и он с ужасом увидел, что его окружает многочисленная толпа чернокожих, одетых в лохмотья и вооруженных старинными ружьями. Эти люди воспользовались его глубоким сном, чтобы связать его.

Ничто, однако, не могло больше ни поразить его, ни тронуть. Он оглядел этих подлых врагов совершенно невозмутимо, но не смог сдержать возглас удивления, когда узнал в них тех самых туземцев, которых видел во время своей первой встречи с миссионером: черные виртуозы из бродячего оркестра, от какофонии которых бежал преподобный отец.

— Что вам от меня нужно? — строго спросил он. — По какому праву вы меня задержали? Что я вам сделал?

Тогда вождь, знавший несколько слов по-английски, нахально подошел к нему почти вплотную и сказал:

— Белый сломал бревно рабства невольников, которые принадлежали купцам, пришедшим со стороны заката. Бушмены убили купцов, и мои люди больше не могут продавать невольников. Я не смогу давать моим людям ни платья, ни кап-бренди, ни ружей. Поскольку белый довел моих людей до нищеты, он сам станет их рабом. Он будет толочь просо и сорго и во всем помогать женщинам, которые обслуживают мужчин. В Кейптаун он не вернется никогда. Он раб, пусть на него наденут колодку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Человек, который верит в нелепости. — Бушмены считают, что борода помогает европейцам не заблудиться в лесу. — По следу. — Стрела с красным оперением. — Муха цеце. — Любопытное обезвреживание. — Отчаянный план. — Плот. — Буря, гроза, наводнение. — Истребление лошадей. — Погибли! — Опять предательство. — Приступ злокачественной лихорадки.

Верхом на лошадях, которых предусмотрительный бушмен пригнал после истребления работорговцев, Альбер, Жозеф, мастер Виль и его преподобие рысью направлялись туда, где, как все надеялись, можно было найти следы Александра. На пятую лошадь, которую под уздцы вел Зуга, навьючили вещи, а оба бушмена, не чувствительные ни к зною, ни к усталости, шли пешком и даже впереди всего каравана. Жители Южной Африки, в особенности жители Калахари, отличаются способностью ходить не утомляясь так быстро, что могут легко состязаться с самыми крепкими и выносливыми лошадьми.

Оба каталонца пытливо всматривались в местность, его преподобие хранил каменную непроницаемость, а мастер Виль предавался размышлениям. Больше чем когда бы то ни было проклинал он свое самомнение, которое толкнуло его на эту дурацкую авантюру, в скверном исходе которой, быть может не без оснований, он уже не сомневался. С другой стороны, его начинало угнетать это существование, наполненное вечными тревогами и бесчисленными лишениями. Спокойствие трех французов, их полное достоинства поведение, их благородные поступки — все это сбивало нашего полицейского с толку. Наконец, ни разу не было сказано ни слова о таинственной цели их передвижения на север. Эта цель представлялась мастеру Вилю совершенно непонятной; он не мог постичь, что за странная фантазия толкала французов навстречу неслыханным трудностям и неисчерпаемым опасностям.

Что касается их причастности к убийству в Нельсон-Фонтейне, то мастер Виль неукоснительно держался своего первоначального убеждения: как чистокровный англосакс, мастер Виль был удивительно упрям.

«Credo quia absurdum» — «Верю потому, что это

нелепо», — говорили древние логики, когда у них не хватало других аргументов. Мастер Виль был убежден, что три француза — убийцы, только потому, что это убеждение было глупо.

Правда, он признавал, что это все-таки не обычные преступники; однако полиция, эта высшая и безупречная организация, знает немало фактов еще более необыкновенных и загадочных, и мастер Виль убеждал самого себя, что если французы действовали и не с корыстной целью — было очевидно, что они люди не корыстолюбивые, — то у них было какое-то другое побуждение. Мастер Виль уже бесился от того, что, беспрерывно ломая голову над этой загадкой, ничего разгадать не мог. Поэтому он невзлюбил наших бесстрашных путешественников. Его голова, набитая полицейскими правилами и предвзятыми мнениями, не могла постичь всего благородства трех отважных сердец. Полицейский, привыкший всегда вращаться на самом дне общества, видеть только его язвы, всегда кого-нибудь подозревать, не может и не хочет верить в чью бы то ни было честность. Напротив, он склонен видеть урода или сумасшедшего во всяком, кто по своим личным качествам стоит выше толпы. Полицейский разбирается в пороках, но великие человеческие качества скрыты от него за семью печатями.

А тут еще и преподобный со своими подлыми штучками. Он целиком подчинил себе полицейского. И единственное оправдание, которое можно было бы найти для мастера Виля — если только глупость может быть оправдана, — заключается в том, что он был человек добросовестный.

Итак, он участвовал в кавалькаде и злился на самого себя и проклинал преступников, которых не мог разоблачить.

Щемящая тревога снедала Альбера де Вильрожа и Жозефа, а Зуга и оба бушмена были полны странной уверенности. Альбер спросил бушмена, почему он так верит в успех дела. И бушмен ответил:

— Великий белый вождь не пропадет — у него такая же борода, как у вас.

Лошади шли рысью, и черные разведчики, искавшие след Александра, отказались от поисков, только когда

спустилась ночь. А наутро, с первыми лучами солнца, поиски были возобновлены и неутомимо продолжались весь день.

Кавалькада находилась на берегу того самого озера, где Александра чуть было не съели крокодилы. Еще сохранились следы, оставленные его лошадью в тот момент, когда она испугалась и бросилась в воду.

Альбер не мог понять ни почему его друг пустил коня в воду, ни в какую сторону он направился. Он недоумевал, зачем Александр избрал это направление: оно могло привести его в Нельсонс-Фонтейн, но было прямо противоположно краалю, где находились его друзья.

Очень уж, должно быть, страшные враги преследовали его, если он пустился на такой опасный шаг!

Второй раз прервала ночь эту охоту за человеком. С восходом солнца Зуга и бушмен обошли все озеро и нашли следы на другом берегу, а также ямку, из которой Александр вырвал питательный корень. Далее следы вели к тому месту, где лежала убитая копьем лошадь. Многочисленные следы босых ног окружали обглоданный хищниками скелет животного. Очевидно, здесь побывало много туземцев; однако — странное дело! — здесь кончался легко различимый след сапог Александра. Сколько ни искали, найти этот след дальше так и не удалось. А следы босых ног уходили в северном направлении и терялись на берегу узкой и глубокой речки, которая также текла на север.

Альбер, бушмен и Зуга не верили своим глазам. Они тщательно осмотрели каждую примятую травинку, каждую ямку, они терпеливо описывали все более и более широкие круги, и все было напрасно: найти что-нибудь так и не удавалось.

Альбер де Вильрож, охваченный тревогой, почти с отчаянием пришел к заключению, что не иначе, как его друга похитили чернокожие и понесли к реке. И, очевидно, у них были важные причины скрывать это похищение и не показывать, в какую сторону они скрылись, ибо путь свой они продолжали в лодке — вверх или вниз по течению. Глубокие борозды, оставленные на мокрой песчаной отмели четырьмя лодками, очень скоро подкрепили это предположение.

Один только лжемиссионер очень скоро кое-что понял: он нашел торчавшую в земле стрелу с красным оперением, и эта находка заставила его вздрогнуть.

— Вот оно как! — пробормотал он, сардонически улыбаясь. — Кажется, я знаю происхождение этой штучки. Пусть черти унесут меня в преисподнюю, если эта стрела выпала не из колчана кого-нибудь из моих приятелей бечуанов. Они, должно быть, поймали этого верзилу и увели. Браво! Это упрощает все дело. Его хорошенько обыщут, и если только карта при нем, она попадет ко мне в руки. Если карта не при нем, надо постараться узнать, что делается в карманах у тех двух. Ладно, пока все в порядке.

Мерзавец протянул стрелу Альберу и прибавил:

— Наличие этой стрелы, месье, только подтверждает ваше предположение. Чернокожие уплыли куда-то по этой речке. По-моему, она — отдаленный приток Замбези.

— Вы в этом уверены?

— Я не решусь утверждать. Но должен сказать вам, я в здешних местах не впервые. Весь общий вид местности, и резкая покатость, и то, что река течет на север, — все это позволяет думать, что я не ошибаюсь.

У Альбера эти слова пробудили надежду. Быть может, решил он, Александр сумел ориентироваться и пуститься в сторону водопада Виктория и взял чернокожих проводников. А быть может, он ранен или, попросту, устал и нанял носильщиков. Но ведь, в конце концов, разве все три приятеля не условились, что, если что-нибудь непредвиденное разлучит их, каждый должен, не теряя времени, продвигаться к цели экспедиции?

Правда, Александр, как человек крайне осмотрительный, пунктуальный и четкий, должен был бы оставить хоть что-нибудь, что говорило бы о его пребывании здесь и хоть как-нибудь показывало, в какую сторону он ушел. Но, быть может, что-нибудь помешало ему сделать это. Надо было предполагать, что соответствующие приметы и указания скоро будут обнаружены в другом месте.

Итак, решили идти на север, следуя течению реки. Черные лодочники обязательно должны были сделать где-нибудь привал — на одном берегу или на другом.

Немного времени прошло с той минуты, как тронулись в путь, и вот оба негра начали проявлять беспокойство.

— В чем дело? — спросил Альбер, пристально вглядываясь в листву.

— Цеце, вождь! Цеце! Надо удирать поскорей! Надо уйти от воды, иначе погибнут лошади...

Альбер уже не раз слыхал об этом страшном насекомом, и слова проводника заставили его вздрогнуть. Кавалькада действительно вся была окутана густым роем назойливых мух, с жужжанием впивавшихся в лошадей.

Бежать из этих проклятых мест!.. Да, но это значит оставить тот единственный путь, по которому должен был проследовать Александр! Оставаться? Но это значило потерять лошадей. А ведь только лошади могли состязаться в быстроте с пирóгами чернокожих!..

И, наконец, все равно поздно: минуты не прошло, и каждая лошадь была искусана этими проклятыми насекомыми более чем в ста местах, а каждый укус смертелен.

Что делать? Как быть, когда обрушивается новый удар судьбы? Пройдет двое или трое суток, быть может, каких-нибудь двенадцать часов, и несчастные животные падут, а помочь им невозможно.

Из всех бесчисленных насекомых, живущих в Южной Африке, между английскими владениями в Капе и экватором, самым опасным несомненно является цеце. До такой степени, что даже туземцы либо уходят из тех мест, либо отказываются от занятия скотоводством.

Человеку нечего бояться яда, который цеце выделяет. Ее укус отличается тем, что он безвреден для человека и диких зверей. Но собака, лошадь, бык — эти первейшие помощники путешественника и колониста — погибают сразу. И чем здоровее животное, тем быстрее наступает роковая развязка.

Цеце жала не имеет. Неуловимое количество яда, который она выделяет, содержится в железе, находящейся у основания ее хоботка. Когда ей нужна пища, она с быстротой стрелы летит на замеченное ею животное, вонзает, как это делает комар, хоботок в его мышцы и скоро улетает, разбухшая от крови. На месте укуса остается еле заметная краснота и легкий зуд.

Как я уже сказал, человек, дикие звери и — странная вещь! — теленок в период кормления молоком матери абсолютно нечувствительны к укусу цеце.

Что касается быка, то, если он истощен от переутомления и недоедания, признаки отравления проявляются лишь спустя несколько дней. Начинается обильное выделение слизи из глаз и ноздрей и под нижней челюстью образуется опухоль. Бык быстро худеет, можно сказать— тает на глазах: мускулы увядают, начинается понос, животное перестает есть, становится похожим на скелет и погибает. А если бык в теле, то признаки отравления появляются с почти молниеносной быстротой.

Спустя каких-нибудь несколько часов после укуса у животного начинается головокружение, как если бы головной мозг пострадал у него в первую очередь. Бык начинает кружиться на одном месте, жалобно мычит, слепнет и погибает спустя двенадцать—пятнадцать часов.

Вскрытие показывает полный распад всех тканей и органов. Мышцы становятся вялыми; жир жидким, как растительное масло, сердце дряблое, как пустой пузырь, печень бледно-желтая и расползается в руках. Короче, кто своими глазами не видел, какие разрушения производит этот еле заметный укус, тот никогда не составит себе о них никакого представления.

Собака и лошадь обнаруживают те же признаки, и распад организма протекает у них в такой же форме. Из всех домашних животных одна только коза пользуется той же привилегией, что и человек и дикие звери. Этим и объясняется, что коза — единственное домашнее животное, встречающееся у многих племен, живущих на берегах Замбези, где цеце является подлинным бичом всех других пород.

До сих пор не найдено средств против этого страшного яда, а ученые не могут установить, чем объясняется иммунитет диких зверей, хотя бы даже имеющих много общего с некоторыми домашними животными, которые чувствительны к яду цеце. Как, казалось бы, ничтожна разница между домашним быком и лесным буйволом, между зеброй и лошадью, и, наконец, между бараном и козой! Больше того: теленок-сосунок не боится яда цеце, только пока кормится молоком матери, равно как и щенок, сосу-

щий молоко матери. Никакая привычка к климату и никакая прививка не спасают. Если животное, перенесшее легкий укус, и не погибнет, что случается крайне редко, то иммунитета оно еще не приобрело: оно погибнет, если будет укушено в другой раз. И, наконец, домашние животные, здесь родившиеся и живущие здесь же из поколения в поколение на свободе, в почти диких условиях, не менее подвержены действию яда цеце, чем животные, привезенные из таких мест, где это насекомое не водится.

Альбер понимал, что лошади должны неминуемо погибнуть, и очень скоро, потому что они находились в хорошем состоянии. Поэтому он решил, что надо использовать их, пока они живы, и пустить во весь карьер. Нечего больше их беречь, раз их часы все равно сочтены. А если ускорить аллюр, то, быть может, все-таки удастся догнать похитителей Александра или, по крайней мере, приблизиться к ним.

Уже приступили к осуществлению этого плана, лошадям дали шпоры и они понеслись по берегу, усаженному редкими и чахлыми кустами. Но, к несчастию, характер местности очень скоро переменился. Вместо твердого грунта, образуемого сухими песками и камнями, начались наносные пески, покрытые густой сетью лиан и водяных растений, через которые нельзя было прорваться. Лошади спотыкались и увязали на каждом шагу, они утопали среди этой дикой растительности, а всадники еле удерживались в седле.

— Над нами тяготеет какое-то проклятие! — воскликнул Альбер, чуть не рыдая. Ему казалось, что злой рок преследует его. — Ну-ка, слезайте все! Все равно тут не пройдет ни конный, ни пеший. Лодок у нас нет. А нам необходимо в ближайшие два часа найти какой-нибудь способ спуститься вниз по реке.

— Плот? — спросил Жозеф.

— Я как раз об этом и думал. Леса здесь хватает. И деревья не слишком толстые, они поплывут легко.

— Но чем вы свяжете бревна? — спросил, в свою очередь, миссионер.

— А лианы на что?

— Они непрочны...

— Убьем лошадей. У них шкура крепкая. Сделаем ремни...

— Правильно! В таком случае, скорей за дело!

И оба англичанина вместе с неграми, подбадриваемые своими неустрашимыми спутниками, бросились в заросли и стали валить деревья и подбирать их одно к другому по длине и толщине. Оставалось только скрепить их.

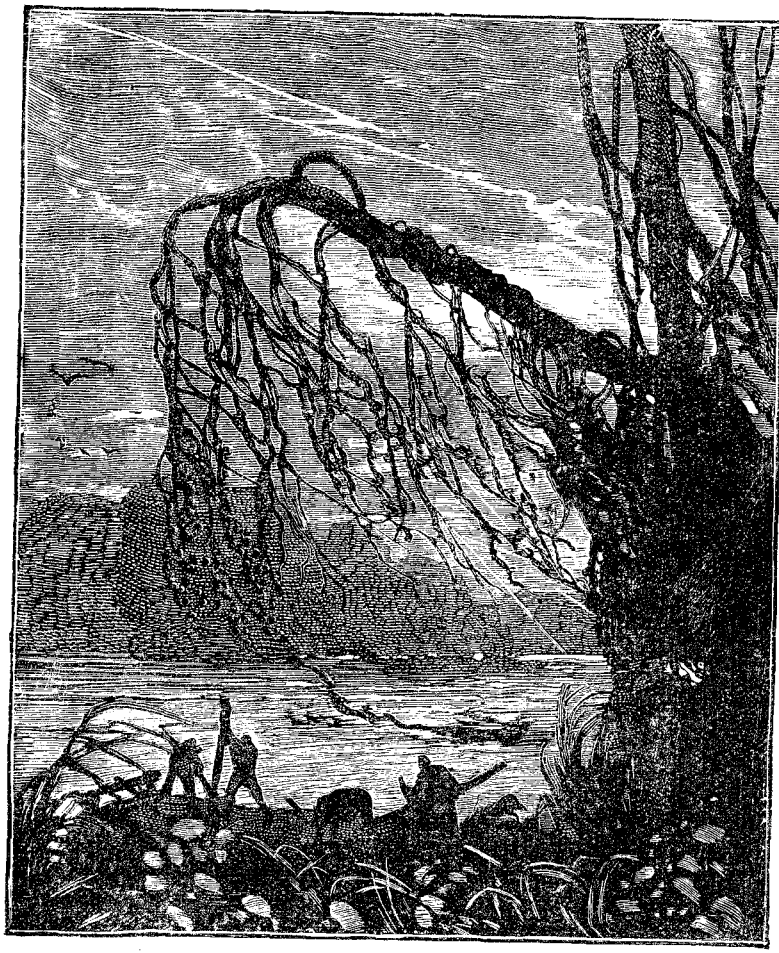
Всех охватило такое лихорадочное усердие, что эта часть работы была выполнена меньше чем за час.

Зуга и бушмен зарезали лошадей, освежевали их, бросили в реку отравленное мясо, а шкуры разрезали на длинные ремни. Никто не думал передохнуть хоть минуту, никто не думал о голоде, который уже давал себя чувствовать, никто не обращал внимания на надвигавшиеся густые тучи, на гулкие раскаты грома, на первые крупные капли дождя. Все работали, как в лихорадке. Стихии разбушевались со всей яростью, которая им свойственна.

Но, несмотря ни на что, плот был сколочен. Однако пуститься в плавание немедленно было бы большой неосторожностью: ночь стала непроницаемо темной, густые тучи повисли на верхушках деревьев. Раскаты грома были оглушительны, и тысячи молний полосовали свинцовую воду реки; буря трепала густые заросли. Дождь превратился в ливень — один из тех ливней, каких жители наших широт и вообразить не могут. Это было нечто такое, как если бы где-то наверху вылетело дно водоема площадью в двадцать пять квадратных миль.

От такого притока воды река немедленно вздулась. Еще несколько минут, и ливень вызвал бы наводнение. Вода уже и так поднималась на глазах, и при вспышках молний было видно, что она течет все быстрей и быстрей. Надо было поскорей двинуться вперед. Если на ходу вас может опрокинуть волна, то оставаться на месте еще опасней: каждую минуту можно погибнуть в потоке, который расшвыривает вырванные деревья.

Альбер стоял на середине плота. Рядом с ним был миссионер, как всегда, непроницаемый и мрачный. Сюртук прилипал у него к костлявому телу. Впереди и позади находились оба негра, вооруженные длинными шестами,



Управление утлым плотом негры взяли на себя.

Управление утлым плотом они взяли на себя. Жозеф и мастер Виль оставались еще на берегу и собирались тоже занять места на плоту.

В это время раздался раскат грома, способный заглушить залп двадцати батарей, и разогнал тучу. Необычайной силы ураган выворачивал деревья, они с шумом валились, и плот, внезапно оторвавшись, полетел стрелой среди всяких обломков, которые уносила река.

Полицейский, который держал сплетенный из лиан канат, упал. Он заметил при этом, что канат не порвался, а перерезан острым ножом. Мастер Виль стал ругаться крепкими матросскими словечками. Крик бешенства вырвался одновременно и у Жозефа, который увидел, что плот ушел и чернеет вдали на свинцовой поверхности реки. Никаких сомнений: они с мастером Вилем остались на твердой земле, в то время как его друг покачивался на зыбких бревнах, уносимых потоком.

В это время миссионер быстро оглядел всех, убедился, что негры, занятые своим опасным делом, не заметили странного движения, которое он сделал в момент отплытия, спокойно сложил нож, который держал в руке, опустил его в карман и снова застыл в неподвижности.

Странно: Альбер как будто ничего не видел. Он был равнодушен к разгулу стихий. Он сидел на корточках, обхватив голову руками, и даже не замечал отсутствия двух своих спутников. Он даже не чувствовал, как бурный поток бросал его плот из стороны в сторону.

Миссионер был заинтригован этим его оцепенением и дотронулся до его плеча. Альбер поднял голову, посмотрел невидящим взглядом и как будто не узнал его. Между тем молнии освещали эту странную и драматическую сцену. Зуга и бушмен, работая шестами, внезапно заметили исчезновение двух белых. Но они едва могли обменяться хотя бы несколькими словами — работа поглощала все их внимание. Впрочем, остановиться все равно невозможно — течение слишком стремительно. Надо будет подождать благоприятной минуты, чтобы задержаться где-нибудь в подходящем месте. Честные негры и не помышляли бросить своих спутников.

— Месье! Месье де Вильрож! — говорит лжемиссионер, все сильней напирая Альберу на плечо.

Жалобный стон раздался ему в ответ. Альбер попытался встать, но, пораженный непонятной болезнью, он тяжело упал на бревна, не проявляя никаких других признаков жизни, кроме прерывистого дыхания, которое вырывалось у него со свистом.

— Так, отлично! — холодно пробормотал его преподобие. — Только этого не хватало! У молодца приступ злокачественной лихорадки. Знаю я, что это такое. Девяносто шансов из ста за то, что он расстанется со своей шкурой! Но тогда я становлюсь его наследником! Почтенное наследство, если только он держит при себе пресловутую карту. Тогда уж я узнаю, где они лежат, эти сокровища кафрских королей. Но хорош я буду, если документа при нем не окажется! Какого черта я тогда перерезал канат? Если его карманы пусты, надо будет его лечить и вылечить. Да еще удастся ли? Надо, чтобы он жил и пустился на поиски своего слуги и дурачка-полицейского. Для этого надо догнать черных, которые похитили третьего француза. У меня, таким образом, получится целое войско, и эти бойкие французы сопротивляться не смогут.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой читатель наконец знакомится с госпожой де Вильрож и ее отцом. — На алмазные поля! — По Южной Африке. — Нападение на дилижанс. — Бандиты в масках. — Опять убитые. — Гнусная комедия. — Новые проделки Клааса. — Пастор Смитсон тяжело ранен. — Покинутый крааль. — Странная встреча. — Еще одна жертва бура. — Дочь торговца из Нельсонс-Фонтейна. — Две сиротки.

В тот самый день, когда Альбер де Вильрож свалился в лихорадке на плоту, ставшем игрушкой волн, лучи заходящего солнца осветили на берегу реки Брек драматическую сцену.

По малоезженой дороге, пролегавшей среди высохших трав, быстро катилась запряженная четверкой карета. Она была значительно меньше и легче тех огромных фургонов, которыми обычно пользуются на Капе с тех пор, как здесь возникла колония. На левой пристяжной сидел прямой, как жердь, форейтор в огромных сапогах и белом

шлеме. Он щелкал бичом и время от времени дул в медный рожок, висевший у него на ремешке через плечо. А кучер, весь день изнывавший от жары, с жадностью вдыхал воздух, который уже становился прохладным.

У обоих висело на боку по револьверу крупного калибра, и оба настороженно смотрели по сторонам.

В карете сидело всего двое путешественников: старик и молодая женщина. Старик, высокий, худой, с редкими седыми волосами на голове и тщательно выбритый, представлял хорошо всем знакомый тип протестантского пастора. Его спутница — одна из тех прелестных златокудрых и голубоглазых англичанок, цвет лица которых напрашивается на устарелое, но все же милое сравнение с цветущей розой.

Несмотря на всю утомительность долгого путешествия, лицо это сохраняло полную свежесть. Однако тревога поминутно пробегала по тонким чертам, складки возникали вокруг рта, и слезы выступали на глаза у прелестной путницы.

— Отец! — грустно заметила она, когда лошади чуть замедлили бег. — Отец, почему мы так медленно плетемся? Скоро ночь, нам бы уже следовало быть в краале.

— Анна, дорогое дитя мое, имей терпение. Мы сделали все, что было в человеческих силах. Мы скачем без передышки. Мы опережаем почту на двое суток...

— Да, но Альбер ждет меня... целых три недели. Он ранен... Быть может, его уже нет в живых, — говорит молодая женщина рыдая.

Старик отер слезу, которая скатилась и у него по морщинистой щеке, и окликнул кучера:

— Дик!

— Мистер Смитсон!

— Где мы сейчас находимся?

— Примерно в десяти милях от Пемпин-крааля.

— До вечера доберемся?

— Если господу будет угодно, джентльмен. И если лошади не околеют.

— Вы сможете ехать при луне, когда зайдет солнце?

— Надеюсь.

— Дорогу вы хорошо знаете?

— Направление я знаю хорошо, мистер Смитсон. Но поручиться за то, что дорога безопасна, я не посмею, — негромко ответил кучер. — Видите ли, если бы я не боялся напугать молодую госпожу...

— Тихо! — с тревогой перебил его старик. — Едем! И погоняйте! Я вам заплачу вдвое. И вашему товарищу! Если падут лошади, мы купим в краале других.

— Спасибо, отец! — воскликнула молодая женщина, с нежностью целуя старика. — Спасибо! Ты такой добрый! Я тебя благословляю за каждую минуту, которая приближает меня к Альберу. Он жив, не правда ли? Мы его вылечим, он поправится!..

Как видит читатель, дьявольский замысел Клааса вполне удался. После описанной нами встречи этого мерзавца и его братцев Питера и Корнелиса с загадочной личностью, которую мы знаем только как его преподобие, Клаас времени не терял.

Прошло едва несколько часов после убийства торговца на прииске Нельсонс-Фонтейн, и наш бур выехал в Кейптаун. Подталкиваемый любовью, ненавистью и алчностью, он пустился вскачь в Бельфор. На огромном расстоянии, которое лежит между прииском и этим маленьким городком, он всюду находил своих людей, в каждом краале брал свежих лошадей взамен заезженных и за неделю покрыл четыреста девяносто километров, которые лежали между этими двумя населенными пунктами.

Он пересекал ущелья, овраги, леса, переправлялся через реки, миновал Крамерс-Фонтейн, переправился через приток Оранжевой реки — Стейнкопф-ривер и купил коня в краале Кемпбелс-Дорп. Переправа через Кайбу, на виду миссии Бакхуз, едва не стоила ему жизни. Но он отделался купаньем и потерял в воде лошадь. Из Бакхуза он добрался до Хоптоуна, поднялся на скалистый массив, на что никто в одиночку не отважился бы, и, разбитый усталостью, добрался до Рудкил-крааля. Еще через два дня он был в Ричмонде, оттуда поскакал в Викторию и, не останавливаясь ни днем, ни ночью, прибыл наконец в Бельфор. Он был до такой степени измучен, что не смог слезть с лошади без посторонней помощи, ноги его распухли, и, чтобы снять с него сапоги, их пришлось разрезать. Четыреста пятьдесят километров из Бельфора в

Кейптаун он проехал по железной дороге, прекрасно отдохнул в поезде и прибыл на место таким же свежим и бодрым, каким был в момент отъезда. За девять дней он покрыл расстояние почти в тысячу километров, из коих пятьсот — верхом, да еще по такой дороге, трудней которой нет на свете.

В какой-то продажной газетенке, какие одинаково процветают и в зное колоний и в грязи метрополий, он напечатал заметку об убийстве торговца-еврея и отправил госпоже де Вильрож написанное его преподобием письмо о том, что ее муж тяжело ранен и ждет ее в Нельсонс-Фонтейне. Как и следовало ожидать, это известие подействовало на бедняжку, как удар молнии.

— Едем немедленно! — сказала она своему отцу, который тоже был потрясен.

Достойная дочь миссионера, привыкшая ко всем опасностям и невзгодам здешней жизни, Анна не подумала ни о расстоянии, ни о трудностях, ни об опасностях такого путешествия. Мистер Смитсон, всегда готовый пуститься в дальнюю дорогу, согласился беспрекословно, на что был бы способен не всякий житель наших европейских стран.

Он без всякого промедления выехал с дочерью по железной дороге в Бельфор. Туда же вскоре прибыл и Клаас, который решил следовать за ними по пятам.

Миссионер хотел избежать медлительности, с какой передвигаются колымаги, обычно перевозящие пассажиров в алмазный край. Кроме того, он не мог допустить, чтобы дочь путешествовала в сомнительной компании. Поэтому он сговорился в Бельфоре с двумя возницами, которые за довольно круглую сумму согласились доставить его с дочерью на прииск, где он рассчитывал найти своего зятя.

Половину этой второй части путешествия, при всей ее утомительности, молодая женщина перенесла спокойно и твердо. Поддерживаемая лихорадочной тревогой, госпожа де Вильрож думала только об одном — как бы поскорей добраться до места. И возницы только восторгались ее непоколебимой решимостью и неукротимой энергией.

Вот уже отъехали сто километров от Ричмонда. Путники спешили и потому избрали путь, по которому ранее

проследовал Клаас. Они находились на Брек-ривер [1]. Эта река образуется из двух потоков, берущих свое начало один — в Виктории, второй — в Ричмонде. Они сливаются у Хонинг-крааля и впадают в Оранжевую реку несколько выше прииска. Зимой эта река весьма бурна, а летом она бы совершенно обмелела, если бы ее не питали многочисленные озера или «пены».

Лошади страшно устали, но, отчасти чтобы угодить пассажирам, отчасти из собственного желания поскорей добраться до крааля, форейтор покрикивал на лошадей и то и дело хлестал их кнутом.

Карета отъехала километра два и попала в густые заросли, среди которых вилась еле заметная тропинка, незаслуженно называемая дорогой. Солнце опускалось все ниже, тени сгущались. То ли от усталости, то ли боясь встречи с хищными зверями, лошади замедлили шаг.

— Вперед! — понукал их форейтор.

— Стой! — властно приказал из-за куста чей-то грубый голос.

Не обращая внимания на это требование, форейтор подобрал поводья, дал шпоры своему коню, а кучер тем временем быстро зарядил свой револьвер, барабан которого издал при этом сухой треск.

Лошади рванулись вперед и громко заржали. Им ответило ржание других лошадей, по-видимому стоявших где-то в зарослях. Затем справа и слева раздалось несколько револьверных выстрелов. Лошадь под форейтором упала с пробитым черепом. Сам он был отброшен метров на восемь. Он лежал неподвижно на земле, и кровь шла у него горлом. Кучер стрелял наугад туда, где видел вспышки. Три лошади, задержанные трупом четвертой, убитой, били друг друга ногами, и карета, казалось, вот-вот опрокинется.

Снова затрещали выстрелы, и из-за кустов появилось несколько человек, одетых по-европейски и в широкополых шляпах, надвинутых на глаза. Они громко кричали «ура», а из кареты раздался крик ужаса. У кучера горло было пробито пулей, он упал на дышло, а оттуда свалился на землю, лошадям под ноги.

[1] Брек-ривер иначе называется Онгар. Оранжевая река называется также Гарнеп. *(Примеч. автора.)*

Тем временем разбойники, угрожая пассажирам оружием, приказали им немедленно выйти из кареты и предупредили, что застрелят их при малейшей попытке к сопротивлению.

Сдавленные стоны доносились из кареты.

— Тысяча чертей! — проворчал один из разбойников. — Неужели мы их всех ухлопали?

— Гм! — так же ворчливо продолжал другой. — Там и не двигается никто.

— А ведь Клаас наказывал курочку не трогать!.. «Убейте кучера, убейте форейтора, ухлопайте старика, если он будет вам надоедать, но женщину пальцем не троньте, не то я вам головы снесу!» — вот как он говорил.

— Да где он, этот верзила? Ведь он собирался разыграть здесь целую комедию! Он должен был нас обратить в бегство и оказаться благородным спасителем этой прелестной особы!

— Чудно́ все-таки, когда такой парень, как он, который не боится ни бога, ни черта, вдруг прибегает к таким дурацким штучкам!

— Конечно! На его месте я бы долго разговаривать не стал! Я бы подхватил красотку и унес... Вот и все!..

— Однако мы не можем торчать здесь бесконечно, как пугала на огороде!..

— Эй, вы! В последний раз! Выходите, или мы разрубим карету топором! — прорычал первый разбойник.

Внезапно, верхом на огромной лошади, прискакал еще один человек.

— Дорогу! — кричал он. — Дорогу! Гром и молния! Дорогу, или я вас всех выпотрошу, мерзавцы! Назад! Вон отсюда!

— Ну, вот наконец и Клаас! Вот он, «спаситель»! Ладно, идем, комедия кончена!

Разбойников точно охватил ужас при виде всадника, и они поспешно скрылись в густых зарослях. Тем временем бур, дышавший тяжело, как после бешеной скачки, соскочил на землю и бросился к лошадям, которые испугались его и становились на дыбы.

— Однако, — бормотал он про себя, — мои ребята поработали на совесть. Кучер убит. Тем хуже для него.

Форейтор тоже убит! Вот это уж напрасно. Теперь мне придется самому править лошадьми, вместо того чтобы ехать рядом с ней, в карете. Ничего, потом наверстаю. Но что это? Уж не выполнили ли они мои приказания слишком усердно? Старик должен был бы орать, как зарезанный, а я ничего не слышу! Женщина-то, вероятно, лежит без чувств. Посмотрим-ка, что там делается внутри!

Он перерезал постромки убитой лошади, отвел в сторону остальных, привязал их к дереву и вошел в карету.

Здесь было совершенно темно. Бур стал нащупывать руками и, несмотря на весь его отвратительный цинизм, дрожь пробежала у него по телу, когда он почувствовал на пальцах что-то липкое.

— Кровь! — воскликнул он.

Схватить неподвижное тело, вынести из кареты и положить на землю было для него делом одной секунды. В последних лучах догоравших сумерек он узнал мистера Смитсона, находившегося в бессознательном состоянии. На груди у него было красное пятно.

— А она? Горе им, если они ее убили!..

— Отец! Где ты, отец?

Белая фигура виднелась в глубине кареты. Анна старалась выйти. Глаза ее расширились от ужаса. В это время бур поднял голову, и Анна оцепенела, увидев его.

— Клаас! — пробормотала она. — Клаас!

— Ваш покорнейший и почтительнейший слуга, сударыня! — сказал тот взволнованным голосом, который никак не вязался с его обычной грубостью. — Не бойтесь ничего. Разбойники, которые на вас напали, уже разбежались. К несчастью, я прибыл слишком поздно.

— Что вы сделали с моим отцом?

— Он здесь. Он ранен... Надеюсь, легко... Сейчас я им займусь. Мы кое-что понимаем в этих делах...

Уничтоженная новым несчастьем, ошеломленная неожиданным появлением бура, Анна смотрела на него с содроганием. А этот гигант занялся раненым с несвойственной ему деликатностью.

— Бедный джентльмен очень плох, — сказал он, качая головой. — Пуля попала в грудь...

— Но он будет жить? О, скажите, что он будет жить!..

— Не знаю. Надеюсь. Если вам угодно. Но прежде всего надо его доставить в крааль, а там увидим. Пожалуйста, сударыня, садитесь в карету. Я усажу джентльмена рядом с вами, и поедем.

Клаас сдержал слово. После томительных четырех часов езды шагом карета остановилась перед забором Пемпин-крааля.

Вместо лая, каким бдительные сторожевые псы обычно встречают чужих, вместо разноголосого мычания и блеяния скота, вместо людских голосов наши путники нашли в краале гробовое молчание. Забор был местами развален, хижины разрушены или сгорели, всюду валялись обломки, которые еле освещала луна, — короче, все говорило, что на «станции» разыгралась катастрофа, какие, увы, слишком часто происходят в здешних местах.

У госпожи де Вильрож сердце сжалось при виде этой ужасной картины. Неужели ее отец так и умрет без помощи? Даже бур, который надеялся сменить здесь лошадей и в чьи расчеты вовсе не входило задерживаться, не скрывал уже своего беспокойства.

Крик радости вырвался у него, когда он увидел огромный фургон, вокруг которого спокойно лежало не меньше двенадцати быков. Покинутый крааль служил убежищем каким-то другим проезжим, которые, пожалуй, смогут чем-нибудь помочь.

— Кто там? — с сильным малайским акцентом воскликнул человек, вооруженный копьем, — по-видимому погонщик.

— Скажи своему хозяину, что раненый джентльмен и молодая дама нуждаются в немедленной помощи.

— У меня нет хозяина.

— Что же ты здесь делаешь?

— Я сопровождаю в Кейптаун хозяйку. Она возвращается с алмазных полей.

— *Дубина! Какая мне разница — хозяин у тебя или хозяйка! Иди скажи хозяйке!*

— Хорошо. Иду.

В доме на колесах загорелся свет, и у входа показалась грациозная женщина.

— Кто бы вы ни были, — обратилась к ней Анна слабым голосом, — не откажите в помощи человеку, который

находится при смерти. Внемлите мольбе дочери, которая просит у вас сострадания к умирающему отцу.

— Пожалуйста, войдите и располагайтесь, — просто ответила незнакомка.

Клаас, как ребенка, взял на руки несчастного миссионера, поднялся в фургон и положил раненого на циновку.

Выражение глубокого сострадания появилось на лице незнакомки. Она протянула руку госпоже де Вильрож, которую душили рыдания, затем раскрыла ей объятия и прижала к груди.

— Увы, сударыня, — сказала она, — судьба, которая нас столкнула, вдвойне ужасна: вашего отца ранили разбойники, моего отца убили три недели назад в Нельсонс-Фонтейне, и почти у меня на глазах.

Услышав эти слова, Клаас вздрогнул и стал более внимательно разглядывать хозяйку фургона. Несмотря на всю свою наглость, мерзавец задрожал. Он попал в тот самый фургон, который недавно ограбил в Нельсонс-Фонтейне, и даже вспомнил, в каком именно углу свалился заколотый им торговец.

— Да ведь это дочка того старика! — пробормотал он, но быстро овладел собой. — Какого черта она здесь делает? Вот так встреча!..

— Бедная вы моя! — сказала Анна, глубоко тронутая ее сочувствием. — И вы едете одна, куда глаза глядят?

— Я возвращаюсь в Кейптаун. Я буду работать. Постараюсь зарабатывать себе на жизнь... Но вы...

Она хотела сказать: «Вы тоже скоро будете сиротой», — потому что мистер Смитсон все не приходил в себя. Он еле дышал, и губы его покрылись кровавой пеной, его широко раскрытые остекленевшие глаза ничего не видели, щеки запали. Он агонизировал.

Агония была недолгой, но мучительной. Затем наступила последняя судорога, умирающий положил руку себе на грудь, сделал попытку приподняться и упал мертвый.

Невозможно описать отчаяние молодой женщины: она считала, что муж ее тоже тяжело ранен, быть может, уже умер. Таким образом, вместе с лучшим из отцов она теряла и того, кого считала своей единственной опорой в жизни.

Клаас был человеком диким. Он стоял посреди фургона, с глупым видом смотрел на эту сцену отчаяния и переминался с ноги на ногу, как медведь, все время делая неуклюжие попытки утешить Анну, но этим лишь растравлял ее горе и усиливал тревогу. Клаас не испытывал ни тени раскаяния. Он думал о двух убитых им стариках так же хладнокровно, как если бы речь шла о двух подстреленных антилопах. Ему казалось одинаково естественным убить животное ради пропитания и убить человека, который мешает ему в делах. Поэтому он с нетерпением ожидал минуты, когда прах миссионера будет предан земле и можно будет приняться за дальнейшее осуществление планов. Он решил не торопиться, пока находится на английской территории, и все думал, как бы поскорей ее покинуть.

Вскоре хозяйка фургона сама предоставила ему такую возможность. Узнав, что Анна направляется к мужу, в Нельсонс-Фонтейн, она сказала ей просто и сердечно:

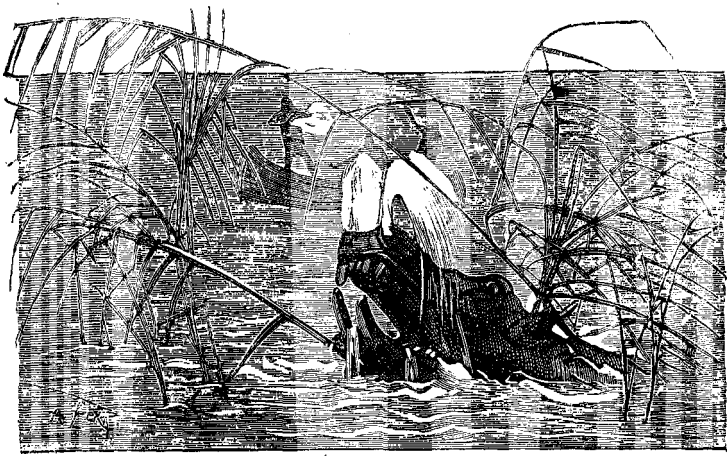
— Меня зовут Эстер. У меня нет семьи, я совершенно одинока на свете. Будьте моей сестрой. Мне все равно, что ехать в Кейптаун, что возвратиться на прииски. У меня в фургоне имеется всего вдоволь. Ведь это был наш магазин. Я вас отвезу туда. Вы согласны, сестрица?

Анна едва смогла пробормотать несколько слов благодарности. Она дала волю своим слезам, бросилась в объятия чудесной девушки и с нежностью ее обняла.

«Отлично! — решил бур, потирая руки. — Править фургоном буду я, и пусть меня возьмут черти, если он попадет на прииск. Он поедет туда, куда я захочу. А женщины даже не заметят. Затем надо признать, что мой братец Питер все-таки удачливый малый. Я искал жену, а нашел двух. Поделимся. Питеру — еврейка, мне — англичанка. Что касается Корнелиса, пусть пока подождет. Очень уж у него рожа прожарена револьвером. Итак, значит, все идет хорошо. Теперь нам остается только найти сокровища кафрских королей».

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Драка на прииске. — Крепкие словечки, подкрепленные затрещинами. — Необыкновенная дуэль. — Нож против револьвера. — Стакан крови за стакан воды. — Сэм Смит. — Самородок ценой в пятьдесят тысяч франков и алмаз величиной с орех. — Три выстрела и три рваные раны.

— Карай! Вы мерзавец!

— Я? Я — мерзавец? Я?..

— Да, вы! Я говорю вам это прямо в глаза, хотя в вас два метра роста и вы похожи на гиппопотама. И силы у вас, должно быть, не меньше, чем у быка. А я говорю и повторяю, что вы мерзавец! Мерзавец! Мерзавец!

— Да я вас только один раз стукну кулаком — и вас больше нет на свете!

— Руки коротки!

— Я всажу вам пулю в лоб!..

— Руки коротки!.. Вы слишком громко орете. Я вас

называю мерзавцем прямо в глаза, а вы только грозитесь и орете. Плевать я хотел на ваши кулачищи и на ваш револьвер, свинья вы американская! Мерзавец и задавака! Если кто-нибудь из почтенных джентльменов одолжит мне нож, я берусь зарезать вас, как самую последнюю чикагскую свинью.

Гигант, на которого сыпались эти оскорбления, пришел в бешенство и с криком бросился на обидчика, человека ростом не больше пяти футов, сгреб его одной рукой, схватив за лохмотья, еле прикрывавшие его загорелую грудь, поднял, как ребенка, над своей головой и стал искать глазами, куда бы его швырнуть.

Но маленький человечек оказался храбрецом. Он использовал эти короткие секунды раздумья своего врага и стал хлестать гиганта по лицу — по одной щеке и по другой.

Бац! Бац! Две увесистые оплеухи прозвенели, точно здесь били тарелки, и вызвали у многочисленных свидетелей этой необычайной картины возгласы удивления и восторга. А человечек не удовольствовался раздачей оплеух, которые были, пожалуй, не столь чувствительны, сколь обидны. Он уперся гиганту ногой в грудь и изо всех сил толкнул его. В руке мастодонта остались одни лохмотья, а их маленький владелец вырвался, сделал ловкий прыжок, вскочил на ноги как ни в чем не бывало и, держась за бока от смеха, воскликнул:

— Караи! А неплохо бывает иной раз одеваться в рванину! Ваше мнение, джентльмен? Но, быть может, вам угодно поиграть всерьез? Тогда пусть мне дадут нож. Я принимаю на себя обязательство выпустить этому дураку все его кишки на вольный воздух. Тысяча чертей!.. Он не знает, с кем имеет дело, этот мерзавец! Я ему покажу, как связываться с человеком, который был торсадором в Барселоне!

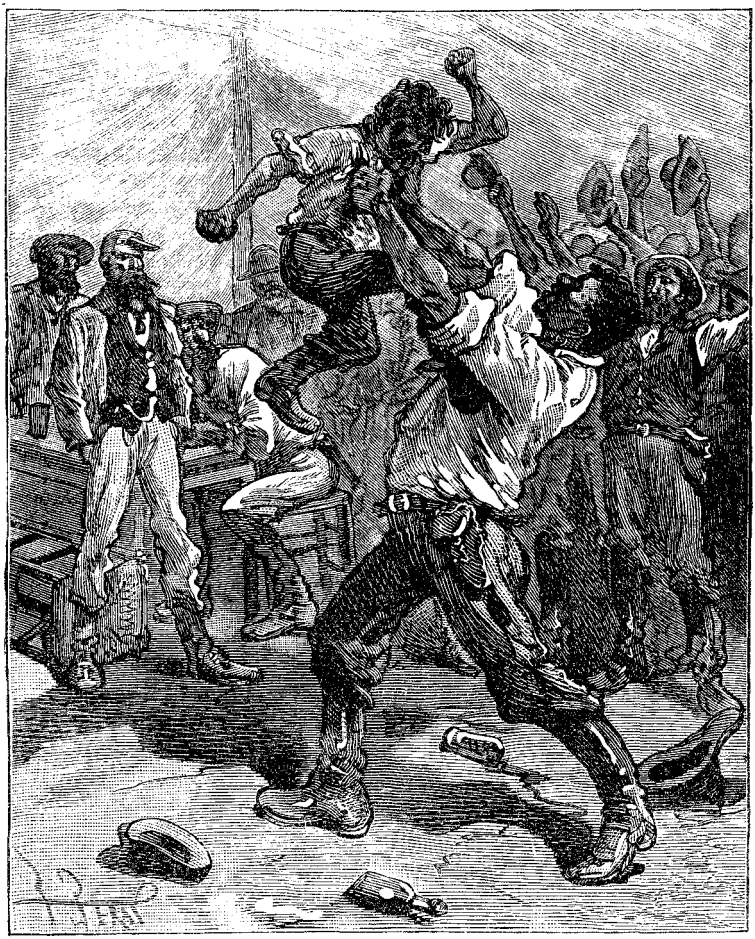
Раздался взрыв смеха, и посыпались замечания:

— Он прав, этот француз!

— Он не француз, он испанец!

— Все равно, он лихой парень, и Дик получил от него по заслугам.

— А все-таки глупо. Нельзя задевать такого джентльмена, как Дик!



Гигант сгреб его одной рукой и поднял над своей головой.

— Так его бить по физиономии!..

— Нет, почему же? Он молодец, этот французик!..

— Ничего подобного! Надо было вызвать на дуэль и драться по правилам!

— Да ведь я сам только этого и прошу, черт возьми! — отозвался незнакомец. — Неужели кто-нибудь порицает меня за то, что я дал этому нахалу по заслугам? Но позвольте спросить, кто кого обидел? Я приехал сюда без сил и без гроша в кармане. Однако бедность не порок, я думаю? Мне подают стакан воды, а этот мерзавец опрокидывает мой стакан и смеется мне прямо в лицо. И все потому, что у него есть золото — несомненно, краденое — и он может лакать черри, а у меня нет ничего! Джентльмены, да любой из вас охотно разбил бы ему голову. Но я буду мстить по-своему. Я проткну ему брюхо и выцежу из него стакан крови. Вот так!..

Гром аплодисментов покрыл этот смелый выпад, и тотчас присутствующие стали заключать пари насчет исхода предстоящей схватки.

— Дуэль! Правильно! Правильно! Браво! Я ставлю за смелого французика!

— Сто фунтов стерлингов за Дика!

— Держу!

— Двести фунтов за француза!

— Держу!

— Дик сделает из него котлету!

— Ничего подобного! Он зарежет Дика, как свинью!

— Давно пора! Он здесь всем надоел, этот Дик! Он — животное, а не человек!

— Смотрите, смотрите, как он играет револьвером! Малыш повернуться не успеет, как Дик всадит ему пулю в череп!

— А вот и нет! Мы не допустим! Надо, чтобы был поединок. Честный поединок. У нас на прииске не каждый день увидишь что-нибудь забавное. Если Дик выйдет победителем, мы его линчуем сию же минуту.

Какой-то мексиканец с лицом оливкового цвета, в широкополой шляпе, в короткой куртке и широких брюках вышел вперед, бросил свою сигарету, церемонно снял шляпу и сказал, обращаясь к французу:

— Кабальеро, не угодно ли будет вашей милости сделать мне честь и воспользоваться моими услугами в качестве секунданта?

— Я буду считать это за честь для себя, сеньор, и принимаю с благодарностью.

— Ваша милость просили нож. Вот моя наваха [1]. Не знаю ничего лучшего, когда надо кому-нибудь выпустить кишки.

— Вы крайне добры, ваша милость. Благодарю вас, кабальеро.

Вмешался рыжебородый англичанин с холодным, но симпатичным лицом.

— Джентльмен, вооруженный только ножом, не может драться на дуэли с мастером Диком, у которого в руках револьвер. Я предлагаю обоим почтенным джентльменам помериться силами в благородном боксе.

На Дика наседали со всех сторон. Он уже и сам не знал, чего ему желать, и заявил:

— Бокс, револьвер, нож — мне все равно, лишь бы я его убил.

— А что касается меня, — ответил француз, — то, по правилам дуэли, выбор оружия принадлежит мне, потому что обида была нанесена мне. И я выбираю нож. А вы берите, что вашей душе угодно. Мне все равно, лишь бы я нацедил из вас стакан красного винца. Позвольте, у меня мелькнула мысль. Вы хотите позабавиться, джентльмены?

— Конечно! Мы за тем и пришли!

— В таком случае, вот что я предлагаю. Мы с моим противником станем в двадцати пяти шагах друг от друга и без права идти на сближение. Пусть он стреляет, а я буду пользоваться только ножом.

Предложение встретили громким смехом. Оно было так неожиданно и необычайно, что заставило усомниться в умственных способностях француза.

Один лишь мексиканец, предложивший свою наваху, посмеивался многозначительным смешком человека, который кое-что понимает. Но у тех, которые ставили на француза, физиономии вытянулись.

---

[1] Наваха (испанск.) — большой складной нож.

А француз заявил звонким голосом:

— Джентльмены, я покажу вам нечто такое, чего вы еще, пожалуй, не видали. Я предоставляю этому человеку три раза стрелять в меня, раньше чем я пущу в ход свое оружие. Дарю ему три пули. Первую потому, что я француз; вторую потому, что он пьян; третью потому, что он боится. Будьте спокойны, он промахнется. Что касается меня, то я всажу ему нож прямо в горло, между краями расстегнутого воротника. И я сделаю это не сходя со своего места. Когда вам будет угодно, джентльмены? Я готов.

Эти последние слова окончательно покорили собравшихся. Они шумно выражали свое одобрение на всех языках мира. Отважный малый, чье спокойствие так резко подчеркивало бешенство американца, уже вырастал в героя.

— Еще одно слово! — добавил он. — Личность, которую вы зовете мастер Дик, промахнется, стреляя в меня, и перебьет немало посуды. Поэтому следовало бы потребовать у него известную сумму в залог, или же не надо, чтобы я стоял впереди буфета, потому что хозяин еще может потребовать, чтобы ему возместили убытки. Но кто ему заплатит, когда мастер Дик испустит дух? У меня-то ведь нет ни гроша, я уже имел честь предупредить вас.

Такое неслыханное самообладание привело всех в восторг. Все кричали и топали ногами. Прогремело троекратное «ура», и секунданты стали отмерять шаги.

Большинство присутствовавших европейцев составляли англичане и немцы; много было ирландцев, которых из родных мест выгнала нужда, и несколько бельгийцев. Были и американцы с козлиными бородками, мексиканцы, люди из Венецуэлы и Аргентины и китайцы с бесстрастными желтыми лицами и длинными косами, затянутыми в тугие узлы. Все — народ не слишком щепетильный: люди с приисков, отчаянные головы. В бассейн Замбези их привели рассказы, быть может правдивые, которые они слышали от людей, недавно побывавших в здешних местах. Это были рассказы о богатых россыпях, начинающихся недалеко от водопада Виктория, между 25°41′ восточной долготы по Гринви-

чу и 17°41′ южной широты. Говорили, будто золото и алмазы встречаются там в огромных количествах, а искатели заглядывают редко. Этого было довольно, чтобы люди сбежались со всех сторон. Их не меньше тысячи. Они роются в земле — пока без особого успеха — и ради утешения превращают свои последние деньги в самые разнообразные, но крепкие напитки.

Сегодня на прииске не работают. Эти безбожники свято соблюдают закон о воскресном отдыхе. Не из побуждений религиозных, как всякий понимает, а ради того, чтобы поиграть в азартные игры и выпить сколько возможно и даже больше чем возможно.

Так или иначе, а громадная прямоугольная палатка из белой парусины, являющаяся главным строением будущего города, была набита битком. Всевозможные аптечные снадобья, которые так любят англосаксы, распространяли странный запах смеси наркотиков с одеколоном; шумно хлопали пробки, вылетая из бутылок с каким-то подозрительным шампанским; синеватого цвета вина образовывали лужицы на столах некрашеного дерева; разные виды алкоголя, в которых вряд ли могла бы разобраться органическая химия, горели, распространяя чад, и все это радовало пьяниц, чьи разъеденные глотки уже не могли приспособиться к напиткам безобидным или хотя бы не столь обжигающим.

Только что описанная ссора, которая несомненно приведет к смертоубийству, была вызвана именно безмерным поглощением этих опасных напитков...

Повод, как мы видели, сам по себе ничтожен: просто один из посетителей опрокинул, быть может нечаянно, стакан воды другого посетителя, которого впервые видел. Но в этих разношерстных компаниях люди всегда возбуждены, всегда способны на самые дикие поступки, самые ничтожные пустяки разрастаются у них в большие события.

Кроме того, этот пьяница — американец. А всякий, кто знает грубость и нахальство янки, которые сами говорят о себе, что они «наполовину крокодилы, наполовину лошади», не удивится тому, что столь ничтожный случай сразу вырос в casus belli [1]. На месте американца, вся-

[1] Casus belli (лат.) — случай, могущий дать повод к войне.

кий другой извинился бы. Но американец только рассмеялся. Он зажал между челюстями щепоть жевательного табаку и, мыча, послал незнакомцу прямо на ноги струю черной слюны. Мол, что это еще за беднячишка, который пьет только воду! К тому же он и ростом мал — не больше пяти футов, да и весит он вряд ли больше пятидесяти кило! Если у человека таких габаритов нет по меньшей мере своих ста тысяч долларов, он ничто, нуль, меньше нуля, он блоха, назойливое насекомое, от которого можно избавиться щелчком.

Так поначалу думали все. Но вот насекомое протестует, оно проявляет силу и достоинство. Оно наносит обидчику оскорбления, издевается над ним и чертовски ловко хлещет его по физиономии. И, наконец, оно собирается ухлопать гигантское животное и предлагает ему такие условия поединка, что к нему, насекомому, все проникаются симпатией — все, за исключением нескольких задир, преданных американцу, потому что он одинаково щедро всех угощает грогом и тумаками.

Сторонники маленького француза наперебой подносят ему выпивку, закуску, стараются подкрепить его, поддержать; они хотят, чтобы он выстоял против американца: они боятся проиграть свое пари. А он вежливо благодарит, но твердо все отклоняет. Он берет только сигарету у мексиканца, жадно затягивается и смотрит холодными глазами на хозяина заведения, который протягивает внутри палатки веревки вдоль стен: зрители будут стоять за веревками.

Покуда американец вливал грог в раскрытый кратер своей глотки, покуда шли приготовления к дуэли, возобновилась прерванная ссорой беседа.

— Вы знаете? — сказал некий оборванный ирландец некоему аргентинцу, бронзовому, как ворота пагоды. — Вы знаете, Сэм Смит здесь.

Это имя, произнесенное шепотом и чуть ли не со страхом, вызвало удивление и любопытство.

— Сэм Смит?..

— Он самый, дружище! Император грабителей, монарх темного мира, великий вождь негодяев, которые обирают нас как липку, когда мы находим что-нибудь интересное.

— Тихо! Молчите! Опасно так говорить о Сэме — у него тысячи ушей!

— А вы его видели? Откуда вы знаете, что он здесь?

— Господи, да он всегда бывает там, где можно сделать дельце! Он обобрал Нью-Раш, потом он остановил дилижанс, который увозил добычу из Олд-де-Бирса, потом его видели в Нельсонс-Фонтейне. Говорят, он там заре́зал какого-то торговца.

— Расскажите подробней, джентльмен.

— Сейчас. Раньше посмотрим дуэль.

Потом вмешался бельгиец, которого трепала лихорадка:

— А ты знаешь, месье, кто его компаньоны? Говорят, эти три бура.

— Клаас, Корнелис и Питер — колонисты из Вааля?

— Они самые.

— Ошибаетесь. Сэм Смит всегда работает один. Правда, у него есть помощники. Они ему фанатически преданы, и время от времени он бросает им косточку...

— Говорят, он настоящий джентльмен.

— Он щедр, как лорд.

— Он силен, как слон.

— Он жаден, как ростовщик.

— Короче, он и хуже всех и лучше всех!

— Откуда он? Кто он?

— О нем рассказывают странные вещи. Якобы он долго был главарем шайки грабителей в Австралии. У него было свыше пятисот человек, и он не боялся ни бога, ни черта. Богаты они были прямо-таки непостижимо. Лорд генерал-губернатор со всем своим жалованьем был против них бедняк. Но, к несчастью, дела у них пошатнулись.

— Вы сказали — к несчастью?

— Я так выразился с точки зрения искусства обирать ближнего. Сэм увидел, что в той отрасли деятельности, в которой он подвизался, может наступить безработица. Он заметил также, что в Австралии растут на деревьях хорошо намыленные пеньковые веревки. Тогда он решил податься в Южную Африку и приняться за разработку алмазных и золотых приисков.

— Но чтобы так говорить о нем, вы должны его знать?

— Я видел его два раза и при таких обстоятельствах, которые не скоро забуду.

— Расскажите, пожалуйста.

— Очень охотно, если это вас интересует. Но вы мне скажете, когда начнется дуэль. Я поставил на француза. Если он выиграет, я вас угощу таким грогом, какого хозяин нашего кабака еще не приготовлял с тех пор, как мы промываем песок на Замбези.

— Браво! Вы настоящий джентльмен!

— В первый раз я видел Сэма Смита три недели назад.

— А второй раз?

— Вчера утром.

— Где?

— В каких-нибудь двух милях отсюда. Но я вас предупреждаю, что, если вы этак будете меня перебивать, я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Имейте терпение. Моя история может быть изложена в двух словах. Я возвращался с водопада Виктория, где разведывал местность в скалах. Там есть золото. Я еле волочил ноги от усталости, но я был счастлив, потому что кое-что все-таки нашел. Немало золота у меня было в поясе, а кроме того, в сумке лежал самородок величиной с два кулака.

— Здорово! Такой орешек вполне мог потянуть двенадцать кило!

— Считайте шестнадцать, приятель. Чистейшее золото. Во Франции такое золото стоит три франка грамм. Так что мой орешек стоил добрых пятьдесят тысяч франков...

— Арра! — воскликнул ирландец. — Было бы на что пить всю жизнь.

— И вот я иду себе и напеваю, когда из-за кустов раздается резкий голос и приказывает мне остановиться. Конечно, я и не подумал останавливаться. Я только зажал в руке револьвер и прибавил шагу. Внезапно раздается выстрел. Я почувствовал сильный удар в руку, в ту, в которой держал оружие, и мой револьвер выпал. Он был пробит пулей. И тут из зарослей выскакивает

хорошо одетый верзила и становится прямо передо мной, а в руках у него двуствольный карабин, и из правого ствола еще вьется дымок. Стоит и смеется, подлец, до упаду и все смотрит на меня такими глазами, что меня начинает трясти. «Упрямец, — говорит он, — если бы вы меня послушали и остановились, и поделились со мной по-братски результатами вашей разведки, у вас бы теперь был револьвер. Кроме того, у вас была бы половина вашего золота. А теперь вам придется вывернуть карманы».

— И вы не сопротивлялись?

— Сопротивляться? Он пустил бы мне в голову пулю двенадцатого калибра и лишил бы меня удовольствия рассказать вам эту историю. Я подчинился немедленно, потому что этот джентльмен торопился. И он еще сказал мне с этаким дьявольским смешком: «Хорошо, дружок! Когда вы в другой раз повстречаетесь с Сэмом Смитом, помните, что его малейшие желания равносильны приказу». А я оробел, я просто обалдел, уверяю вас, и говорю: «Поверьте, ваша милость, я не знал, с кем имею дело». А он взорвался. «То есть как? — он говорит. — Неужели кто-нибудь смеет мне подражать здесь? Кто-нибудь без моего позволения взимает налог с рудников? Я один, запомни это хорошенько, я один и только я один плюю на вашу полицию и на ваш суд Линча. Если у меня есть конкурент, смело скажи мне, кто он, и я тебе клянусь, что сам учиню над ним суд Линча». А я говорю: «Нет, джентльмен! Просто я думал, что вы сейчас заняты где-то в других местах».

И тут он еще громче рассмеялся, забрал все, что я имел, оставив, впрочем, на земле щепотку золотого песку, свистнул своего коня, легко вскочил в седло и дал шпоры. На прощанье он мне сказал:

«Теперь я тебя знаю. Шесть месяцев тебя никто не тронет. Подбери эту мелочь — я ее оставляю тебе по доброте сердечной — и помни в другой раз, что со мной надо делиться». С этим он исчез, а я остался на месте, как дурак, и бесился.

— Есть от чего!

— Смелый парень, ничего не скажешь!

— Дьявол! Сам дьявол! И вы еще с ним столкнетесь.

— Посмотрим!

— Но что было дальше? Расскажите о второй встрече.

Рассказчик влил в себя огромную порцию спиртного, точно ему хотелось прогнать воспоминания об этом неприятном приключении, и продолжал:

— Как я уже имел честь сказать вам, вторая встреча произошла вчера утром, километрах в двух от водопада. Я возвращался с новой разведки. Она оказалась менее удачной, чем первая. У меня не было ни грамма золота в кармане, запасы продовольствия давно кончились, так что я подыхал от голода и еле волочил ноги. И вот я упал и скатился в овраг, куда, кажется, не ступала нога человека. Падение было настолько тяжелым, что я потерял сознание и мысленно прощался навеки и с приисками, и с добрыми пирушками, какие я себе закатывал, когда приходила удача. И вдруг меня привело в чувство какое-то ощущение прохлады. Открываю глаза и, как бы сквозь туман, вижу высокого роста джентльмена в белом шлеме. И он ухмыляется. А лицо все обросло густейшей бородищей. Он положил мне на лоб тряпку, которую намочил в ближайшей луже, и энергично растирал мне все тело.

«Ну что, старина? — сказал он. — Ваше счастье, что я как раз в этом месте охотился на рябчиков. А то ведь смотрите, сколько здесь носится коршунов. Они бы вас исклевали живьем».

Я пробормотал несколько слов благодарности и жадно прильнул губами к фляжке кап-бренди, которую он мне поднес. И тут он говорит этак сердечно и весело:

«Ну вот, это молочко вас подкрепило! Теперь вы сможете добраться до прииска. У вас есть на что пообедать сегодня вечером?»

«Ни одного шиллинга, джентльмен!» — отвечаю я.

А он говорит:

«За этим дело не станет. Я при деньгах. Возьмите у меня и выпейте за мое здоровье».

И тут он вынимает из патронташа небольшой кожаный мешочек, достает из него алмаз величиной с орешек, кладет мне в руку, подбирает свое ружье и в тот же миг исчезает. Я даже не успел его поблагодарить.

— А алмаз? — закричали со всех сторон.

— Да вот мы сейчас его и пропиваем, джентльмены!

— И это опять был Сэм Смит? Да?

Громкое «ура» помешало услышать ответ. Это дуэлянты заняли места. Их разделяло двадцать пять метров, строго отмеренных секундантами.

В это время в палатку вошел новый посетитель. Это был человек среднего роста. Он был оборван, на лице его лежали следы недавно перенесенных испытаний. Незнакомец сел на один из многих освободившихся стульев, поставил локти на залитый вином стол, обхватил голову руками и застыл в неподвижности, точно пригвожденный к месту усталостью или болезнью. Однако начало дуэли сопровождалось таким шумом, что его появления никто и не заметил.

Американец Дик принял несколько капель нашатыря, и это его протрезвило. Теперь он твердо занял позицию, осмотрел свой револьвер и ждал сигнала. А на другом конце стоял бесстрашный француз с навахой в руке.

Воцарилась тишина, было слышно, как прерывисто дышат несколько наиболее впечатлительных зрителей.

— Угодно вам начать? — холодно сказал француз, кладя свой длинный нож плашмя на ладонь, острием в сторону локтя.

— All right [1] — ответил американец.

Секунданты быстро отошли в сторону. Один из них, соблюдая правильные интервалы, хлопнул в ладоши три раза.

Дик поднял револьвер и выстрелил. Мгновенно послышался грохот, звон и треск битой посуды и веселый смех француза.

— Вы взяли выше на целый фут, мастер Дик! — сказал он насмешливо. — Ваша пуля попала в бутылки.

Со всех сторон послышались возгласы «браво» и «тише». Дик глубоко вздохнул, тщательно прицелился и нажал собачку второй раз. Он побледнел, когда увидел сквозь рассеявшийся дым, что его противник стоит на месте и смеется пуще прежнего.

— Да этак вы все перебьете... Кроме моей головы,

---

[1] All right! (англ.) — Хорошо!

конечно. Вот вы уже наколотили долларов на двадцать, не считая моей шляпы, в которой вы сделали дырочку. Но это не важно! Одной дыркой больше, одной меньше — какое это имеет значение? Но берегитесь, теперь вам остается всего один выстрел. А моя наваха остра, как иголка.

Человек, который сидел за столом, обхватив голову руками, вздрогнул, услышав этот издевательский голос.

Американец был бледен, как полотно, но жилы на его бычьей шее вздулись и стали похожи на веревки. Он крепко выругался, выплюнул весь свой жевательный табак и два раза сильно топнул ногой. Сделав последнее и энергичное усилие, чтобы взять себя в руки, он быстро опустил револьвер, снова медленно взвел его, выискивая точку прицела снизу вверх. Все это он делал с медлительностью, которая должна была обеспечить меткость выстрела и одновременно усилить тревогу противника. Рука на секунду застыла, затем курок стал опускаться, и прогремел выстрел. Француз зарычал, сделал резкое движение и упал, и многие решили даже, что он смертельно ранен; затем сверкнула молния и послышался резкий свист.

Глухой рев, точно идущий из глотки медведя, вырвался у американца. Вскинув руками, он грохнулся наземь, обливаясь кровью, и забился в судорогах. Наваха, пущенная недрогнувшей рукой его противника, попала в горло, рассекла кадык и прошла насквозь.

Победитель этого свирепого поединка встал и с гордостью дал всем осмотреть царапину, которую у него на голове оставила пуля американца.

— Как говорится, ежели бы да кабы... Ежели бы мастер Дик взял на один сантиметр ниже, то копытами кверху лежал бы теперь я. Но я потерял клок волос и отделался царапиной.

Прогремело «ура». Оцепенение, в котором все находились, сменилось неистовым и бурным весельем. Бесстрашного француза обнимали, поздравляли, целовали даже те, кто проиграл пари. Но когда безумствующая публика подняла его высоко над головами, он увидел новоприбывшего, который смотрел на него как окаменелый, видимо не веря своим глазам.

— Месье Альбер! — воскликнул француз. — Месье Альбер! Это вы?

— Жозеф! Славный ты мой Жозеф! — пробормотал тот, с трудом поднимаясь.

Но ко всем неожиданностям этой драматической сцены вскоре прибавилась еще одна. Полог палатки раскрылся, и твердой походкой вошел мужчина высокого роста, в белом шлеме и с карабином через плечо. Он с любопытством стал осматривать публику, находившуюся точно в бреду.

Три возгласа прозвучали одновременно. Один вырвался из груди Жозефа, другой издал Альбер де Вильрож, третий шел из публики.

— Александр?

— Месье Александр?

— Сэм Смит! Собственной персоной!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Великолепный удар. — Три друга. — Снова вместе. — Опасное недоразумение. — Мерзкое обвинение. — Буры. — Опять драка. — Вид Альбера де Вильрожа плохо действует на двух мерзавцев. — В окружении. — На баррикады! — Бомбардировка полотняного дома. — Живописная и удачная оборона. — Пролом. — Отступление. — В краале. — Возобновление военных действий. — Александр мимоходом сообщает своим друзьям, что имеет на триста тысяч алмазов.

Шум еще не улегся, когда труп Дика вытащили за руки и за ноги на пустырь, лежавший позади палатки.

При этом мексиканец спокойно извлек свою наваху из ужасной раны, откуда хлестала кровь, вытер клинок и, восторженно покачивая головой, сказал:

— Великолепный удар! Прямо-таки красота! Этот кабальеро — проворный малый, и мне лестно, что я был у него секундантом.

Человек, который в эту минуту входил, метнулся в сторону, чтобы не быть забрызганным кровью.

— Это что такое? — звучным голосом спросил он. — Здесь убивают?

— Да, сеньор, — с живостью ответил мексиканец. —

— Здесь убивают... но честно. Великолепная дуэль! Можете пожалеть, что пришли так поздно...

Читатель давно узнал Жозефа. Победа высоко вознесла нашего каталонца и посадила его на плечи какому-то могучему, но пьяному искателю алмазов. В утомленном путешественнике он внезапно узнал своего молочного брата Альбера де Вильрожа, а в посетителе, который входил именно в эту минуту, — Александра Шони и стал изо всех сил отбиваться от окружавшей его публики, чтобы поскорей обняться с друзьями. Этим он привлек к ним внимание толпы. Ко вниманию вскоре присоединилось любопытство, а затем и ужас, потому что послышалось чье-то восклицание:

— Сэм Смит!..

Это воскликнул тот самый ирландец, который сначала был ограблен, а через три недели спасен таинственной личностью, о которой шел разговор перед началом дуэли.

Александр не обратил внимания на то, что все перед ним расступаются. Он увидел и услышал Жозефа и был немало удивлен, впрочем не без оснований. Альбера он еще не заметил, но, услышав его голос, затрясся, быстрыми шагами направился к нему и стал его обнимать:

— Альбер! Дорогой мой Альбер! Наконец-то я тебя нашел! Какой у тебя вид! Но ничего — ты жив, это самое главное!..

— Верно, дорогой Александр, я жив... еле жив!.. — пробормотал де Вильрож слабым голосом. — Я на три четверти покойник... Слишком уж я измучен...

— Гром и молния! — воскликнул Александр. — Тебе дают погибать от голода?! Жозеф! Где Жозеф? Кажется, я его видел... И слышал его голос.

— Вот я, месье Альбер! — кричал каталонец, вырвавшийся наконец из рук фанатиков, которые ни за что не хотели его отпустить. — Караи! Наконец-то!

— Что же это такое! Вы не видите, что месье Альбер еле жив? — сердился Шони. Стукнув кулаком по столу так, что стол затрясся, он заорал: — Эй, есть здесь какой-нибудь хозяин? Пусть придет! И живей, не то я сам за ним пойду!

Хозяин пришел. Он снял шляпу и, к великому удив-

лению посетителей, которые привыкли видеть его грубым и высокомерным, вел себя покорно и угодливо.

— Чем прикажете служить вашему превосходительству?

— Мое превосходительство хочет, чтобы ты накормил и напоил этого джентльмена. Ты слышал, и ты понял. Неси все, что у тебя есть лучшего. Я плачу за все.

— Сэм Смит, по-видимому, хорошо настроен сегодня! — сказал своим приятелям тот, который ранее описал свои встречи со знаменитым грабителем.

— Вы уверены, что это именно он и есть? — спросил ирландец.

— Не меньше, чем в том, что я — это именно я. Вы, впрочем, увидите, что он меня тоже узнает.

— Он теперь один, если вы хотите знать, и мы могли бы его схватить и разделаться с ним, — сказал бельгиец.

— Попробуйте. Он сломает вас, как спичку.

— Но нас-то ведь человек триста, если вы хотите знать...

— Нет. Пока я жив, никто этого человека не тронет.

— Потому что он тебя ограбил?.. Если вы хотите знать...

— Да вы мне надоели! «Если вы хотите знать»! Довольно! Он меня ограбил, когда я был богат. Но потом он спас мне жизнь и дал мне почти столько же, сколько взял у меня. А если чего и не додал, то великодушный поступок сам по себе тоже кое-чего стоит.

Александр привык всюду чувствовать себя как дома. В данный момент он был всецело поглощен заботами о своем друге и нисколько не думал о том, что пользуется у здешней публики кровавой репутацией грабителя, внушающей и страх и почтение.

Но вот он заметил человека, который внимательно его разглядывал.

— И вы здесь?! — воскликнул Александр.

— Я самый, мастер Сэм Смит. Очень рад вас видеть.

— Как вы сказали?

— Мастер Сэм Смит...

— Вы ошибаетесь, приятель. Не в отношении моей личности, но в отношении моего имени...

— Как, разве это не вы нашли меня, когда я лежал без сознания в овраге? Вы вернули меня к жизни и еще подарили мне прекрасный алмаз.

— Что ж, если вам угодно вспомнить об этом маленьком подарке и о небольшой услуге, какую всякий порядочный человек оказал бы вам на моем месте, я возражать не буду. Но, по крайней мере, пощадите мою скромность.

— Да ведь это была не первая наша встреча.

— Вы меня удивляете...

— Вспомните хорошенько! Вы даже сделали у меня маленький заем.

— Заем?

— О, я ничего не требую у такого джентльмена, как вы. Возможно также, что вы и забыли: вам приходится иметь дела со многими...

Эти последние слова вызвали у некоторых взрыв смеха, но Александра охватил гнев, кровь ударила ему в голову.

— Послушайте, любезный, — резко сказал он, — я не имею обыкновения брать взаймы и не люблю подобных шуток...

— Но позвольте, мастер Сэм Смит...

— Еще раз, и в последний, говорю вам, что вы ошибаетесь. Вы упорно называете меня чьим-то чужим именем. Мне надоело. Это имя английское, а я француз и зовусь Александр Шони.

— Врешь, мошенник! — прорычал из глубины палатки чей-то грубый голос. — И даже не пытайся обманывать этих почтенных джентльменов. Мы знаем все твои клички. Может быть, ты и выдаешь себя за француза, когда тебе надо, но судья Линч все равно разделается с тобой как с вором и убийцей! Ты меня слышишь, Сэм Смит?

Александр остолбенел. Но ненадолго. Он быстро овладел собой. И вот он яростно закричал, вскочил, как тигр, растолкал оторопевших зрителей, пробился туда, откуда раздался голос, и оказался лицом к лицу с двумя гигантами, сидевшими за столиком в углу. У обо-

их лица были покрыты шрамами и рубцами, оба были вооружены до зубов, оба являлись воплощением самой грубой силы. Тот, который произнес приведенные выше слова, видимо, более привык объезжать диких жеребцов или править фургоном, чем говорить связно. Чтобы обрести дар речи, он предварительно выпил целую бутылку кап-бренди. Одного глаза у него не было. Место, где когда-то был глаз, пересекал безобразный рубец, отчего мышцы вздулись на лбу и на щеке и беспрерывно дергались. Это усиливало впечатление свирепости.

У его товарища через всю голову проходил рубец, который делил шевелюру на две почти равные части, как пробор. Сразу было видно, что это след хорошего сабельного удара. Гигант тоже пил как лошадь и подкреплял каждое слово своего собутыльника одобрительными кивками.

Никто не смог бы сказать, откуда появились эти двое и как они вошли, — кроме, пожалуй, хозяина, который тайком впустил их через черный ход, в задней части палатки.

— Эге! — негромко сказал один из гостей, увидев их. — Да это бур Корнелис и его братец Питер. А где их старший брат Клаас?

И со всех сторон послышались шепотом произносимые слова: «буры»... «Корнелис»... «Питер»...

Впечатление было такое же, какое вызвало имя Сэма Смита.

Увидев налетавшего на них француза, оба гиганта выхватили ножи и стали в оборонительную позицию.

— Кто посмел возвести на меня гнусное обвинение в убийстве и грабеже?

— Я! — ответил одноглазый Корнелис.

— А я готов повторить, — прибавил Питер.

Александр, еще более бледный, чем раньше, быстро нагнулся, схватил тяжелый табурет и с размаху бросил его в обоих братцев, крича пронзительным голосом:

— Врете, мерзавцы! Я не хочу пачкать руку о ваши разбойничьи морды — вот вам вместо пощечины.

Тяжелый табурет упал на стол и разломался. Куски полетели на обоих гигантов, и те, несмотря на свой внушительный вид, вздрогнули.

Поднялся неописуемый шум. Несколько человек — правда, их было не слишком много — сразу сгрудились вокруг Александра, другие стали проявлять к Александру неблагожелательное любопытство, которое с минуты на минуту грозило принять открыто враждебную форму.

Среди первых был и мексиканец — тот, который дал Жозефу свою наваху; был там и ирландец — виновник всей этой необъяснимой ошибки. Жозеф где-то раздобыл огромный топор и теперь стоял рядом с своим другом. И даже Альбер, несмотря на всю свою слабость, и тот был здесь.

Странное дело — его появление произвело на обоих буров неизмеримо бóльшее впечатление, чем табурет Александра.

— Граф! — пробормотал Корнелис.

— Он самый! — подтвердил ошеломленный Питер.

— Мужайся, Питер! Его послал сам дьявол!

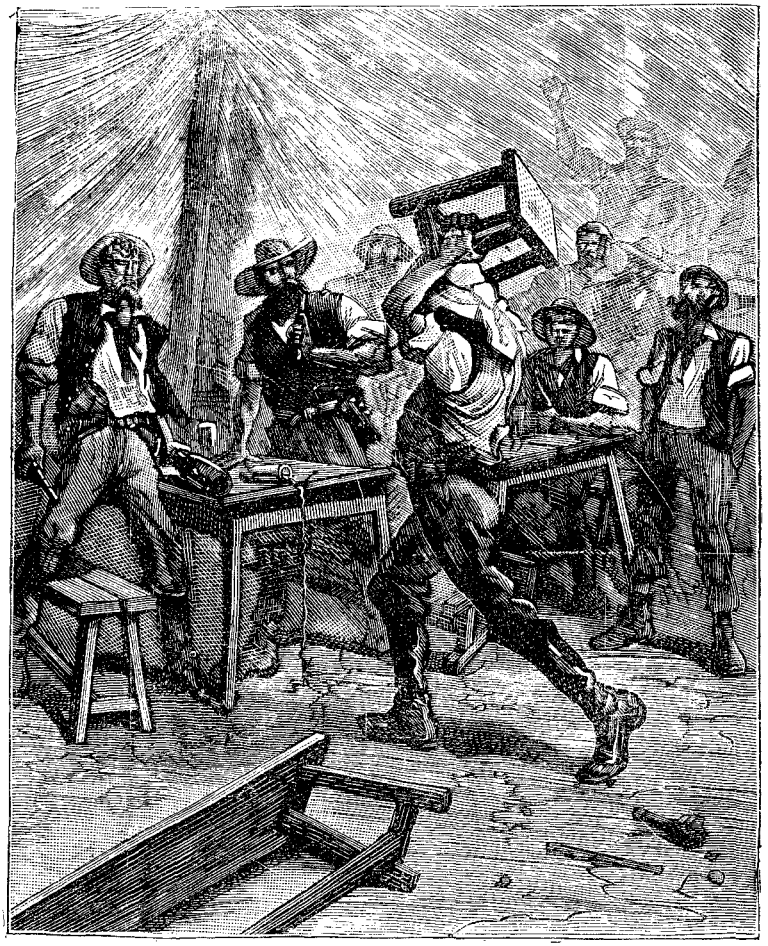
— Правильно, Корнелис. Он не должен уйти отсюда живым.

Оба гиганта преодолели непостижимый страх, который у них вызвало появление этого человека, еле державшегося на ногах.

— Друзья! — вскричал Корнелис. — Я сказал, и я повторяю: этот человек — Сэм Смит! Вор Сэм Смит! Убийца Сэм Смит! Тот, которого вы так чествовали как победителя, — его сообщник. А этот третий — их хозяин. Хоть на вид он еле живой, но они ему преданы, как проклятые. Друзья! Вам представляется, быть может, неповторимый случай: вы можете избавить не только ваш прииск, но и все прочие прииски от этих грабителей! Почему они забирают себе львиную часть того, что вы добываете с таким трудом? А ну-ка, давайте! Не так уж они страшны! Надо их взять и повесить! А веревку я дам!

— А я тебе тоже кое-что дам, мерзавец! — воскликнул Александр и быстро зарядил свой карабин.

Но в эту минуту несколько человек с яростью ринулись на Александра. Он окинул их взглядом и сразу увидел, насколько опасно его положение. Если только он и его друзья попадутся, с ними будет покончено. Нелепому и гнусному обвинению все поверят. А здесь достаточно и



Александр быстро нагнулся, схватил тяжелый табурет и с размаху бросил его в обоих братьев.

простого подозрения, чтобы немедленно подвергнуться линчеванию.

Он быстро обернулся и увидел, что отступление пока еще возможно. Делом одной минуты было схватить огромный стол, ножки которого были вкопаны в землю, вырвать его и опрокинуть вместе со всеми стоявшими на нем бутылками. Битое стекло рассыпалось по полу впереди этой импровизированной баррикады.

Ирландец, которому все еще продолжало казаться, что он узнал Сэма Смита, подошел и быстро сказал:

— Джентльмен! В общем, вы мне спасли жизнь. Я не могу допустить, чтобы вас этак вот убили. Бегите в крааль. Сто шагов позади палатки. Там есть лошади. Вот мой револьвер. Передайте его вашему товарищу — у него нет никакого оружия. Прощайте, джентльмен. Теперь мы с вами квиты.

Александр пожал плечами, взял револьвер, передал его Альберу и проговорил вполголоса:

— Опять я наказан за добрый поступок! Если бы я оставил этого дурака в овраге, меня бы не считали разбойником с большой дороги и я не увяз бы в таком грязном деле. Ладно, друзья, отступаем! Мы еще сведем счеты с этими молодчиками. До следующего раза!

Нападавших на минуту задержал опрокинутый стол, но скоро они снова перешли в наступление. Оба гиганта предводительствовали и неистово орали. Со всех сторон сверкали ножи и щелкали заряжаемые револьверы. Сейчас три француза будут зарезаны и расстреляны. На них смотрели двадцать стволов, надо было торопиться.

Мексиканец стоял у самой стенки. В руках у него сверкала наваха. Он сделал широкий разрез в парусине.

— Сюда, кабальеро! Сюда!

Альбер и Жозеф устремились в столь своевременно открывшееся отверстие.

Что касается Александра, то, по мере того как возрастала опасность, возрастало и его самообладание, и он внезапно увидел возможность выиграть несколько минут. Но дело опасное: надо было выдержать град пуль. Ничего не значит. Александр пошел на это.

Палатку поддерживали две длинные подпорки, вкопанные в землю, а наверху их скрепляли дужки, напоми-

навшие спицы гигантского зонтика. Если удастся свалить подпорки, он спасен.

Александр быстро вскидывает ружье и со спокойствием охотника, который стреляет куропаток, делает два выстрела. Но стрелял он в подпорки и к тому же разрывными пулями. Подпорки были разбиты в щепки. Огромное полотно упало на нападающих, как ястреб на выводок цыплят, и накрыло их, предоставив им барахтаться в поисках выхода.

Хлопнуло несколько револьверных выстрелов, но они не имели никаких последствий, кроме шума и дыма.

Крааль, как сказал ирландец, действительно лежал метрах в ста позади палатки. Покуда их враги кричали, рычали и не знали, как вырваться из-под брезента, который они уже весь истыкали ножами, наши три француза побежали под надежную защиту крааля. Как ни серьезно было их положение, они не могли удержаться от смеха, видя, что делается с палаткой, верней — под палаткой: люди, пьяные от алкоголя и осатаневшие от ярости, все еще барахтались и работали ножами. Они изрезали брезент в клочья, а выбраться не могли.

Крааль был открыт. Французы ворвались как раз в ту минуту, когда радостный вой возвестил, что враги наконец освободились из ловушки, упавшей им на голову. В глубине крааля находилась конюшня. Она была сложена из толстых бревен — настоящая крепость. Здесь можно выдержать осаду. Двенадцать сильных лошадей, и среди них две особенно крупные спокойно жевали доброе зерно. На их крепких спинах ездили, должно быть, двуногие мастодонты Корнелис и Питер.

— Ну, здесь мы будем в безопасности, — заметил Александр, к которому уже вернулось обычное хорошее настроение.

Затем он обратился к своим товарищам, которые не успели и слова выговорить, пока шла эта быстрая и необычная смена событий:

— Однако откуда вы взялись? Ты, Альбер, совершенно отощал. Это не делает чести твоему повару. А вы, Жозеф? Я вас увидел в ту минуту, когда вы очень мило спроваживали на тот свет одного американского грубияна. Ловко это у вас получилось!

— А я все время вас искал, месье Александр.

— А мы тебя искали.

— Значит, мы все трое гонялись друг за другом. Я сейчас прямо с водопада Виктория.

— А я, — сказал Жозеф, — я пересек, сам не знаю как, всю пустыню, гоняясь за вами по следам.

— А ты, Альбер? Ты молчишь? Ну-ка, веселей!

— Меня измучила лихорадка. Я еще и сейчас не совсем оправился. Если я жив и нахожусь здесь, то этим я обязан нашему проводнику Зуге и славному бушмену. Они меня подобрали на берегу какой-то речки... Я был полумертв.

— А его преподобие? А мастер Виль?

— Не знаю, что с ними. Ничего не знаю.

— А наши негры?

— Они должны быть где-то здесь, поблизости.

— Вот и хорошо. Они помогут нам выбраться из этого осиного гнезда. Но пока довольно разговаривать.

В это время у ворот крааля поднялся отчаянный шум:

— Смерть Смиту! Смерть грабителю! Линчевать его!

— Они не хотят успокоиться. Выходит, что я — отъявленный негодяй: я забираю у тружеников их добычу!

— Тут какая-то пакость со стороны буров, по-моему.

— И я так думаю. Ты слыхал, в чем они меня обвиняют?

— Не совсем. Я так ослабел, что даже не все мог разобрать.

— Смерть! Смерть! — кричали за воротами.

— Ну, — сказал Александр, — кажется, погода портится. Придется этих чудаков пощекотать, благо свинца у меня достаточно. Не собираюсь убивать их насмерть, но немного дроби крупного калибра — и они начнут приходить в себя. А пули надо поберечь на случай, если нам придется защищать свою жизнь. Это не исключено.

Александр приоткрыл дверь конюшни, просунул краешек ствола своего карабина и выстрелил. Шум прекратился, как по волшебству, и нападающие разлетелись подобно стае воробьев. Но вскоре раздался ответный выстрел, и пуля крупного калибра с сухим треском врезалась

в бревно — как раз в то место, где на секунду раньше находилась голова Александра.

— Эге! — сказал он скорей с удивлением, чем с испугом. — Вот они и откликаются. Они хотят подавить огонь нашей батареи! Узнаю этот выстрел и узнаю калибр. Это один из наших буров. Он хочет, чтобы я тоже окривел. Значит, борьба не на жизнь, а на смерть! Но они еще нас не взяли. Через четыре часа мы будем далеко отсюда. Но чего они хотят? Правда, мы были бы для них неплохой добычей. Они бы вполне могли закатить такую оргию, какая им и не снилась!

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что они не побрезгали бы алмазами, которые лежат у меня в кармане. Их там тысяч на двести пятьдесят — триста.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Радость человека, потерявшего двадцать тысяч франков золотом. — Жозеф становится сапером поневоле. — Белый в рабстве у чернокожих. — «Хижина дяди Тома» навыворот. — Что думает парижанин, когда на него надета колодка раба. — Опасность поджога. — Пролом. — Стена обрушилась. — Военная хитрость. — Какую пользу может принести беглецам кусок горящей пакли, если его сунуть лошади в ухо. — Александр и его двойник. — Опять Сэм Смит.

— Триста тысяч франков? — воскликнул Жозеф подскакивая. — Что ж вы с ними сделаете?

— Я? Ровно ничего. Эти драгоценные булыжники нужны мне, как паралитику ходули.

— Уж не нашел ли ты сокровище кафрских королей?

— А что ты думаешь? Вполне возможно.

— Вот здорово! — заметил Жозеф. — Вы потеряли двадцать тысяч, — вот вам возмещение.

— Двадцать тысяч? С чего вы взяли?

— Я не взял, это у меня взяли...

— Ах, вот что?! Это те деньги, которые я получил в Нельсонс-Фонтейне за свой участок? Бедный Жозеф! Я не однажды раскаивался, вспоминая, что взвалил на вас эту лишнюю тяжесть. Очень рад, что какой-то добрый малый освободил вас от ноши...

— Доврый малый? Да я этому мерзабцу... Смешно подумать...

— Что кажется вам таким смешным? Наше положение?

— Я не о том! Но этот мерзабец, который меня овборобал, чертобски похож на бас. Ну как дбе капли боды. Уж бы избините меня, месье Александр.

— Э-ээ! Тогда я все понимаю!.. Этот болван, которому я вчера оказал кое-какую помощь, встречался с тем мошенником, которому природа подарила сходство со мной, и он принял меня за того...

— Ошивиться бполне бозможно, месье Александр. Уберяю бас.

— Да я на него не сержусь. Тем более что он очень благородно поступил в отношении нас. У тебя револьвер есть?

— И заряженный, — ответил Альбер.

— Отлично! А у вас, Жозеф?

— У меня только этот топор.

— Пока довольно. Эге, дело плохо! Жозеф, смотрите в оба!

Наружный забор поддался натиску, и нападающие, победоносно крича и рыча, ворвались во двор, в глубине которого стояла конюшня.

— Ну, воевать так воевать, — непринужденно сказал Александр. — Альбер, ты сейчас не очень крепок. Ты будешь прикрывать наш отход.

— Мы, стало быть, попытаемся уйти?

— И уйдем. Или ты имел в виду поселиться здесь навсегда?

— Ничуть.

— Значит, слушай меня! Сделай-ка предупреждение вот этому молодчику.

Альбер выстрелил. Один из нападавших свалился: разрывная пуля снесла ему полчерепа.

— Убедительно!

— И возражений пока не слышно.

— Верно. Значит, они заколебались. Продолжай переговоры в том же духе. А мы с Жозефом пока проложим дорогу. Не убивай их слишком много. И береги пули. Помни, эти люди уверены, что делают доброе дело. Им

кажется, что они освобождают землю от злодея. Они не знают, что я на него только похож.

— Мне бы хоть одним глазом увидеть этих проклятых буров!

— Они, видимо, больше не хотят иметь дела с тобой... Попробовали, и довольно! Теперь они будут осторожны!..

Александр поддерживал этот добродушный разговор, но вместе с тем не оставался без дела. Он быстро оседлал обоих рослых коней, которые действительно принадлежали бурам.

— Эти звери должны быть чертовски выносливы, — сказал он. — Ты сядешь на одного, я — на другого. Таким образом, Корнелис и Питер смогут преследовать нас только на слабых клячах, которые скоро сдадут. Двойная выгода для нас, и мы должны ее использовать. Что касается вас, Жозеф, вы сядете на этого большого гнедого коня. По-моему, он должен мчаться, как ураган... Что нового, Альбер?

— Ничего! Крикуны заколебались. Они размахивают кулаками и горланят, но подойти близко никто не решается.

— Хорошо. Остается девять лошадей. Они нам и проложат дорогу, когда надо будет. Увидите картинку! А пока, Жозеф, мы с вами немножко займемся саперными работами. Вы в сапёрах служили?

— Нет, месье Александр.

— Ничего. Это не так трудно, сейчас увидите. Смотрите, сколько здесь всякого инструмента: лопаты, кирки, топоры, даже пилы. Хватит на пятьдесят человек... Кстати, ведь у вас у обоих нет ни гроша за душой. А никто не знает, что может случиться. Сделайте мне удовольствие, возьмите у меня хоть по пригоршне этих камней, которые обрывают мне карман. В случае надобности их всегда можно обратить в мясо, хлеб и виски... И без церемоний, пожалуйста. Это наше общее. Вот так. А теперь мы с вами, Жозеф, разошьем несколько бревен, из которых сложены эти стены, но оставим их пока на месте. Будет достаточно легкого толчка, и они повалятся.

— Понимаю, месье Александр. Если эти сболочи подойдут близко, мы им обрушим стенку на головы, а сами — на коней и бскачь.

— Вот именно! Вы прирожденный сапер и хорошо понимаете в военном деле... Итак, за работу!..

Покуда Жозеф, ловко работая топором, подрубал вкопанные в землю столбы, Александр, вооружившись пилой, осторожно распиливал венцы. Ширина пролома могла бы равняться примерно трем метрам. Но вся подрезанная часть стены должна была в нужную минуту рухнуть сразу.

Альбер давно знал удивительную физическую силу своего друга, но ему все же казалось непостижимой огромная работа, которую проделывал Александр, и он это сказал.

— Еще бы! — заметил тот. — За последнее время я здорово привык к тяжелому труду.

— Это как же?

— Да ведь с тех пор, как мы так неожиданно расстались на Калахари, мои хозяева не давали мне сидеть сложа руки.

— Твои хозяева?

— Мы все время болтаем и болтаем, и я еще просто не успел рассказать вам о моем рабстве.

— Ты был рабом? Ты?

— Как самый обыкновенный уроженец этой солнечной страны. Несмотря на мою белую кожу и европейское происхождение, я носил на шее колодку, так называемое «бревно рабства». Противная штука и противная работа! Да еще чамбок впридачу.

— Но это возмутительно! Это неслыханно!

— Совершенно неслыханно и совершенно возмутительно, и все-таки верно. Мое счастье, что хозяева у меня были чернокожие. Если бы это у белых, я бы давно умер. И я прямо-таки счастлив, что избавил от ужасов рабства тех бедных бушменов, которых португальские мулаты гнали на продажу, как скот.

— Тебе известно, что эти мулаты подохли?

— Туда им и дорога! Во всяком случае, дорогой мой Альбер, твой друг Александр Шони, бывший парижский щеголь, завсегдатай театральных премьер, член многих клубов, бывший помещик, попал в рабство к неграм, носил для них воду, толок для них просо и сорго, варил для них пиво, прислуживал их хозяйкам, нянчил их

детей. Но пока оставим это. Я вам расскажу подробно в другой раз. Кажется, неприятель переменил тактику!

— Верно! Раньше они шли открыто, а теперь прикрываются фашинами из хвороста.

— Да, вижу! Эти чучела хотят сложить весь свой хворост у нас под стенками и поджечь. Они мечтают зажарить нас. Нет, ребята, погодите! Мы и сами с усами! У вас все готово, Жозеф?

— Готово, месье Александр. Только пальчиком толкнуть.

— Слушай, — сказал Альбер, — у меня руки чешутся пострелять. Я бы все-таки уложил хоть несколько человек!

— Зачем? Пусть их. Через несколько минут они все равно будут считать, сколько у них переломано ребер.

Раззадоренные молчанием маленького гарнизона, наступающие стали смелее; более храбрые увлекали колеблющихся. Потрясая в воздухе охапками хвороста, довольно значительная группа подошла к деревянной стене, как раз к тому месту, где был подготовлен пролом. Они приближались потихоньку. Тем временем другая группа подходила с противоположной стороны и страшно шумела, желая, по-видимому, отвлечь внимание осажденных.

Затем они без всякого предупреждения подожгли хворост. Заставить задохнуться в дыму и сгореть живыми трех человек, которым нельзя было предъявить никакого обвинения, было для них делом самым обыкновенным. И дым уже стал пробиваться сквозь щели. Лошади пришли в беспокойство.

— Ну вот! — сказал Александр.

— Мы готовы! — одновременно отозвались Альбер и Жозеф.

— Берите каждый по коню. Привяжите их друг к дружке веревкой подлинней и поставьте перед проломом.

— Готово.

Александр тоже соединил пару лошадей и поставил их позади лошадей своих товарищей. Затем он высек огонь, зажег трут, отрезал от него четыре куска длиной сантиметра в два каждый и, когда они загорелись, дал по куску Альберу и Жозефу.

— Слушайте меня и точно выполняйте то, что я прикажу. По команде: «Вперед!» — вы крепко хватаете коней за морды и суете им в ухо по куску горящей пакли. Тем временем я опрокидываю стенку, и тогда вы пускаете лошадей. Поняли?

— Поняли!

— Вперед!

Под могучим напором Александра тяжелая рубленая стена зашаталась, треснула и с грохотом свалилась на тлевший хворост и на людей, которые пытались раздуть огонь. Крики бешенства и боли смешались с проклятиями. Лошади испуганно ржали. Они обезумели от боли, которую им причинял огонь в ухе, и ринулись прямо на людей — на тех, кто еще держался на ногах после падения стены. Несчастные животные рвались каждое в свою сторону, но они были привязаны одно к другому и потому вертелись на месте, топча ногами убитых и раненых и опутывая тех, кто еще не валялся на земле и не успел бежать.

— По коням!

Александр был бледен, лицо его стало совершенно бескровным, но командовал он твердо и спокойно.

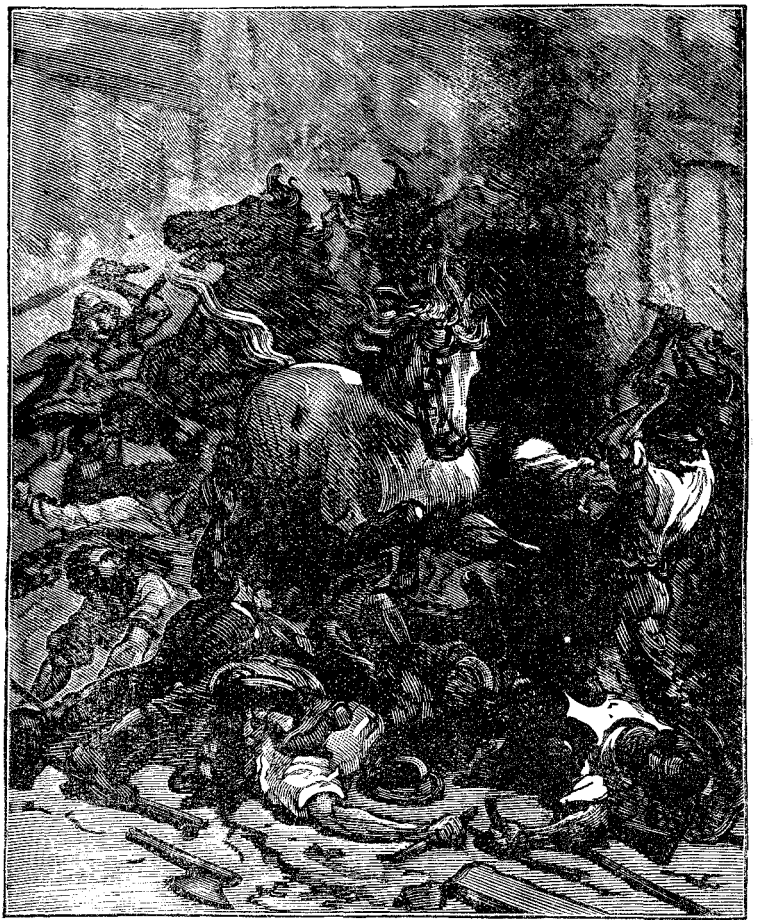
Лошади буров фыркали от нетерпения и страха. Жозеф на своем гнедом был готов вырваться первым.

— Легче! — сказал Александр. — Наш план осуществляется очень хорошо, и мы не будем останавливаться на полдороге. Полюбуйтесь, сколько мы тут народу накрошили!..

— Кто ж виноват, если не они сами? — сказал Альбер.

Он быстро нагнулся, тоже сунул два клочка дымящейся пакли лошадям в уши и пустил их. Нападавшие уже стали оправляться от первого испуга. Они поняли, что трое осажденных вот-вот уйдут от них, и только думали, как бы перейти в наступление. Но не успели. Новые лошади налетели на них ураганом, и это вызвало неописуемую панику. Началось нечто худшее, чем бегство. Это была паника, каждый думал об одном — как бы спастись.

Три француза пригнулись к гривам своих коней, беспощадно вонзили им шпоры в бока и понеслись во весь



Это была паника, каждый думал только об одном — как бы спастись.

опор по дорожке, которую им прокладывали лошади с горящей паклей в ушах.

Де Вильрож с револьвером в руке, Александр с карабином были готовы пристрелить всякого, кто попытался бы их остановить.

Ворота крааля оказались открытыми. Все три всадника проскочили и быстро скрылись из виду, провожаемые бешеными криками.

— Прямо на водопад Виктория, — сказал Александр спустя несколько минут, показывая на тучи, собиравшиеся на севере.

— Да, но за нами будет погоня, — не без оснований возразил Альбер.

— Несомненно.

— Если мы окажемся на Замбези, а те пойдут за нами по пятам, мы попадем в западню.

— Не понимаю! Объясни, пожалуйста.

— Очень просто. Рядом с Викторией наши самые большие европейские реки — не больше чем ручьи. Если мы дадим себя припереть к этому водопаду, мы потеряем то, что в тактике называется линией отступления.

— Ты уверен?

— Разве только ты, как опытный полководец, все предвидел и обеспечил переправу.

— Видишь ли, я уже не думал, что снова найду вас обоих, и я не предвидел такой глупой и ужасной свалки. Поэтому, должен сознаться, я не принял никаких мер.

— Значит, мы будем окружены. Пойми это!

— Легче, дорогой Альбер. Легче! Не суди своего друга опрометчиво, раньше выслушай его!

— Да говори же, изверг! Не мучь! Я умираю!

— Не умирай и слушай! Я действительно многого не предвидел, но я не сказал, что у нас нет возможностей спасения. Они есть, и приготовил их я, но совершенно другими способами.

— А именно?

— Если бы наши уважаемые спутники мастер Виль и преподобный отец были сейчас здесь, я бы тебе не ответил. Но так как их нет, я открою тебе, что организовал небольшую лодочную переправу на тот остров, где находятся сокровища...

— ...кафрских королей?

— Тише! Мы не одни.

— Здравствуйте, господа! — раздался чей-то звучный голос.

Три друга неслись в бешеной скачке и в этот момент сворачивали под прямым углом вправо, по направлению к темной скале, высившейся среди наносных песков. Сейчас пески были сухи, но, по-видимому, периодически, во время разливов, подвергались затоплению.

Внезапно, точно из-под земли, появился мужчина высокого роста, лицо которого было закутано белой тканью. Через плечо у него висел двуствольный карабин.

— Здравствуйте, — ответил Александр вежливо, но тоном человека, у которого минуты на счету и нет времени для праздных разговоров.

— Одно слово, джентльмен! — сказал незнакомец, загораживая дорогу, однако пока не предпринимая ничего угрожающего.

— Мы торопимся, — сказал Альбер. — За нами гонится по пятам не меньше сотни демонов, которые точно с цепи сорвались. А мы не хотим вступать с ними в переговоры.

— Да ведь и я спешу. Предлагаю вам, джентльмен, услугу за услугу. Мне нужна лошадь.

— Вы смеетесь!..

— Я знаю, кто вы и откуда, и, пожалуй, догадываюсь, куда вы держите путь. Я воспользовался вашей лодкой.

— Тысяча молний! — в бешенстве воскликнул Александр. — Что вы наделали! Вы хотите, чтобы нас схватили?

— Нет. Я вас спасу. Видите маленький островок, который прицепился к подводным камням на самой середине реки? Только что я туда переправил двух европейцев — ваших товарищей.

— Наших товарищей?

— Да. Один смахивает на миссионера. А другой этакий верзила. По-моему, он с приисков. Лодку я увел обратно и спрятал.

— Где вы ее спрятали?

— Дайте мне лошадь. Еще не поздно. Я прыгну в сед-

ло, и вся орава, которая гонится за вами, побежит за мной.

— Хорошо! — сказал Александр. — Вот моя лошадь. Где лодка? Не пытайтесь нас обмануть. Вы не успеете сделать триста шагов, как у вас в спине будет сидеть пуля восьмого калибра.

— Не надо грозить. Если вы мне не поможете, меня поймают. Лодка стоит в ста шагах отсюда, позади того куста, видите? Весла воткнуты в ил.

— Альбер, Жозеф, слезайте, — сказал Александр, заряжая карабин. — Бегите туда. Если лодка на месте и в исправности, крикните мне.

Он прибавил, обращаясь к незнакомцу:

— В противном случае я вас застрелю, потому что вы нас погубили.

Незнакомец слегка пожал плечами, все еще не открывая, однако, лица.

Вскоре послышались два радостных голоса:

— Лодка! Есть лодка! И весла!..

Незнакомец извлек из-за пояса складной нож и, не проронив ни слова, перерезал жилы на ногах у лошадей Жозефа и Альбера и вскочил на коня Александра.

— Простите, сударь, — сказал он. — Я поступил, как мясник, но я должен думать о своем спасении.

Тут порывом ветра взметнуло белую ткань, и Александр застыл в оцепенении: он увидел лицо, до такой степени похожее на его собственное, как если бы смотрел в зеркало.

С шумом приближались преследователи. Медлить нельзя было. Альбер и Жозеф уже сидели в лодке.

— Поезжайте, месье, — сказал незнакомец. — Я второй раз обязан жизнью французу. Я не забуду этого.

— Да кто вы такой?

— Одни считают меня бандитом. Другие — правда, таких немного — хотели бы сделать из меня героя. Но я гораздо более скромен. Впрочем, это значения не имеет. А вот вам, например, моя дурная слава может причинить неприятности, потому что вы удивительно на меня похожи...

— Да неужели вы...

— Сэм Смит!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Мози-оа-Тунья», или «Там гремит дым». — Замбези. — Древняя империя Мономотана и Офир — город царя Соломона. — Водопад Виктория. — Острова Верхнего Замбези. — Великолепие природы. — Садовый Остров. — Александр становится лодочником. — Жозеф еще не удовлетворен своей местью. — На мели. — Легенда батоков. — Жертвоприношение баримам. — «Столбы богов». — Две акации, остров и базальтовая стрелка.

Бурные приключения, пережитые нашими героями, мешали нам до сих пор отметить характерную особенность тех мест, в которых происходит действие. Этой особенностью является беспрерывный глухой гул, который слышен уже в шестнадцати километрах от пункта, расположенного на 25°41′ восточной долготы и 17°41′54″ южной широты. Он усиливается по мере приближения к реке Замбези. Но гул идет не из вулкана — это шумит южноафриканская Ниагара. Местные жители называют ее «Мози-оа-Тунья». На их языке это значит — «там гремит дым». Ливингстон назвал этот водопад именем английской королевы Виктории.

Автору очень хочется поскорей и как можно более верно описать это великолепное зрелище. Но он все же просит у читателя позволения на минуту задержаться: в интересах дальнейшего нашего повествования надо сказать несколько слов о великой африканской реке Замбези.

Прославленный английский путешественник Ливингстон установил, что ее истоки находятся немного южнее той точки, где 22° восточной долготы по Гринвичу пересекает одиннадцатую южную параллель. Река течет с севера на юг, слегка отклоняясь на восток до Шешеке, который находится примерно в ста двадцати пяти километрах от Виктории.

Замбези имеет две тысячи пятьсот километров в длину и делает два изгиба, придающих ей форму латинской буквы S. В верхнем течении, до Шешеке, она называется Лиамбиéй и принимает имя собственно Замбези на всем своем дальнейшем протяжении, вплоть до устья.

Правда, различные племена, территорию которых она пересекает, называют ее по-своему — то Амбези, то Од-

жимбези, то Лонамбеджи, то Луамбези. Это создавало путаницу. Но неутомимый Ливингстон внес ясность.

Верхняя Замбези, или Лиамбия, орошает земли племен баротсе, баньетов и макололо. Главным городом является здесь Шешеке. Приняв чуть выше этого первобытного городка во́ды своего притока Хобе, река низвергается с огромной высоты в узкую базальтовую теснину, которую мы сейчас опишем, пересекает земли батоков, бапимпе, базизулу, батуков и баниаи и орошает португальские владения в Тете и Сенна. Многочисленные притоки Замбези еще мало изучены. Наиболее значительными являются слева: Надшита, Кафуэ, Лоангва и Ширэ, вытекающий из озера Ньясса. Справа в нее впадают Либа, Хобе, Чиайя и Луже. Наконец река впадает в Мозамбикский пролив, образуя широкую дельту. Наиболее значительными рукавами считаются Миламбе, Кугуе, Восточный Луабо и Монсело.

Как и большинство африканских рек, Замбези имеет много порогов и водопадов и потому судоходна не на всем своем протяжении, хотя в период дождей суда могут проходить и по таким местам, которые в сухое время года для плавания недоступны. Таков, например, водопад Кебрабаса, наиболее значительный после Виктории. Периодические разливы реки подымают его уровень на двадцать пять метров. Так что здесь, равно как и через водопад Морумба, находящийся выше по течению, легко могут проходить суда и попадать, таким образом, прямо в Верхнюю Замбези.

Надо, чтобы цивилизация поскорей проникла на эти берега, на которых некогда находилось легендарное государство Мономотана (в наши дни — земля племени баньети) и богатый город Офир царя Соломона (земля племени маника). Места эти изобилуют золотом; недавно здесь были найдены алмазные россыпи и залежи каменного угля. В XVI, XVII и XVIII веках португальцы плавали в бассейне Нижнего Замбези и с пользой для себя разрабатывали здесь богатства недр (кроме алмазов, разумеется). Об этом говорят заброшенные рудники и шахты, которые отдали примитивной технике того времени далеко не все свои богатства.

Проведут ли когда-нибудь англичане железную доро-

гу, которая свяжет эти места с главным городом колонии? Утвердят ли они свое могущество на Нижней Замбези, вытеснят ли они португальцев благодаря какому-нибудь дипломатическому трюку, на что они великие мастера? Несомненно, их предприимчивым государственным деятелям есть чем здесь соблазниться. А пока что ничтожное насекомое, муха цеце, делает здесь неприступными огромные территории, и так будет продолжаться до тех пор, покуда железная дорога и пароход не придут на смену вьючному и тягловому скоту.

Как бы там ни было, вопрос о Замбези всплыл снова, ибо много смельчаков, как мы это показали выше, пришли рыться в этой земле, к которой туземцы и подойти близко боялись, такой великий ужас внушал им «дым, который гремит». Доктор Ливингстон был первым европейцем, чьи восхищенные глаза видели чудесное зрелище Замбези, которая со спокойным величием катит свои воды, низвергается в пропасть, разбивается там, рычит и обращается в пыль. Мы заимствуем у великого исследователя объяснение того названия, которое водопаду дали туземцы.

Ливингстон прожил некоторое время среди племени макололо. Однажды их вождь Себитуане спросил его, видел ли он у себя на родине дым, который гремит. «Никогда, — прибавил Себитуане, — наши люди не позволили себе подойти к водопаду близко. Они видели его только с большого расстояния и были так потрясены пятью столбами испарений и вечным гулом, что закричали: «Мозиоа-Тунья!» — «Там гремит дым!»

Испарения объясняются тем, что вода, ударяясь о базальтовые пороги, разбивается на мельчайшие частицы. Они поднимаются из глубины в виде исполинских султанов и слегка покачиваются на ветру, никогда, однако, не теряя ни своей круглой формы, ни своей силы сцепления. Они видны за десять километров при низкой воде и с расстояния вдвое большего в сезон дождей, когда вода поднимается. У основания они имеют светло-перламутровый цвет и темнеют кверху. Эти две особенности лишь усиливают их сходство с дымом.

Перед путешественником, который отважится спуститься в лодке хотя бы на три или четыре километра

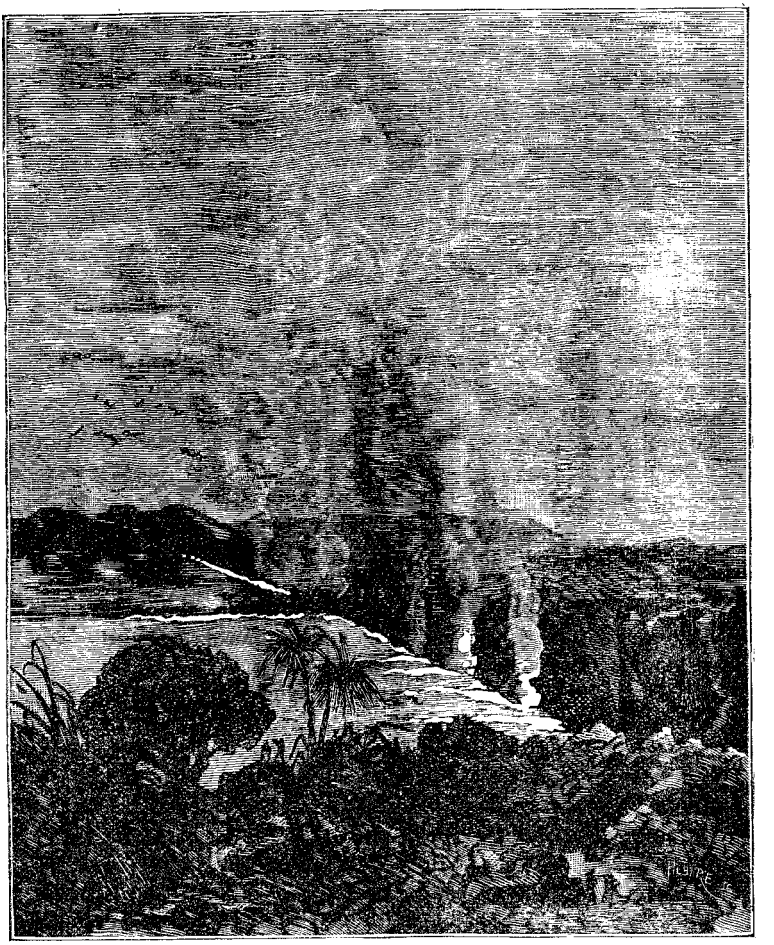
вниз по течению, откроется великолепная и волнующая картина. Он тихо поплывет среди множества островов и островков разных размеров. Это бесчисленные цветники, украшенные самыми восхитительными представителями тропической флоры. Они покрывают всю поверхность Замбези, во все полторы тысячи метров ее ширины. Исполинские баобабы, каждая ветка которых представляет отдельное дерево; темные мотсури, усыпанные ярко-красными плодами; стройные пальмы с пучком листьев на вершине; сребролистые могононы, хрупкие мимозы, — все переплелось на этой фантастически плодородной почве, все тянется к солнцу, все напоено благотворной росой.

Смелый лодочник, на которого не действует оглушительный шум водопада, медленно проберется между подводными камнями и водоворотами, которые не очень опасны, когда вода невысока. Несколько ударов веслами — и он достигнет острова, прилепившегося к порогам и по ту сторону которого лежит бездна.

Если он сумеет подавить свое волнение, если у него не закружится голова, если он дойдет до самого края бездны и взглянет вправо, то увидит, как Замбези внезапно всей своей массой проваливается в базальтовую трещину, имеющую всего шестьдесят метров в ширину; так бильярдный шар проваливается в лузу. Вся эта огромная водная масса беснуется и рычит в тесной клетке, она разбивается о ее скалистые стены и наконец, найдя себе узкий проход, всего в каких-нибудь сорок метров, гремя и грохоча, вырывается на волю.

Глаз не может уследить за всеми ее капризными изгибами. Он различает только облако, только клочья взбитой белой пены. От облака подымается струя пара вышиной в восемьсот метров, и две лучезарные, сверкающие радуги играют на этой алмазной пыли, отбрасывая свое сияние на деревья, воду и скалы.

Распыленная вода поднимается высоким столбом и снова падает дождем мельчайших брызг на кусты, на дикие финики, на ползучие растения, на листву и оживляет их густой темно-зеленый цвет; она постоянно обмывает ветви и корни деревьев, струится по ним и снова падает в раскрытую бездну, но дна не достигает, ибо движение



Испарения поднимаются из глубины в виде исполинских султанов и слегка покачиваются на ветру.

воздуха, вызываемое водопадом, создает новое течение, которое снова ее поднимает.

Этот центральный остров, который доктор Ливингстон назвал Садовым Островом, расположен на верхней губе водопада и делит его на две части.

Когда путешественник взглянет влево, он сможет более легко заметить движение пенящейся массы: она стремится к холмам, стоящим по обе стороны бурлящего водного потока. Наблюдатель может измерить взглядом высоту скалы, с которой она падает. Обе стенки ущелья обрывисты и прямо перпендикулярны. В результате многовекового действия воды внутренняя стенка иззубрена, как пила, в то время как другая совершенно гладкая. Сделав еще несколько шагов, можно увидеть темные скалы, размытые водой в периоды приливов и отмеченные светлой линией в трех метрах выше уровня. Здесь имеется естественное углубление, в котором наблюдатель может расположиться, как на балконе, если только он не боится промокнуть под мельчайшим дождем. Впрочем, солнце такое, что он быстро обсохнет. Чудесное зрелище вполне вознаградит его за перенесенные трудности и за опасности, которым он подвергался. Он увидит, как гигантский поток покидает свое русло, как он внезапно низвергается в бездну, как, разбившись о камни, он превращается в белую пыль и образует пену, сверкающую на солнце ослепительным фейерверком.

Наблюдатель как бы присутствует при образовании столбов пара, поднимающихся из глубины. Они, очевидно, образуются благодаря сжатию воды, благодаря тому, что ее вес помножен на быстроту падения и падает она в слишком тесное помещение.

Необычайная по красоте радуга, видимая только отсюда, окружает сиянием столбы пара.

С высоты своего наблюдательного пункта путешественник может увидеть внезапное и полное изменение характера почвы.

В нескольких метрах позади себя, на островах, он увидит великолепные образцы межтропической флоры, среди которой резвятся длинноклювые нежно-голубые калао, подвижные колибри, подобные ожившим драгоценным камням, и болтливые попугаи. А внизу земля обезобра-

жена геологическими процессами и совершенно бесплодна. Река ревет, стиснутая зубчатыми скалами. Ничего здесь нет — одни лишь красные пески, темные валуны, нагромождения шлаков и кварц, играющий на солнце зелеными, белыми и красными жилками. Нет больше зелени, нет цветов, одни молочаи, утыканные колючками, пыльные алоэ, кактусы, похожие на заградительные рогатки, иссушенные, почти безлиственные серые мопане.

Безрадостная земля. Путник обратит на нее внимание только потому, что очень уж она не похожа на соседние.

Но другой, безошибочный глаз очень быстро разглядел здесь богатства, скрытые в недрах.

. . . . . .

. . . . . .

Александр вел легкое суденышко не менее умело, чем самый искушенный в гребле туземец, и оно тихо скользило по волнам. Длинную лопату, какой обычно пользуются негры, он заменил парой легких весел и работал ими со всем мастерством лауреата Роуинг-клуба. Лодочка проворно шныряла между многочисленными тропическими цветниками, разбросанными в виде островков тут и там по течению реки, как если бы дело было на водных состязаниях в Аржантейле, Аньере или Жуанвиль-ле-Поне [1].

Оба каталонца поражались.

— Эге! — воскликнул Альбер. — Да ты на все руки мастер!

— Тише! Не расхваливай мои таланты — как бы не сглазить.

— Ну, вот еще!

— Не веришь?.. А ты слышишь, как свистят пули?

— Верно, черт возьми! — заметил Жозеф. — Я их голоса отлично знаю. Сейчас они вырвались из револьвера системы «Смит и Вессон». Неплохое оружие. Но эти скоты не умеют с ним обращаться.

— Вам жалко?

— Напротив, месье Александр. Если бы у американца, с которым я дрался на дуэли, был немного лучший глазомер, моя голова давно разлетелась бы на куски, как тыква!..

[1] Аржантейль, Аньер, Жуанвиль-ле-Пон — предместья Парижа, расположенные на Сене.

— Вот видите, а так у вас голова при себе, прямо под шапкой.

— Караи!.. Этот болван опрокинул мой стакан воды... Умышленно к тому же... Я ему ничего худого не сделал. А затем он смеялся надо мной, да еще прямо мне в глаза!

— Надо, однако, признать, что вы заставили его дорого заплатить за этот непочтительный поступок.

— Возможно. Я, видите ли, никогда не забываю ни обиды, ни услуги...

— Ладно, — сказал Альбер, к которому после чудесного спасения из крааля уже стали возвращаться силы и энергия. — Лучше расскажи нам, Александр, откуда ты взялся так кстати.

— Потом. Ты, видно, даже не подозреваешь, что мы сейчас пересекаем Замбези в каких-нибудь трехстах метрах от водопада. Это просто-таки фокус. К счастью, вода упала, иначе малейший толчок — и нас бросило бы в узкие протоки между островками. Тогда мы погибли бы. Я не смог бы править лодкой, и мы бы совершили небольшой прыжок вниз с высоты в полтораста — двести метров. Мне рассказывали, что негры из племени батоков, преследуемые своими непримиримыми врагами из племени макололо, неосторожно забирались сюда и гибли в пучине.

— Ты, оказывается, уже успел изучить историю этого края? Нет, что ни говори, а ты из того теста, из какого делают настоящих путешественников.

— Ну, это ты преувеличиваешь! Правда, я немножко знаю историю батоков. Они были коренными местными жителями, но после кровопролитной борьбы их прогнал отсюда Себитуане, вождь племени макололо и друг доктора Ливингстона... Ах!

— В чем дело?

— Мы сели на мель. Спокойно! Это не опасно. Правда, у нашей лодочки осадка не больше двадцати пяти сантиметров, но вода стоит так низко, что мы все время тремся дном о скалы и гравий.

Александр налег на весло, пытаясь снять лодку. Альбер удержал его:

— Подожди хоть несколько минут. Дай полюбовать-

ся этой красотой. Сколько я ни шатаюсь по белому свету, я еще не видал ничего подобного.

— Любуйся сколько угодно, дорогой Альбер. Я вижу это чудо в двадцатый раз, но и меня оно волнует. Мы вознаграждены за все мерзости, которые нам только что пришлось пережить. Здесь мы не боимся погони, и никакие пули сюда не долетят. Можешь спокойно наслаждаться.

Альбер и Жозеф были потрясены величием зрелища, которое открылось перед ними.

— Позвольте, однако, обратить ваше внимание на одну вещь. Она скромна на вид, но достойна удивления,— сказал Александр.

— А именно?

— Смотри хорошенько, куда я показываю веслом. Что ты видишь?

— Два стройных дерева. Метров сто от того места, которое мы только что оставили на этом негостеприимном берегу.

— А ты знаешь, что это за деревья?

— Нет.

— Акации.

— Не возражаю.

— Я тоже не возражаю. Теперь повернись в мою сторону и смотри внимательно на другой конец моего весла. И постарайся мысленно продолжить его линию. Что ты видишь?

— Черную скалу. Она прямая, как обелиск, и внизу немного размыта водой.

— Прекрасно. А между этими двумя точками?

— Я вижу зеленый остров. Он прилепился к отмели.

— Вот и отлично! А эти три точки не наводят тебя ни на какие мысли?

— Нет!

— Ну и память же у тебя!.. Позволь, я тебе кое-что расскажу. Может быть, ты тогда вспомнишь... Это было в довольно далекие времена. Но память о них сохранилась, и мне даже посчастливилось встретить одного старика, который все помнит. Три вождя племени батоков избрали этот островок как место для молитв и жертвоприношений богам — баримам. Во время молитвы они

становились лицом к облакам, которые поднимаются над бездной, и присоединяли свои заклинания к реву водопада. Естественно, захватывающая картина вызывала у них глубокое волнение и страх. Да и люди цивилизованные не могли бы чувствовать себя здесь достаточно спокойно. Батоки смотрели на эти пять дымящихся над пропастью столбов и считали именно их источником оглушительного грохота, который днем и ночью слышен на огромном расстоянии. Они не разбирались между причиной и следствием и думали, что столбами управляют невидимые гиганты-баримы и что это они беспрерывно бьют в дно пропасти. Поэтому их прозвали «Мотсеоа-Баримос»—«Столбы богов». После молитв начинались человеческие жертвоприношения, возможно сопровождаемые людоедством. Никто из непосвященных не смел приближаться к этому островку под страхом смерти. Место считалось священным, и до Ливингстона сюда не ступала нога европейца. Затем здесь побывал охотник Болдуин; третьим был брат доктора Ливингстона, Чарльз; четвертым — знаменитый английский естествоиспытатель Томас Бейнс. Все это было двадцать лет назад, и я не знаю, заглядывали ли сюда с тех пор какие-нибудь белые до нас. Во всяком случае, последние батоки, изгнанные отсюда племенем макололо, должны были оставить здесь то, что у них было наиболее ценного. Я в этом уверен. Так что, Альбер, эти акации, эта остроконечная скала, которая одиноко возвышается над водой, весь этот островок... тебе это ничего не говорит?..

— Сокровища!.. Сокровища кафрских королей...

— Батоки такие же кафры, как макололо. Так что можно почти с уверенностью сказать, что мы находимся именно там, где зарыты неисчислимые сокровища их королей, если только верна карта местности твоего тестя, которую он составил по указаниям негра Лакми.

— Но он говорил о трех акациях!

— Еще неделю назад их и было три. Одну я свалил. На всякий случай. Не исключено, что и кроме нас есть искатели. Пусть они не нападут на след.

— Браво, дружище! Нельзя не похвалить тебя за такую предусмотрительность. Но раз уж мы здесь, то не проверить ли нам местность по карте?

— Пожалуйста, хотя я в этом не вижу надобности. Жозеф, вы сохранили документ?

— Я его храню, как зеницу ока, месье Александр, — ответил каталонец, торопливо роясь во внутреннем кармане своей охотничьей куртки.

— Дайте, пожалуйста.

Мертвенная бледность разлилась по лицу молодого человека, и он крикнул сдавленным голосом:

— Я... я... у меня его нет, украли... Меня обокрали... Вчера он еще был при мне. Караи! Горе мне! Его у меня вытащили сейчас же после дуэли с американцем! Это кто-нибудь из тех бандитов, которые носили меня на руках.

— Ну что ж, — философски заметил Александр, — теперь уж ничего не поделаешь. Теперь мы должны действовать, и как можно скорей, потому что не мы одни знаем тайну. И тот, кто выкрал карту, должен был знать, что он делает, какова ценность этого документа.

— Буры! — в ярости воскликнул Альбер. — Никто, как эти бандиты!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Разговор о мастере Виле и его преподобии. — Высадка на острове. — Необычайные приключения Александра. — Любопытная находка: охотничья куртка в желудке крокодила. — Как сделать вещи непромокаемыми. — При лунном свете. — После драмы — комедия. — Встреча с африканским царьком. — Признательность его величества короля Матопо.

Мощный толчок — и лодка снялась с мели.

— Только что, — напомнил Александр своим спутникам, — мой двойник сказал нам, что переправил на наш остров каких-то двух белых. По описанию — это мастер Виль и его преподобие.

— А ведь верно! — согласился Альбер. — Мы были так ошеломлены твоим появлением и всем тем, что разыгралось в краале, что не обратили достаточно внимания на слова этого загадочного господина.

— Он грабитель с большой дороги, если верить тому, что о нем говорят. Потому-то люди и хотели заставить меня заплатить так дорого за одно лишь сходство с ним. Мерзавец! Он мог бы, во всяком случае, оставить на

твердой земле этих двух субъектов, которые увязались за нами. Они мне надоели.

— А мне? В конце концов, Калахари достаточно просторна. Я не вижу, почему мы должны всюду тащить за собой этого сомнительного миссионера и не менее сомнительного американца. Они пристали к нам, как репей.

— Миссионер еще куда ни шло — он, по крайней мере, преследует почтенные цели, — а этот долговязый бродяга, который ищет неизвестно чего, выводит меня из себя. Почему бы ему не пойти работать на прииске, например? А теперь нам придется терпеть его присутствие еще и на этом крохотном островке! Мы не сможем быть ни минуты одни, чтобы хоть перекинуться парой слов.

— Ну, этой беде вполне можно помочь. Вместо того чтобы грести прямо на остров, мы можем высадиться на любом из этих красивых цветничков. Посмотри, сколько их здесь.

— Идет! Нам надо поговорить наедине.

— Значит, до завтра будем отдыхать, а завтра переправимся на остров. Наше присутствие там станет очень скоро необходимым.

— А ты не опасаешься, что нас там настигнет погоня?

— Насколько я знаю, на берегу нет лодок. Разве только у негров. Но негры достаточно натерпелись от наших искателей алмазов. Негр не посадит к себе в лодку человека с приисков, разве только чтобы утопить его. И еще: переправляться ночью никто не решится. А если они захотят пожаловать днем, мы постараемся отбить у них охоту.

— Прекрасно! Знаешь что? Давай пристанем здесь, вытащим лодку на берег и устроимся под этим бананом. Птицы здесь много, несколько штук ты подстрелишь, Жозеф их ощиплет, а я насажу их на вертел. Пока они будут жариться, мы поговорим.

Прошло каких-нибудь четверть часа, и три калао да еще три серых попугая лежали на земле. Потрескивал веселый огонь, а Жозеф ощипывал птиц.

— Итак, — начал Альбер, — после того, как ты пожил в рабстве...

— Дай мне собраться с мыслями. У меня было столь-

ко приключений!.. Ведь мы потеряли друг друга из виду в тот день, когда я пустился по следам раненой антилопы. Я поступил безрассудно, как мальчишка, который впервые в жизни попал в зайца. С тех пор прошло самое большее месяца два.

— Вот именно. Мы еще смотрели бойню, которую бушмены называют «хопо».

— Меня предательски схватили работорговцы-португальцы. И как раз в такую минуту, когда я был обезоружен крокодилом.

— Это мы знаем. Мы даже нашли твой карабин. И мы страшно испугались за тебя.

— Я об этом догадывался!

— Что нам оставалось думать, когда мы увидели на прикладе следы крокодиловых зубов.

— Но постой-ка! Мы этот карабин давно потеряли. Как он попал к тебе в руки?

— Сейчас узнаешь. Я буду краток. Пропускаю крааль, пропускаю мучителей, которые хлестали меня и мою лошадь чамбоком, пропускаю побег и то, как за мной охотилась целая стая крокодилов. Не стану описывать, по крайней мере сегодня, мои приключения в лесу, гибель коня, наповал сраженного отравленным копьем, и так далее и так далее. Перехожу сразу к главному. Я искал дорогу в крааль и, утомившись, прилег поспать, а проснувшись, увидел целую ораву чернокожих и сразу узнал их. Эти мошенники связали мне руки и ноги, так что я и шевельнуться не мог.

— Кто же они были?

— Дружки нашего миссионера.

— Бродячий оркестр?

— Вот именно. Неплохие у него приятели. Мерзавцы, сообщники работорговцев! И они еще имеют наглость сами себя называть их поставщиками! Они знали, что я принимал участие в освобождении рабов-бушменов, и потому надели на меня колодку. Затем меня посадили в пирогу и пустили вниз по реке. Река течет на север.

— Так!.. Дальше!..

— В краале я делал все, что полагается делать рабу. Как я уже сказал вам, я толок просо, работал по домаш-

нему хозяйству, за что мне платили чамбоком, я таскал воду, нянчил детей...

— И долго это продолжалось?

— Дней двенадцать. Мне здорово надоело. И вот в одно прекрасное утро, когда я пришел на реку набрать воды, я почувствовал какой-то тошнотворный запах — смесь мускуса и гниения — и сразу догадался, что где-то поблизости должен находиться крокодил. Но вместо того чтобы пуститься без оглядки наутек, я стал соображать, куда бы тут укрыться. Хорошо, что я сразу не удрал, потому что на мокром песке лежал огромный мертвый крокодил. Он, видимо, подох давно и почти совершенно разложился. И тут я не смог удержаться от смеха: в пасти этого чудовища торчал какой-то тючок и распяливал ему челюсти. Тогда я сразу узнал этого крокодила: старый знакомый! Португальцы привязали к хвосту моей лошади охапку колючек «подожди немного», а я завернул колючки в куртку и швырнул крокодилу прямо в пасть, когда он собрался попробовать, каков я на вкус.

— Молодец! И, конечно, колючки застряли у него в глотке, и он погиб.

— Вот именно! Но самое интересное то, что на солнце он разлагался очень быстро, а от этого образовались газы, так что он держался на поверхности воды, как буек. Вместо того чтобы утонуть, он тихонько плыл по течению и, по счастью, оказался вблизи деревни, в которой я погибал.

— Я только не вижу, в чем тут счастье...

— Терпение! Я ведь сказал тебе, что колючки были завернуты в мою охотничью куртку.

— Воображаю, какой вид она имела.

— Вид как вид. Рубчатый бархат первого сорта. Приедем в Кейптаун, я тебе дам адрес портного. Правда, она была вся в дырках, но это значения не имело. Карманы были целы, это самое главное. И я сразу бросился к карманам. Прежде всего я нашел огниво и трут. Конечно, трут здорово промок, но просушить его на здешнем солнце было нетрудно. Затем я нашел свою небольшую лупу, которая тоже в случае надобности может заменить кремень и огниво. В правом наружном кармане оказалось двенадцать латунных патронов с разрывными пулями

Пертьюзе. Эти латунные гильзы можно использовать бесконечное число раз.

— Дорогой мой, но ведь порох, должно быть, промок и обратился в кашу.

— Глубокая ошибка, дорогой Альбер. Перед отъездом из Франции я смазал донышки патронов и фитили раствором каучука с сернистым углеродом. Испарение этого вещества оставило тонкую пленку каучука на частях, могущих отсыреть, и таким образом мои патроны оказались так же недоступны для влаги, как банки с притертой пробкой [1].

— Допустим. А фитили? Насколько я знаю, они на деревьях не растут...

— У тебя плохая память. А Жозеф, тот, вероятно, помнит, что у меня был еще и левый карман из каучука, и он закрывался, как эти кожаные бутылки, которые у вас в Каталонии называются «козлиной шкурой».

— Вот именно, козлиная шкура, — подтвердил Жозеф.

— Так вот, в этом карманчике у меня лежало три сотни непромокаемых фитильков. И, кроме того, формочка для пуль, прибор для набивки гильз и пробойник восьмого калибра.

— Пробойник для нарезки пыжей? Но из чего?

— Ах, граф Альбер де Вильрож, хоть ты и заядлый путешественник, но ты не очень изобретателен. Из чего я делал пыжи? Из древесной коры, из кожи, из чего угодно! А порох и свинец везде найдутся. Фургонщики снабжают всю Южную Африку.

— Все это верно, не спорю. Но что толку в этих разрывных пулях, в латунных гильзах, во всех этих твоих приборах, если у тебя нет оружия, хотя бы самого плохонького пистолетика?

— А вот представь себе, что я едва проработал три дня у моих чернокожих хозяев, как кто-то притащил целую кучу европейского оружия. Я взглянул и весь за-

---

[1] Я использовал этот способ, и мои патроны сохранились в Гвиане под проливными дождями и не пострадали, пролежав целую неделю на дне реки. Штук тридцать я привез обратно во Францию и спустя два года использовал их в Марокко. *(Примеч. автора.)*

трясся. Я увидел три больших карабина восьмого калибра и сразу их узнал.

— Должно быть, это наши, черт возьми! Они лежали на плоту, который куда-то уносил меня, — сам не знаю куда, потому что у меня был отчаянный приступ лихорадки, и...

— ...и плот опрокинулся. Не понимаю, как ты спасся. Ты мне сейчас расскажешь. Во всяком случае, обломки вашего крушения попали в руки к моим хозяевам. А когда я увидел свой любимый карабин рядом с вашими, я понял, что вы напали на мой след. Негров чрезвычайно заинтересовало устройство карабина. Они едва знакомы с кремневым ружьем, а центрального боя и собачки они никогда не видали. Они вертели карабины и так и этак, заряжали и перезаряжали, а как стрелять — не догадывались. И кончилось тем, что они их обменяли на несколько плетенок пива из сорго. Само собой понятно, новые владельцы тоже не знали, что с ними делать и в конце концов забросили их, быть может рассчитывая сделать из них наконечники для стрел и копий. И как раз мой карабин достался при дележке одному человеку, на которого мне больше всего приходилось работать. Ты сам понимаешь, с какой завистью посматривал я на это великолепное ружье. Да будь оно у меня в руках — и, конечно, патроны, — я мог бы держать в страхе все племя!..

— Догадываюсь! Ты нашел целый арсенал в карманах своей куртки и собирался твердо потребовать освобождения! Ты родился в сорочке, дорогой Александр.

— Я этого не думаю. Мне еще пришлось немало натерпеться. Но уж если подвернулась удача, надо было ее использовать без промедления. Когда я убедился, что мои патроны в хорошем состоянии, я утащил свой карабин, освободил стволы от всякой всячины, которую эти дураки туда напихали, зарядил и сказал сам себе: «Ну, была не была!» Затем я улучил минуту, когда весь кралль был погружен в глубокий сон, и спокойно ушел, взяв направление на север. Стояла ночь, но луна светила великолепно.

— Per amica silentia lunae [1], — вставил Альбер.

[1] Per amica silentia lunae (лат.) — при благосклонном молчании безмолвной луны («Энеида», книга II, 255 строка).

— Ну, это как сказать. Лягушки и цапли орали отчаянно. Но все-таки спасибо за цитату. Классики были бы польщены, если бы узнали, что их вспоминают на Замбези. Итак, я шагал с ожесточением человека, которому надоело ходить по воду, толочь сорго и получать жалованье в виде чамбока. Несмотря на всю мою осторожность, случилось то, чего я опасался. Прошло каких-нибудь три часа после восхода солнца, и вдруг человек двадцать вооруженных туземцев показываются у меня в тылу. Я прислоняюсь к дереву и решаю, что уж если продам свою шкуру, то возьму дорого. А те орут, вопят и бегут прямо на меня. Я прицеливаюсь и думаю: авось они остановятся. Но ведь те олухи считали, что карабин не стреляет, бояться нечего. И вот они уже в двадцати шагах от меня и кричат, и извиваются, и гримасничают, и потрясают копьями. Ну, уж тут размышлять больше времени не было. Я выстрелил! Дружище, это был выстрел, как из пушки! Подумай: семнадцать граммов английского пороха! Три человека свалились замертво. Страшно было смотреть, что натворила разрывная пуля.

— Я думаю! Такой пулькой можно убить слона!

— На собственную беду, они стояли один позади другого.

— Ну что ж!..

— Бедняги!.. Больше стрелять мне не надо было — я остался хозяином положения. Они побежали, как стадо антилоп, и скрылись из глаз. Я получил свободу.

Рассказчик остановился, чтобы повернуть вертел с ароматной дичью, которая шипела над жаровней.

— Перехожу прямо ко второму акту пьесы. После драмы — комедия. К тому же уморительная. Я шагал и шагал сам не знаю сколько дней и вдруг в один прекрасный вечер натолкнулся на охоту за грандиозным слоном. Не меньше сотни чернокожих охотников. Слон был утыкан копьями, как подушечка для булавок. Казалось, он вот-вот свалится. Охотники кричали от радости, глядя на эту гору мяса. Меня скрывал густой кустарник. Я не знал, какое участие мне придется принять в этом деле, и ожидал развязки, лежа на земле. У слона началась агония, непродолжительная, но ужасная. Он сделал последнее, но могучее усилие, поднял уши, вытянул хобот, протрубил

так, что я затрясся, как осиновый лист, и ринулся на группу охотников, среди которых красовался черный джентльмен в пожарной каске и в ярко-красном английском генеральском мундире. Растоптать этих бедняг, которые выпустили в него еще один рой копий, было для слона делом одного мгновения. Только пожарный еще кое-как держался на ногах. Но хобот упал на него, обвил и прижал. Несчастный был беспомощен, как цыпленок. Тогда настала моя очередь вмешаться. Я вскинул карабин и нажал собачку. Раздался выстрел, и пуля попала слону как раз между глазом и ухом — избранное место охотников за слоновой костью. Черепная коробка развалилась, как тыква. Слон поднялся на задние ноги, предварительно, впрочем, разжав хобот, что было крайне любезно с его стороны. Затем он тяжело повалился на бок, а в это время мой пожарный уползал, еле живой, взывая ко всем богам южноафриканского пантеона. Тут я показался и прошел вперед со всем величием, какое подобает человеку, сыгравшему роль божественного провидения. Из моего ружьишка еще вился дымок, и, когда пожарный меня увидел, ему было нетрудно догадаться, кому он обязан своим спасением. Он быстро оправил свой мундир, который изрядно пострадал от объятий слона, укрепил каску на голове, протянул мне руку и стал выражать горячую благодарность на еле понятном английском языке. Впрочем, его мимика была более выразительна, чем слова. Лед был сломан. Часть слоновой туши поделили тут же, а меня с большой помпой отвели в крааль, вождем которого был мой новый знакомый. Оказалось, что мое вмешательство позволило сохранить драгоценную жизнь царя Магопо, повелителя последних батоков, живущих в верхнем течении Замбези.

Опускаю подробности нашего шествия и энтузиазм, с которым нас встречали по пути следования. В глазах этих наивных детей природы его величество еще пользуется всем своим престижем, и счастливый смертный, который не дал венценосцу преждевременно окачуриться, стал для толпы предметом благословений. Так мы пришли в крааль, в центре которого стоит хижина его величества Магопо. Настоящий дворец. Я был потрясен, увидев обстановку. Несколько успокоившись, монарх ве-

личественно проследовал в тронный зал. Настоящий зал и настоящий трон.

— Да ты шутишь! — воскликнул Альбер.

Этот красочный рассказ забавлял его, как ребенка.

— Королевское сиденье, на котором поместился сам властелин, представляет собой прекрасное кресло, обитое бархатом гранатового цвета с помощью желтых гвоздиков, сверкавших, как звезды. На земле — красивые циновки, а на циновках расставлены в живописном беспорядке самые разнообразные предметы, так что мне трудно было удержаться от непочтительного смеха: тут можно было видеть серебряный чайный сервиз, один лакированный сапог со шпорой, библию, большой, совершенно новый английский чемодан, анероидный барометр в круглой никелевой оправе, несколько стеклянных флаконов с притертыми пробками и многие другие подобные предметы. Среди них, как некое божество, возвышался оросительный прибор Флерана, усовершенствованный доктором Эгизье.

Африканские царьки гостеприимны, а их добродушная простота нередко идет вразрез со всякими правилами этикета. Посидев минутку в своем кресле, Магопо молча встал, как человек, который принял серьезное решение и хочет излить потоки своей щедрости на того, чьим должником его сделали превратности судьбы. Он выпрямился во весь свой высокий рост, снял с чемодана наргиле системы «Эгизье», открыл чемодан и благоговейно извлек из него... Нет, сам угадай!..

— Орден Золотого Руна?

— Нет! Судок!..

Альбер и Жозеф тряслись от неудержимого смеха.

— Судок! — торжественно продолжал Александр. — В оправе из накладного серебра. В одном флаконе была жидкость темно-янтарного цвета, в другом — состав, отливавший изумрудом. Высшие сановники двора простерлись в благоговейном молчании и ждали, когда кончится эта церемония. Но для меня она оказалась не лишенной интереса.

Магопо оказал мне почести. Он открыл флакон с золотистой жидкостью, налил в чайную чашку и учтиво предложил мне. Увидев, что я несколько колеблюсь, он

сам отпил половину, щелкнул языком и снова протянул мне. Этот опыт успокоил меня, и я не спеша выпил. Не хочу долго вас интриговать — я вижу, вам не терпится знать, что было дальше. Напиток оказался прекрасным туринским вермутом. Его сюда завезли путешественники. Желая завоевать милость монарха, они подарили ему то, что могло соблазнить этого наивного человека.

Во втором флаконе был абсент[1], настоящий Перно[2], если вам угодно знать, и вы не представляете себе, как радовался мой хозяин, видя, что я благосклонно принял его угощение. Он все время заставлял меня повторять ему их названия. Наконец он благоговейно заткнул флаконы пробками и поставил их обратно в чемодан. Невольно я туда заглянул и был ослеплен. Я почти год проработал на алмазном прииске, но такой великолепной коллекции камней я не видал. Магопо заметил движение, которое я невольно сделал. Он взял пригоршню сверкающих камней и спросил на своем наречии:

«Белые люди знают этот булыжник?»

«Да, — ответил я. — И высоко его ценят».

«Тогда возьми, — сказал он, — потому что ты друг».

Но я не хотел воспользоваться его темнотой и принять такой ценный подарок. Я отказался. А он спросил:

«Белым людям, вероятно, нужно много этих огненных камешков, чтобы обрабатывать жернова? А с нас хватает и нескольких штук».

«Да нет же, — все отказывался я, не зная, как ему объяснить, что в цивилизованном мире алмаз — большая ценность. — Вот что, — сказал я: — в обмен на эти камни ты смог бы получить столько выпивки, что хватило бы наполнить озеро, да еще такое широкое и такое глубокое, что в нем могло бы купаться пятьсот слонов».

Тогда он занялся долгим и трудным подсчетом, но вскоре тряхнул головой с видом человека, мозги которого отказываются от непосильного труда. Он открыл чемодан, и я ничего с ним поделать не мог: он насыпал мне алмазов в карманы и сказал:

«Я хочу, чтобы ты взял эти камни. Когда ты вернешься в страну белых, пришлешь мне абсент и вермут».

[1] Абсент — полынная водка.

[2] Перно — фамилия водочного фабриканта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Альбер де Вильрож находит, что в Южной Африке любят сплетничать. — Досадная неудача. — Вторжение племени макололо в страну батоков. — Как туземцы борются с лихорадкой. — Копченый путешественник. — В стране голода. — Чудесные приключения человека, у которого никаких приключений не было. — Одиссея Жозефа. — Встреча с любезным незнакомцем. — Двойник Александра дорого берет за услуги.

Наступила короткая передышка, во время которой три друга, встретившиеся снова и столь чудесным образом, с аппетитом поели. Альбер обглодал все косточки целого калао и серого попугая — каждому из сотрапезников полагалось по две птицы. Обычно на этих простых и случайных привалах люди едят быстро и молча. Ничто не побуждает к излишней разговорчивости: обстановка неудобна, кухня зачастую самая дикая, приправ нет, вина никакого. За редкими исключениями, люди едят по необходимости, а не ради удовольствия. В экспедициях не едят, а питаются. И побыстрей.

— Твой повелитель батоков, — сказал Альбер, вытягиваясь на траве, — представляется мне порядочным чудаком.

— Он, во всяком случае, славный малый, — ответил Александр, — и я очень жалею, что его нет с нами.

— С ним что-нибудь случилось? Какое-нибудь несчастье?

— Боюсь, что да. Излишне говорить, что я стал не только гостем, но и другом этого черного царька. Он очень скоро убедился, что я питаю глубокую симпатию к людям его расы. Он узнал — не понимаю, каким образом, — историю с мальчиком, которого укусила змея пикаколу, и с освобождением бушмена, отца этого мальчика. А ведь между землей батоков и краалем наших друзей бушменов лежит огромное расстояние. Я думаю, больше семи градусов, то есть примерно километров восемьсот. Так вот, несмотря на дальность и на все трудности связи, наша история перелетела Калахари и дошла до здешних мест.

— Да, — прервал его Альбер, — в Южной Африке любят посплетничать.

Александр громко и весело рассмеялся.

— Посплетничать! Неплохо сказано об этих славных неграх.

— Я имею в виду не одних только местных уроженцев.

— Кого же еще?

— Сейчас скажу. Если о том, что с нами было в Калахари, слыхали батоки и их вождь, это еще куда ни шло. Но ведь загадочный незнакомец, который забрал у нас коня и дал лодку, тоже знает, кто мы и что мы, откуда мы, куда и зачем идем. Вот этого я не понимаю.

— Правильно. Этот мой двойник очень меня заинтриговал.

— Думаю, он также знает или узнает о существовании сокровищ кафрских королей. По-моему, не исключено, что мы будем иметь соперника в его лице. А если он пронюхает, что лежит в чемодане у твоего друга Магопо, то...

— Вот именно я и хотел тебе сказать, что Магопо исчез. Я не считаю нашего незнакомца причастным к этому делу, но все же я озадачен. Как я уже сказал, батоки, зная мои симпатии к черным людям, привязались ко мне, полюбили, считали своим. Магопо чувствовал себя все более и более обязанным мне и посвятил меня в страшные тайны баримов. Мне предоставили почетное право присутствовать на Торжестве Заклинаний. Оно происходило как раз на том самом островке, на который мы едем. Мне дали эту пирогу и позволили свободно плавать по реке вверх и вниз, чем я и воспользовался, чтобы тщательно изучить местность. Именно во время одной из этих ежедневных прогулок я и заметил одинокую базальтовую стрелку на островке, три акации и их взаимоположение. Таким образом, мне сразу стало ясно, что карта, которую твой тесть составил на основании данных кафра Лакми, верна. Но, чтобы хорошенько изучить местность, мне нужно было время и большая осмотрительность. Я не хотел посвящать Магопо и ждал вас. Я ждал с нетерпением, но в полной уверенности, что мы встретимся.

— Неужели? Ты не сомневался?

— Ни минуты.

— А мы едва не погибли.

— Всякое бывает. Но разве мыслимо, чтобы мы по-

терпели неудачу? И, наконец, уверенность есть уверенность. И, как видишь, я не ошибался — ведь нашли же мы друг друга...

— Ты, я вижу, фаталист.

— Этот фатализм — вера в себя и в вас. В этом сила всякого исследователя, основа его успехов. Мы хотели добраться до водопада Виктория, и мы добрались, несмотря ни на что. И ничего сверхъестественного в этом нет, потому что воля человеческая может творить чудеса... Возвращаюсь к Магопо. Мои усердные поиски сначала как будто удивляли его. Но вскоре, как мне показалось, он перестал обращать внимание на мои частые разъезды. Неделю назад он отвел меня в сторону и сообщил, что предстоит новое принесение жертв баримам, и, если эти экваториальные боги проявят к нам благосклонность, он откроет мне одну весьма для меня интересную тайну. Я подумал, уж не скрывает ли этот человек тонкую хитрость под маской благодушия и беспечности и уж не догадывается ли он о цели моих прогулок. Не знаю. Но в тот день, на который были назначены торжества, прибежали запыхавшиеся воины и сообщили, что многочисленное войско племени макололо приближается быстрым маршем и собирается напасть на землю батоков. А батоки даже не подумали оказать своим вековым врагам хоть какое-нибудь сопротивление. Они поспешно свалили наиболее ценные вещи в пироги, подожгли свои хижины и всё, что не могли унести, переправились через Замбези и исчезли. Магопо попрощался со мной и пообещал вернуться через пять лун, если только уйдут макололо. Кроме того, он посоветовал мне оставаться поблизости от водопада, уверяя, что никакой опасности со стороны макололо мне не грозит, потому что доктор Ливингстон внушил им самую большую симпатию к белым. Его предсказания сбылись. Макололо обходились со мной весьма почтительно. Я мог всецело отдаваться моему делу, то есть продолжать поиски. Я терпеливо ожидал ухода макололо и следил за движением луны, рассчитывая, что батоки вернутся, едва уйдут их враги. Именно в этот период моя счастливая звезда привела меня на прииск, где я вас встретил. Вот и все...

— Поразительно! Твое похищение, дорогой Алек-

сандр, плен, побег, спасение африканского царька, его лавка старьевщика в тронном зале, его богатство и то, как мы нашли друг друга, и наша встреча с бродягой, который так странно на тебя похож, — все это поразительно.

— А теперь, — продолжал Александр, — ты и Жозеф должны рассказать мне, что было с вами и как вы попали на прииск. Только поподробней! Меня все интересует. Мы здесь отдохнем еще часок, и никто нас не потревожит. Дорогой Жозеф, взгляните-ка на неприятельский берег. Оттуда ничего больше не слышно. Неужели они отказались от преследования? Я бы не возражал...

— Все спокойно, месье Александр, — ответил Жозеф, быстрым взглядом окинув реку, катившую в невидимую даль свои желтые воды.

— Отлично. Граф, предоставляю вам слово.

— Самое удивительное в моей истории, — начал Альбер де Вильрож, — это ее простота и полное отсутствие хоть каких-нибудь особенных событий или случайностей на всем огромном протяжении моего пути. Когда ты исчез, мы с Жозефом, Зугой и бушменом бросились искать тебя. Его преподобие и мастер Виль присоединились к нам, это само собой понятно, хотя я должен отдать им справедливость — они оба вели себя чрезвычайно корректно. И вот однажды мы неслись на плоту по разбушевавшейся реке. Шел проливной дождь, и наш плот швыряло, как щепку. И тут со мной сделался приступ лихорадки. Я потерял сознание и не знаю, сколько времени болел. Очнувшись, я увидел нашего проводника и бушмена. От плота ничего не осталось. Жозеф, его преподобие и мастер Виль исчезли. А я не держался на ногах. Малейшее движение вызывало у меня невероятную слабость. Кроме того, я испытывал страшные боли, они начинались в затылке и расходились по всей спине. К физическим страданиям прибавлялась тревога за вас. Так что положение было отчаянное. Мои славные чернокожие кое-как объяснили мне, что я провел в буйном бреду пять дней и пять ночей. Потом они смастерили носилки, уложили меня и понесли в надежде, что мне помогут какие-нибудь кочевники, если только удастся повстречать их в пустыне. Вы уже, вероятно, заметили, что Зуга очень толковый и очень сердечный малый. Он ухаживал за мной самым

преданнейшим образом. А в это время бушмен лечил меня методами бушменской медицины. Он построил крохотный шалашик из ветвей, плотно закрыл его широкими листьями, придав этому несложному строению форму улья, и оставил в нем боковое отверстие, через которое я мог просунуть голову. Когда все было готово, он меня раздел донага и ввел в шалашик. А там тлели сухие ветви и куски какого-то ароматного дерева и стоял густой дым. Если бы я не высунул голову, я бы сию же минуту задохнулся. Я отделался длительным копчением, в результате чего сильно пропотел — пот лил с меня прямотаки ручьем. Едва я вышел из этой парильни, как Зуга накинул на меня мою сорочку, которую предварительно намочил в ледяной воде. Я сразу лишился чувств!

— Да этак они могли тебя просто убить!

— Именно это я и позволил себе заметить моему черному Эскулапу. Но тот возразил: «Не бойся, вождь. Это прекрасное лечение: так лечился сам Дауд, когда у него была лихорадка. Прекрасное лечение!» Мне только и оставалось, что склониться пред авторитетом Ливингстона и дать себя коптить, массировать, растирать и обливать водой. Но три дня этого варварского лечения, и я был совершенно здоров. Что еще сказать вам? Я пустился в путь, едва мне позволили силы. И я направился на север. Мои добрые спутники поддерживали меня, их преданность не ослабевала ни на минуту. К несчастью, у меня не было оружия — оно пошло ко дну, когда на одном из поворотов реки разбился наш плот. Но Зуга и бушмен добывали для меня пищу. Мы питались корнями, дикими ягодами, почками и даже насекомыми.

— Тьфу! — брезгливо воскликнул Александр.

А Вильрож возразил:

— Что бы мы ни думали и ни говорили о ящерице раньше, но она — подлинный друг человека. В этом я убедился на опыте. Затем, время от времени мы закатывали себе пиры, — когда находили гнездо страуса.

— Это уже лучше.

— Я тоже так думаю. Яйца страуса, правда, не такое уж тонкое лакомство, но мы до того настрадались от голода, что нам и они казались вкусными. Затем, мы попали в места, более богатые дичью, и удачно охотились.

Это меня и спасло. И так дни шли за днями. Мы все-таки продвигались вперед и вперед, и в один прекрасный день я услышал рев большого водопада. Так что для меня все это громадное путешествие сводится к трем ощущениям: лихорадка, голод и ходьба.

— И это все?

— Все.

— А твои спутники?

— Они должны находиться где-нибудь недалеко от прииска. За них я не тревожусь. Они не пропадут, и мы их еще увидим. Я не думал, что в таком глухом месте я найду прииск и белых. Поэтому я отправился на разведку один, а неграм наказал не беспокоиться, если меня долго не будет. Когда я вошел в палатку, там стоял страшный шум: это наш Жозеф сражался с кем-то, как настоящий дьявол.

— Отлично, дорогой Альбер! Можно сказать, все хорошо, что хорошо кончается. А вы, Жозеф, — что вы можете нам рассказать?

— А у меня и рассказывать нечего, месье Александр.

— Как это — рассказывать нечего? Вы, однако, не упали с неба и не вывалились из воздушного шара?..

— Нет, я приехал верхом на зебре.

— Вот как?

— Да, месье Александр, на зебре, на полосатой лошади. Она бегает очень быстро.

— Как же вы себе раздобыли такую лошадку?

— Я убил змею, которая хотела ее съесть. Змея имела больше восьми метров в длину.

— Что же вы с ней сделали?

— Я содрал с нее кожу и сделал упряжь для зебры.

— Подождите, Жозеф, дорогой! Мне что-то не все ясно. Расскажите подробно и не выматывайте душу.

— Да бедь я рассказыбаю, месье Александр, Зевра — это бам не простая лошадка. Зевру приручить — это вольшое дело. Она вила ногами, подымалась на дывы, ложилась на землю, пыталась кусаться... Но, караи! Я с ней погоборил, с чертобкой, и она меня поняла...

Альбер рассмеялся, и рассказчика это несколько смутило.

— Видишь ли, — сказал де Вильрож, — наш Жозеф

не бог весть какой оратор. Вот он уже опять стал путать «в» и «б», и это лучше всего доказывает, что он сильно волнуется.

— Ничего, продолжайте, дорогой Жозеф! — мягко предложил Александр. — Вы прекрасно знаете, что мы шутим.

— Вот я и говорю! — продолжал тогда Жозеф. — Когда месье Альбер уехал на плоту, я остался один. Мастер Виль тоже остался и стал ругаться, как извозчик. Он ушел направо, я — налево. Так мы и потеряли друг друга из виду. Он ушел ко всем чертям. Я тоже. На другой день я вдруг вижу здоровенную змею. Она уцепилась хвостом за дерево и обвила кольцами бедную зебру. Одним выстрелом я прикончил эту гадину и быстро связал зебру лианой. Зебра тяжело дышала и отдувалась, как тюлень, а я связал ей все четыре ноги. «Так, — думаю,— хорошо! Ты будешь иметь честь понести на спине одного славного малого из французской Каталонии». Да не тут-то было! Только я захотел взобраться ей на спину, мерзавка стала брыкаться. Ах, бедная ты моя головушка! Что ж тут делать? Вот я и подумал, что из змеиной кожи можно было бы сделать подходящие поводья, и стал раздевать эту змеюку! Караи! Сделал поводья, надел на зебру и давай рысью! И зебра пошла у меня не хуже, чем этот четвероногий страус, которого зовут жирафом. Право же, она даже могла бы обогнать этого двуногого жирафа, которого зовут страусом.

— Так просто? Вы меня удивляете.

— А я все сказал. Вот только забыл добавить, что я снял с себя рубашку и завязал моей зебре глаза. И еще я сделал ей ножом дырку в храпе и пропустил через храп ремень из змеиной кожи.

— Ну, вот!

— А это очень хорошее средство. Я не знаю ни одного андалузского мула, который мог бы сопротивляться, когда ему прокалывают храп и пропускают ремень.

— Я думаю!..

— Моя зебра несла меня как миленькая. Я только натягивал поводья то вправо, то влево. Как удила...

— ...которых она не могла грызть.

— Конечно. Я часто встречал негров и спрашивал —

очень вежливо, — как проехать к водопаду Виктория, а они ни за что не хотели отвечать. Они смотрели на меня так, как если бы я свалился с облаков, и понимали меня не лучше, чем если бы я говорил по-кастильски с поляком или хотя бы с простым уроженцем Оверни... Тогда я решил держать курс по солнцу. И этак я ехал и ехал, покуда не добрался до трактира, где мы и повстречались.

— И это все?

— Все, месье Александр. Вот разве только еще одна мелочь. Я не могу нахвалиться нашими неграми, но что касается белых... Дело было дня за три—четыре до моего прибытия в Алмазный край. Я страшно устал и еле волочил ноги.

— А зебра где была?

— Зебра околела еще за тридцать шесть часов до этого. Она перестала есть, бедняжка. Затем рана в носу стала у нее гноиться. Это было после того, как мы целую ночь проскакали по степному пожару.

— Вы попали в огонь?

— Но я себе даже усов не обжег. Моя лошадка неслась среди антилоп, львов, обезьян и страусов. Уйма была всякого зверья. Вроде хопо. Наконец зебра свалилась. От голода, или от смерти, или, быть может, по другой причине. Я продолжал дорогу пешком и повстречал огромный фургон, запряженный быками. Я хотел купить поесть и предложил фунт стерлингов золотом... Из тех денег, которые вы мне поручили нести... Они были при мне... А тот чудак, который правил быками, грубо послал меня ко всем чертям и швырнул мне мой золотой прямо в лицо!.. Караи! Не был бы я так утомлен, я бы с ним расправился не хуже, чем с сегодняшним американцем... Но тут из-за фургона показался какой-то верховой, и я задрожал от радости, увидев его. Я закричал: «Месье Александр! Это вы?» Но тот посмотрел на меня как на сумасшедшего и говорит: «Вы ошиблись». Увы, я уже и сам догадался. По голосу. И еще у него был резкий английский акцент... А то вы бы и сами могли ошибиться. И он меня спрашивает: «Что вам надо?» Я говорю: «Поесть. Конечно, за деньги. И затем укажите мне дорогу на водопад Виктория». — «Вот, ешьте! — говорит он и

подает мне порядочный кусок дичи. — А что касается дороги на водопад, — следуйте за мной. Мы прибудем через три дня». Я набросился на еду, а этот смотрит на меня и улыбается с видом человека, который счастлив, что оказал услугу ближнему. Покончив с едой, я его спрашиваю: «Сколько я вам должен, месье?» А он отвечает: «Потом сочтемся. Когда прибудем на место». Он сказал несколько слов тому негостеприимному мужлану, который правил быками, и мы поехали. Должен признать, он оказался прекрасным товарищем. Он заботился обо мне, как родной брат, кормил меня, дал мне коня... Я прямо-таки не знал, как его благодарить. Наконец мы увидели вдали, приблизительно в одной миле, белые палатки, и он мне говорит: «Здесь мы расстанемся. Так что надо рассчитаться». — «К вашим услугам, — говорю я очень вежливо. — Сколько я вам должен, месье? Верьте, что, сколько бы я ни заплатил, я все равно останусь вашим должником и вы вправе рассчитывать на мою благодарность». Тогда он говорит этак небрежно: «Двадцать тысяч франков». Вы сами понимаете, я подскочил! «Месье, — я говорю, — вы шутите». А он отвечает: «Я никогда не шучу, когда дело касается денег. И поторапливайтесь, знаете!— спокойно говорит он и заряжает карабин. — Мне бы, — говорит, — очень не хотелось лишить вас жизни, которую я помог вам сохранить. Однако, если вы будете сопротивляться, я окажусь в печальной необходимости именно так и поступить. Мне, — он говорит, — уже не раз случалось убивать из-за меньшей суммы». А я был безоружен, так что пришлось подчиниться.

— А твой карабин? — спросил Альбер.

— Карабин украли мулаты. Они хотели, чтобы я тоже занялся работорговлей. Вместе с ними. Они говорили, что моя белая кожа была бы для всего предприятия лучшей гарантией честности.

— И после этого вы говорите, что у вас не было никаких приключений! — смеясь, воскликнул Александр.

— Можете смеяться сколько угодно, месье Александр. Мне пришлось подчиниться. Я обошелся вам в двадцать тысяч франков. Это чертовски дорого.

— Оставьте. По-моему, это даром. Да, наконец, мы еще посчитаемся с Сэмом Смитом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Любопытная находка. — Что было написано кровью на чистой страничке библии. — Бандит взволнован. — Сэм Смит разыгрывает Дон-Кихота. — Вслед за фургоном. — Монолог Клааса. — Неудачи белого дикаря. — Героиня. — Сила слабых. — Клаас признается, что ему страшно. — Лошадь Корнелиса. — «Смерть грабителю!» — Ошибка.

— Черт меня возьми, да ведь это книга! В таком месте! Чернокожие неграмотны, а здешние белые не тратят времени на чтение. Странная находка! Ни чернокожие, ни люди с прииска не могли бы оставить ее здесь, под деревом. Надо посмотреть. Может быть, она пригодится для пыжей?..

Одинокий всадник, который рассуждал таким образом, легко соскочил на землю и поднял книгу.

— Ишь ты! — сказал он насмешливо. — Библия! Не иначе, как здесь проходил какой-нибудь миссионер. Возможно, святой человек сидел как раз в том фургоне, следы которого я только что видел... В таком случае, я даром теряю время. Миссионеры обычно бедны, как пророк Иов, и, если я нападу на его фургон, мне ничего не достанется, кроме душеспасительной проповеди! И это была бы вторая за три дня! А я предпочел бы несколько унций золота, даже если бы за него пришлось отдать немного свинца в виде круглых или цилиндрических пуль.

Раздосадованный, он снова вскочил на своего огромного коня, который нетерпеливо грыз покрытые белой пеной удила.

— Ничего не поделаешь! Ничего не поделаешь! — бормотал незнакомец, машинально листая книгу.

— Ах, позвольте! — воскликнул он внезапно. — Тут на первой странице что-то написано... Какие-то каракули. Как будто рука дрожала... К тому же и чернила красные... Или розоватые... Все это имеет довольно зловещий вид. Уж не кровь ли это?.. Кровь! Никаких сомнений!..

Заинтригованный, он медленно прочитал:

«Кто бы вы ни были, но, если вы нашли эту книгу, пожалейте двух несчастных женщин, которых держит в плену бандит. У вас есть мать, или сестра, или невеста...»

— Не знаю, не знаю, — сказал путник в сторону. — Что касается кормилицы, то я помню только Тода Брау-

на, который был шкипером у нас на «Атланте», когда я служил юнгой в британском флоте. Помню, как здорово он выбивал из меня пыль линьком... Жены у меня нет, я закоренелый холостяк. А что касается невесты — это другое дело. Невеста у меня есть: добрая пеньковая веревка. Раньше или позже, а мы с ней соединимся... Однако посмотрим, что там написано дальше.

«...или невеста. Во имя чувств, которые вас к ним привязывают, снизойдите к жестоким и незаслуженным страданиям. Придите на помощь двум женщинам, которые не могут найти убежища даже в смерти.

Графиня Анна де Вильрож».

— А мне-то какое дело до всего этого? — грубо сказал незнакомец, захлопывая книгу. — Какая-то графиня шатается по просторам Южной Африки! А я тут при чем?.. Искательница приключений... Но путешествие-то у нее, видимо, не из приятных, если судить по этим строкам! Э, да что это, уж не расчувствовался ли я? Как глупо! Я слыхал о некоем Дон-Кихоте, который воевал с ветряными мельницами. О нем рассказывал у нас на фрегате француз кок. Ну и смеялись наши ребята! Не будем разыгрывать Дон-Кихота... А все-таки книга, брошенная так вот среди пустыни, чем-то напоминает бутылку, брошенную в море. Она несется по бушующим волнам, а в ней записка, а в записке — быть может, последняя воля моряка, потерпевшего крушение. Священная вещь — такая записка. Не был ли я и сам спасен благодаря такой бутылке? Правда, моими спасителями оказались отъявленные негодяи и я прошел у них школу и сам стал не лучше... Но что из того? Раньше чем стать бандитом, я все-таки был честным моряком... Конечно, бывают дни, когда разница между добром и злом не так ощутима... А по-моему, эта записка написана француженкой. Сама подпись говорит об этом. Французы не раз оказывали мне услуги в жизни, за которые я их не поблагодарил... Только потому, что случая не было... Ибо хоть я и совершил в жизни кое-какие злодейства, но неблагодарным я никогда не был... А вот и благоприятный случай... Тем более, что в делах сейчас застой и в настоящее время я не больше занят, чем адмирал в отставке... Итак, жребий брошен. Я пускаюсь на поиски этих двух женщин. Никто

никогда, впрочем, не узнает, что Сэм Смит разыграл Дон-Кихота. Вот следы фургона, из которого было выброшено это послание, полное отчаяния... Вперед!..

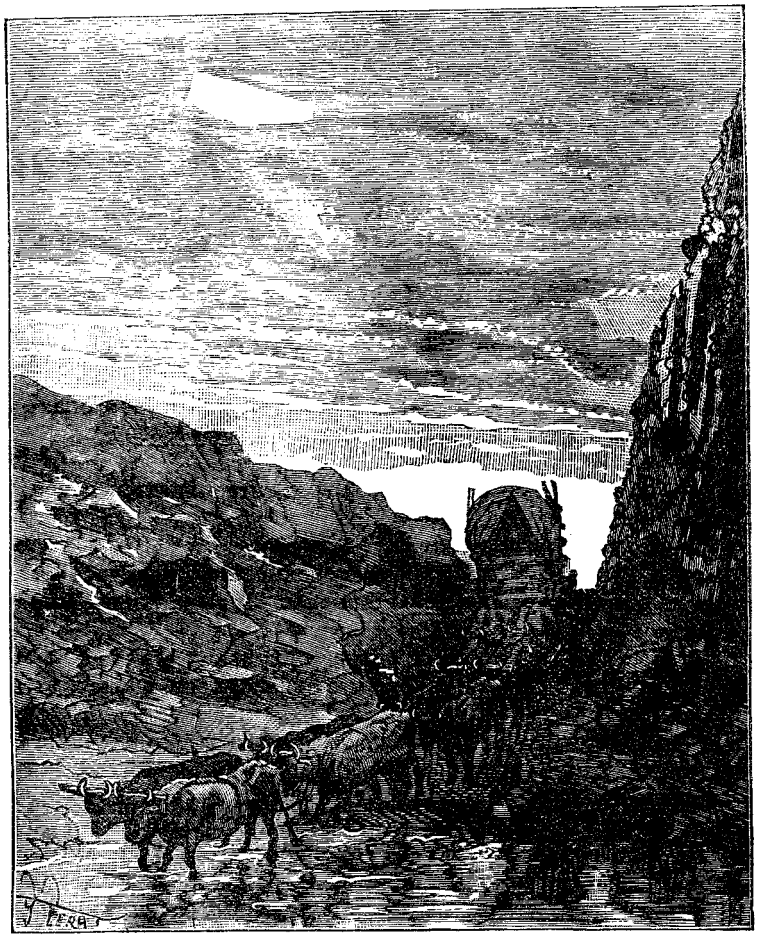
Опередим на несколько километров грабителя, который на время забросил свое преступное ремесло, и догоним фургон, медленно влекомый усталыми быками...

Это тот самый фургон, который через несколько часов после убийства мистера Смитсона Клаас застал в покинутом краале, на одном из правых притоков Брек-ривер.

Белый дикарь, нечувствительный к палящему зною, тяжело шагает впереди фургона, рядом с ко́злами. Его широкополая шляпа, нахлобученная на глаза, позволяет видеть только белокурую, скорей рыжеватую бороду, точно приклеенную к кирпичного цвета лицу. Рука сжимает непомерной длины чамбок, который время от времени взвивается с головокружительной быстротой в воздух и с треском, похожим на пистолетный выстрел, обрушивается на исхудалые спины быков.

Клаас кажется озабоченным. Он все повторяет обрывки фраз, изобличающих тайную тревогу и глубокое недовольство.

— Чертово ремесло! — ворчит он. — Вот уже два месяца, как я караулю двух голубок, которые только о том и мечтают, как бы вырваться из этой тюрьмы на колесах. Дни идут за днями, а я не вижу, когда это кончится. Корнелис и Питер, видимо, себе и в ус не дуют. Они распоряжаются мной, как если бы я не был главой семьи. Они уже давно извещены, что дело удалось, что у меня в руках женщина, которая знает, где закопан клад. Но вместо того чтобы примчаться самим, они назначают мне встречу у водопада Виктория. Какого черта они там делают? Говорят, там найдены новые прииски. Но при чем тут мы? Разве это дело для таких бизонов, как мы, — работать на приисках? И наконец, мне просто скучно. Я думал, эта бабенка мне достанется легко и будет ходить по струнке... Не тут-то было!.. Это она мной повелевает, как рабом. Да еще вряд ли говорила бы она с рабом таким презрительным тоном. А я околдован. Я даже не смею возражать. Я едва позволяю себе взглянуть на нее. И как только она уставится на меня глазами, точно пистолет наводит, я мгновенно удираю, и мне хочется



Фургон, медленно влекомый усталыми быками...

выть, как воет шакал, увидевший льва... Глаза у нее сверкают, как сталь, и мне делается прямо-таки больно. А та, вторая, еврейка! Лучше бы мне велели приручить черную пантеру! Как это в Европе мужчины все-таки умеют подойти к подобным созданиям?! Глядеть не на что — пигалица, тростничок, а ведь вот берет такого мужчину, как я, и делает с ним что хочет! Нет, с этим надо покончить!.. Но как?.. Эй, сударыня! Сударыня, спрячьте голову!

— Вы, кажется, смеете мне приказывать? — отозвался тотчас мелодичный женский голос, в котором, однако, слышалась непреклонная твердость.

— Нет... Я не приказываю, — защищался бур. — Я прошу...

— Мне все равно. Уж не хотите ли вы, чтобы мы задохнулись в фургоне?

— Но ведь посмотрите, как солнце жарит! Это опасно. Я боюсь за вас.

— Какое вам дело до меня?

— Как — какое мне дело? Вы хотите знать, какое мне дело?

— Нет. Я хочу воздуха.

— Сударыня, сейчас это невозможно. Сейчас, в полдень, на солнце смертельно опасно. А ваша жизнь мне слишком дорога...

Взрыв презрительного смеха прервал тираду Клааса, и лицо его стало пунцовым от гнева, быть может, от стыда.

— Моя жизнь!.. Ха-ха! Как вы это хорошо сказали, мастер Клаас! Признайтесь лучше, что вы надеетесь получить за меня выкуп в виде сокровища кафрских королей.

— Что верно, то верно, сударыня. Я жаден, как дикарь. Но жадность — не единственная моя страсть. Вблизи вас я понял, что могут быть и другие страсти. И более сильные...

— Молчите, мужлан!

— Ну, знаете, это уж чересчур, в конце концов! И, наконец, пусть так. Я мужлан. До сих пор я был покорен, как собака. Я хотел быть джентльменом вроде ваших европейских паяцев, а теперь кончено! Теперь го-

ворит грубое животное, которому ничто сопротивляться не может.

Крик ужаса раздался внутри фургона:

— Анна, сестра моя, что вы наделали? Вы до сих пор укрощали это чудовище своим спокойствием, а теперь вы его вывели из себя!..

— Не бойтесь ничего, Эстер, дитя мое. Раньше или позже, но это должно было случиться. Чем раньше, тем лучше! Вы готовы?

— На все готова, дорогая Анна. Вы это знаете.

— Тогда предоставьте мне действовать...

Клаас вне себя от бешенства бросил на землю свой чамбок и пронзительным криком остановил быков. Он побежал к задней двери фургона и достиг ее в ту минуту, когда обе женщины умолкли.

Он ожидал, что дверь окажется на запоре, и решил навалиться на нее всей своей тяжестью. Но засовы, на которые она была закрыта изнутри, быстро упали, оставляя проход широко открытым.

Если бы Клаас встретил препятствие, его ярость разгорелась бы еще больше, его силы удесятерились бы. Но это подобие безоговорочной сдачи ошеломило его. Он остановился как вкопанный. Будучи осторожен, как всякий дикарь, он почуял ловушку и оглядел фургон беспокойным и подозрительным взглядом.

Обе женщины, великолепные в своем мужестве и неустрашимости, стояли в темном проеме дверей, освещенные яркими лучами солнца. Эстер была менее решительна и опиралась на плечо Анны де Вильрож, нежное лицо которой, искаженное негодованием и непоколебимой решимостью, стало неузнаваемым.

— Потрудитесь войти, мастер Клаас, — сказала она с ироническим смехом.

Этот смех хлестнул бура, как удар кнутом, и совсем уж выбил его из колеи: Клаас рассчитывал, что женщины испугаются, что они будут робки. Однако его колебания были непродолжительны. Он зашел слишком далеко, чтобы сразу отступить. Кроме того, гнев нарастал в нем медленно, как у всех животных с холодной кровью, и мог падать тоже только медленно.

— Ладно! — сказал он глухим голосом. — Я пови-

нуюсь вам. Но, черт меня возьми, хорошо будет смеяться тот, кто будет смеяться последним!

— Я должна, однако, предупредить вас, мастер Клаас, что вы не уйдете слишком далеко и что эта наша встреча будет последней... к счастью.

— Это мы посмотрим, — ответил Клаас, поднимаясь на ступеньку и собираясь пройти в фургон.

Госпожа де Вильрож отступила на шаг, и тогда Клаас увидел стоявший позади нее бочонок вместимостью литров в двадцать. Она протянула правую руку, и в руке что-то сверкнуло.

Бандит затрясся, но вскоре замер.

— Что ж это? — бесстрашно сказала молодая женщина. — Вы остановились? Уж лучше признайтесь, что вам страшно взорваться вместе с нами!..

— Да... сударыня... мне страшно... признаю это. Мне страшно за вас, потому что я хочу, чтобы вы жили.

— Вы отлично видите, что мы решились на все и теперь мы ваших угроз больше не боимся. Еще вчера мы всего могли ждать от вашей животной ярости. Я обезумела от страха и написала: «Придите на помощь двум женщинам, которые не могут найти убежища даже в смерти». Но сегодня... сегодня у меня есть оружие... Этот револьвер я случайно нашла в ящике, на который вы не обратили внимания, и я могу разрядить его в этот бочонок с порохом. Это ваш бочонок, должно быть. Так вот, мастер Клаас, мы вас не боимся. Можете войти, можете выйти, как вам будет угодно...

— Вы писали? — сказал бур.

Эти слова госпожи де Вильрож обеспокоили его больше, чем все ее угрозы.

— Я буду снисходительна и отвечу вам. Да, вчера я своей кровью написала последний призыв. Я написала его на страничке книги и выбросила книгу на дорогу. Я сделала это в надежде, что книгу найдет какой-нибудь человек с сердцем и придет нам на помощь. Хотя вы и держите нас в заточении, я все же заметила на дороге много следов, и это меня убедило, что мы находимся в местности все-таки обжитой. Да вот смотрите! Ведь это не обман зрения. Вы можете не хуже нас увидеть вдали облако пыли. Кто-то скачет верхом на лошади. Бе-

регитесь, мастер Клаас! Быть может, это и есть мститель.

Бур зарычал от бешенства. Он выскочил, резко хлопнул дверью и бросился к передку фургона, где лежало его длинное однозарядное ружье.

— Гром и молния! — воскликнул он. — Теперь я, по крайней мере, буду иметь дело с мужчиной. И если он не ответит мне за все, то пусть уж лучше меня заберут черти.

Госпожа де Вильрож не ошибалась. Не прошло и нескольких минут, как всадник стал виден совершенно отчетливо. Будучи человеком осторожным и рассчитывая на плохой прием, он соскочил на землю на расстоянии, недостижимом для ружейного выстрела, и медленно направился к фургону, шагая позади своей лошади, которая служила ему живым укрытием. Эта предосторожность спасла ему жизнь, ибо взбешенный Клаас поджидал его с ружьем в руках и несомненно выстрелил бы, не вступая ни в какие разговоры. Прибавим, что Клаас был искусный стрелок. Для него было пустяком попасть на расстоянии ста метров в донышко бутылки. Но и незнакомец отлично знал хитрости драчунов-буров. Поэтому он держался позади лошади так, что бур не мог прицелиться, и только мысленно осыпал его проклятиями, хотя и воздавал должное его умению маскироваться.

— Здорово! Молодец! — ворчал Клаас, как игрушку держа в руках свое огромное ружье. — Все-таки приятно нарваться на такого противника. Но ничего, дружище, скоро ты покажешься. И пусть я только увижу, куда тебе всадить кусочек свинца, как ты его получишь.

Расстояние сокращалось.

В брезенте, которым был покрыт фургон, имелась небольшая дырочка, и, прильнув к ней, обе молодые женщины, задыхаясь от волнения, следили за нарастанием событий.

Анна догадывалась, что незнакомец нашел брошенную ею книгу, ибо он, видимо, знал, с кем ему придется иметь дело. Иначе он не принимал бы мер предосторожности. Анна уже пожалела, что в минуту отчаяния совершила поступок, который теперь подвергал смертельной опасности жизнь незнакомого человека.

Застыв от ужаса, она ждала выстрела и свиста пули, но, к ее изумлению, Клаас воскликнул что-то самым веселым голосом. Дело в том, что он узнал огромного коня незнакомца.

— Черт возьми, да ведь это пегая лошадка моего Корнелиса! Второй такой нет во всем Ваале. Шевелись же, чудак ты этакий! Нечего прятаться. Это я, Клаас...

Незнакомец ускорил шаг и вскоре был совсем близко. А Клаас отставил ружье и улыбался во весь рот, ширине которого мог бы позавидовать кайман.

Но его радость и веселье были кратковременны. Клаас оцепенел, когда незнакомец стал виден во весь рост.

Вместо своего тяжеловесного увальня-брата Клаас увидел человека высокого роста и могучего сложения, но изящного, тонкие черты лица которого не имели ничего общего со скотской физиономией Корнелиса.

— Негодяй! — зарычал Клаас, охваченный бешенством. — У тебя лошадь моего брата... Значит, ты его убил?! Умри же!..

И с ловкостью, какой даже и ожидать нельзя было от человека, наделенного телосложением гиппопотама, он бросился к незнакомцу, приставил ему свое ружье прямо к груди и спустил курок.

Раздался сухой треск, но загорелся только фитилек: произошла осечка.

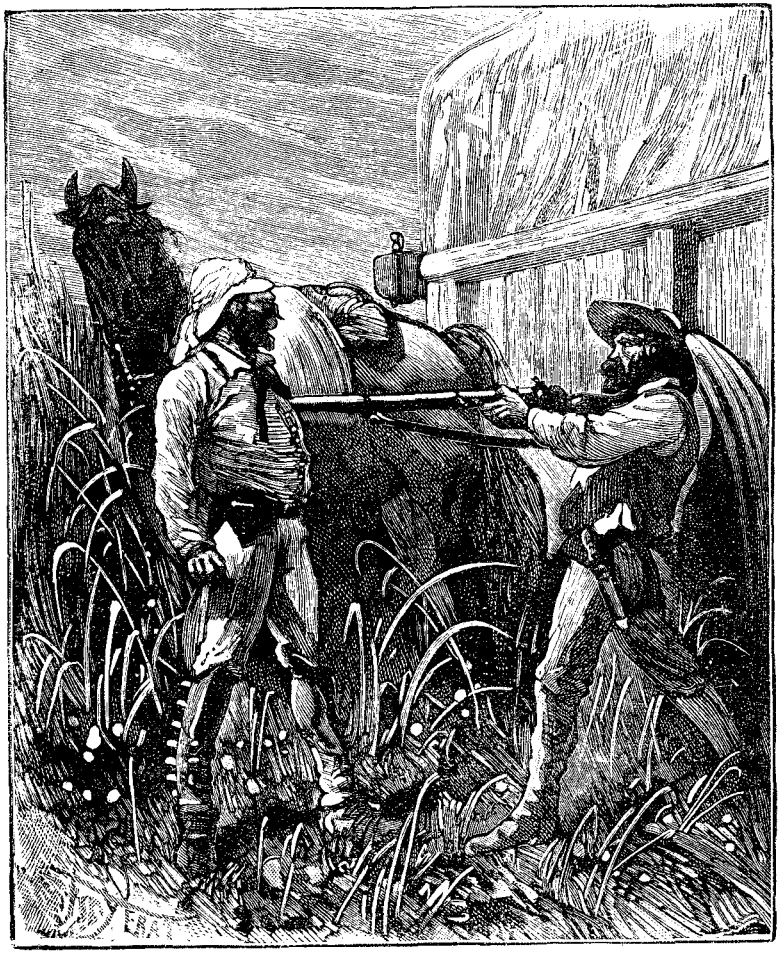
Яростные крики послышались в это время издали: с противоположной стороны дороги скакали верховые. Они охватывали фургон угрожающим полукругом, крича:

— Смерть Сэму Смиту! Смерть! Смерть вору!..

Сэм Смит — читатель давно его узнал — и бровью не пошевелил. Горькая улыбка пробежала по его лицу, только когда он услышал яростные крики приближавшихся всадников. Затем, видя, что его вот-вот окружат, он одним прыжком вскочил в седло и скрылся, как вихрь, бормоча:

— Не легко бывает сделать доброе дело. В кои веки пришла мне в голову такая фантазия, и я едва не заплатил за нее слишком дорого.

Увидев, что рухнула единственная надежда на спасение, Анна побледнела. Ее заставили обернуться душераздирающие рыдания подруги.



– Негодяй! — зарычал Клаас. — Умри же!..

— Не надо, не надо, девочка! Мужайся!

— Ах... этот человек... Да ведь это он!

— Кто?

— Француз, который продал свой участок моему отцу... Это он сделал меня сиротой. Он убийца!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Клаас — человек ловкий, его дела идут хорошо. — Одни в пустыне. — Клаас меняет тактику. — Страшные последствия пустякового случая. — О чем свистела змея пикаколу. — Посланец буров. — Кайман — Пожиратель людей. — Проломанная Башка и Одноглазый Бизон. — «Обман! Все обман!» — Кайман возвращается к водопаду. — Свидание белого дикаря с дикарем черным.

Читатель помнит совещание бандитов в шалаше неподалеку от Нельсонс-Фонтейна и гнусную комедию, которую тогда задумал Клаас. Бандиты пронюхали о существовании сокровищ кафрских королей и решили во что бы то ни стало завладеть ими. Но они не знали, где именно эти сокровища находятся. Поэтому они разработали дьявольский план, который должен был привести их к цели без всяких трудностей.

На первый взгляд план казался страшно сложным, а в сущности он был очень прост, если принять во внимание ловкость и энергию опасной бандитской четверки.

Прежде всего надо было использовать кратковременное пребывание Альбера де Вильрожа на прииске, чтобы возбудить против него подозрение и сделать невозможным его пребывание не только в Нельсонс-Фонтейне, но и на всей территории английской колонии. Убийство торговца, совершенное за несколько часов до внезапного отъезда Альбера и Александра, продажа Александром своего участка этому торговцу и разные догадки и слухи, довольно ловко пущенные доверенными людьми четырех бандитов, — все это обеспечило успех первой части бандитского замысла.

В виновности французов были убеждены не только незадачливый полицейский мастер Виль, но и большая часть населения прииска.

Далее трем бурам и их достойному сообщнику надо

было как можно скорей подсунуть французам своего человека, который сопровождал бы их, как тень, вплоть до таинственного места, где хранились вожделенные сокровища. Читатель видел, как ловко справился преподобный с этой деликатной задачей: он сумел расположить к себе трех бесстрашных путешественников и если еще не вошел у них в полное доверие, то, во всяком случае, был принят в их среду.

Наконец, уже известно, что Клаас питал еще и бешеную страсть к госпоже де Вильрож, руки которой он добивался.

Мысль о сокровищах владела Клаасом, как наваждение. Однако и воспоминание о молодой англичанке тоже было неизгладимо.

Ему хотелось во что бы то ни стало увидеть ее снова, оторвать от мужа, сделать так, чтобы муж исчез, чтобы его не стало, а затем разбогатеть и увести молодую женщину в свой крааль. Он был самоуверен и не сомневался, что сумеет утешить женщину, которую ему хотелось поскорей увидеть вдовой. Он рассчитывал стать ее мужем.

Но в то время как Альбер де Вильрож отправился на берега Замбези отыскивать закопанные там сокровища, его жена оставалась в Кейптауне и жила там со своим отцом. Трудно было заставить ее покинуть это убежище, и вряд ли можно было завлечь Анну в дикие места, где ее легко было бы похитить.

И в этом деле мерзавцу Клаасу тоже помогла его дерзкая изобретательность. Влюбленность и жадность сделали его тонким дипломатом — что, на первый взгляд, казалось несовместимым с его грубой внешностью, — и он нашел верный способ вытащить Анну из дому.

Надо было только заставить ее поверить, что Альбер тяжело ранен и умоляет приехать. Эта выдумка должна была показаться вполне правдоподобной, если принять во внимание бурный темперамент Альбера и бесчисленные опасности, с которыми была сопряжена его жизнь в этих диких местах. Его преподобие, который был единственным грамотным во всей компании, немедленно написал записку. А сам Клаас, после длительной и безостановочной бешеной скачки, доставил ее в Кейптаун.

Госпожа де Вильрож, потрясенная зловещим послани-

ем, выехала немедленно вместе со своим отцом. Клаас следовал за обоими этими беззащитными существами по пятам в ожидании благоприятной минуты, когда без труда сможет их похитить.

Читатель помнит, как произошло это похищение: им заканчивается первая часть нашего романа.

Клаас любил эффекты. Он нанял целую шайку бродяг, приказал им напасть на карету, в которой ехали Анна де Вильрож и ее отец, сделать это с большим шумом, убить лошадей, а в случае малейшего сопротивления уложить также форейтора и кучера. Было условлено, что тут, как некий ангел-спаситель, появится он, Клаас. Он прогонит разбойников и освободит рыдающую красавицу, совсем как герой романа.

Бандитов все это симулированное нападение забавляло, как любительский спектакль, но они сделали свое дело с неслыханной грубостью. Комедия завершилась драмой, и берега Брек-ривер окрасились кровью трех убитых.

Но Анна оказалась во власти своего похитителя.

Этот неотесанный мужлан всячески пытался ее утешить, а чудесный случай захотел, чтобы в Пемпин-краале он нашел Эстер, дочь того самого торговца, которого он заколол, чтобы было в чем обвинить Альбера и Александра. Общность жестокой судьбы объединила молодых женщин. Эстер возвращалась в Кейптаун. С сердечностью родной сестры она предложила место Анне и согласилась повернуть обратно, чтобы доставить ее в Нельсонс-Фонтейн.

Нечего и говорить, что Клаас, наконец-то захвативший Анну в свои руки, и не подумал направиться в Нельсонс-Фонтейн. Однако он был слишком хитер, чтобы выдать свои намерения. Он предпочел сохранить роль благодетеля, спасителя. Правда, он пытался ухаживать и быть любезным, но делал это неловко, неуклюже. Впрочем, его грубая неотесанность и отсутствие какого бы то ни было воспитания заставляли Анну относиться к нему снисходительно.

Госпожа де Вильрож жила во власти смертельной тревоги и находила, что время тянется страшно медленно. Быки еле двигались, хотя, казалось, бур всячески их понукал. Молодая женщина полагала, что он уже забыл

про свое неудачное сватовство, и смотрела на него только как на услужливого спутника, который ради нее не щадит ни своего времени, ни труда.

Сначала Клаас намеревался отвезти своих пленниц на земельный участок, который он арендовал вместе со своими братьями. Он имел в виду обойти Нельсонс-Фонтейн слева и повернуть прямо на восток, когда некий посланец, направленный к нему Корнелисом по поручению преподобного, приказал повернуть во что бы то ни стало и без всякого промедления к водопаду Виктория.

Его преподобие не терял связи с ними. Через кочевников, которые шли по следам европейцев, он довольно часто извещал буров о своем местонахождении. Клаас понял, что приближается решительная минута. Он изменил маршрут и стал торопиться к своим сообщникам.

Именно в это время фургон покинул территорию, недавно захваченную англичанами и на которой английское правительство уже установило свою власть.

Госпожа де Вильрож и ее подруга, давно привыкшие к длительным путешествиям, были весьма удивлены переменой направления и заявили об этом погонщику. Тот ничуть не смутился.

— Несколько дней назад я послал нарочного в Нельсонс-Фонтейн узнать о вашем муже, — угрюмо ответил он.

Анна почувствовала, что все ее недоверие к этому человеку рассеивается, и поблагодарила. Белый дикарь умел быть внимательным, как человек вполне цивилизованный.

— Нарочный вернулся.

— И что он сообщает? О, говорите, умоляю вас!

— Что ж, графу лучше. Рана оказалась менее серьезной, чем думали раньше. Он находится недалеко от водопада. Вот и все.

Несколько слов, которые бур выдавил из себя как бы нехотя, молодая женщина слушала, как небесную музыку. Это была первая радость, какую она пережила с той минуты, как до нее дошло роковое известие. Сколько мук пережила она с тех пор, сколько рыданий подавила, сколько пролила слез! Увы, было суждено, чтобы ее отец заплатил жизнью за попытку найти Альбера, и счастливое

известие о том, что Альбер жив, уже не застало его в живых!

Благодарность Анны взволновала бура не больше, чем воспоминания о злодействах, которые он совершил, чтобы добиться своей цели. Клаас до такой степени вошел в свою роль, что еще немного — и он в самом деле считал бы себя благодетелем Анны де Вильрож.

Он сказал со своей непроницаемой медлительностью:

— Раз уж вы ехали так далеко, чтобы увидеть раненого, я подумал, что вы согласитесь проехать еще немного, чтобы увидеть его здоровым. Поэтому я переменил направление и повернул на Викторию. Если только вы не возражаете, — прибавил он с двусмысленной улыбкой.

Анна знала, что ее муж имел в виду добраться именно до этих отдаленных мест, и потому ни на минуту не усомнилась в том, что бур говорит правду. Однако, боясь стеснить свою любезную спутницу, она обернулась к Эстер, чтобы спросить ее согласия.

— Я поеду куда вам угодно, — мягко ответила девушка. — Я полюбила вас, как родную сестру. Теперь вы мне заменяете мою семью. Едем.

Дни следовали за днями со всем тягостным однообразием, присущим длительным передвижениям по этим безлюдным местам. Уже было недалеко до вожделенной цели, когда пустяковый случай неожиданно раскрыл обеим путницам весь ужас их положения.

Однажды вечером, когда все спали — и люди и утомленные животные, — Клаас забрался под фургон и положил рядом с собой нож и ружье. Правда, он храпел, как кузнечные мехи, но это ничего не значило, он не спал — он прислушивался. Вот в нескольких шагах раздался тонкий металлический свист, какой издает змея пикаколу, когда разозлится. Бур услышал эти необычные звуки. С неслыханным хладнокровием, не меняя положения и не переставая храпеть, он еле заметным движением схватил нож. Напрягая весь свой слух, этот сын природы приложил ухо к земле. Слышалось легкое шуршание, точно по песку передвигалась змея. Однако звук не был непрерывным, это была не змея. Он прерывался через правильные промежутки, как если бы по песку босиком ходил человек.

При свете звезд Клаас увидел совершенно голого негра, опиравшегося на копье.

Клаас усмехнулся и, со своей стороны, издал такой же свист, но чуть более мягко. Песок зашуршал громче, и очень скоро подошла черная фигура. При свете звезд Клаас увидел совершенно голого негра, опиравшегося на копье.

— Кто ты? — тихо спросил бур.

— Кайман — Пожиратель людей, младший вождь племени бечуанов.

— Кто тебя послал?

— Проломанная Башка и Одноглазый Бизон.

— Мои братья. Хорошо. Где они?

— Недалеко от Мози-оа-Тунья.

— Это я знаю.

— Зачем же ты спрашиваешь?

— Чтобы убедиться, что ты послан действительно ими.

— А разве я не подал сигнала? Разве пикаколу свистит не для нас одних?

— Правильно! Кайман — великий вождь. Чего хотят мои братья?

— Проломанная Башка требует черноволосую белую женщину.

— Моему славному Питеру не терпится, — ответил Клаас с громким смехом. — Пусть он мне, по крайней мере, даст доехать до места, черт побери!

— Дни коротки и что будет завтра, того никто не знает, потому что скоро произойдет большая битва, и Проломанная Башка хочет поскорей стать супругом белой женщины, — пояснил Кайман.

— Ты говоришь о битве? Что-нибудь грозит им?

— Кто знает...

— Ну-ка, объясни. Ты видел его преподобие?

— Да.

— Что он тебе сказал?

— Что трое белых из Европы покинули Алмазную землю и скоро прибудут в Мози-оа-Тунья.

— Трое белых из Европы? Ты имеешь в виду того, которого они зовут Альбер...

— Именно Альбер, который проломил башку твоему брату и вышиб глаз Бизону. Он скоро догонит тех двух. Сейчас они уже, должно быть, снова вместе.

— Откуда ты это знаешь?

— Вместе с моими людьми я следовал за ними по пятам с того самого дня, как они оставили россыпи.

— Приказывал ли вам его преподобие захватить их, убить и принести ему все, что при них окажется?

— Приказывал. Но потом он раздумал. Жаль — Кайман и его братья хорошо поели бы...

— Что произошло с белыми за это время?

— Они жили в гостях у бушменов Калахари. Потом мы захватили одного из них, самого большого, и он был у нас рабом.

— Очень хорошо!

— Но он удрал.

— Эх вы, дурачье!

— Потом он стал другом Магопо, вождя племени батоков. А тот, которого ты называешь Альбером, чуть не умер от лихорадки, но проводники спасли ему жизнь. Берегись его, он страшный человек. Если он узнает, что у тебя в плену находится его жена, что ты хочешь ее сделать хозяйкой твоего краааля, что ты убил...

В это мгновение внутри фургона послышался глухой стон. Бледная, задыхающаяся, обезумевшая от волнения Анна слышала сквозь щель весь этот разговор. Он велся на языке ботлами, одного из племен западных бечуанов, которое живет в южной части Калахари. Оба сообщника вполне могли рассчитывать, что никто их не поймет. Но госпожа де Вильрож, постоянно сопровождавшая отца в его разъездах, отлично знала местные наречия. Она не упустила ни одного слова из того, что говорили злодеи.

Таким образом неожиданный случай раскрыл перед ней все замыслы Клааса, который оказался далеко не благодетелем. Он предстал перед глазами Анны как мерзавец, страсти которого не знают никаких преград и для которого все средства хороши. Ранение Альбера, попытки найти его, сведения о его новом местонахождении — все обман! Заступничество во время нападения разбойников — обман! Все обман, кроме неумолимых и зловещих результатов: утрата отца и пленение.

Негр услышал стон, раздавшийся в фургоне, и умолк.

— Нас слышат! — шепотом сказал он после паузы.

— Да, но не понимают. Иди. Скажи моим братьям,

что все идет хорошо. Проломанная Башка скоро получит женщину с черными волосами. Что касается вас, продолжайте хорошо служить нам. Будьте верны, и скоро у вас будет столько кап-бренди, сколько воды в Мози-оа-Тунья. Ты меня слышишь, Кайман?

— Слышу, — ответил вождь, и голос его задрожал от жадности.

— Когда мы найдем булыжник, которым кафры обрабатывают жернова, бечуаны будут на всю жизнь обеспечены огненной водой белых людей, — повторил бур.

— Огненной водой и ружьями.

— Обещаю.

— А если мы захватим Альбера и тех двух, можно ли нам будет принести их кровь в жертву баримам и скушать мясо?

— Нет. Бечуаны отдадут их нам живыми. Надо предварительно снять с них всю одежду и тоже отдать нам.

— Зачем?

— Так я хочу. А ты исполняй! Иначе не будет ни ружей, ни кап-бренди.

— Хорошо. Даю тебе слово вождя.

— Прощай.

Дрожа от негодования и горя, госпожа де Вильрож все рассказала своей спутнице, которая пришла в ужас, и всю ночь обе они потратили на то, что строили смелые, но, увы, неосуществимые планы спасения. Они ничего не могли предпринять, даже побега, в особенности побега.

Вместе с тем, как ни были ужасны ночные разоблачения, они имели и свою хорошую сторону: из них явствовало, что Альбер жив, что он находится где-то поблизости, что Клаас знает его смелый замысел и тоже направляется к водопаду. Правда, обе женщины утратили обманчивое чувство безопасности, но теперь они смогут вступить с бандитом в борьбу или, по крайней мере, защищаться и в случае безвыходности положения искать спасения в смерти.

Как ни был велик ужас, который внушал им Клаас, они себя сдерживали и были с ним только более холодны, чем обычно, когда утром он зашел поздороваться. Клаас считал себя любезным кавалером. С некоторых пор ему даже стало казаться, что он приобретает светский лоск.

Поэтому, увидев оказанный ему прием, он угрюмо взобрался на передок фургона и стал стегать быков чамбоком: на них изливал он свой бессильный гнев.

Именно тогда госпожа де Вильрож сильно уколола себя в палец, чтобы кровью написать на чистом листке библии те несколько слов, которые нашел Сэм Смит.

Затем обе женщины, убежденные, что если хорошо поискать, то в фургоне можно будет найти хоть какое-нибудь оружие, провели в поисках весь день. Тюремщик дулся на них, но это позволяло им делать свое дело без помех. И случай великолепно им помог. Позади банок с консервами они нашли бочонок с порохом, а среди бумаг убитого хозяина фургона оказался заряженный револьвер в кобуре.

Нож в руках Анны произвел бы на Клааса не большее впечатление, чем иголка. Но огнестрельное оружие— вещь опасная, независимо от того, чья рука его держит. Кроме того, если пуля, выпущенная наугад, могла в него и не попасть, то уж при взрыве бочонка с порохом он погиб бы обязательно.

Таково было положение, когда Сэм Смит увидел разъяренных людей, мчавшихся к нему со всех сторон с криками:

— Смерть Сэму Смиту! Смерть! Смерть вору!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Братья-враги. — Война на истребление. — Гибель целого племени. — Три основных южноафриканских народа: кафры, готтентоты, бушмены. — Опасное путешествие по Верхней Замбези. — Опять на мели! — Жозефу мерещится передвижение скал. — Встреча с разъяренным гиппопотамом. — Плавание по воде, окрашенной кровью. — Любовь матери. — Садовый Остров. — Крик отчаяния.

Считается почти установленным, что племя батоков, оказавшее Александру столь сердечное гостеприимство, в настоящее время полностью вымерло. Этот малочисленный народец некогда процветал и обладал известной культурой, которая вызывала зависть соседей, но его былое благосостояние пришло в упадок уже в эпоху путешествий доктора Ливингстона. Поля, которые усердно

обрабатывались в течение долгого ряда лет, заросли сорной травой, и пустыня, преображенная трудом черных земледельцев, снова приняла свой первобытный вид. Ожесточенная война, война на истребление, не знающая ни милости, ни пощады, делала все более редкими ряды несчастных туземцев. Последние остатки племени группировались вокруг вождей, охранявших культ богов баримов. Батоки ревностно придерживались верований своих отцов и не желали оставить район водопада. Гул воды, пять столбов испарений, сверкание радуги батоки по наивности и невежеству принимали за проявление сверхъестественных сил. Последний из них пожелал умереть, глядя на «Мотсе-оа-Баримос», то есть на «столбы богов».

Но боги, увы, оставались глухи к горячим мольбам верующих, которых непримиримые враги из племени макололо, несмотря на общность происхождения, истребляли медленно, но неукоснительно.

Действительно, батоки относятся, верней говоря — относились, к обширной семье бечуанов, принадлежащих к кафрской расе, которая населяет три четверти южноафриканской территории.

Но раз уж зашла речь о южноафриканских расах, то автор хотел бы немного углубиться в вопросы этнографии. Наше повествование только выиграет от этого, ибо, в конце концов, нас интересует не только драма, но и география.

Бесчисленные племена, живущие на этой огромной территории, делятся в отношении общих черт и языка на три отдельные расы. Это кафры, готтентоты и бушмены, которых зовут также бошиманами или божьеманами. Кафры получили свое наименование от арабского слова «кафер» — неверный. Скажем лишь несколько слов об этимологии общего наименования бечуанов и перейдем к макололо, которые являются последними представителями расы на севере.

Название «бечуана» образуется из слов «чуана», что значит «подобный», и местоимения «бет» — они. Таким образом, слово «бечуана» означает «равные» или «товарищи». Рассказывают, что некий путешественник — имя его неизвестно — пытался узнать у этих людей сведения

о соседних племенах, а они ему отвечали: «бет чуана», то есть «они такие же, как мы». Путешественник не понял ответа и решил, что ему сообщают общее название народов, живущих между Оранжевой рекой и 16-й южной параллелью.

Однако, будучи «равными», «подобными» и «товарищами», племена бечуанов ведут между собой ожесточенные войны, чему доказательством служит братоубийственная борьба батоков с макололо, закончившаяся полным истреблением батоков.

Мы возвращаемся к нашему повествованию, которое прервали на одном из последних эпизодов этой войны...

. . . . . .

. . . . . .

Хорошо подкрепившись и рассказав друг другу пережитые испытания, Александр, Альбер и Жозеф решили переправиться на островок, расположенный в верхней части водопада, то есть туда, где должны были томиться его преподобие и полицейский.

— Едем,—с шутливой решимостью сказал Александр, берясь за весла. — Едем к нашим двум нахалам...

— Приходится, — улыбаясь, добавил Альбер. — Ничего не поделаешь...

— Что ж, едем!

Переправа велась с бесконечными предосторожностями и очень медленно. Надо было пробираться между огромными деревьями, которые река в живописном беспорядке относила к острову. Деревья громоздились одно на другое, и это было опасно. Иногда утлый челнок вплотную касался серых скал, отполированных водой и солнцем, и легко скользил по протокам, которые Александр, по-видимому, прекрасно изучил. Альбер уже готов был высказать ему свой восторг, когда резкий толчок одновременно остановил и его и суденышко.

— Тысяча молний! — воскликнул Александр. — Или я совершенно поглупел, или скалы вырастают здесь за сутки. Они закрыли проход, который я знаю, как свой карман!

Жозеф от толчка повалился навзничь, но поднялся и ворчал, покуда Альбер, упавший спиной на киль, тщетно пытался встать на ноги.

— Караи! — ругался каталонец. — Я ударился грудью. Счастье, что она у меня крепкая, как барабан!..

— Да и пирога крепкая! — заметил Альбер, наконец нашедший равновесие.

Оно не было слишком устойчиво, потому что пирогу потряс второй, не менее сильный удар.

— Эх ты, горе-лодочник! — подшутил Александр над самим собой, несмотря на всю серьезность положения.— Ты, видно, забыл очистить русло у пристани?.. Или баримы за одни сутки изменили течение воды?

— Черт возьми! — воскликнул Жозеф. — Смотрите, месье Альбер, месье Александр: скалы...

— Что — скалы?

— Они ходят...

Из-под воды послышался мощный рев, какой могло бы издать стадо разъяренных буйволов, и одновременно под самым носом у Жозефа вынырнула противная голова.

— У, протибный зберь! — воскликнул каталонец, увидев огромную пасть, утыканную короткими, но крепкими, как булыжник, зубами, и широко раскрытые ноздри, из которых вырывался прерывистый храп.

— Так! — спокойно сказал Александр. — Стало быть, это не плавучая скала, а просто-напросто гиппопотам... Спокойствие, друзья, спокойствие. Возьми свой карабин, Альбер, и стреляй ему прямо в пасть... иначе...

Он не закончил фразы. Его друг еще не успел схватить ружье и прицелиться, как чудовище вынырнуло, открывая до половины заплывшее жиром туловище.

Гиппопотам глубоко вдохнул свежий воздух, уставил на трех друзей свои маленькие хищные глазки, встряхнул короткими и жесткими ушами, затем, вцепившись зубами в борт суденышка, стал раскачивать его так бешено, что оно вмиг набрало воды и едва не опрокинулось вверх дном. Этот случай чуть не погубил трех французов, но он же оказался и залогом их спасения. Набрав воды, лодка отяжелела, и это сразу придало ей устойчивость.

Гиппопотам хотел повторить атаку. Он немного отступил назад, чтобы погрузиться, подплыть под лодку и поднять ее могучей своей спиной. Если бы он промахнулся, у него бы еще оставалась возможность навалиться на нее всей своей огромной тяжестью и раздавить.

Из-под воды послышался рев, и под самым носом у Жозефа вынырнула отвратительная голова.

— Да стреляй же! — кричал Александр.

В тот же миг послышался жалобный стон, и на желтоватой поверхности воды расплылось широкое красное пятно. Толстокожее животное на миг замерло и явно забеспокоилось.

Альбер использовал минуту и выстрелил. Отчетливо был слышен сухой удар: пуля пробила лопатку; кровь ударила и смешалась с водой, которая и ранее была красной, но по неизвестной причине.

— Он ранен! — воскликнул стрелок. — Он пойдет ко дну...

Однако, несмотря на страшную рану, гиппопотам делал отчаянные усилия, чтобы удержаться на воде. Странно, он уже как будто не обращал внимания на лодку, которая так недавно привела его в ярость, и в его помутившихся глазах уже не было злобы. Он поднялся, стал поворачиваться во все стороны, оглядывая открытое пространство, и издавал глухое ворчанье, в котором слышалось больше тревоги, чем гнева.

Альбер хотел выстрелить из второго ствола, но Александр его удержал.

— Не стоит, — сказал он. — Лучше побереги последние патроны, зверь уже не опасен.

— Как это так?

— Да вот смотри!..

Неподвижная туша поднялась из воды позади пироги и поплыла, уносимая течением. А гиппопотам, которого Альбер только что ранил, замычал страшным голосом и поплыл вдогонку за мертвой тушей. Но ее уносило быстрым течением, и гиппопотаму было трудно угнаться.

— Ну, мы счастливо отделались! — сказал Александр со вздохом облегчения.

— Ты считаешь, что всякая опасность миновала?

— Бесспорно! И только благодаря нашей счастливой звезде: она столкнула нас с самкой. Хороши бы мы были, если бы напоролись на самца.

— Если бы наша звезда действительно была счастливой, она убрала бы с нашей дороги всех толстокожих, без различия пола.

— Согласен. Однако согласись и ты, что гнев этого несчастного зверя был вполне оправдан.

— Почему?

— Потому что мать преспокойно гуляла у себя в реке, нисколько не думая ни о сокровищах кафрских королей, ни о европейцах, которые за этими сокровищами гоняются, как вдруг нос нашей пироги, острый как шпора, зарезал ее детеныша, которого она держала у себя на спине.

— Детеныша?

— Несомненно. Смотри, какие отчаянные усилия она делает, чтобы догнать его. Неужели она стала бы, потвоему, так выбиваться из сил, если бы какая-то непреодолимая сила не влекла ее к этому бездыханному телу?

— Теперь я все понимаю. Первый толчок мы испытали, когда наскочили на малыша. Из воды едва только показалась голова.

— А потом нас толкнула мамаша. Она почувствовала, что малыша нет, и стала его искать.

Туша гиппопотама черкнула в нескольких метрах от водопада. Детеныш казался всего лишь черной точкой среди клочьев белой пены. Но он внезапно исчез. Мать закричала в последний раз, выпрямилась во весь рост, собрала все свои уходящие силы и бросилась в бездну.

— Бедное животное! — пробормотал Альбер.

— И черт его возьми! — воскликнул Жозеф, почувствовавший себя отмщенным.

— Милостивые государи и друзья, благоволите высадиться, — пригласил Александр. — Мы прибыли.

Два человека бросились к ним, путаясь в лианах и спотыкаясь. Оба промокли до костей, у обоих вода текла по волосам и бородам, как если бы они только что вышли из бани.

— Мастер Виль! Преподобный!

— Да, да, это мы, господа! И мы счастливы, что наконец видим вас! Мы слышали ваш выстрел и видели, как вы боролись с этим чудовищем, которое только что провалилось в бездну. Ну и наволновались же мы! Надо благодарить провидение за то, что оно избавило вас от такой опасности.

— Вы очень добры, — ответил Александр довольнотаки неопределенным тоном и тут же спросил: — А где мой двойник?

— Он мерзавец, месье. Он последний мерзавец! — мрачно ответил мастер Виль.

— Спокойно, брат мой, — гнусавя, перебил его преподобие. — Это заблудшая овца. К тому же он оказал нам услугу.

«Ах ты, ханжа!» — подумал Жозеф.

— Хороша овца и хороша услуга! — кисло заметил мастер Виль. — Он начал с того, что потребовал у нас кошелек или жизнь...

— Но так как у вас не было ничего в карманах, он подал вам милостыню?

— Нет. Но он оказал нам услугу — перевез нас сюда. Я только не знаю, где он украл лодку.

— Но почему он доставил вас именно на этот остров, а не на какой-нибудь другой?

— Так захотел его преподобие, — пояснил мастер Виль. — Он прочитал бандиту проповедь о необходимости уважать чужую собственность, а потом попросил перевезти нас.

— Мастер Виль начинает прозревать, — шепнул Альбер на ухо Александру.

— Однако, брат мой, — снова и еще более гнусавя заговорил его преподобие, — никто не мешает вам уехать на прииск. Вы вполне могли бы найти там применение для вашей силы и энергии.

— Так его! — сказал Александр в сторону.

— А что касается меня, — заявил его преподобие, — то я хотел попасть именно сюда по многим причинам. Как вы, вероятно, знаете, этот островок посетил знаменитый Ливингстон, высокочтимый основатель английских миссий в Южной Африке... Вот мне и захотелось совершить паломничество в эти места, связанные с именем моего бессмертного соотечественника. Это он сделал здесь насаждения, он придумал и название «Садовый Остров». Естественно, что меня сюда потянуло.

— Вполне естественно, ваше преподобие.

— Наконец-то, после стольких жестоких злоключений, я добрался до цели своего путешествия! Я хочу принести свет евангелия местному населению, положить конец братоубийственным войнам, которые опустошают этот богатейший край. Я хочу дать просвещение людям черной

кожи, приобщить их к нашему святому учению, словом, завершить, насколько мне позволят мои слабые силы, дело Давида Ливингстона. Место это благодаря своему великолепию всегда поражало воображение. Не кажется ли вам, что именно здесь мне следовало бы основать миссионерский центр?

— Это верно, — сказали одновременно Александр и Альбер, принимавшие всерьез гнусные кривлянья своего спутника.

— Но я так обрадовался вашему возвращению, на которое больше не смел рассчитывать, что забыл спросить о вас самих. Простите меня, я был слишком потрясен. Итак, что же было с вами за это время?

Альбер хотел было поблагодарить его в нескольких словах, когда из-за перевитых лианами деревьев, стоявших плотной стеной, послышались душераздирающие крики. Все пять европейцев бросились туда и через несколько минут добрались до места.

Два негра судорожно вцепились в бревна, бывшие, по-видимому, обломками плота, и исступленно звали на помощь. Положение несчастных становилось с каждой минутой все более угрожающим. Оно должно было с минуты на минуту стать безнадежным: неграм предстояло либо разбиться о скалы, либо быть унесенными в бездну.

Александр спокойно все взвесил и голосом, покрывавшим шум водопада, крикнул:

— Надо их спасти!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

У его преподобия дело расходится со словом. — Приготовления к оказанию помощи. — Благородный поступок. — Старые знакомые. — Гэн и Хорс. — Негры изумлены. — Александр с удивлением узнает, что наделен даром вездесущности. — Битва белых с батоками. — Три друга расстаются наконец с его преподобием и с мастером Вилем. — Гэн посол при короле макололо. — Придворный глашатай. — Африканский этикет.

Когда Александр, увидев двух чернокожих, которым грозила гибель, воскликнул: «Надо их спасти!», у каждого из присутствующих сложилось свое отношение к этому делу.

Альбер и Жозеф, люди с золотым сердцем, бесстрашные и великодушные, оба мгновенно разделись и приготовились броситься в воду.

Его преподобие, вопреки напыщенным тирадам, которые он только что произнес, осторожно отошел подальше от берега. Что касается мастера Виля, то он незаметно пожал плечами и пробормотал сквозь зубы:

— Надо быть французом, чтобы так глупо рисковать своей шкурой ради каких-то негров!

Жозеф слышал гнусное замечание полицейского и побледнел от негодования.

Однако надо было торопиться, и он не счел нужным удостоить мастера Виля отповеди тут же, на месте, но сохранил его слова в памяти.

— Друзья, — сказал Александр, — только не будем действовать необдуманно. Это значило бы идти на верную, но бесполезную гибель. Вы не проплывете и десяти шагов, как вас завертит течением и унесет к водопаду...

— Что же делать? — встревоженно воскликнул Альбер. — Не будем же мы спокойно любоваться...

— Слушайте меня. Без лишних слов. Альбер, беги посмотри, цела ли наша пирога. А вы, Жозеф, можете вы быстро, в два счета, взобраться на это дерево, с которого свисают лианы?

— Могу. Что еще?

— Вот вам мой нож. Доберитесь до вершины, срежьте две — три лианы и немедленно спускайтесь вниз.

— Караи! Лезу. Сейчас увидите...

Несколько секунд — и он исчез в густой листве, мокрой от водяной пыли, которая неслась с водопада.

— Мужайтесь, ребята! — крикнул Александр неграм по-английски. — Сейчас мы вам поможем!

Три срезанные Жозефом лианы, тонкие, но крепкие, как канаты, извиваясь упали на землю.

Тут бегом вернулся Альбер. Он был в отчаянии.

— Пирога выбыла из строя! — кричал он издали. — Гиппопотам перекусил борт. Открылась течь в двух местах.

— Я так и думал, — хладнокровно ответил Александр. — Поэтому-то я и приказал Жозефу поискать на всякий случай канат. Эй, Жозеф, слезайте, друг мой!

— Есть, месье Александр! — ответил каталонец, соскальзывая вниз между лианами, как марсовой между снастями.

— Ну вот! А теперь моя очередь действовать. Ты, Альбер, хорошенько обвяжи меня под мышками одной из этих лиан. Затем, по мере того как я буду отплывать от берега, потихоньку разматывай их. Когда первая кончится, привяжи к ней вторую. Вы, мастер Виль, возьмите карабин и смотрите в оба. Не исключено, что я опять напорюсь на гиппопотама. Тогда вы стреляете.

— Ну нет, месье Александр, — горячо перебил его Жозеф, — не допущу я, чтобы вы тут изображали ньюфаундлендскую собаку! Я сам вытащу негров.

— А я? — сказал Альбер. — Неужели ты думаешь, я буду сидеть и плести веревки, когда ты рискуешь переломать себе все кости?

— Оставь, Альбер.

— Да ни в коем случае!

— Давайте я вас помирю, господа, — вставил Жозеф. — Вы, месье Альбер, должны себя сохранить ради мадам Анны. У вас, месье Александр, есть мать. А у меня нет никого. Я уже рисковал своими костями по менее важному поводу, и не позже как сегодня утром. Так что нечего тут — я ныряю.

— Ладно! — сказал Александр. — Если мы слишком долго будем соревноваться в великодушии, это кончится плохо для тех двух бедняг. Идите, Жозеф. Это добрый поступок, и я буду у вас в долгу.

— Караи! Месье Александр, я вам верю. Раз, два...

Смелый каталонец бросился в волны, и они разбились в сверкающую пыль. Затем он стал сильно грести руками и поплыл к тому месту, где выбивались из сил истощенные борьбой негры. А течение все ломало и ломало обломки их плота. Несмотря на прилив энергии, которую им теперь подавала надежда на спасение, они уже с трудом держались.

Крик ужаса вырвался у Альбера и Александра, когда они увидели, что последний обломок плота разбился о скалу. Вся самоотверженность Жозефа становилась излишней. Но нет. К счастью, два бревна задержались, и утопающие смогли за них ухватиться.

Тут подоспел Жозеф. Он уже дышал тяжело, как кит.

— Ничего, ребята! Смелей! — весело кричал он. — Еще капельку продержитесь! Только за меня не хвататься, а то будет плохо. Постой-ка, да они не отвечают! Уж не померли ли они? Караи! Да они стали пепельного цвета... Это со страху! Ну, давайте!..

Он схватил их обоих за волосы и поплыл обратно. По счастью, течение благоприятствовало ему. Если бы надо было плыть вверх, то, несмотря на всю свою смелость и ловкость, Жозеф пошел бы ко дну вместе с обоими спасенными. А теперь его несло к островку, да еще Альбер и Александр крепко держали в руках лианы на случай, если бы его стало относить в сторону. Трудно было, однако, держаться на воде, и Жозеф не без тревоги думал, как ему быть с обоими неграми: они стали беспомощны, как два покойника.

Грохот водопада мешал ему слышать советы Александра и Альбера, а те не знали, что негры лишились чувств, и всё кричали им, чтобы они обвязались лианой. Одно из двух бревен, уцелевших от плота, давно унесло водой. Осталось еще одно, последнее. К счастью, дерево было очень пористое.

Не найдя другого выхода, Жозеф крепко обхватил бревно ногами и поплыл, не выпуская из рук густые волосы негров.

Альбер и Александр, не зная, насколько прочна лиана, с ужасом наблюдали этот маневр. Если лиана оборвется, все трое неминуемо погибнут!

Но такой героизм не мог не быть вознагражден. Три человека неслись, их бросало и кружило, но лиана держала крепко, и в конце концов Жозеф, изнуренный и задыхающийся, подплыл к берегу вместе с двумя африканцами, все еще находившимися в глубоком обмороке.

Но тут он и сам лишился чувств.

Негры были не из тех слабеньких существ, которые часто падают в обморок. Когда они перестали захлебываться и Альбер с Александром принялись их растирать, они вскоре начали шевелить руками и ногами, широко раскрыли свои фарфоровые глаза и оба одновременно громко чихнули, что доказывало вполне благополучное состояние всех их органов.

К счастью, два бревна задержались у скалы, и утопающие смогли за них ухватиться.

— Будьте здоровы! — невозмутимо поздравил их Жозеф. Он и сам чихнул не менее звучно и приветствовал самого себя: — И ты тоже будь здоров, друг Жозеф.

Потом он воскликнул:

— Черт возьми, я все-таки доволен! Не так ли, месье Александр? Вовремя я подоспел! Еще минутка — и они бы утонули самым аккуратным образом.

— Ах, Жозеф, Жозеф! И нагнал же ты на нас страху! — сказал Альбер, все еще дрожавший при мысли об опасности, какой подвергал себя его молочный брат. — Но ты цел и невредим?

— Как крепость Пра-де-Мол о!..

— Ну, вот и отлично! А что касается негров, то, по-моему, у них со страху мозги немного съехали набок. Смотри, Александр, как они на тебя уставились!..

— Да ведь, черт возьми, это мои старые знакомые! Это Гэн, сын Магопо, и его племянник Хорс [1]. Неожиданная и приятная встреча!

Но молодые батоки, два прекрасных, атлетически сложенных представителя кафрской расы, не могли выговорить ни слова, так они дрожали, так у них стучали зубы. Разве только встреча с баримами — божествами водопада — могла бы до такой степени ошеломить их.

— Ну, что вы, дети мои?! — мягко сказал им Александр. — Успокойтесь! Ведь вы меня знаете. Вам больше не грозит опасность... Вы оба живы, а я ваш друг...

— Вождь... Белый вождь! — с трудом пробормотал Гэн, а Хорс, видимо, был готов броситься назад в Замбези, чтобы только не глядеть на существо, которое ему казалось сверхъестественным.

Александр сделал шаг вперед и дружески подал Гэну руку, но тот отскочил, как если бы ему протянули кусок раскаленного железа.

— Ничего не понимаю! — сказал Александр. — Да они просто сошли с ума!

— Это вождь, — наконец выжал из себя Хорс.

---

[1] После путешествий доктора Ливингстона туземцы стали называть своих детей Ма-Рабер (так они называли жену Ливингстона) или Гэн (ружье), Хорс (лошадь), Вагон, Библия и т. д. Этот обычай сохранился до наших дней. *(Примеч. автора.)*

— Да! Великий вождь, наш друг! — подтвердил Гэн и громко расхохотался.

Хорс немедленно последовал его примеру, и раскаты неудержимого хохота гремели еще долго.

— Значит, ты не с батоками, о великий вождь?

— Как видишь...

— Я это вижу... Конечно. Но я не уверен...

— Я не уверен! — как эхо повторил Хорс.

— Объясни, мой мальчик!

— Да ведь сегодня утром мы тебя оставили там, — он показал на юг. — Ты был вместе с моим отцом Магопо.

— Ошибаешься, Гэн.

— Нет, вождь. Ты поддерживал батоков, и твой карабин, который убил слона, дышал огнем на врагов.

— Как, батоки дрались?

— Дрались, вождь. Была страшная битва.

— С макололо?

— Нет. С белыми, у которых длинные бороды.

— И я был среди них?

— Ты был с батоками. Правда, нас было больше, но белые имели ружья. Батоки отошли без потерь... А ты остался с моим отцом Магопо.

— Белый вождь остался с Магопо, — подтвердил Хорс, которому тоже хотелось вставить слово.

— А потом Магопо направил нас сюда — узнать, ушли ли макололо. Мы считаемся самыми быстроногими бегунами во всем племени. И нам было велено обратиться к баримам, добиться, чтобы они покровительствовали успеху нашего оружия. Потому что мы оба знаем, как надо разговаривать с баримами, — не без гордости заявил юноша.

— Я все понял, кроме одного: как это ты мог меня видеть сегодня утром рядом с Магопо?

— Это правда, мы тебя видели. Ты разговаривал с нами. Посуди сам, как мы удивились, увидев тебя здесь, если нет ни белого, ни черного человека, который мог бы состязаться с нами в беге... А ты попал сюда раньше нас!.. Значит, ты существуешь одновременно в двух местах?

— Белый вождь существует везде... Он друг бари-

мов. Возможно, он и сам барим, — перебил Хорс, который был счастлив найти объяснение этой удивительной вездесущности, тем более что оно совпадало с наивными верованиями его предков.

— Тут какая-то чертовщина, но я не знаю какая, — негромко сказал Александр своим друзьям. — Одно ясно: батоки дрались с белыми. А не те ли это приисковые молодчики, с которыми и у нас была стычка? Позвольте! А эта личность, которая находится у Магопо и благодаря которой мне приписывается божественная вездесущность?! Да ведь это может быть только мой двойник, подлец Сэм Смит!.. Ах, черт возьми, Магопо, вероятно, принимает его за меня! Этак он нам испортит наши добрые отношения с неграми!..

— Дело серьезное, — заметил Альбер. — Смит быстро смекнет, насколько ему выгодно, чтобы его принимали за тебя. Ведь Магопо собирался раскрыть тебе все, что касается клада...

— Верно. Но раз так, нельзя терять времени! Надо поскорей отправиться к батокам, а мистер Смит пусть занимается своими делами... Господа! — продолжал он, обращаясь к Вилю и преподобному, которые с молчаливым любопытством наблюдали всю описанную сцену. — Мы сейчас возвращаемся на материк. Хотите ли вы поехать с нами или предпочитаете остаться здесь?

— Нет, нет! — одновременно ответили оба англичанина. — Мы едем с вами!..

Александру захотелось отметить не без иронии, как противоречит этот ответ его преподобия тем елейным речам, которые он держал еще так недавно. Но француз вспомнил о другом.

— А пирога? — воскликнул он. — Ведь гиппопотам ее изломал!.. Как же мы переправимся?

— За этим дело не станет, — сказал Альбер. — Батоки мне помогут, и за час я ее починю. Если бы нам удалось снять с гиппопотама кусок кожи, было бы лучше всего. Впрочем, можно взять кусок древесной коры и прикрепить его шипами «подожди немного». Это вполне заменит кожу гиппопотама.

— Но деревья здесь очень сырые, и кора на них тол-

стая. Боюсь, будет трудно приладить их так, чтобы лодка не пропускала воду, — заметил Александр.

— А я и не намереваюсь использовать наружную кору. Она вся потрескалась от влаги и солнца. Я возьму лишь внутреннюю пленку, которая покрывает древесину. Она тонкая и прочная, как пергамент.

— Чудесно! Стало быть, за работу! Надо поскорей ободрать деревья...

Альбер заимствовал этот способ починки судов у буров Оранжевой республики. Как он и предвидел, вся работа отняла не больше часа, и переправа прошла вполне благополучно. Но, едва ступив на твердую землю, Александр отвел в сторону обоих молодых батоков и поделился с ними планом, который сложился у него в голове во время переправы. Гэн и Хорс согласились, хотя это было им весьма не по душе...

А тем временем мастер Виль и преподобный сообразили, что если они и сейчас не отвяжутся от французов, то это может показаться подозрительным. Поэтому они заявили, что отправляются на прииск. Прощание было холодным.

— Наконец-то мы одни! — сказал Альбер. — Что ты думаешь делать?

— Вот что я решил, — заявил Александр. — Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы продолжалась братоубийственная война между батоками и макололо. Она неизбежно кончится истреблением батоков. Правда, я пользуюсь у них известным престижем после того, как оказал услугу их вождю, но вместе с тем я и у макололо встретил живую симпатию. Это, вероятно, отклик тех отношений, которые у них были в свое время с белыми и, в частности, с доктором Ливингстоном. Надо как можно скорей помирить их, установить среди них прочный и длительный мир. Поэтому, я думаю, хорошо было бы направить сына Магопо в качестве посла к вождю макололо. В этом звании он не подвергается никакой опасности: у чернокожих оно священно. Самое большее, чем он рискует, — это неудача переговоров.

— Очень хорошо. Но почему бы тебе самому не выполнить это дело? Зачем возлагать его на неопытного молодого человека, почти мальчика?

— Не беспокойся. Говорить буду я. Гэн только должен подтвердить, что у батоков вполне честные намерения. Кроме того, своим присутствием он придаст этой дипломатической конференции официальный характер. Кафры страшно любят соблюдение всяческих форм. Я надеюсь, что такое проявление доверия самым лучшим образом отразится на последующих взаимоотношениях обоих племен... Ну как, Гэн, дружок, ты готов? И ты не боишься?

— Я готов следовать за тобой, вождь, и я не боюсь ничего.

— Хорошо. Через несколько минут ты предстанешь перед племенем макололо. Тебе известно, что ты должен сказать их вождю?

— Да. Я помню твои слова.

— Возьми этот нож и эту зеленую ветвь. Вот, кроме того, в зеленом листе порох и свинец. Держи все это на виду. А ты, Альбер, и вы, Жозеф, идите рядом с Хорсом. Я пойду вперед с Гэном. Ну вот, церемониал выработан, а теперь — вперед.

Так они и пошли берегом вверх по течению Замбези и меньше чем через час встретили бечуанов из племени макололо, которых осторожный вождь выслал в разведку. Александр назвал себя, сообщил, что с ним еще двое белых из Европы, и наказал черным разведчикам доложить вождю, что к нему идет придворный гонец от батоков.

Разведчики церемонно поклонились и сказали, что это хорошо. Потом они прибавили:

— Добро пожаловать посланцу батоков. Белые будут приняты, как сыновья Дауда. Пусть белый вождь, друг черных людей, подождет нашего возвращения, раньше чем вести сына Магопо в Котлу. Женщины принесут плетенки с байялоа [1], потом соберутся воины.

После столь ободряющего вступления показалось многочисленное войско. Оно приближалось медленно, издавая нестройные крики, которые подействовали на Гэна и Хорса весьма успокоительно, хотя европеец не понял бы, содержат ли они приветствие или угрозу.

[1] Это пиво, называемое также «о-ало», представляет собой не что иное, как бузу арабов. *(Примеч. автора.)*

Шагах в ста воины остановились и воткнули копья в землю. Затем старик высокого роста, в головном уборе из страусовых перьев сделал знак четырем женщинам, и те подали прохладительные напитки.

Этот старик был придворным глашатаем вождя Сешеке, сына Себитуане. Оба они, отец и сын, были друзьями доктора Ливингстона. Глашатай нес свою должность с незапамятных времен, но чувствовал себя не совсем уверенно всякий раз, когда ему приходилось выполнять служебные обязанности.

Однако он был непреклонен во всем, что касалось этикета и церемониала, и ни за что не хотел допустить самого малейшего их нарушения.

Поэтому, еще находясь на таком расстоянии, которое едва позволяло его слышать, он стал зычным голосом провозглашать:

— Господи! Взгляни на белых людей, товарищей вождя Сешеке! Взгляни на братьев племени макололо. Господи! Макололо — могучие воины, они протягивают руку своим достойным врагам, сыновьям батоков. Господи! Мы хотим мира! Ниспошли мир детям твоим!

— Прекрасное начало, — шепотом сказал Альбер Александру, который с грехом пополам переводил ему эти приветствия.

— Конечно. Только бы какая-нибудь неожиданность не сорвала нам все дело в последнюю минуту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Церемониал приема. — Вождь макололо присваивает себе английский государственный гимн. — Дородность женщин племени макололо. — Неудобные украшения. — Странное пиво. — Полума, великий фетиш вождя Сешеке. — Необычная судьба извозчичьего плаща. — Котлà. — Парадное одеяние африканского монарха. — Сешеке танцует в котильоне. — Шампанское. — Трогательная аллегория при заключении мирного договора. — Новые опасения.

То ли он и сам устал от войны с батоками, то ли ему просто хотелось угодить белым, оказывая достойный прием глашатаю двора, но Сешеке, как говорится, просто из кожи лез, чтобы принять гостей достойным обра-

зом. Новый отряд, состоявший из лучших воинов, одетых в полную парадную форму, вышел им навстречу. Железные наконечники копий, начищенные красным песком, сверкали, как штыки у европейских солдат, а древки были отполированы кварцем. Широкие пояса из манчестерской хлопчатобумажной ткани опоясывали талию и бедра черных воинов; браслеты из латуни были надеты у них на руки и на ноги и сверкали, как золото; волосы, смазанные смолой акации, смешанной с красной глиной, высоко вздымались над головой, напоминая меховые шапки наполеоновских гренадеров, и, наконец, у каждого воина перемычка между ноздрями была проколота щетиной дикобраза, что издали походило на лихие усы.

Оркестр, выступавший впереди этой королевской гвардии, состоял всего из четырех исполнителей. Но какие это были виртуозы! Жозефа сначала поразил великолепный красный цвет их волос, и он не мог не обратить на это внимания Александра.

— Посмотрите! — сказал он. — Они носят красные конские хвосты, как у нас во Франции драгуны и кирасиры.

— Вот вам доказательство того, дорогой Жозеф, что ничто не ново под луной.

— С вашего позволения, месье Александр, — а барабаны?

— Уступаю вам охотно барабаны из кожи куагги и их манеру бить в эти барабаны только одной палочкой.

— А трубы?! Караи! Они вставляют их себе в нос!.. Видели вы когда-нибудь, чтобы горнист играл носом?

— Действительно ново и оригинально!..

— Да у них кровь должна идти носом!..

— Это их дело! Но поглядите, что вытворяет капельмейстер. А это переносное пианино!.. Какой невиданный музыкальный инструмент! Он дополняет коллекцию рабукэнов, ромельпо, ньюм-ньюмов и прочих, какие мы встречали раньше.

И действительно, если странные барабаны из дуплистого ствола, туго перетянутого двумя просушенными на огне кожами куагги, производили адский шум, если паутина, затягивающая небольшую дырочку сбоку, слу-

жила для того, чтобы звуки получались надтреснутыми, то инструмент, который Альбер назвал переносным пианино, казался еще необычнее и по виду и по звучанию.

Туземцы этой части Южной Африки называют его «маримбо» и пользуются им только в исключительных случаях. Он состоит из двух параллельных брусков, согнутых в полукруг. Поперек на расстоянии сантиметров двадцати один от другого положено пятнадцать деревянных клавишей длиной сантиметров в сорок и шириной от шести до восьми сантиметров каждая. От толщины клавиши зависит высота звука. Под каждой клавишей находится пустая тыква. На ее верхней части сделаны надрезы, так что оба бруска входят в них, как в пазы. И, наконец, величине каждой тыквы соответствует тональность звука, который должна дать соответствующая клавиша. Тыква является резонатором, наподобие полого тела наших струнных инструментов.

По маримбе бьют двумя маленькими барабанными палочками. Звук она издает мягкий, довольно приятный, и исполнитель нередко достигает виртуозности. Сейчас на маримбе играл музыкант, красная шевелюра которого пылала, как огромный пион. Он закончил свою серенаду головокружительной трелью и сразу перешел к мелодии, в которой Альбер и Александр не без глубокого удивления узнали английский государственный гимн: «God save the queen» [1].

Сешеке слышал эту мелодию от доктора Ливингстона и без всякой церемонии присвоил ее для своего собственного тропического величества. Подданные были обязаны выслушивать ее во всех торжественных случаях.

Европейцы едва успели обменяться двумя словами по поводу этой довольно-таки неожиданной музыкальной фантазии, потому что женщины принесли новые напитки и раздавали их в изобилии, как всегда делают чернокожие: они сами всегда рады случаю выпить.

Дородность женщин позволяла легко догадаться, что они принадлежат к верхам местной знати. Это были настоящие дамы. Их тонкие руки не знали грубого труда

[1] «Господи, храни королеву...» (англ.) — начальные слова английского государственного гимна.

женщин из простого народа. Они носили короткие юбочки из бычьей кожи, которая была, однако, не толще сукна, и небольшие мантильи, переброшенные через плечо. Наряд делал их привлекательными. Руки и ноги, густо смазанные коровьим маслом и блестевшие, как черное дерево, были почти целиком прикрыты множеством браслетов из латуни и слоновой кости. Некоторые напялили на себя такое количество этих украшений, что натерли себе запястья и щиколотки. Но уж такова мода! А мода — что в Африке, что у нас — беспощадно требовательна, и эти наивные жертвы варварской элегантности платили за нее кровью.

Неудивительно, что, когда они появились с корзинками бойялоа, их встретили одобрительным шепотом.

— Как они красивы! Как у них блестит кожа! Как красива кровь на слоновой кости! — шептали восторженные зрители.

Женщины шагали тяжелой походкой перекормленных уток.

Тропические богини потчевали Александра, и он пил, не моргнув, мутную бурду, которую могли прозвать пивом только люди, измученные жаждой и свободные от предрассудков. Это пойло, приготовляемое из дурасаифи, то есть из сорго, содержит много муки. Оно весьма питательно, но не освежает и приводит к ожирению, которое считается здесь у женского пола верхом элегантности. Однако, чтобы пить это «пиво», нужно иметь крепкую глотку.

Альбер и в особенности Жозеф не смогли сдержать гримасу разочарования.

— Караи! — пробормотал Жозеф. — Это отруби! Правда, месье Альбер? Отруби и что-то аптечное...

— Гм! — буркнул Альбер, у которого рот был полон муки. — Я бы скорей сказал, что это похоже на болтушку из кукурузы и каштана, какую у нас дают животным для откорма.

— То-то все эти дамочки похожи на гиппопотамов.

«Дамочки» не понимали непочтительных замечаний Жозефа. Одна из них, видя его нерешительность, взяла у него его плетенку и с самой милой бесцеремонностью стала пить из нее.

Однако, несмотря на все эти предварительные знаки расположения, Александр лишь с большой осмотрительностью продвигался вперед, к тому месту, где его ждал вождь, окруженный высшими сановниками. Хорошо зная обычаи, он даже испытывал некоторую тревогу, когда заметил, что не возвращается глашатай, несколько времени тому назад ушедший к своему повелителю. Между этим слишком усердным чиновником и его властелином шло долгое совещание, потом начались бесконечные взаимные приветствия и благопожелания. Наконец монарх поднялся, подал знак, взмахнул три раза хвостом шакала, заменявшим ему носовой платок, и издал пронзительный крик, после чего сразу вступили все шумные инструменты оркестра.

Александр вздохнул с облегчением и пробормотал:

— Наконец-то! Я уже начал беспокоиться.

— Ты опасался предательства? — спросил Альбер.

— Да ведь всего можно ждать. Нам-то никакая опасность не грозила, но наших двух полномочных послов могли прогнать или взять в плен.

— А теперь?

— Теперь им дадут пропуск.

— Интересно посмотреть, как выдаются такие документы.

— Сейчас увидишь. Вот идет глашатай. Он шагает так, будто ему завязали глаза, а по земле рассыпаны яйца.

— За ним следуют двое с корзинами в руках.

— Опять эта отвратительная бурда?

— Нет. Вероятно, в одной корзине мука из маниоки, а во второй сушеная рыба. Этим как бы дается знать Гэну, что земля и вода отдаются в его распоряжение.

— Хорошо. Символ красивый сам по себе. Но какую реликвию несет так благоговейно наш верховный жрец?

— Ах, черт возьми! — обрадованно воскликнул Александр. — Да ведь Сешеке принимает нас, как равных! Если бы прибыла его августейшая кузина, королева Англии, императрица Индии, он не должен был бы оказать ей бóльших почестей. Смотри! Полума!..

— Эта шкура на палке?

— Вот именно, дерзкий молодой человек! Шкура жи-

вотного, которое здесь считается священным, как в Сиаме — белый слон. Это знамя, это святыня, это реликвия, это главный фетиш! Его выносят только в исключительных случаях, например во время засухи, когда нужно вымолить дождь...

— Или во время дождей, когда надо выпросить солнце?

— Разумеется. Но это еще не все. Полума обеспечивает удачную охоту, обильную рыбную ловлю, она исцеляет от болезней и приносит победу.

— В общем, Полума делает все, что полагается делать фетишу!..

— И обеспечивает полную неприкосновенность счастливому смертному, который держит ее в руках!..

— Если я не ошибаюсь, это просто-напросто обезьянья шкура.

— Но обезьяна была черная, как уголь, кроме гривы — чистейшего белого цвета [1]. Таких обезьян можно видеть только у Матиамво, верховного вождя племени болондов.

— Да неужели?

— Матиамво является поставщиком всех своих собратьев-царьков и только с большим разбором отпускает им этот талисман из талисманов.

— В таком случае, неудивительно, что его несут с таким благоговением...

— А Гэн! Посмотри на Гэна! Он весь замер. Он точно онемел! Он преклоняет колено, он бьет земные поклоны!.. Вот он медленно подымается... Объятия!..

— Можно подумать, что его награждают орденом Золотого Руна!..

— Готово! Теперь Полума у него в руках. Теперь нам можно идти смело — мы как дома. Сешеке скорее перебьет все свое племя, но не допустит, чтобы хоть один волос упал с головы наших двух батоков...

Придворный глашатай племени макололо, все такой же озабоченный и суетливый, делает знак европейцам остановиться еще на минутку, раньше чем войти в Кот-

---

[1] Судя по описаниям доктора Ливингстона, это обезьяна Colobus guereza. *(Примеч. автора.)*

лу (резиденцию вождя). Затем он убегает, запирается в одной из хижин и возвращается в совершенно неузнаваемом виде. Он буквально весь увешан фетишами, ожерельями и амулетами, лицо у него вымазано краской индиго, к тому же он успел напялить некое подобие европейского пальто орехового цвета с такими длинными фалдами, что их сзади поддерживает мальчик, подобно пажу, несущему шлейф королевской мантии.

— Постой-ка, да ведь это извозчичий плащ! — с изумлением воскликнул Альбер.

— Совершенно верно, — подтвердил Александр. — Вероятно, у этого одеяния была довольно странная судьба, раз оно попало сюда. Однако надо признать, оно совсем неплохо выглядит на этом камергере.

— Но ведь сукно плотное. Бедняга должен задыхаться!..

— Ничего, он скорее согласится, чтобы с него содрали кожу, чем этот плащ. Внимание! Мы входим в Котлу. У здешних жителей это то же, что форум у римлян и агора у древних греков.

Котла занимала площадь около ста квадратных метров и была обнесена забором. Земля прибита, как на току. На противоположных сторонах стоят два роскошных банана с густой листвой, а под каждым из них — небольшое возвышение, нечто вроде эстрады, покрытое шкурами леопардов. На одной эстраде восседает сам Сешеке собственной персоной. На нем клетчатая куртка, какие лет двадцать назад носили букмекеры[1], и юбочка из серой саржи в красную полоску. Брюк нет, но на ногах — огромные ботфорты, впрочем без подошв. Это одеяние дополняется многочисленными стеклянными бусами, футляром от бинокля, висящим через плечо на ремешке, и жестяной трубкой, в каких военные хранили в старину свои отпускные бумаги или подорожные листы. На голове Сешеке носит нечто вроде каски, весьма искусно выложенной из стеклянных бус. В каску воткнут большой пучок страусовых перьев. Короче, это настоящий костюм африканского царька из оперетки.

Вблизи эстрады сидят три молодых человека. Каж-

[1] Букмекер — мелкий маклер на бегах.

дый держит на плече связку стрел, перед каждым лежит на земле лук. Когда глашатай вводит послов, юноши перерезают тетиву.

Едва послы показываются, Сешеке встает, делает знак, и ему приносят золу на широком медном блюде. Сешеке натирает себе золой грудь и руки и передает блюдо европейцам и обоим батокам, которые тоже натирают себе золой грудь и руки.

И тут без всяких предупреждений появляются со всех сторон вооруженные до зубов воины. Они заполняют всю Котлу и свирепо кричат, что, по-видимому, имеет целью подчеркнуть могущество Сешеке. Вдоволь накричавшись, воины успокаиваются, все садятся, и начинаются бесконечные спортивные упражнения, а о деле ни слова.

Таков обычай: встречи южноафриканских вождей или их представителей имеют ту особенность, что деловая сторона как будто играет самую незначительную роль. Едва сойдясь, они думают только о выпивке, об играх и забавах. Они как дети: еще вчера их разделяла непримиримая вражда, возникшая из-за пустяков, а сегодня они легко ее забывают. Главное — заставить их встретиться, а уж если начались развлечения, то успех переговоров обеспечен, как бы ни был серьезен причиненный ранее ущерб.

Зная это, Александр успокоился и стал посвящать в эти причудливые обычаи своих друзей, и те с интересом созерцали картину, которую видели только редкие европейцы.

Тут были и примерные боевые схватки, и состязания в беге, в борьбе, в стрельбе, были пантомимы, пляски и разные другие упражнения, в которых эти дети природы большие мастера.

Все закончилось необычайной пляской самого Сешеке. Ему принесли огромную тыкву, выкрашенную в белый цвет, на которой незатейливые художники нарисовали как сумели черной краской нос, глаза, рот и уши. Монарх надел этот уродливый сосуд на голову, а туловище втиснул в некое подобие бочки, сплетенной из гибких ветвей. Наружу торчали только руки и ноги. Бочка тоже была размалевана белой и черной красками, кроме того,

она была увешана бычьими хвостами и страусовыми перьями. Ее также украшала положенная наискось широкая полоса красной саржи.

Воины построились в ряд и затянули монотонную песню, сопровождая ее хлопаньем в ладоши. Сешеке стал шагах в тридцати от них и начал необыкновенное представление: он разыгрывал разъяренного дикого зверя — прыгал, размахивал руками, скакал, а восторженные аплодисменты лишь усиливали его хореографическое рвение. Так продолжалось добрых полчаса. Наконец монарх выбился из сил. Он скрылся, но мгновенно снова вернулся в своем обычном одеянии.

— Вот уж действительно, — сказал Альбер, — ничего подобного я и во сне не видал. Нужно покинуть наши цивилизованные страны и приехать в Африку, чтобы увидеть такое необыкновенное зрелище.

— Я не разделяю твоего мнения, — ответил Александр своим обычным насмешливым тоном. — У нас во Франции на светских вечерах и на провинциальных танцульках современные Терпсихоры тоже выкидывают немало штучек.

— Ты смеешься!

— Нисколько. Вспомни наши светские котильоны, когда танцоры надевают ослиные головы, свиные рыла и еще многое другое и вертятся не менее глупо, чем этот почтенный макололо, но несравненно менее ловко.

— Пожалуй, это верно.

— Заметь, кроме того, что здесь на таких торжествах тоже подается шампанское.

— Шампанское? Здесь? Ну, знаешь, это было бы уж чересчур неожиданно!..

— А ты слышишь, как оно стреляет? Ты видишь, как оно пенится в бокалах из тыквы? Не бойся, попробуй! Здесь нет химии, это вино не боится никакого анализа. На, пей!

Мальчик поднес Александру бутылочку, представлявшую собой не что иное, как колено бамбука. Пробка вылетела с треском.

— Великолепное вино! Не уступает Редереру! — воскликнул Альбер. — Слушай, ты, я вижу, все здесь знаешь! Расскажи, как оно приготовляется.

— Редерер, Клико или Монтебелло[1] — можешь называть его как хочешь, но приготовляется оно просто-напросто из плодов местной пальмы, которую жители называют «пальмира». Однако, давай потише — наступает важная минута.

Сешеке изрядно выпил и уселся на своей эстраде, покрытой леопардовыми шкурами. Глашатай пригласил европейцев и обоих батоков занять места на втором возвышении, а затем, когда все уселись и воцарилась тишина, он произнес длинную хвалебную речь в честь своего господина и его доблестной армии. Потом он рассказал о победах, какие племя макололо одержало над своими врагами, о прибытии белых людей, прибавил, что все хотят жить в мире, и закончил в следующих выражениях:

— Белые люди добры, у них честные сердца. У макололо добрые сердца. Сешеке никогда никому не сделал зла. Раз белый вождь — друг Сешеке и Магопо, пусть батоки и макололо объединятся как братья. Я все сказал.

Затем он принес железную лопатку, довольно искусно выкованную местными кузнецами, и стал копать глубокую яму.

Сешеке спустился со своего высокого сиденья и медленно, с достоинством подошел к ней. Он взял связку копий, обломал наконечники и молча бросил их в яму. Поднялся Гэн, тоже подошел к яме и бросил в нее порох, пули и нож, которые ему дал Александр.

Глашатай засыпал яму, воткнул в нее зеленую ветку, поданную Гэном, и воскликнул:

— Скорее порох, пули и ножи вырастут на этом дереве, чем будет нарушена дружба, которая отныне связывает батоков и макололо. Его листья скорей обратятся в пики и наконечники, чем батоки станут врагами макололо.

Тут Сешеке протянул руку Гэну, прижал его к груди и назвал своим сыном.

Во время этой трогательной церемонии, когда в столь полной мере осуществлялись все желания европейцев, Александр, которому высокий рост позволял видеть все, что происходило далеко по ту сторону забора, окружав-

[1] Фамилии фабрикантов прославленных марок шампанского.

шего Котлу, заметил нечто такое, что вызвало у него удивление.

Несколько человек из племени макололо бежали со всех ног и кричали от ужаса, потому что приближалось черное войско, предводительствуемое человеком, в котором нетрудно было узнать европейца.

Намерения наступавших были явно враждебны, и Александр поделился своей тревогой с Альбером и Жозефом.

— Недурное завершение мирных переговоров! — воскликнул Александр. — Это идут батоки! Сейчас тут такое начнется!.. Нельзя этого допустить! Надо поспешить к ним, предупредить непоправимую катастрофу!..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Одиссея Сэма Смита. — Опасная профессия. — Вор с причудами. — История с лошадью. — Охота за Сэмом Смитом. — Из огня да в полымя. — Засада. — Африканские воины. — Реванш Сэма Смита. — Магопо и батоки. — Смит использует свое сходство с Александром. — Смерть макололо!..

С некоторого времени Сэма Смита преследовали неудачи. Читатель уже знает, что бандит был вынужден покинуть Австралию: длинный ряд преступлений, от которых он ждал обогащения, принес ему только громкую, но опасную славу. В Южную Африку он приехал в надежде, что здесь промышлять будет легче.

Сначала счастье как будто ему улыбнулось. В Нью-Раше, Олд-де-Бирсе и Нельсонс-Фонтейне искатели алмазов были так напуганы его смелостью, что он легко смог обложить их данью, и они платили беспрекословно. Но вскоре это им надоело. Надоела и беспомощность полиции, которая никак не могла положить конец подвигам неуловимого негодяя. Они решили, что надо защищаться самим, и организовали своего рода союз для борьбы с разбоем. Тогда первым делом прекратили свою деятельность мелкие жулики, потому что на приисках ввели грозный суд Линча и стали без разговоров вешать не только виновных, но и подозреваемых. Правда, тут и там на мимозах болтались несколько ни в чем не

повинных, это верно, но урок не пропал даром, и пошатнувшаяся нравственность укрепилась очень быстро.

Сэму Смиту удавалось обходить сети, расставленные ему на каждом шагу, но для этого уже требовалась исключительная осторожность, и нападать он мог только на людей совершенно одиноких. Между тем Сэм Смит был не только смельчак, но еще и человек с причудами. И когда обстоятельства низвели его до положения простого грабителя с большой дороги, он потускнел, он утратил блеск, который сделал его имя легендарным в Австралии.

Вместо того чтобы вести широкую жизнь, о которой он всегда мечтал, вместо того чтобы повсюду находить сообщников среди людей с податливой совестью, которым он щедро расточал награбленные деньги, вместо того, чтобы быть разбойником пышным и оригинальным, внушающим страх и восхищение, он принужден был влачить жалкое существование, лишенное величия и надежды.

Поэтому он решил оставить слишком хорошо охраняемые прииски и поискать места поспокойней. Его старая звезда снова засверкала, когда были найдены алмазные россыпи на правом берегу Замбези, против водопада Виктория. Ему удалось совершить несколько набегов и скрыть в весьма укромном местечке чудесную добычу, которую он рассчитывал продать либо в Кейптауне, либо даже в Европе, а затем забросить дела и окончательно уйти на покой. Он встретил на алмазных приисках несколько человек, с которыми имел дело еще в Австралии. Они не отделались от ужаса, который он им внушал раньше, и безропотно дали себя ограбить. Но другие, узнав об этом, ругали их и издевались над ними. Чтобы как-нибудь оправдать свое ротозейство, ограбленные стали раздувать страшную славу бандита. Они сами быстро восстановили его престиж, и Сэм Смит мог извлекать из него выгоду.

Но не суждено ему было торжествовать слишком долго. На прииске Виктория — так называлось новое месторождение—искатели слишком уж обозлились на человека, который держал их всех в страхе. Они тоже объединились, как их товарищи на юге, и решили покончить с ним,

и поскорей. Доступ в Алмазный край снова оказался закрыт для Сэма Смита, и он положительно не знал, куда ему еще податься. Читатель помнит, что его последней проделкой было ограбление Жозефа, у которого он отнял двадцать тысяч франков, принадлежавших Александру. Дельце было прибыльное, но не опасное, если принять во внимание состояние здоровья каталонца. Если бы не это, все кончилось бы иначе. Напомним также попытку Сэма Смита ограбить его преподобие и мастера Виля.

Напасть на миссионера, который сам оказался бандитом, и потребовать кошелек у полицейского, который не имел ни гроша, было не только верхом неудачи, но и насмешкой судьбы.

Однако Сэм Смит не питал никакой злобы к виновникам своего двойного провала. Этот чудак имел обыкновение, хорошенько обобрав кого-нибудь, оставить кое-что и самой жертве — пусть человек не теряет возможности продолжать работу. Когда же он натыкался на людей, которые сами были в нужде, он охотно кормил их, а иной раз отсчитывал им довольно круглые суммы. У полицейского, как и у лжемиссионера, не было ни гроша. Не имея возможности подать им свою обычную милостыню, он только осведомился, чем мог бы им быть полезен. Его преподобие просил доставить их на Садовый Остров.

А Смит, который уже несколько дней шатался в окрестностях водопада, обратил внимание на Александра, который то появлялся, то исчезал. Смит заметил также, где Александр прячет свою пирогу. В случае опасности это утлое суденышко могло помочь грабителю переправиться на другой берег, ибо коня он потерял и был вынужден ходить пешком, а когда удастся найти нового четвероногого друга — неизвестно.

В Австралии, где на каждой «станции» можно купить сотню и даже тысячу лошадей, Сэму Смиту не пришлось бы долго бить ноги о камни. В Австралии всякий умеет увести лошадь; но на берегах Замбези лошади встречаются крайне редко. Так что Сэм Смит охотно переправил обоих путников на островок и оставил их там. Однако это их желание уединиться показалось ему странным.

Возвращаясь с Садового Острова, он заметил Александра, Альбера и Жозефа, которые сломя голову удирали от разъяренной толпы.

«Как бы мне пригодилась эта лошадка! — подумал Смит, скрывавшийся за выступом скалы, когда увидел гигантского коня, на котором скакал Александр. — Ах, да ведь это хозяин пироги! Отлично! Он бежит со своими дружками к реке... Туда, где должна была бы находиться пирога... Но ее там нет, дорогие мои! Если им нужна лодка, то мне нужна лошадь... Расскажу им какую-нибудь небылицу... Они слишком торопятся и разбираться не станут».

И действительно, мошенник с обычной своей самоуверенностью разыграл комедию, которую мы описали в конце третьей главы, и получил лошадь Корнелиса.

Сидя верхом на этом несравненном скакуне, который мог не бояться никакой погони, Смит еще решил потешиться над преследователями: те приняли его за Александра и попытались, но тщетно, отрезать ему путь к отступлению.

Спустя несколько минут он увидел следы фургона, который увозил Клааса и двух женщин, и нашел книгу, содержавшую полный отчаяния призыв госпожи де Вильрож.

Преследователи были сбиты с толку сначала исчезновением трех европейцев, а потом и маневром Смита. Но вскоре они опомнились. В краале еще были и другие лошади. Оседлать их было делом одной минуты, и тотчас началась бешеная погоня. Ею руководили Питер и Корнелис. По следам беглеца несся целый эскадрон.

Питер и Корнелис были уверены, что имеют дело со своим врагом, и поклялись взять его живым или мертвым. А в их устах такая угроза не была пустым бахвальством, они были способны на все. Эти забияки и драчуны могли бы преследовать свою жертву хоть до самого Кейптауна.

А у Смита был, по-видимому, один из его удачных дней. Разбойник даже не подозревал, какая гроза собралась над его головой в тот момент, когда Клаас оказал ему такой грубый прием.

Но тут он услышал крики:

— Смерть Сэму Смиту! Смерть грабителю!

Он сообразил, насколько серьезно его положение, дал шпоры коню и полетел в сторону леса, который начинался километрах в двух к югу.

Преследователи боялись, что беглец скроется, и сразу удвоили свои усилия, понуждая своих лошадей голосом и шпорами. Погоня вскоре приняла такой характер, что всякий европейский любитель бегов и скачек пришел бы в восхищение. И в самом деле: если наши современные спортсмены находят нечто притягательное в том, чтобы гнаться за животным, которое уже еле дышит и вот-вот будет взято, то как же должна быть захватывающа охота на человека! Скачка с препятствиями и повешение у финиша!

Как истый англичанин, у которого бьется сердце от одних только слов «Ипсом» и «Нью-Маркет» [1], Сэм Смит почти совершенно забыл, что в данном случае он находится на положении дичи и что ему нельзя дать себя обогнать, иначе к столбу финиша действительно будет прилажена намыленная веревка. Он наслаждался скачкой, как знаток и любитель.

— Гип-гип, ура! — кричал он, покусывая рыжеватые усы, покуда разъяренные охотники, которые его преследовали, вопили:

— Смерть! Смерть!..

Большая лошадь, умело ведомая всадником, еще была в полной силе, и Смит должен был вот-вот достичь леса. Еще несколько секунд — и он был бы вне опасности. Он уже перескочил через полосу низкорослого кустарника, как вдруг — резкий бросок, и всадник едва не вылетел из седла. Понимая, что лошадь, давно привыкшая ко всяким случайностям, вряд ли станет нервничать без причины, Сэм не стал ее наказывать, что было бы с его стороны непростительной ошибкой... Он ее огладил, успокоил и старался добром сломить ее упорство. Напрасный труд! Лошадь уперлась всеми четырьмя ногами, опустила голову и стала храпеть и фыркать.

Исступленные крики преследователей приближались. Смиту показалось, что его подстерегает новая опасность, и так как он не знал, какая именно, то она казалась осо-

[1] Ипсом и Нью-Маркет — ипподромы в Англии.

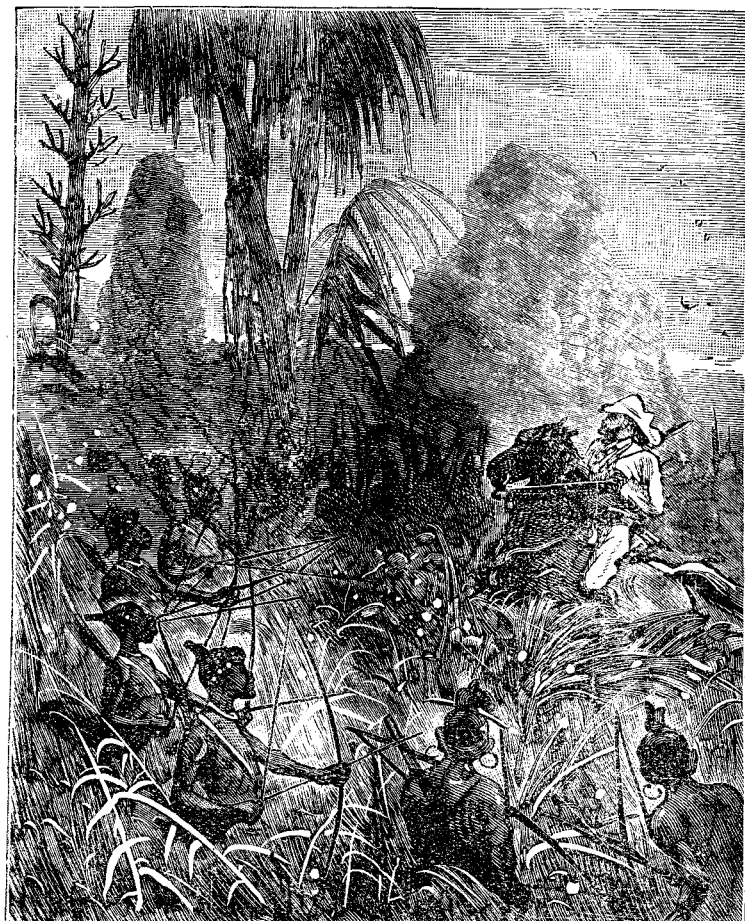
бенно грозной. Однако хладнокровие не покидало его. Он зарядил карабин и уже собрался соскочить на землю, чтобы посмотреть, чего испугалась лошадь, когда кусты, на которые она уставилась, медленно раздвинулись и перед удивленными глазами беглеца предстал чернокожий, вооруженный луком, стрелами и большой связкой копий. Затем раздвинулся соседний куст, затем следующий, затем еще один, и потрясенный бандит увидел, что из зарослей выходит целый отряд вооруженных до зубов африканцев численностью в триста—четыреста человек. Какая-то фантасмагория! Удивление Смита было особенно велико еще и вследствие того, что сама местность, казалось, исключала возможность устроить здесь засаду или укрытие. Смит был человек искушенный, он видал виды, он умел на примятой траве заметить еле уловимый след антилопы, но ему и в голову не приходило, что здесь укрывается столь многочисленное войско. Чтобы обнаружить черных воинов, нужен был инстинкт лошади, которую прежний владелец приучил к охоте за беглыми рабами.

Сворачивать в сторону было поздно, потому что воины быстро сманеврировали, и всякая возможность отступления была для Смита отрезана. Все делалось в полном молчании.

Смит был не робкого десятка, но и он затрясся, когда увидел быстрые движения этих людей, это множество пик, эти бесстрастные лица, глаза словно из белого фарфора, сверкающие зубы.

— Ну, вот я и попался! — пробормотал он с философским спокойствием. — Это было неизбежно. Либо меня повесят одни, либо меня съедят другие, — но я человек конченый. Однако добрая веревка все-таки лучше, чем тот вид смерти, который мне предложат негры. Быть повешенным еще куда ни шло... С этим порядочный человек может примириться... если у него не остается ничего иного... А вот, например, быть разорванным на куски, быть погребенным в чужих желудках и сойти в эту могилу вместе с гарниром из сладкого батата, — нет, это конец недостойный. Итак, сдаемся!

— Смерть! Смерть! — рычали приближавшиеся искатели алмазов.



Смит затрясся, когда увидел множество пик, бесстрастные лица, фарфоровые глаза и сверкающие зубы.

— Вот, джентльмены! Вот! — воскликнул Смит и быстро повернул коня.

Но один из чернокожих, в котором нетрудно было узнать вождя, потому что на нем была пожарная каска и красный мундир английского генерала, поднял на пике связку шакальих хвостов и стал громко кричать.

Отряд снялся, как один человек, с четкостью движений, которая могла бы порадовать любого сержанта-инструктора королевской шотландской гвардии. Действуя с быстротой мысли, чернокожие бросились к бандиту, построились перед ним в два ряда, сделали полуоборот, и преследователи Сэма Смита увидели перед собой ощетинившиеся грозные пики. Не понимая, что происходит, Смит оказался в центре каре, рядом с вождем, который не переставал потрясать своим знаменем и в глазах которого не видно было ничего людоедского...

— Слезай с коня, — сказал он наконец на ломаном английском языке.

Приглашение было тем более своевременным, что, сидя на этом апокалипсическом коне, Смит был намного выше своих спасителей, счастливого вмешательства которых он все-таки никак понять не мог.

Приглашение было своевременным еще и потому, что в тот же миг прогремел выстрел, и всадник свалился с седла, ругаясь так, как умеют ругаться только матросы, да и то в минуту ярости.

— Ну, ничего! — ворчал он, легко поднимаясь и вытирая кровь с лица. — Эти подлецы отстрелили мне кусок уха!.. Но они дорого заплатят за такое повреждение моей физиономии.

Не успел он закончить, как выстрелы затрещали уже со всех сторон; впрочем, их единственным результатом был густой дым и оглушительный шум.

Смит смеялся, слыша, как свистят пули.

— Эти дураки, — сказал он в сторону, — еще разгорячены скачкой. Они даже не сочли нужным спешиться. К тому же стреляют они, прости господи, как бакалейщики. Ну-ка, покажем им, что может сделать хорошее ружье в хороших руках.

Он быстро вскинул свою двустволку и выстрелил из обоих стволов. Два человека сразу упали. Вопль

бешенства сопровождал это падение. Черные ответили продолжительным победным воем и стали забрасывать нападавших копьями. Но тут вождь издал пронзительный свист, который для воинов был сигналом к отступлению. Отряд медленно и в полном порядке отступил в самую гущу зарослей.

Неожиданный поворот судьбы привел Смита в хорошее настроение, он снова стал ощущать радость жизни со всем опьянением человека, который чудом спасся от веревки и от вертела. Он еще не мог объяснить самому себе, почему именно освободители бросились между ним и его врагами, и ожидал, что скоро все объяснится. А пока что он расстреливал своих преследователей, как уток, со всем умением заправского охотника.

А преследователи по вполне понятной причине не решались углубляться в заросли. Беспощадно истыканные стрелами и копьями, израненные пулями, они были вынуждены начать отступление, которое закончилось бегством.

Негритянский вождь, счастливый этим успехом, пыжился и вертелся в своем пунцовом мундире и в пожарной каске, по-видимому ожидая, что европеец скажет ему что-нибудь приятное.

А Смит догадывался, что обязан своей жизнью какому-то недоразумению. Он молча стоял под перекрестными взглядами своих освободителей и не знал, как быть.

— Что же это, — сказал наконец вождь черной когорты, — белый уже не узнает батоков? Неужели он забыл своего друга Магопо, вождя воинов с Замбези? А Магопо хорошо помнит белого, который спас ему жизнь, застрелив слона. Магопо держит свою память в своих глазах и в своем сердце, ибо благодарность — добродетель черных людей.

Смит почувствовал, что спасти его может только смелость. За то время, что он слонялся по лесам и долинам, разбойник успел достаточно освоиться с разными наречиями, чтобы понять все, что сказал вождь.

«Похоже, — подумал он, — что я ухлопал слона и спас этого доброго человека от смерти. Не будем углубляться в лишние подробности и не будем многословны».

— Да, вождь, — сказал он, — я тебя узнаю, ибо я сохранил о тебе воспоминание как о человеке неустрашимом и добром. Тебе угодно вспомнить, что я спас тебе жизнь — что ж, благодарю за это. Но недостойно белого человека напоминать об услуге, которую он оказал. К тому же ты вполне меня вознаградил, и я — твой должник. Магопо — великий воин, а батоки — храбрецы.

Этот набор общих фраз был встречен рокотом одобрения. Батоки утвердились в уверенности, что перед ними Александр. Они не подозревали, что имеют дело с его двойником.

Впрочем, Магопо, сам того не подозревая, простодушно подсказывал ему ответы на все свои вопросы. Любой выпутался бы из затруднения. А Смиту не понадобилось слишком много времени, чтобы сообразить, что его принимают за Александра.

Несколько слов, вырвавшихся у мастера Виля и у его преподобия во время переправы на Садовый Остров, помогли ему разыгрывать роль своего двойника. Его могли бы выдать только голос и английский акцент, но в этом африканцы не очень разбирались. Так что Магопо, обрадовавшись неожиданному прибытию своего друга, белого вождя, стал посвящать его в события, которые произошли с тех пор, как он поспешно отступил перед макололо.

Он рассказал о бегстве батоков; о том, как они скитались по мрачным и безлюдным местам выше водопада; о том, как они не хотели отдаляться от островка, посещаемого баримами, и о том, что на этом островке хранятся запасы камней, так высоко ценимых белыми людьми и которыми черные люди пользуются для обработки жерновов.

Тут Сэм Смит начал прозревать. Он уже тоже слышал легенду о несметных сокровищах кафрских королей. Теперь он сообразил, что счастливая звезда свела его с хранителем тайны.

Он сумел, однако, сдержаться и подавить охватившее его волнение.

— Ах да, камни для обработки жерновов, — сказал он равнодушно и непринужденно.

— В обмен на те, которые я тебе уже дал, ты обещал

мне прислать огненную воду белых людей, — напомнил Магопо с жадностью.

«Ах, вот как? — подумал бандит. — По-видимому, француз, за которого он меня принимает, торгует спиртными напитками...»

— Ты скоро получишь все, что оставили мои предки...

— Что нужно сделать для этого? — спросил Смит с поспешностью, которая никак не вязалась с его показным равнодушием.

— Надо, чтобы баримы были благосклонны и чтобы макололо ушли с нашей земли. Мой сын Гэн сейчас отправится на Мози-оа-Тунья. Его сопровождает Хорс, сын моего брата. Они знают священные слова, которые надо произнести перед Мотсе-оа-Баримос. Молитва юных вождей будет приятна божествам реки. А что касается макололо...

— Да мы их просто-напросто прогоним! — резко перебил Сэм Смит.

— Их много, и они страшны...

— Но батоки — самые храбрые воины среди бечуанов. Разве они не обратили только что в бегство белых воинов, у которых были ружья и лошади? Если батоки смогли побить белых, то уж никакое черное племя не сможет им противостоять.

— Это верно, — признал Магопо, пораженный очевидной правильностью этого суждения. — Однако надо было бы, чтобы ты вступил в наши ряды и убивал макололо из ружья, как ты только что убивал белых людей.

— Конечно. Именно так я и намерен поступить.

— А ты знаешь, что Дауд запрещал белым людям пользоваться оружием против черных людей?..

— Это верно. Но когда черные люди бьются за правое дело, как, например, батоки, когда жестокие люди, как макололо, хотят их истребить, белые люди должны прийти им на помощь... Идем, вождь. Не бойся ничего! Дауд будет охранять нас и пошлет нам победу.

— Спасибо! Ты храбр. Мы выступим завтра же, и мы победим...

«А я заберу сокровища кафрских королей», — сказал про себя Сэм Смит.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Крепость на колесах. — Приток Замбези. — Тропический пейзаж. — Флора и фауна Южной Африки. — Птица-полицейский. — Ткачи и секретари. — Птица-кузнец. — Человек наводит панику. — Неудобный соперник. — Два парламентера. — Между своими. — Перемирие. — Мучительное ожидание.

Тяжелый фургон, в котором путешествовали две молодые женщины и Клаас, остановился в нескольких сотнях метров от Замбези, на берегу небольшой речушки, которая перед впадением в гигантский поток образует лиман. Журча, бежит прозрачная вода между скалами, оставляя на них клочья перламутровой пены. Речушка неглубока, однако многочисленные оползни, нагромождение валунов, причудливо сбившихся в островки, плодородные участки, разбросанные тут и там, — все это говорит человеку хоть сколько-нибудь опытному, что в иные минуты скромный ручеек превращается в бурный и неукротимый поток. Путешественник осторожный не доверился бы этой зыбкой почве; он бы остановился на привал где-нибудь подальше и повыше. Но Клаас расположился именно здесь, в местности, не защищенной от затопления, на самом берегу ручья, который разбухает от неожиданных грозовых ливней и широко разливается. Либо у Клааса были какие-то серьезные соображения, либо он проявил непостижимую беспечность...

Он поставил фургон на открытом месте, прямо под палящими лучами солнца, так что духота должна была там быть совершенно невыносимая. Правда, на брезентовую крышу фургона он положил густой слой зеленых листьев. Но они быстро пересохли. К мерам защиты от солнца присоединялась целая система укреплений, которые должны были оградить фургон если не от воды, то, по крайней мере, от нападения диких зверей, а также от общения с людьми: мы имеем в виду забор из кольев и бревен и камни, наваленные позади забора. Видимо, Клаас боялся каких-то очень опасных врагов.

Что же побудило белого дикаря добровольно отказаться от лежавшего всего в нескольких шагах великолепного местечка, которое пышная растительность делала похожим на райский сад?

Здесь растут огромные купы бамбука, сжатые у основания и развевающиеся вверху, как огромные султаны. Их твердые, правильной цилиндрической формы коленчатые стволы, покрытые нежно-зеленой листвой, раскачиваются при малейшем дыхании ветерка, и тот, кто однажды слышал их странный шепот, никогда его не забудет. То тут, то там среди этого зеленого моря возвышается одинокая пальма, подобная неподвижной колонне с капителью из листвы. Древовидный папоротник переплел свою причудливую листву с листвой дикой финиковой пальмы; гвиала с красноватой корой смешала свои ароматные плоды с венчиками индиго. Смоковницы, у которых нижняя часть листа светлая, а верхняя усыпана темными пятнами, похожими на запекшуюся кровь, мрачно возвышаются рядом с инжирным деревом, у которого ветви отягчены широкими, гладкими листьями, твердыми, как металлические пластинки. Затем для очаровательного контраста над этим цветником сплетается в кружево нежная листва стручковых: акация-жираф, дерево, стручки которого питательны; акация колючая, вся утыканная опасными шипами; гигантская мимоза, которая сворачивается, едва к ней прикасается хоботок насекомого или крыло бабочки; мимоза с опьяняющим запахом и баугинии, испещренные причудливыми полосами.

Тут и там возвышается одинокий зеленый купол баньяна. Никакое дерево не может расти в тени этого гиганта тропических лесов, бесчисленные стволы которого высасывают из почвы всю ее влагу. Под ним может расположиться целое племя.

Необозримым ковром раскинулись густые и сочные травы, украшенные ослепительно яркими цветами мака, амариллиса и др. Обращает на себя внимание цветок чистой белизны, каждое утро покрывающий землю благоуханным снегом. Он живет лишь один день. Туземцы зовут его «тиаку-еа-питсе»—«нога зебры». Его лепестки, распустившись, привлекают рои бабочек, похожих на ожившие драгоценные камни, которые высыпались из волшебной шкатулки феи цветов. А бабочек подстерегают быстрые кузнечики, деловитые муравьи, шумливые стрекозы.

На больших и малых деревьях, на стеблях и на ветвях, на травах и на цветах, на скалах, на камнях, торчащих из ручьев, и на болотах двигается, прыгает, летает, охотится, ловит рыбу целый мир птиц, еще более разнообразных, чем растения.

Красивые стрекозы, у которых изумрудные крылья окаймлены сапфиром, с веселым шумом гоняются друг за дружкой и при малейшем подозрительном шорохе прячутся в ямках, которые они себе вырыли на берегу реки и которые служат им гнездами. Голубые и оранжевые зимородки ныряют быстро, как стрелы, ловя свою добычу; большие пеликаны, объединяющиеся в стаи до пятисот голов, взлетают и спускаются где-то в отдалении, описывая правильные симметричные круги. Суетливая и крикливая ржанка, вечно сердитая, злобная, как моська, но храбрая, как львенок, старается, по одной только своей сердечной доброте, восстановить порядок среди пернатых. Она смело преследует больших, поддерживает малых и предупреждает стычки. Но сколько хлопот и забот, сколько крику! Маленькие зеленые попугаи, самые неугомонные болтуны здешних мест, вынуждены замолчать, равно как и черные ткачи, которые не менее любят поболтать, чем их родичи-дрозды.

Пурпурные ибисы, которые среди всего этого гомона сохраняют бесстрастное величие египетских божеств, величественно парят над торжищем, озабоченные только тем, чтобы вырвать личинку или мелкую рыбешку у голубого аиста, у розового фламинго, у красивой белой цапли или у дерзкой чайки.

Большие гуси в черном одеянии, с грозной шпорой на крыле, пасутся рядом с цесарками и куропатками, ищущими у себя под ногами муравьиные яйца.

Время от времени большая птица с пепельно-голубой спинкой и светлой грудкой камнем падает с высоты, на которой она держалась одиноко с гордостью гладиатора. Она испускает пронзительный крик и падает в траву, и тотчас завязывается борьба с невидимым противником. Птица прикрывает себя крылом со шпорой, как щитом. Перья на голове и на шее нахохливаются, птица яростно бьет клювом и шпорой, затем снова величественно взмывает ввысь, держа в когтях змею, которой она раздроби-

ла череп. Это птица-секретарь, называемая также змеиной птицей.

Наконец, к трепещущим звукам, напоминающим арфу, которые издает великолепный красный трогон, присоединяется металлическое «дзинь-дзинь-дзинь» ржанки Бюршеля. Этот звук до такой степени напоминает звон наковальни, что туземцы прозвали птицу «сетулатсепи», что означает «кующий железо». Услышав этот тройной удар молота, крылатые певцы тотчас смолкают. Всем известна бдительность птицы, которая «кует железо». Ее звучный призыв — не что иное, как крик тревоги: он означает, что птица заметила белоголового орла, который сейчас налетит на ветви акации, хотя они и кажутся необитаемыми. Неожиданно стая красивых птиц с нежно-зеленым оперением, сливающимся с цветом листвы, улетает с паническим шумом. Это зеленые голуби: крик сетулатсепи еще раз спас их от когтей хищника.

Короче — повсюду вокруг торжествует природа, жизнь бьет ключом в этом перелеске. А в доме на колесах жильцы заперлись наглухо, точно они не хотят видеть это великолепное зрелище и не боятся духоты.

Но что это за паника внезапно охватила жителей тропического леса? Они как будто привыкли к виду фургона. Это соседство до сих пор нисколько не угрожало их жизни и свободе. Но вот они стремглав улетают, исступленно крича.

Причина этого внезапного и поспешного бегства скоро станет понятной. Послышались человеческие голоса, приглушенный топот лошадей, и на опушке показывается многочисленная группа всадников в грязных одеждах, с помятыми лицами и всклокоченными бородами.

Два гиганта выступают впереди. Они командуют «стоп» и подходят к забору, которым окружен фургон. Дверь тихо открывается, и высовывается угрюмое лицо Клааса.

Он бросает мрачный и подозрительный взгляд на новоприбывших, которые стоят под деревом, затем с решительным видом выходит, держа наготове свое длинное голландское ружье.

— Это вы, Корнелис? Это вы, Питер? — ворчит он. — Что вам надо?

— Брат мой Клаас, — насмешливым тоном отвечает Питер, человек с рубцом через всю голову, — вы не очень любезны.

— И у вас короткая память, — со своей стороны прибавляет одноглазый Корнелис.

— Пусть меня унесут черти и пусть они свернут вам шеи! У меня нет времени любезничать, в особенности с вами.

— Конечно... Вы приберегаете всю вашу любезность для этих двух голубиц...

— Молчать!.. Что тебе нужно?

— Очень просто. Вы разработали довольно хитрый план и сообщили его нам, если мне не изменяет память, в шалаше его преподобия, в окрестностях Нельсонс-Фонтейна.

— Дальше.

— Вы говорили, что мы можем легко овладеть кладом и будем богаты не менее, чем королева Англии. С тех пор у нас текут слюни. А теперь, когда мы у самой цели, в вас заговорила совесть и к тому же голосом, который напоминает голос измены!

— Дальше! — снова буркнул Клаас, которому уже стала ударять кровь в голову.

Взял слово Питер:

— Вы говорили, что мы все разбогатеем, а себе вы вдобавок возьмете жену нашего врага. Нас это устраивало вдвойне, потому что месть — штука приятная... Но сокровища кафрских королей!.. — На лице бандита отразилась жадность.

— Однако, — перебил Корнелис, — вам не кажется ли, Клаас, что это не слишком уважительно с вашей стороны разговаривать с нами здесь, даже не приглашая войти? Ведь мы, черт возьми, родные братья, а не враги... По крайней мере, до сих пор между нами вражды не было!

— И так хороши будете! — оборвал Клаас. — Я никому верить не могу. И вам меньше, чем кому бы то ни было.

Корнелис и Питер грубо расхохотались. В их хохоте были и насмешка и угроза. Корнелис заявил вызывающим тоном:

— Ладно, Клаас, мы знаем, что нам остается делать. Вы хотите забрать себе и клад и бабенку. Это уж чересчур, дружище! Вы слишком жадны! Как бы не пришлось пожалеть!.. Во всяком случае, мы-то пришли к вам со словами мира. Обдумайте их до завтра. Когда солнце пройдет треть своего пути, будет поздно.

— Чего же вы, собственно, хотите? — воскликнул Клаас, которого все-таки встревожила угроза милых братцев.

— Сейчас скажу. Мы знаем, что клад закопан где-то здесь, поблизости. Но не мы одни это знаем. По-видимому, тайну плохо берегли, потому что ее знает масса народу на прииске Виктория. Люди покинули свои участки, организовались и против нашей воли поставили нас во главе всего дела. Теперь они хотят взяться за поиски вместе с нами. К тому же они, бедняжки, торопятся. А вы сами знаете, что жадность — плохой советчик. Если вы запретесь у себя в фургоне, то можно биться об заклад, что на вас нападут и обе ваши птички достанутся нашим ребятам...

— Пусть тронут хоть один волос с их головы! Убью!

— Возможно. Одного, двух, десять, если хотите. Но какой бы вы ни были герой, не надеетесь же вы все-таки удержать целую ораву людей, которые не боятся ни бога, ни черта и только хотят дорваться до клада?

— Клад — другое дело. А женщины при чем?

— Братец Клаас, вы удивительно непонятливы! До сих пор я считал вас самым умным в семье, но я вижу, что ошибался... Что же, выходит — жена этого проклятого француза не знает, где закопаны алмазы?

— Знает! Но она не скажет...

— Вы не умеете ее заставить. Вы не умеете разговаривать с женщинами... Неужели вы здесь не хозяин? Не полный хозяин, перед которым все трепещет и которому все повинуется?

— Вам какое дело?

— А такое дело, что если вы не знаете, как взяться, то я вас научу... Способов много! Например, не давать им ни есть, ни пить. Не давать спать... Подпалить пальчики... Мало ли что можно попробовать...

— Нет! — решительно возразил Клаас.

— Как хотите. Я вижу, она вас околдовала. Ваше дело!.. Мне остается только предупредить вас, что двух дней не пройдет, а красотка будет в наших руках и тогда уж она заговорит... А теперь прощайте или, верней, — до свидания!..

Клаас пожал плечами, молча поигрывая ружьем, повернулся к братьям спиной и, как собака, забрался под фургон.

Бандиты удалились. Они пошли к своим дружкам сообщить о неудаче. Те встретили их отчаянной бранью. Потребовался весь авторитет обоих буров, чтобы отговорить банду от немедленного нападения на фургон.

— Ладно, — ворчал Клаас, — орите сколько угодно! У меня еще целая ночь впереди. За двенадцать часов, да еще в темноте, такой человек, как я, может многое успеть...

Тут он заметил, что к фургону приближается несколько человек. Они потрясали оружием и громко кричали.

— Вот как? — сказал он. — Уж не собираются ли они нарушить перемирие, объявленное Корнелисом и Питером? Это бы меня удивило. Мои братцы отъявленные мерзавцы, но они люди слова. Эй, там! Стой, буду стрелять!..

Но те продолжали приближаться, и Клаас выстрелил. Один упал, остальные застыли на месте, хотя кричать не перестали.

— Клад!.. Сокровища!.. Мы хотим сокровища кафрских королей! — орали они в ярости.

— Сокровища? Ладно. Подождите до завтра. Будут вам сокровища... Вы таких и не ждали!

В то время как свидание трех братьев заканчивалось этими кровавыми событиями, госпожа де Вильрож и Эстер, которые слышали до последнего слова всю их циничную беседу, бледные, но полные решимости, находились на той половине фургона, которая была им отведена для жилья. С тех пор как они узнали, что Альбер находится где-то неподалеку, их воля еще более окрепла. Уверенные в том, что скоро придет помощь, если только смерть не избавит их от долгого заточения, они сохраняли ясное спокойствие духа, какое не всякий закаленный

мужчина смог бы сохранить при подобных обстоятельствах.

Их непреклонная твердость торжествовала над всеми поползновениями Клааса, который боялся потерять одновременно и женщину и клад и потому держался скорей как преданный слуга, чем как неумолимый тюремщик. Правда, он знал, что госпожа де Вильрож способна привести в исполнение свою страшную угрозу и взорвать фургон. Это сознание сильно сдерживало его с того самого дня, когда появился Сэм Смит.

— Вы не боитесь, Эстер, не правда ли? — сказала Анна своей подруге, которую выстрел заставил вздрогнуть.

— Нет, сестра. Я ничего не боюсь, и я надеюсь.

— О, я тоже! Я горячо верю, что скоро придет Альбер, и моя уверенность дает мне сверхчеловеческие силы. Он придет, я это чувствую, и наши страдания кончатся. Вы увидите, Эстер, как эти свирепые бандиты разбегутся, едва он появится. Он храбр и силен, как лев, и никто из них не выдержит его страшного взгляда. Если бы вы только знали, как эти буры боятся его!..

— Повторяю вам: я надеюсь. Хотя нам остается так мало времени. Нужно чудо...

— Альбер его совершит.

— Если бы эти негодяи искали только клад! Но увы! Вот уже неделя, как наш тюремщик держит нас взаперти, но они знают, что мы находимся здесь. Вы видели, как они настойчиво рассматривали наш фургон, когда упустили из рук того человека, из-за которого я осталась сиротой? Я долго жила среди золотоискателей. Я знаю, на что способны эти люди. Их ведь ничто не удержит...

— Ну что ж, мы умрем, но позора не примем.

Тем временем друзья Корнелиса и Питера, видимо, несколько успокоились и в надежде на скорое разрешение всего дела стали петь песни. Несколько человек подняли труп того, которого подстрелил Клаас, и стащили в речку. Другие сопровождали эту мрачную похоронную процессию, выплясывая бешеную фарандолу и крича:

— Сокровища кафрских королей!

Этот крик, повторенный тысячу раз, прокатывался по лесу до самых берегов Замбези.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Клаас обдумал план обороны. — Заросли эвфорбий. — Приготовления к ночной экспедиции. — Мнение бура о револьверах. — Клаас узнает, как попала в руки его преподобия карта, украденная у Жозефа. — Братья-враги. — Отравление реки. — Страшные последствия купанья. — Ужасные свойства эвфорбий. — Не на чем ехать. — Гроза. — Наводнение.

В ожидании, когда наступит ночь, под прикрытием которой он надеялся избавиться от своих врагов, Клаас сидел, уставившись взглядом в ту сторону, откуда доносилось пение, и мучительно думал. Отбросив несколько планов, как неосуществимые, он с настойчивостью дикаря перебирал всё новые и новые, один смелей другого, но пришлось отказаться и от них: они были не под силу одному человеку, да и времени было мало. Солнце уходило на запад очень быстро, и Клаас стал считать минуты с чувством человека, приговоренного к смерти. Он был близок к отчаянию, когда взгляд его внезапно упал на скалы, доходившие до самой реки.

Странная растительность покрывала эти светлые гранитные глыбы. Она прилепилась ко всем извилинам, торчала из всех щелей. Это были твердые бледно-зеленого цвета стволы, ровные, как свеча, и лишенные какой бы то ни было листвы. Трудно представить себе что-нибудь более унылое и более нарушающее приветливость окружающего леса. Ничего не может быть мрачней этих прутьев, похожих на бронзовых змей, воткнутых в стоячем виде в скалу.

Вздох облегчения, который можно было бы принять за вздох бизона, вырвался из груди Клааса. Бур улыбнулся и, подобно великому сиракузскому математику, воскликнул:

— Есть! [1]

Он узнал молочай эвфорбию, опасное растение с острыми колючками, которое дает одновременно и масло и сок, таящие смерть для людей и животных. Он внимательно всмотрелся в скалы, измерил на глаз расстояние,

[1] Великий сиракузский математик Архимед (287—212 до н. э.) воскликнул: «Есть!» — когда открыл закон о том, что тело, погруженное в жидкость, теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость.

сделал чуть недовольную гримасу, заметив, что оттуда слишком близко до расположения его врагов, затем со свойственной ему беспечностью пожал плечами, как бы говоря: «Все устроится. Посмотрим».

Затем он вернулся в переднюю часть фургона, которая служила ему жильем. Он вышел оттуда через несколько минут, держа в одной руке два крупнокалиберных револьвера, а в другой — бурдюк с буйволовым жиром. Хорошенько осмотрев оба револьвера и патроны, он убедился, что все в порядке, однако пробормотал:

— Не люблю я эти игрушки! Их почти не чувствуешь в руке. Хорошо стрелять из них невозможно. Кроме того, не люблю я эти пули — они не толще мундштука. Глубоко они не входят. Они расплющиваются, как монета, а выбить человека из строя они не могут... То ли дело доброе ружье и пульки восьмого калибра, да еще если к ним подбавлено немножко олова... Вот когда можно поработать! Но ведь у меня выбора нет, ничего не поделаешь... Сегодня ночью мне мое верное ружье служить не может. А эти бараньи ножки — это, как-никак, двенадцать выстрелов... Ладно, довольно болтать. Вот и солнце заходит. Приготовимся...

Он закрыл заднюю дверь фургона на засов и через деревянную перегородку обратился к обеим женщинам:

— Если вы услышите кое-какой шум, не пугайтесь. Я попытаюсь сделать все, чтобы вырваться отсюда.

Никакого ответа.

— Вы меня слышите, сударыня? Не бойтесь: вам ничто не грозит.

Обе пленницы хранили презрительное молчание.

— Ладно, ладно! — проворчал Клаас и ушел. — Потом посчитаемся. Клянусь, Корнелис и Питер были правы! Черт меня побери, если я не заставлю себя слушать! Надо было опрокинуть фургон в речку и подмочить бочонок с порохом, хотя бы даже погибли эти две тигрицы.

Ночь наступила сразу, без сумерек. Она, как черное покрывало, свалилась на реку, на долину, на лес. Клаас снял с себя кожаную куртку, шерстяную рубашку, разулся. На нем остались одни только узкие рейтузы. Тогда он вскрыл бурдюк, набрал полные пригоршни жи-

ра и обильно смазал себе лицо, туловище, руки и ноги и даже единственное свое одеяние.

— Вот так! — сказал он. — Хорошо! Теперь, если я даже попаду в засаду, черта с два им удастся схватить меня. Я выскользну у них из рук как угорь, и никакая сила меня не удержит.

Он заткнул оба револьвера себе за пояс и прихватил кривой нож, похожий на мексиканский мачете. Затем с легкостью, какой нельзя было и ожидать от такого увальня, он перескочил через забор и исчез, оставив фургон на милость божью.

По мере того как он приближался к месту расположения врагов, которые при фантастическом свете костров готовили себе ужин, шаг его замедлялся. Клаас взял свой нож в зубы, растянулся на траве и пополз с гибкостью кота, не дыша и производя не больше шума, чем змея, устремляющаяся в засаду. Он прокладывал себе дорогу руками среди сухой травы так, что не слышно было, как ломался сухой стебелек; он скользил по тропинкам, которые протоптали дикие звери, использовал всю свою ловкость сына природы и наконец добрался-таки до своих врагов. Одни лежали, другие сидели вокруг костра и жарили мясо, покуривая отвратительный табак, который здесь на вес золота.

Разговор шел оживленный, и говорили, разумеется, о создавшемся положении и о событиях, которых можно было ожидать назавтра.

— Нет, вы только подумайте, — сказал один, — этот чурбан хотел бы забрать себе весь клад!..

— Клад? А вы уверены, что он действительно существует, этот клад? — спросил какой-то скептик.

— Да вы с ума сошли! — загремел хор оптимистов. — Все только об этом кладе и говорят! Такое богатство! Можно было бы купить всю колонию!..

— А женщины?.. Там есть женщины, в фургоне. Когда повесим бура, мы женщин разыграем. На ножах.

— Я предпочитаю добрую пригоршню алмазов...

— А кто сказал, что эта скотина развозит настоящих женщин? Вероятно, это какие-нибудь голландские судомойки...

— Еще чего!.. Это чистокровные англичанки, друг мой. Настоящие леди. Вы видели, как он оберегал фургон, когда мы гонялись за Смитом?

— Это верно.

— Вы их не видали?

— Нет, но мне говорили Корнелис и Питер.

— Это его братья?

— Братья. Но они страшно злы на него.

— Ничего себе семейка! Братья, а готовы убить один другого!

— А вам-то что? Поделим их наследство!

— Смотрите на них! Вот они о чем-то горячо беседуют с миссионером, который свалился к нам на прииск несколько дней назад. По-моему, зловещая птичка.

Клаас, который невозмутимо слушал весь этот разговор, не оставлявший никаких иллюзий насчет намерений его врагов, повернул голову и действительно увидел его преподобие в обществе Корнелиса и Питера.

Вот они медленно отошли в сторону и остановились в самом конце освещенной кострами поляны. Клаас не потерял ни одного мгновения. Тем, кто только что выкладывал свои планы, он предоставил тешиться надеждой, хотя и придерживался особых взглядов на ее осуществимость, а сам пробрался к тому месту, где совещались три мерзавца.

Он не слышал первой части беседы, но вторая оказалась в высшей степени интересной.

— Что касается Клааса, — сказал его преподобие своим трескучим голосом, напоминающим завывание шакала, — то от него нам надо избавиться.

— Нет! — грубо возразил Корнелис. — Я не хочу, чтобы его убили. Он старший в семье, он всегда был нам хорошим товарищем, и его смерть...

— Да бросьте! — перебил его Питер. — Вы тоже начинаете заводить себе предрассудки, Корнелис. А я такой человек: если мне мешают, я не смотрю, родственник это или чужой человек. Бац! — и готово, его нет! По-моему, лучшего и придумать нельзя.

— Но Клаас вам не мешает.

— Он захочет четвертую часть клада. А я считаю, что лучше делить на три части, чем на четыре.

— Питер, вы сошли с ума! Вы говорите о трех частях... А вся эта орава, которая нас сопровождает?..

Его преподобие рассмеялся:

— Честное слово, я еще не видал такого дурака, как этот Корнелис!

— Послушайте, старый английский каналья, вам хочется, чтобы я сделал из вас котлету?

— Ну-ка, попробуйте, идиот! Скотина! Я вас не боюсь! Попробуйте-ка поднять на меня руку!

— А кто мне помешает?

— Вот это!

И лжемиссионер извлек из внутреннего кармана своего сюртука измятую грязную тряпку, отдаленно напоминавшую платок.

— Вы смеетесь?! — обиделся Корнелис.

— Вообще говоря, да. Но в данный момент я вполне серьезен, как человек, знающий местонахождение клада, который одинаково сводит с ума таких дикарей, как вы, и даже людей цивилизованных вроде меня.

— Неужели эта тряпка...

— Эта тряпка — карта местности, где закопаны сокровища кафрских королей.

Клааса, притаившегося за деревьями, подбросило, точно он получил заряд дроби в бок.

— Карта?.. Вы имеете карту? — задыхаясь, спросил Корнелис.

— Тише, животное! Вы хотите, чтобы нас услышали? Я не имею в виду делиться с ними...

— Но позвольте-ка, вы надеетесь при помощи этой тряпки найти...

— Я не надеюсь — я уверен.

— Тогда я, конечно, понимаю, что вам не хочется делиться с Клаасом и другими...

— Но как же вы ее раздобыли, эту тряпку?

— Благодаря великодушию Клааса.

— Нет, право же, брат сошел с ума.

— Позвольте! Дайте мне объясниться. Эту карту раздобыл для меня Клаас, но он этого и не подозревает!..

— Расскажите по порядку.

— Вот вам все в двух словах. Клаас только что убил

наповал одного из тех крикунов, которые хотели напасть на фургон. Вы видели, как я бросился к этому человеку, якобы для оказания помощи...

— Но он в ней не нуждался, потому что Клаас стреляет метко.

— Верно. Бедняга и вздохнуть не успел, как был убит. А я достиг известного искусства в обшаривании карманов моих ближних. Я использовал это уменье и на сей раз и в один миг взял на учет все наследство покойного. И в следующий миг я переложил содержимое его карманов в мои собственные. Я старался не пренебречь ничем, потому что у этих людей есть милая манера держать целые состояния в самых гнусных тряпках. И я не ошибся. Я с первого же взгляда узнал эту карту местности. Ведь ради нее, только ради того, чтобы завладеть ею, я целых три месяца тащился за французами. Не знаю, как она попала к тому чудаку, которого ухлопал Клаас. Важно, что сейчас она у меня.

— Если я не ошибаюсь, — заметил после минутного размышления Корнелис, — покойник, которого вы так своевременно обворовали, сам украл ее у того человечка, который кокнул американца Дика. Я очень хорошо помню, что, когда его носили на руках, один субъект шарил у него по карманам.

— Что из этого? Для нас сейчас самое главное — раскланяться с нашими скотами и, не задерживаясь, поспешить в те места, которые обозначены на карте.

— Скажите, — довольно наивно перебил его Питер, — а если бы нам взбрела в голову фантазия не допустить вас к участию в дележе?

Его преподобие медленно поднял свои вялые веки и уставился на Питера пронзительным взглядом укротителя.

— Вы этого не сделаете по двум причинам. Во-первых, вы оба неграмотны и без меня в этой карте не разберетесь.

— Во-вторых?

— Во-вторых, в одном из карманов убитого лежал заряженный револьвер системы «Нью-кольт». Когда мы откопаем клад и вы попытаетесь надуть меня при дележке, я пристрелю вас обоих.

— Руку, ваше преподобие. Вы — мужчина!

— Итак, все ясно. Мы сию же минуту уходим отсюда, и пусть Клаас сам возится с этой оравой, когда кончится срок перемирия. Завтра на рассвете мы будем у водопада, то есть в нескольких шагах от цели.

Когда Клаас услышал этот откровенный разговор, его охватило бешенство. У таких медлительных людей, как он, бешенство особенно опасно, потому что оно удесятеряет их силы.

Была минута, когда ему хотелось броситься на трех мерзавцев и размозжить им головы раньше, чем они опомнятся. Но это привлекло бы внимание всех остальных. Не лучше ли будет следовать за ними по пятам, шаг за шагом, и, внезапно появившись в момент дележки, потребовать четвертую часть? Но для этого пришлось бы оставить обеих пленниц в фургоне, то есть на милость той оравы!.. Тяжелая борьба происходила у Клааса в мозгу. Жадность была побеждена.

Клаас сделал над собой энергичное усилие, подавил свою злобу, успокоился и негромко пробормотал:

— Ладно. Ступайте вперед. Проложите мне дорогу, а я приду, когда будет нужно.

Он медленно обогнул поляну и бивуак своих врагов и вскоре очутился у подножия скал, поросших эвфорбией.

Ночь была темная, но сияли звезды, и этого было достаточно, чтобы он мог взяться за работу.

У его ног дремал ручеек. Тихие воды едва текли по каменистому руслу. Клаас опытной рукой подрезал молочай, всячески остерегаясь уколоться о шипы или прикоснуться к ядовитому соку, который лился из каждого надреза. Стебли падали, скользили по скалам и сваливались в речку, обильно примешивая к воде свои ядовитые соки.

Почти вся ночь ушла на эту мрачную работу. Оставался какой-нибудь час до рассвета, когда Клаас благополучно вернулся в фургон.

Веря в успех своего замысла, он терпеливо ожидал развязки.

Когда люди ведут жизнь, полную приключений, они не имеют обыкновения долго предаваться усладам

сна. В пустыне встают рано; там не знают, что такое борьба с подушкой, хотя бы потому, что подушкой обычно служит охапка травы, или полено, или камень. Веселые крики приветствовали появление солнца из-за холмов. На бивуаке все стали встряхивать друг друга, расталкивать спящих, и через минуту вся полянка наполнилась шумом голосов, песнями, бранью.

Всюду, где преобладают англичане, — в Канаде, как и в Индии, в Австралии, как и в Африке, — люди перенимают у граждан Соединенного Королевства их правила гигиены.

Если поблизости есть вода, день непременно начинается с общего купанья. Так было и на сей раз. Но надо было торопиться. Все быстро разделись, сложили одежду на прибрежном песке и, порезвившись немного, ринулись в воду.

Тут были все без исключения, и не без причины. Каждый боится воровства, и никто не хочет, чтобы рылись в его вещах. Поэтому вошло в обычай, чтобы никто не оставался на берегу, когда решено купаться.

Зловещая тишина внезапно сменила веселые крики и шутки, затем раздался страшный вопль и вой бешенства.

Купальщики почувствовали страшную боль. Они прыгали и корчились от боли, они подносили руки к внезапно ослепшим глазам и, шатаясь как пьяные, искали берега.

Дьявольская выходка Клааса имела страшные последствия. Он успел вырубить за ночь столько эвфорбии, что буквально вся речка была отравлена. Опытный глаз заметил бы на поверхности воды зеленоватый налет, который не растворяется благодаря своей маслянистости.

Когда этот разъедающий сок попадает хотя бы только на кожу, наступает распад тканей. Для слизистой оболочки глаз он особенно опасен, так как вызывает почти неизлечимое воспаление.

Таким образом, буру нечего было больше бояться: его несчастные враги, лишенные всякой помощи, были люди обреченные. Их могло спасти только чудо. Неистовыми воплями они как бы давали знать Клаасу, что

их положение безвыходно. Бандит потирал руки, бормоча:

— Ну что, господа европейцы, влопались? Будете в другой раз звать нас белыми дикарями? А теперь вперед! День начался хорошо. Надо поскорей уйти из этого проклятого места и пуститься по следам моих милых братьев и достойного проповедника.

Клаас пошел запрягать быков, но тут у него самого вырвался крик ярости и отчаяния, не менее страшный, чем крики его врагов: все быки лежали на земле раздувшиеся, как мехи, с угасшими глазами, с высунутыми посиневшими языками. Одни были мертвы, другие бились в предсмертных судорогах.

Подстилкой им служили кучи зеленых веток, на которых не оставалось ни одного листика. Клаас сразу узнал эти обглоданные ветки.

— Отравили моих быков! — взвыл он, колотя себя кулаками по голове. — Пока меня не было, им подбросили ветви тюльпа[1]. Ну, я найду виновного! И клянусь, я у него вырву сердце из груди!

Раскат грома прервал поток его проклятий. Огромная черная, как смола, туча, окаймленная зловещей медной полоской, поднималась на горизонте и все больше и больше приближалась. Ее несла на своих крыльях буря. Валились деревья, ломались ветви, рвались лианы. Вскоре тяжелые капли дождя стали пронизывать воздух и с плеском падать в ручей, на котором поднимались тысячи пузырьков.

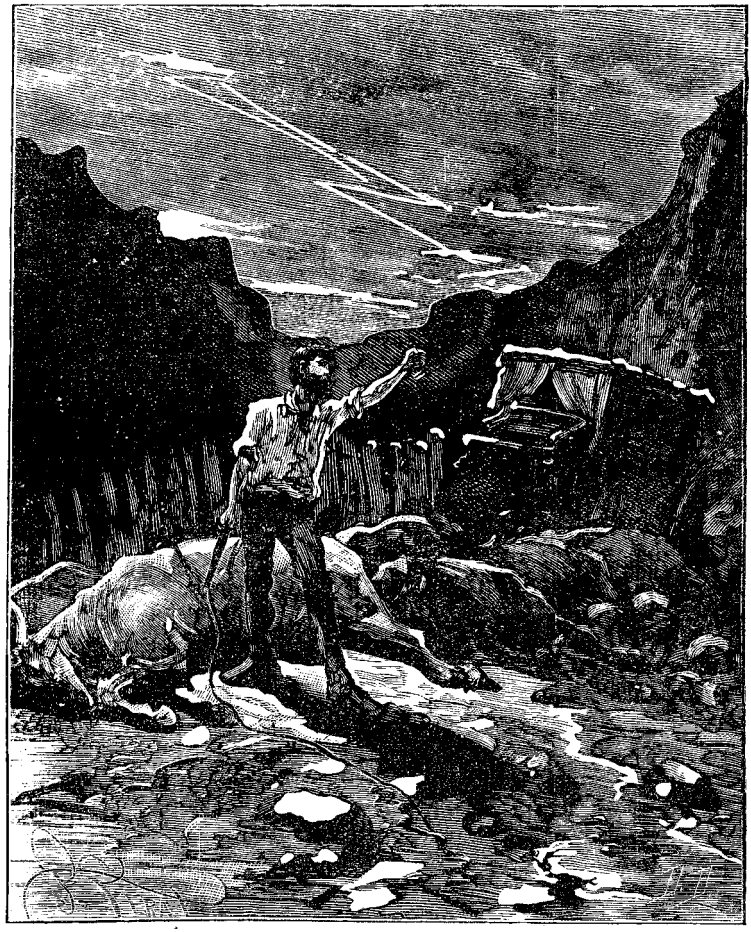
Раскаты грома слились в один сплошной гул. Молнии сверкали непрестанно, образуя ослепительное пламя. Казалось, все кругом горит.

Клаас затрепетал при мысли о возможных последствиях грозы. Ничто ее не предвещало, она разразилась с предательской внезапностью, как это часто бывает в тропиках. Разверзлись хляби и пролились на землю в обилии, которое ни с чем сравнить нельзя.

Скоро речушка раздуется, она превратится в грозную и стремительную реку!

---

[1] Тюльп (туземцы называют его «мокун») содержит яд, убивающий быков. На лошадей этот яд не действует. *(Примеч. автора.)*



Все быки лежали на земле, раздувшиеся, как мехи, с высунутыми посиневшими языками.

Опасность возрастала с каждой минутой. А фургон неподвижно стоял в таком месте, которому неизбежно грозило быть затопленным, и вывезти его было невозможно.

Беспомощность довела Клааса до отчаяния, он потрясал кулаками и ругался.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Белые производят на африканских негров странное впечатление. — Жозеф узнает человека, который его ограбил. — Батоки и макололо потрясены, увидев двух Александров. — Сэм Смит ставит условия. — Альбер узнает о похищении жены. — Сто тысяч франков за карабин. — Вперед! — Три смельчака. — Страшная ночь. — Гроза. — Потоп. — Крик ужаса. — Фургон в опасности. — Альбер узнает Клааса.

Когда жители Африки видят белого впервые, они испытывают страх. Это подтверждают путешественники, наиболее заслуживающие доверия, в том числе Ливингстон. Характерно, что этот страх разделяют домашние животные. Когда белый показывается у крааля, собаки встречают его тревожным воем. Они пугаются так, как если бы увидели призрак, и бегут, опрокидывая все на своем пути.

Даже в тех случаях, когда благодаря частым встречам с путешественниками то или иное племя уже привыкло к виду белокожих, неожиданное появление европейца всегда и неизменно вызывает у них какое-то необычное смущение. Нужно много времени и длительное общение, чтобы чернокожий совсем свыкся с белым, стал посвящать его в свою жизнь, в свои привычки. Да и то он испытывает к белому сложное чувство, в котором смешаны и былой страх, и какая-то робость, и уважение, доходящее до преклонения.

Обычно путешественники-европейцы не вмешиваются в междоусобные распри отдельных племен, хотя местные вожди настойчиво их об этом просят, а иногда позволяют себе даже требовать, желая обратить в свою пользу страх перед белыми и в особенности перед их огнестрельным оружием.

Магопо, вождь племени батоков, тоже хотел заручиться содействием белого, чтобы напасть на макололо, вековых врагов своего племени, и не раз обращался к Александру. Но тот осторожно отклонял эти просьбы, несмотря на то что хитрый Магопо, обещавший отдать ему сокровища кафрских королей, в конце концов поставил ему условие: участвовать в войне с макололо.

А Сэм Смит смотрел на вещи по-иному. Войдя в доверие к батокам, широко используя свое сходство с Александром, он разыгрывал роль своего двойника уверенно и успешно. Он быстро догадался, что, как говорится, напал на золотую жилу, и решил соглашаться на все условия своего хозяина. Вопрос о походе против макололо решился сразу, как знает читатель, и войско должно было выступить без промедления.

Магопо, вообще говоря, чувствовал себя не слишком уверенно, но не сомневался, что победит, если рядом с ним будет европеец.

А Сэм Смит был человек иного склада. Он видел во всей этой войне только возможность набить себе карманы алмазами.

Магопо считал, что если белый вождь не отказывает ему в своем содействии, значит баримы были благосклонны к Гэну и Хорсу. Поэтому он поторопился выступить в поход. Читатель помнит, как неожиданно встретились обе стороны в тот момент, когда, с соблюдением всех местных обычаев, был утвержден мирный договор, разработанный и подготовленный Александром.

Сешеке еще пожимал руку Гэну, стоя возле ямы, в которую были свалены стрелы и патроны, а черный монарх испустил крик ярости, увидев нападающих.

— Белый! — взвыл он, грозя Александру копьем. — Белый, ты меня предал!..

Альбер и Жозеф, видя, какой опасности подвергается их друг, бросились ему на помощь. Но Александр невозмутимо отвел их.

— Спокойствие, — сказал он. — Я, кажется, догадываюсь в чем дело. Надеюсь, все обойдется без кровопролития.

— Надо торопиться! — воскликнули Альбер и Жозеф.

— Вы, по-видимому, не узнаете европейца, который выступает впереди батоков?

— Караи! — закричал Жозеф. — Он грабитель! Это он забрал у меня двадцать тысяч франков! Ах, мерзавец! Пожалуйста, месье Александр, дайте мне на минуту ваш карабин, пусть я хоть один разик выстрелю этому негодяю в голову!

— Нет, храбрый мой Жозеф, не стреляйте в мое изображение.

— Не понимаю...

— Неужели вы не догадываетесь, что этот мерзавец Смит обманывает батоков, выдавая себя за меня? Довольно курьезное недоразумение, и надо его использовать. Предоставьте это дело мне.

Когда батоки увидели, что среди макололо находятся не только Гэн и Хорс, но еще и три европейца, в том числе хорошо им известный Александр, они остолбенели. Да и макололо, со своей стороны, не хотели верить своим глазам, увидев такое поразительное сходство между бандитом-англичанином и путешественником-французом.

Два Александра!

Который же настоящий, который поддельный? И нет ли здесь раздвоения одной и той же личности? Негры были так озадачены, что даже забыли начать военные действия.

Не менее был озадачен и Сэм Смит: он чувствовал, что сейчас рушится вся его популярность и что результаты затеянной им финансовой операции придется списать по счету убытков.

— Выслушай меня, вождь, — сказал наконец Александр, обращаясь к ошеломленному Сешеке. — Мы заключили перемирие самым честным образом, потому что сын и племянник вождя батоков находятся среди твоих воинов. Перемирие будет нарушено, только если ты этого пожелаешь. Дай мне переговорить с батоками. Они меня любят, и ты увидишь, что через минуту они сложат оружие.

— Хорошо. Я тебе доверяю. Иди!

— А вы, Альбер и Жозеф, идите со мной. Надо поскорей перехитрить Сэма Смита, иначе не миновать беды! Используем его жадность.

Оба отряда находились на таком расстоянии один от другого, что могли все слышать.

Три француза сделали еще несколько шагов и остановились. Несколько шагов сделал и Сэм Смит и тоже остановился.

— Право же, господа, — сказал он со своей обычной наглостью, — надо признать, что случай устраивает иногда довольно неожиданные встречи.

— Это верно, мистер Смит, — заметил Александр. — Но времени у нас мало, так что бросим праздные разговоры, если вы не возражаете.

— Я весь к вашим услугам, господа. Позвольте мне, однако, предварительно заявить вам, что ваше присутствие среди врагов моих новых друзей причиняет мне чувствительный ущерб.

— Мы очень об этом сожалеем, мистер Смит, и хотели бы вступить с вами в переговоры.

— Знаете, сударь, — резко перебил его бандит, — благодаря сходству с одним из вас я узнал некую тайну. Она слишком значительна, и мне бы хотелось воспользоваться ею в самом широком смысле. Вы знаете, о чем я говорю. О сокровищах кафрских королей. Так вот, я хочу все... или ничего. Это единственная форма соглашения, какую я могу вам предложить. Либо все, если вы не будете мне мешать, либо ничего, ибо тогда вам достанется только моя шкура. Это мое последнее слово.

— Сейчас я этому нахалу заткну глотку куском свинца! — пробормотал Альбер.

— Знаете, господа, — продолжал бандит, — я буду откровенен. Все то, что вы делаете ради славы или каких-нибудь других, неизвестных мне целей, то я делаю ради денег и не задумываюсь над средствами. Вы бескорыстны, я жаден. Что вам до черных жителей этого побережья и до их междоусобиц? Что для вас несколько горсточек камней, из-за которых сейчас прольется кровь, когда неподалеку отсюда есть люди, находящиеся в беде... в такой беде, что будь у меня сердце, оно бы разорвалось...

— Что вы имеете в виду? — спросили одновременно все три друга, на великодушие которых мог рассчитывать всякий.

— Меньше чем в двух днях ходьбы, если идти на восток, вы найдете фургон, запряженный быками, и одного мерзавца...

— Дальше!..

— Этот фургон — тюрьма на колесах. В ней содержатся две женщины, которым, по-моему, приходится туго от этого мерзавца, если судить по тому, как тщательно он их держит взаперти, и если верить одному документу, который случайно попал в мои руки...

— Две женщины?.. Вы сказали две? — переспросил Альбер, охваченный странной тревогой.

— Да. Одна из них француженка, хотя бы по имени.

— Вы помните это имя?

— Право, у меня плохая память на имена. Но если это вас интересует, прочитайте несколько слов на первой странице этой книги. Сам не знаю, зачем я ее сохранил. Могу ее отдать вам... Она мне ничего не стоила...

Бандит передал Альберу известную читателю книгу.

Де Вильрож раскрыл ее дрожащими руками и увидел строки, написанные кровью. Дрожь пробежала у него по всему телу. Его расширившиеся от ужаса глаза уже больше ничего не видели, у него перехватило дыхание, он зашатался. Жозеф подхватил его и не дал ему упасть. Еще ничего не зная, Александр почувствовал, что произошло нечто страшное.

Де Вильрож сделал огромное усилие, овладел собой и, протягивая книгу Александру, закричал нечеловеческим голосом:

— На! Читай! Читай!..

Александр, которого никогда не покидало спокойствие, прочел вполголоса строки, полные отчаяния, а Жозеф, слушая его, был похож на воплощение отчаяния. Если бы не дрожь в голосе Александра и не бледность, разлившаяся по его лицу, мистер Смит, единственный посторонний, подумал бы, что Александру вся эта история так же безразлична, как ему самому. Ярость Жозефа прорвалась в свирепом рычанье, когда Александр прочитал вслух подпись: графиня Анна де Вильрож.

— Это мадам Анна!.. Моя благодетельница!.. Жена человека, которого я люблю больше всех на свете! Она в плену... Здесь, в двух шагах от нас... Горе тем, кто ее по-

хитил! Я придумаю для них такие пытки!.. Ах, бандиты! Они мне заплатят пинту крови за каждую ее слезу... По куску мяса я у них вырежу за каждый ее вздох... Да еще и этого мало!..

— Идем! — сказал хриплым голосом Альбер. — Этот человек говорит — два дня ходьбы?.. Мы доберемся за двенадцать часов... Мы будем бежать до изнеможения. Но мы добежим... А уж тогда... Правильно ты сказал, Жозеф, — горе тем, кто ее похитил!..

— Идем! — в один голос отозвались Александр и Жозеф.

— Однако, — прибавил Александр, никогда не терявший присутствия духа, — нам нужно иметь более точные указания. Мы ведь не можем пуститься в путь очертя голову...

— Я сказал — на восток, — ответил Сэм Смит. Он и не думал, что так легко избавится от соперников. Их быстрый уход был ему весьма удобен, хотя причины все-таки его заинтриговали. — Идите все время в сторону восходящего солнца, и вскоре вы увидите на земле следы фургона.

У трех друзей только и было оружия, что ножи и единственный карабин, и Александр не без зависти посматривал на ружье Смита.

— Сударь, — сказал он, — мы не знаем, что вас заставило рассказать нам все, что вы нам рассказали. Вы видите сами, однако, как мы взволнованы. Времени мало. Мы должны отправиться в дальний путь, но мы к этому не готовы. Нам не хватает оружия. Не согласитесь ли вы уступить нам ваш карабин?

— Помилуйте, с величайшим удовольствием, — насмешливо ответил бандит. — Конечно, если вы только можете сейчас же уплатить мне за него пятьдесят тысяч франков. Ибо я оцениваю его именно в эту сумму.

— Я плачу сто тысяч, если вы дадите патроны, — спокойно ответил Александр.

Бандит был потрясен.

— Идет! — сказал он, протягивая Александру ружье и переполненный патронташ.

— Получите! — ответил Александр, пересыпая алмазы из своих карманов в шлем бандита, у которого дрожа-

ли руки, настолько он был взволнован выгодной сделкой. — А теперь прощайте! Благодарю вас, я ваш должник. И разрешите мне по этому случаю дать вам совет. Батоки и макололо только о том и мечтают, чтобы жить в мире. Не толкайте их на кровопролитие. Оставайтесь с ними. Добром вы от них получите все, что вы хотите. Вы меня поняли? Я сказал *все*... Все, что вы хотите...

— А теперь ответьте вы мне, — сказал бандит. — Скажите мне имя вашего друга, которому я отдал книгу...

— Граф Альбер де Вильрож.

— Ах, черт возьми, вот оно что!.. Теперь я думаю, что болван, который похитил его жену, наживет себе кое-какие неприятности... Впрочем, это его дело, и он получит только то, что заслужил. Что касается меня, то я сделал прекрасное дельце. Вы были так щедры... Постойте-ка, куда же они девались?..

Альбер, Александр и Жозеф предоставили бандиту заканчивать свой монолог в их отсутствие. Они углубились в лес и вскоре скрылись в зарослях, чем очень удивили и батоков и макололо. И те и другие были рады, что удалось избежать кровопролития, и собирались пышно отпраздновать заключение мира.

Три друга, не щадя своих сил, шагали и шагали — правильней будет сказать, что они летели. Ни слова не было произнесено. Вся жизнь свелась для них только к одному: поскорей добраться до места.

Что для них трясины, в которые они проваливаются, пни, о которые они спотыкаются, колючки, которые до крови раздирают тело! Что им тучи насекомых или стоящая в лесу температура парника! Что им, наконец, усталость, жажда, голод!

Они преодолевают все препятствия: пробираются меж поваленных деревьев, под которыми дремлют змеи, прокладывают себе дорогу сквозь заросли, перед которыми отступили бы дикие звери, переплывают опасные реки, но держат путь все на восток, все на восток.

То один, то другой идет впереди, то один, то другой падает, оступается, застревает в зарослях. Никто и не думает об отдыхе. Свисток, ауканье, поломанная ветка помогут найти дорогу тому, кто случайно отстал, но скоро обгонит своих товарищей. Братское соревнование ведет

их к единой цели. Они чувствуют, кроме того, что их беспорядочное движение нельзя останавливать, ибо его было бы невозможно возобновить. Они черпают силы в своей смертельной тревоге и все идут и идут — молча, тяжело дыша, с безумным взглядом, страшные в своем гневе и своей тревоге.

Только ночь смогла остановить их исступленный бег. Поневоле пришлось остановиться — слишком много неумолимых опасностей подстерегает путников ночью. Все трое тяжело свалились под одиноким баньяном и заснули свинцовым сном, какой всегда наступает после изнурительных усилий и душевных потрясений и почти всегда сопровождается мрачными кошмарами.

Их разбудил могучий раскат грома. Скоро должен был начаться рассвет. Но пернатые хозяева леса не приветствовали возвращение утреннего светила своей обычной музыкой. Все в испуге молчали. Заря, омраченная тучами, заставила людей вздрогнуть, как пушечный выстрел заставляет вздрогнуть две встретившиеся армии, возвещая приближение роковой минуты, когда начнется бой. К ним вернулось ощущение реальности, они молча пожали друг другу руки, и Александр произнес всего одно слово:

— Вперед!

Первые шаги давались ужасно трудно, и три друга, у которых свело все члены и которых терзал голод, не знали, смогут ли продолжать свой путь. Крупные капли дождя забарабанили по листьям, и благодетельная влага, освежая раскаленный воздух, вернула им силы и легкость. Затем над лесом разразился ливень, и все скрылось под водой — трава, ветви деревьев и сами деревья.

— Какое-то проклятье висит над нами! — воскликнул Альбер, которого душили рыдания.

— Вперед! — крикнул Александр между двумя порывами ветра. — Даже если мы не сможем пройти больше ста шагов.

— Вперед! — энергично повторил Жозеф.

И все трое, прекрасные силой своей воли, бесстрашные перед разгулом стихий, продолжали идти, — слабые люди, затерянные среди громадного леса. Они наталкивались на гигантские деревья, вырванные с корнем, запу-

тывались в лианах, падали и снова вставали, как будто становясь еще сильней и смелей.

Мало-помалу в лесу стало светлеть. Мягкий песок, прибитый дождем, пришел на смену неровностям лесной почвы. Ураган успокоился, стихали раскаты грома. Вскоре солнце разогнало тучи, пробило мутную завесу тумана и пролило на землю лучезарные потоки. Друзья вышли на просторную и совершенно открытую поляну. У их ног речка, раздувшаяся после ливня, катила насыщенные песком желтые воды, на которых плавали и кружились всякого рода обломки.

Поток имел в ширину метров двести, но в обычное время был, по-видимому, всего лишь скромным ручейком. По ту сторону стоял тяжелый фургон. Он был наполовину затоплен и торчал посреди воды, как скала из дерева и брезента. Положение его было критическое. Тем, кто там находился, грозила непосредственная опасность, если только они не успели уйти до наводнения.

Необычайное впечатление произвел на Альбера вид этого фургона. Де Вильрожа охватило непостижимое, хотя как будто ничем не оправданное предчувствие, которому разум не может сопротивляться. Бессознательным движением руки он показал на фургон Александру, но тот лишь покачал головой и пробормотал:

— Все фургоны похожи один на другой. Почему ты думаешь, что это именно тот самый?

— Почему бы нет?

— Надо подождать, когда спадет вода. Тогда увидим.

— Я ждать не могу.

— Пуститься вплавь — значит идти на верную смерть. Через несколько часов река войдет в свое русло.

— А не поискать ли нам более узкое место где-нибудь вверх по течению?

— С удовольствием. Но только без спешки. Тем более, что, по-моему, в фургоне никого нет...

Воздух, промытый дождем, стал так прозрачен, что можно было различить мельчайшие подробности, как если бы расстояние уменьшилось наполовину. И все трое были изумлены, когда отчетливо увидели человеческую фигуру, которая вылезла из воды и взобралась на передок фургона.

По ту сторону ручья был виден наполовину затонувший фургон.

— Смотри! Смотри! — воскликнул Альбер задыхаясь.

Затем над водой пронесся полный отчаяния крик женщины, взывавшей о помощи.

Дрожь охватила всех троих.

Человек, который вылез из воды, выпрямился во весь рост. Тут Альбер зарычал от ярости: он узнал неуклюжую фигуру.

— Клаас! Бур Клаас!.. Я так и думал!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Отчаяние. — Неожиданная помощь. — Противоядие. — Примочки из мокуна. — Ужас бандита. — Сейчас фургон будет затоплен. — Фургон-корабль. — Бушующий поток. — Разлив. — В лагере. — Доморощенные врачи. — Зуга и бушмен. — Мастер Виль. — Подлое предательство. — Обвинение в убийстве. — Фургон скрывается под водой.

От дикого способа самозащиты, который придумал Клаас, пострадали все купавшиеся в отравленном ручье, однако на некоторых сок молочая подействовал не так сильно. Несмотря на жгучую боль, они все же могли кое-как помочь тем, кто совершенно потерял зрение. Если бы не эта помощь, ослепшие неминуемо погибли бы во время наводнения. Последний из них был выведен на берег как раз в ту минуту, когда прокатился первый гром, лишь на несколько минут опередивший неожиданное бешенство стихий.

Было бы невозможно и вместе с тем излишне описывать поляну, которая только что была полна веселья. Теперь здесь раздавались проклятия на всех языках, вой злобы и отчаяния смешивался со стонами. Жестоко пострадавшие люди не знали, какой таинственной причине приписать внезапно приключившееся с ними несчастье. Они примешивали к проклятиям душераздирающие мольбы о помощи, но никто не знал, как им помочь.

Однако первые капли дождя, падая на искаженные страданием лица, промыли изъязвленные веки, и это принесло некоторое облегчение. Но оно было недостаточным и кратковременным. Если не применить энергичное и дей-

ственное лечение, то большинство пострадавших останутся слепыми на всю жизнь.

Именно в это время прибежали на крики два человека, бродивших в лесу, — два негра. Вся их одежда состояла из куска синеватой бумажной ткани, обмотанной вокруг бедер. У каждого был лук, колчан из шкуры леопарда и связка копий. Один из них — кафр могучего сложения, стройный красавец с умным лицом. Второй ростом меньше. У него кривые ноги, длинные руки, он коренаст и, должно быть, обладает атлетической силой. Его плоское, как бы расплющенное лицо кажется свирепым, но оно выражает только сострадание.

Кафр обращается к своему товарищу и гортанным голосом произносит длинную фразу. А тот отвечает жестом, который у всех народов означает сомнение: «не знаю». Тогда первый подходит к одному из пострадавших, осматривает его глаза, потом переходит к другому, к третьему и видит тождественность симптомов. Он многозначительно покачивает головой и обращается к одному из тех, кто наименее пострадал. Тот скорей угадывает, чем понимает, о чем его спрашивают. Ему известно, что туземцы нередко знают прекрасные средства против некоторых местных болезней. Он показывает на реку и знаками объясняет, что все пострадали от купания в реке. Негр улыбается, быстро оглядывает речку, по которой хлещет дождь, погружает в нее палец и пробует на язык.

«Я не ошибся», — как будто говорит он своему товарищу, который тоже окунул палец в воду и, поднеся его к лицу, тоже делает многозначительную гримасу.

Они быстро обмениваются несколькими словами, среди которых часто слышится слово «мокун». Затем оба бегом пускаются в лес, но оставляют оружие на месте, как бы желая сказать: «Мы вернемся».

Тот, к кому обращены эти слова, сразу успокаивается и обнадеживает товарищей. Отсутствие негров крайне непродолжительно. Они быстро возвращаются, и каждый несет огромную охапку веток, густо покрытых листьями. В эту минуту разражается гроза, начинается ливень. Однако на разгул стихий негры не обращают никакого внимания. Они набивают себе рот листьями и быстро их жуют. Затем, когда изо рта у них начинает течь зеленая

слюна, они обращают внимание на заполненные дождевой водой миски, очевидно принадлежащие больным, и энергично выплевывают в них свою зеленую жвачку, уже обратившуюся в кашицу, и еще интенсивнее разминают ее между пальцами. Первый, к кому они обратились, нетерпеливо следит за их работой, понимая, что негры приготовляют целебное снадобье. Он отрывает от своей сорочки кусок полотна, обмакивает его в этот несложный продукт туземной фармакопеи и, полный надежды, прикладывает к глазам. У него вырывается крик. Он чувствует острую, колющую боль, которая отдает в мозгу. Но это продолжается не больше минуты, затем боль стихает, как по волшебству. Он снимает тряпочку и не может сдержать радость: к нему вернулось зрение. Если не считать неприятного ощущения, похожего на то, какое вызывает песчинка или волосок, попавший в глаз, он здоров.

— Мужайтесь, друзья! — кричит он голосом, который перекрывает раскаты грома. — Мужайтесь, мы спасены!.. Все работоспособные — за работу. Идите помогите этим славным неграм, они одни не управятся. И торопитесь!

Эти слова воодушевляют больных. Надежда как будто возрождается. Всем раздают пригоршни листьев. Люди жуют изо всех сил. Им до того не терпится получить облегчение, что они уже не растворяют свою жвачку в дождевой воде, а прямо прикладывают к глазам. Ничего, впрочем, не меняется, потому что дождь все равно льет, как из ведра; он проникает в глаза и способствует попаданию целебного сока во все складки разъеденной слизистой оболочки.

Негры разрываются на части, они бегают от одного больного к другому, раздают листву, меняют примочки и под проливным дождем смеются своим добрым и заразительным смехом.

На смену недавнему бешеному рычанию приходят счастливые вздохи — подлинный благодарственный молебен. Не ко всем вернулось зрение, но стихли боли, и всё позволяет надеяться, что полное исцеление не заставит себя ждать. Тот, кто был первым пациентом этих домороще́нных врачей, с любопытством осматривает целебное растение и как будто узнает его.

— Мокун? — спрашивает он.

— Мокун, — отвечают оба негра.

— Но, если я не ошибаюсь, он убивает быков? Да, конечно. Вот здорово! Ведь это те самые листья, которыми Корнелис и Питер отравили быков своего дорогого братца. Я отлично слышал, как Одноглазый наказал этому субъекту, которого они зовут «Кайман — Пожиратель людей», набросать в крааль мокуна. Для быков! Ну и грязную штучку сыграли они с мастером Клаасом! Теперь он застрял в низине, выехать у него не на чем, а вода прибывает и прибывает. Он вполне может утонуть... Но, в конце концов, это его дело! Джентльмен не заслуживает сочувствия! Почему он не захотел честно войти в компанию с нами? Почему он заперся, как дурак, в этом доме на колесах и говорил, что весь клад заберет себе? Если он утонет, тем хуже для него, а мы избавимся от лишнего конкурента. Но все-таки интересно знать, что же это с нами-то приключилось? Уж нет ли и тут чьей-нибудь дьявольской проделки? Кстати, куда девались буры? И где миссионер? Уж не предали ли нас эти мошенники? Не перешли ли они к Клаасу?

Читатель видит, что этот человек не так уж ошибался: Корнелис, Питер и его преподобие действительно совершили черную измену в отношении всей их компании. Но жулики не перешли на сторону Клааса — у них было другое на уме.

А Клаас, увидев, что надвигается потоп, решил было вывести из фургона Эстер и госпожу де Вильрож и тем избавить их от неминуемой смерти. Но вода подымалась так быстро, что он просто не успел. Все менялось в этой открытой низменной местности на глазах, все преображалось. Тысячи мелких потоков прибывали со всех сторон, и вода сразу поднялась до осей фургона. Клаас ругался, увидев, что берега удаляются и удаляются и что спастись вплавь он не может, ибо всей его атлетической силы не хватит на борьбу с таким стремительным разливом.

Через несколько минут произошел сильный толчок — нечто вроде девятого вала, которого так боятся мореплаватели. Волна ударилась в стенки фургона, и они жалобно застонали. Крик ужаса вырвался у несчастных узниц. Их положение было тем более ужасно, что они сидели почти в полной темноте.

По необъяснимой случайности фургон не опрокинулся и не рассыпался под напором воды, он только медленно покачивался, как суденышко, оставленное на прибрежном песке и поднимаемое приливом. Никакого сомнения — фургон поплыл. Правда, плавал он тяжело, но ему уже не грозила опасность утонуть. И осадка у него была прекрасная, благодаря весу, в особенности благодаря осям и колесам, которые служили естественным балластом.

Клаас удивлялся, как мог бы удивляться только повешенный, если бы оборвалась веревка, на которой он болтался. Бандит вошел в свой закуток, неожиданно ставший баком, после того как фургон стал кораблем, и принялся изучать этот корабль. Сооружение было сколочено на вид грубо, но удивительно прочно, что делало честь предусмотрительности прежнего владельца. Остов из легких, но крепких досок был изнутри обит тонкой жестью, поверх которой были натянуты плетеные циновки. Две продольные балки образовывали как бы пояс судна и придавали ему устойчивость. Были приняты все меры к тому, чтобы обеспечить и полную водонепроницаемость, — все щели были хорошо законопачены. Как истинный дикарь, Клаас раньше не замечал, что предусмотрительное устройство фургона ограждает путешественников от опасности столь часто здесь происходящих гибельных наводнений. Клаас видел только фургон как фургон — такой, в каких здесь разъезжают с первых дней колонизации.

— Ах, черт возьми, — воскликнул он, сразу успокоившись, — надо признаться, что мне все-таки везет в жизни! Люди, которые дали себе труд отравить быков, конечно, не предвидели, что фургон снимется с места благодаря такому двигателю, который не боится ни мухи цеце, ни листьев мокуна. Бедные мои быки! Вот их уносит течением. Какая радость для крокодилов! Да, а что с вояками, которых привели мои братья? Я не слышу криков. Уж не утонули ли они? Удивительная тишина!.. Впрочем, черт с ними. А я должен отсюда выбраться... Гроза успокаивается, дождь проходит, солнце начинает пригревать — вот как раз и подходящая минута, чтобы тронуться в путь. Правда, я не имею опыта, но раз уж я стал капитаном этого чудного корабля, то приведу его в тихую пристань.

Клаас раньше не замечал, что устройство фургона ограждает путешественников от опасности наводнения.

Надо только действовать энергично и осторожно... И прежде всего нужно иметь чем грести... Да вот хотя бы этим!..

К наполовину разрушенному забору течением прибивало вывороченные бурей деревья. Клаасу только оставалось выбрать достаточно ровную, длинную и крепкую ветвь. Отрубить ее и освободить от листьев было делом минуты. Лопастью послужила крышка ящика из-под бисквита. Гвозди и молоток нашлись.

Вода все еще прибывала, хотя буря кончилась. Еще немножко — и фургон поднимется выше забора. Клаас решил дождаться этой минуты, а пока принялся за еду, в чем его крепкий организм весьма нуждался.

А в это время разбитые усталостью, измученные голодом, истерзанные тревогой Альбер, Александр и Жозеф добежали до тех самых скал, где Клаас нарезал молочай. Ручей обратился в бурный поток, но место здесь неширокое, хотя быстрота течения и опасна.

— Вот где нам надо переправиться, — сказал Александр, — либо подождать, когда спадет вода.

— Переправимся сейчас, — предложил Альбер, у которого от волнения стучали зубы. — И надо не промочить патроны: они могут нам пригодиться.

— Я иду первым.

— Я за тобой.

— Подожди минуту. Видишь, плывет дерево, вырванное бурей? Оно все опутано лианами. Надо его поймать.

Александр бросился в воду, нырнул, чтобы попасть в более тихое течение, и снова появился метрах в тридцати. Он увидел, что дерево зацепилось за скалу, и вскрикнул от радости. Желая облегчить переправу своим товарищам и помочь им сохранить сухими их ружья и заряды, он вернулся, гребя одной рукой и держа в другой руке лиану, при помощи которой рассчитывал установить сообщение с противоположным берегом. Конец лианы был привязан достаточно крепко. Альбер и Жозеф, разгадав остроумную мысль своего друга, заблаговременно укрепили у себя на плечах карабины и патроны и перешли на противоположный берег, держась за импровизированный трос.

Вода лила с них ручьем, когда они пришли на бивуак,

расположенный как раз позади тех скал, где еще недавно рос молочай. Тут они попали в самую гущу слепцов, которые прозрели благодаря вмешательству двух негров и теперь возносили благодарственное молебствие. А негры тотчас заметили новоприбывших и испустили громкий и веселый крик, на который тотчас ответили три крика радости.

— Белые вожди!..

— Зуга! Ты? И бушмен!.. Славные наши товарищи!..

Они обменялись крепкими и сердечными рукопожатиями, более выразительными, чем всякие долгие речи.

Неожиданное появление двух помощников, силу и непоколебимую преданность которых они уже давно оценили, было для французов огромной поддержкой.

Нескольких слов французам было достаточно, чтобы посвятить негров в свои дела, и вот все устремляются к фургону, который мерно покачивается на воде.

Внезапно в нескольких шагах раздаются крики. Потрясая оружием, бежит группа европейцев, — человек пятьдесят, одетых как обычно одеваются на алмазных приисках. Во главе выступает человек, в котором французы тотчас узнают мастера Виля. Но французы слишком озабочены своими делами и не замечают, что их бывший спутник держится как-то странно. Они не успели оглянуться, как их окружили люди, вид которых не внушал ни малейшего доверия.

— Мастер Виль, — воскликнул Альбер, — мы оказали вам кое-какие услуги... Вы нам обязаны жизнью... Я обращаюсь к вашим чувствам... к вашему сердцу... Моя жена похищена бандитом... Она в нескольких шагах отсюда. В этом фургоне... Помогите нам спасти ее от смертельной опасности... вырвать из рук мерзавца, который держит ее в плену... Помогите, мастер Виль!

Полицейский кивает своему отряду, вытаскивает из-за пояса револьвер и спокойно процеживает сквозь зубы:

— Арестуйте этих трех человек!

Альбер, Александр и Жозеф ошеломлены, они окаменели, они не могут верить ни своим ушам, ни глазам. Грубое прикосновение возвращает их к действительности. Никаких сомнений: презренный полицейский пес изменил им... Почему? С какой целью?

Но не такие они люди, чтобы этак вот дать себя арестовать, как каких-нибудь жуликов, и не оказать сопротивления. Они бешено отбиваются, они катаются по земле, увлекая за собой каждый по нескольку человек, и пытаются, хотя и тщетно, вырваться. Напрасные усилия. Их связывают, грубо бросают на землю и лишают возможности сделать малейшее движение. У Альбера глаза наливаются кровью, пена выступает на губах, он рычит и кусает веревки, которые до крови стягивают ему руки. Ценой огромного усилия ему удается встать. Он бросает полубезумный взгляд в сторону реки и видит, что фургон медленно скользит по бурным волнам. Де Бильрож вскрикивает в последний раз и падает без чувств.

— Послушайте-ка, мерзавец, — кричит мастеру Вилю Александр, — что это за гнусное злоупотребление властью? Почему вы нас арестовали? Кто вы такой? В чем вы нас обвиняете?

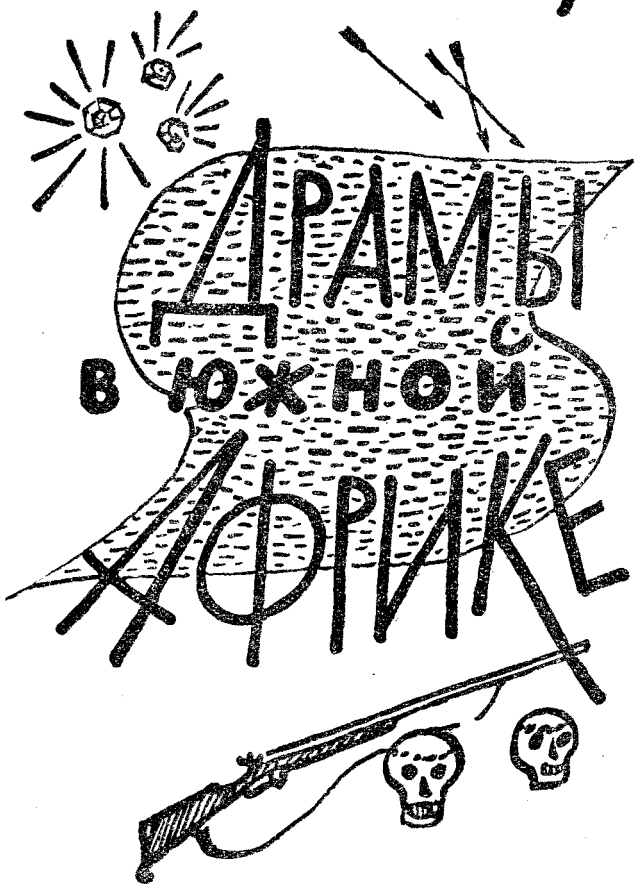
— Я служу в колониальной полиции и прикомандирован к Нельсонс-Фонтейну. Я все время следил за вами. Никакого злоупотребления властью здесь нет, ибо мы находимся на земле ее величества королевы. Вы обвиняетесь в убийстве и грабеже, а эти двое — ваши сообщники... Вы ответите за это двойное преступление перед представителями британского правосудия. И по закону...

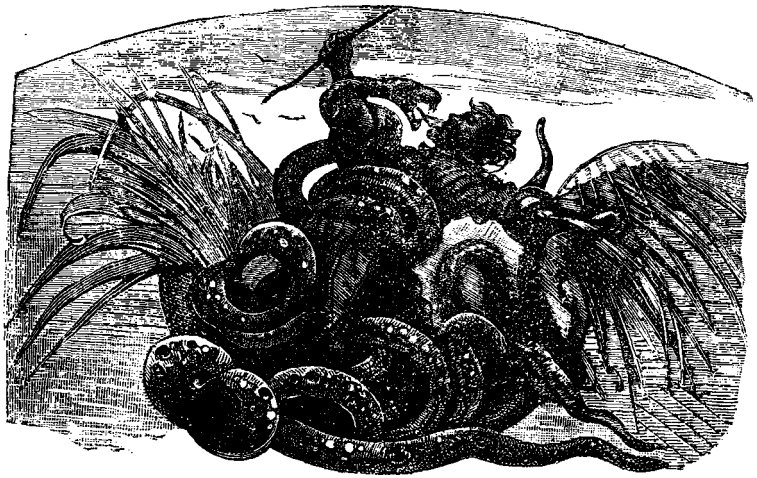
Александр хочет энергично протестовать, когда к Альберу, как бы для оказания ему помощи, подходит человек, одетый по-мексикански. Это тот самый, который помог Жозефу в его поединке с американцем Диком. Он дотрагивается до Жозефа и тихо говорит ему несколько слов по-испански. Каталонец вздрагивает и застывает в неподвижности. Но когда мексиканец снова склоняется над Альбером, все еще лежащим в обмороке, Жозеф, у которого неожиданный союзник перерезал веревки, быстро вскакивает, сбивает с ног людей Виля, стоящих у него поперек дороги, и бегом пускается в лес.

— Ко мне, Зуга! — громко кричит он. — Аваи! Аваи! Месье Александр, я свободен! Подожди ты у меня, английская собака, я еще с тебя шкуру спущу! А мадам Анна будет спасена.

Конец второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ





ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наводнение. — Его преподобие утратил всякий престиж. — Питер не доверяет грамотным людям. — Три негодяя изумлены. — Боксер. — Братья получают взбучку. — Незнакомец приводит их в чувство. — Корнелис и Питер находят себе хозяина. — Тревога. — Опять Сэм Смит. — История бандита. — Донос. — Пятьдесят ударов кнутом. — Как слон мстит крокодилу. — Муки его преподобия. — Загадка.

— Поправьте огонь, Питер. Я продрог до костей.

— Да, после бури и наводнения стало в самом деле свежо...

— Брр! Говорят, на родине наших предков, в Голландии, такая температура стоит шесть месяцев в году... Если это верно, я сто раз предпочитаю колонию.

— Правильно, Корнелис! Ох, и выпил бы я сейчас пинту горячего кап-бренди!..

Питер заворчал, закашлял, как бык, страдающий воспалением легких, поднялся, взял из приготовленного на ночь хвороста большую охапку и бросил в огонь.

Смолистые ветки шумно затрещали, в темноте стали плясать языки пламени.

— Вы, по-видимому, хотите привлечь сюда всех белых и черных висельников, которые бродят поблизости! — сердито воскликнул его преподобие.

Он был в одном своем узком сюртучке и все же казался совершенно нечувствительным к промозглой сырости, которая окутывала их, как ледяной саван.

— Хотел бы я знать, кто может напасть на нас и с какой стороны? — угрюмо отозвался Корнелис. — Но все же мы дорого платим за свою безопасность. И все из-за вас! Мы попали в гнусное положение. Мы, как дураки, поплелись за вами на эту узкую косу, потому что вы обещали найти какую-то точку, якобы отмеченную на вашей хваленой карте. А вы ровно ничего не нашли! Зато мы отрезаны от побережья и будем здесь торчать, пока не кончится наводнение.

— Я, что ли, виноват, если из трех акаций, обозначенных на карте, одна исчезла! Вы, я вижу, от жадности поглупели. Вместо того чтобы хныкать, вы бы лучше пораскинули мозгами, как нам отсюда выбраться и начать новые поиски, когда взойдет солнце.

— Довольно, старый мошенник! Какое право вы имеете давать нам советы и делать нам упреки?.. И нечего лазить в карман за револьвером! Вы пикнуть не успеете, как попадете к аллигаторам. Вот они плещутся! Об этом я сам позабочусь. Так и знайте!

— Вы?

— Да, я, черт вас возьми! Не знаю, что меня удерживает до сих пор!.. Как подумаю, что я имел глупость верить всем вашим небылицам, всему, что вы брехали об этой вашей грязной тряпке!.. Вы ее прячете, как святыню, будто по ней в самом деле можно найти клад, за которым мы гоняемся!..

— Корнелис прав, — согласился Питер. — Вы, европейцы, только о том и мечтаете, чтобы спекулировать на нашей шкуре, вы нас грабите и обираете... Да и вообще нельзя верить людям, которые знают грамоту.

— Правильно! — перебил его Корнелис. — На какого черта нужна грамота таким ребятам, как мы, с такими руками и ногами?

— На какого черта она нужна людям, которые умеют сразу найти верную дорогу для пули?..

— И для которых топор в тридцать фунтов все равно, что соломинка!

— Взять хотя бы Клааса. Вот кто понимает толк в жизни!..

— И, вместо того чтобы настраивать нас против брата, сеять среди нас раздоры и распылять наши силы, разве не было бы умней действовать всем сообща?

Его преподобие выслушивал упреки с полнейшей невозмутимостью. Он уставился на обоих буров своими стальными глазами и как будто собирался дать резкую отповедь.

Но позади него внезапно раздался взрыв смеха, и слова, которыми его преподобие рассчитывал испепелить бунтовщиков, застряли у него в горле.

Если бы внезапно появился вооруженный отряд негров или напали дикие звери, трое белых не были бы захвачены врасплох, они сумели бы защищаться. Но раскат веселого смеха здесь, в этом месте и в это время, привел их в состояние, близкое к столбняку. В особенности были ошеломлены буры. Братьям сразу померещилось, что дело не обошлось без вмешательства сверхъестественной силы.

Что касается его преподобия, то он был чужд таких ребяческих слабостей, однако даже его охватило какое-то зловещее предчувствие, и, быть может, впервые в жизни он испытал страх.

Побороть этот страх его преподобие не успел — времени не хватило.

Под чьими-то резкими шагами захрустели ветки, и в полосе света возникла фигура человека высокого роста, одетого по-европейски и с тяжелым карабином за спиной. Едва увидев, что призрак имеет облик живого человека, братья-буры вскочили, точно их подбросило пружиной. Но заметив, что человек этот один, они не сочли нужным взяться за оружие. Просто они опустили ему на плечи свои тяжелые руки, видимо ожидая, что, несмотря на свое атлетическое сложение, он согнется, как тростник.

Правда, Корнелис умел повалить быка, а для Питера

было забавой остановить на бегу жеребца-трехлетку, схватив его за заднюю ногу. Но незнакомец оказался крепок, как железный столб. Белые дикари были изумлены и снова подумали, нет ли здесь все-таки сверхъестественной силы.

Однако человек, который стоял перед ними, явно был сделан из костей и плоти. Корнелис и Питер очень скоро в этом убедились. Незнакомец без видимых усилий высвободился, сложил руки на груди, моментально занял безупречную позицию для бокса, и тотчас его кулаки, выбрасываемые вперед с большим уменьем и непреодолимой силой, стали обрушиваться на Корнелиса и Питера, как молоты.

Корнелис, получив сильный удар в живот, простонал «ах!», всплеснул руками, шлепнулся, как туша, и растянулся во весь свой рост.

— Он и так одноглазый, не надо выбивать ему второй глаз, — пробормотал боксер.

Питер хотел сделать быстрый бросок в сторону, но не успел — он получил такой удар по лбу, точно его хватили дубиной. У него сразу подкосились ноги, он вскрикнул и свалился на своего старшего брата, который все еще не мог очнуться.

А сам боксер оглядел эту живописную картинку и, как бы не замечая его преподобия, у которого зубы стучали от ужаса, сказал:

— Прекрасный двойной удар! Мой первый учитель Вильям Гаррисон был бы вполне доволен, если бы старый Колкрафт не оказал этому достойному человеку последнюю услугу в Ньюгейте.

Услышав имя Вильяма Гаррисона, его преподобие вскочил, как если бы у него над самым ухом выстрелили из револьвера.

— Вы сказали... Вильям... Гаррисон?..

— Молчать, мошенник! — строго оборвал его незнакомец. — Будешь говорить, когда тебя спросят. Отдай оружие!.. Живей!..

Его преподобие обезумел от страха и отдал свой револьвер.

— Так. Это не все. Мне нужна карта местности, о которой вы только что говорили.

У Питера сразу подкосились ноги, он вскрикнул и повалился на своего старшего брата.

— Но...

Его преподобие пытался протестовать, однако все его нахальство пропало — оно уступило место силе.

— Живей, говорю! — понукал незнакомец. — Я никогда не повторяю своих приказаний два раза.

Его преподобие, трясясь всем телом, отдал карту.

— Так... Пока довольно, — сказал незнакомец. Видя, что буры все еще лежат неподвижно, он прибавил: — Надо привести их в чувство. Чего они валяются, как телята?

Но его преподобие был слишком ошеломлен и не понял, чего от него хотят.

— Ну-ка, нечего ломаться! — крикнул незнакомец. — Ты ведь знаешь, как действуют в таких случаях на золотых приисках. Чем проще, тем лучше... Не бойся, они живы! Я убиваю кулаком, только когда хочу этого. Расстегни им куртки. И рубашки... Раскрой грудь... А теперь возьми головню и нажми... крепче... так, чтобы прожгло шкуру.

Раздалось шипение, послышался тошнотворный запах обожженного мяса, но Корнелиса и Питера этот лечебный прием вернул к жизни, и они стали выть и рычать, как одержимые.

— Вот и хорошо! — с саркастическим смехом сказал боксер. — А теперь встать! И избавьте меня от вашего пения! Иначе я вам быстро заткну глотки!..

Корнелис и Питер были подавлены, укрощены и, превозмогая страшную боль от ожога, сразу покорно замолчали. События развернулись с такой быстротой, удары, которые посыпались на братьев, были до такой степени сильны, что мозги у буров уже не работали, да и дышать им было трудно.

Они медленно отодвинулись один от другого, мутными глазами взглянули на костер и тяжело, как пьяные, сели.

— Даю честное слово, — ворчал Корнелис, — у меня такое ощущение, точно меня ударил ногой мой пегий конек Клейнбой.

— А мне все кажется, — бормотал Питер, — что мне на голову свалилось бревно в сто фунтов весом.

— Между тем вы получили только по одному разу

кулаком от вашего покорного слуги, — насмешливо и вызывающе заявил грозный незнакомец. — Ну ладно, будет, вставайте! Нам надо поговорить. И главное, пусть вам не вздумается протянуть лапы к вашим уважаемым ружьям, иначе вам придется проглотить то, что лежит у меня в карабине, в обоих стволах.

Буры были унижены и еще больше огорошены этой самоуверенностью незнакомца, которую подкрепляла столь внушительная физическая сила. Они встали, и движения их были подобны неловким движениям лошади, которую впервые загнали в оглобли.

— А теперь слушайте меня, — сказал незнакомец. — Само собой разумеется, отныне вы находитесь в полном моем подчинении. Я вам кое-что показал. Это был лишь слабый образец... Признаю, я был немного резок, но иначе невозможно. И, наконец, так мне захотелось. К тому же для ваших мозгов это было более понятно, чем длинные речи.

Корнелис и Питер издали ворчание, которое в крайнем случае могло сойти за выражение согласия.

— Я буду приказывать, а вы будете беспрекословно исполнять. Потому что я сильней. А также умней. Вы будете мне принадлежать телом и душой в течение некоторого времени. Надеюсь, оно не будет продолжительным. Залогом вашей преданности будет ваша жизнь и в еще большей мере — ваша личная заинтересованность.

Обе скотские физиономии несколько прояснились, а Питер, несмотря на синеватое вздутие, которое появилось у него на лице, даже попытался улыбнуться.

— Договоримся, джентльмен, — сказал он. — Правда, рука у вас тяжелая, но ваши речи — золото.

— Алмазы, хотите вы сказать, приятель!..

— Простите мое любопытство: вы тоже думаете найти сокровища кафрских королей?

Ораторский прием Питера, осторожность, с которой он задал интересовавший его вопрос, доказывали, что неотесанный чурбан стал менее грубым.

А незнакомец ответил со снисходительным высокомерием:

— Я не только думаю, но беру вас обоих в помощники. Добычу я поделю с вами по вашим заслугам и по

своему усмотрению. Но вы вполне можете положиться на мою щедрость.

— Идет! По рукам! — воскликнули оба гиганта и протянули руки.

— Прочь лапы, ребята! — резко оборвал их незнакомец. — Не люблю фамильярностей!

Позади легкой зеленой изгороди, которая их окружала, послышался какой-то плеск.

Незнакомец напряг слух, стараясь определить источник этих неожиданных звуков.

— Это вас зовут Питер? — обратился он к тому из двух буров, у которого был рубец наподобие пробора.

— Да, джентльмен.

— Возьмите ваше ружье, дойдите до реки и тщательно осмотрите местность. Если увидите что-нибудь подозрительное, стреляйте и немедленно возвращайтесь. Было бы, право, слишком глупо с нашей стороны дать себя застигнуть врасплох, как я вас застиг только что. Кстати, пирога, на которой я прибыл, привязана к коряге по ту сторону островка. Посмотрите, на месте ли она. Ступайте!

Питер схватил ружье и скрылся в зарослях.

Он вернулся примерно через четверть часа. Корнелис стоял перед их новым хозяином, а лжемиссионер сидел на земле и смотрел по сторонам, как волк, попавший в капкан.

— Все спокойно, джентльмен, — доложил Питер. — Пирога на месте. Что касается шума, который мы слышали, то я думаю, что виноваты два каймана, попавшие на отмель. Они скрылись, когда увидели меня.

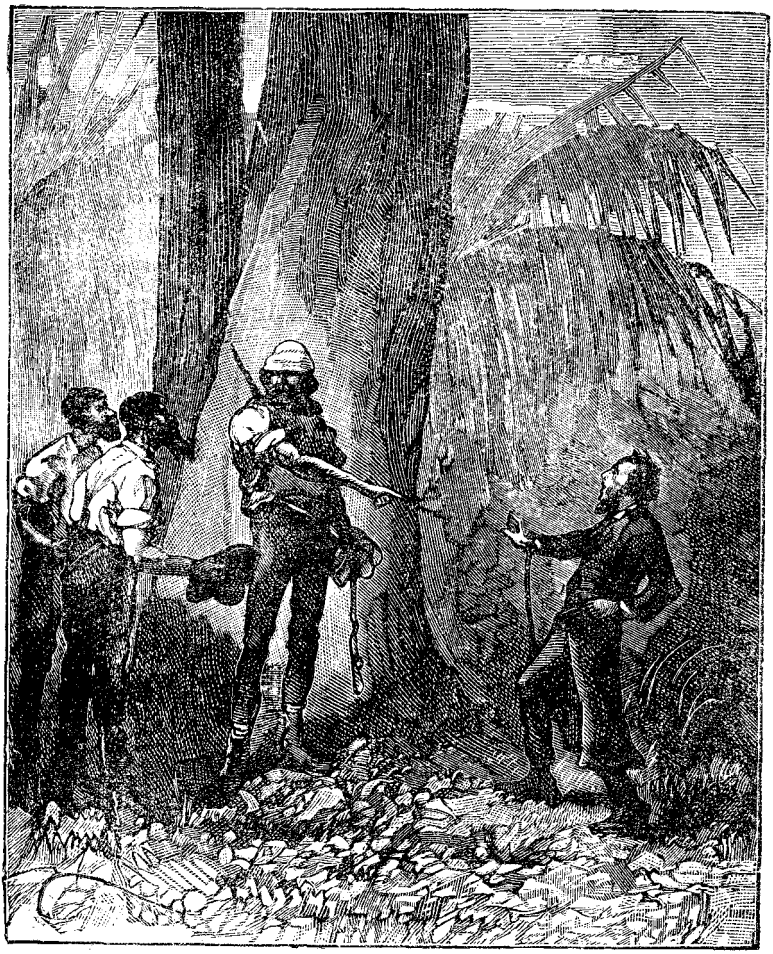
— Так. Они, однако, любопытны, эти кайманы. Надо будет понаблюдать за ними. Я только что сказал вам, что скоро мы завладеем кладом и разделим его на три части.

— Ваша милость хотела сказать на четыре... Это много...

— Моя милость хотела сказать на три. Так она и сказала. Группа состоит из трех человек. Кое-кто из здесь присутствующих в дележе участвовать не будет...

Лжемиссионер быстро поднял голову.

— Я имею в виду, — пояснил незнакомец, — эту



— *Прочь лапы, ребята! Не люблю фамильярностей!*

личность, которую вы зовете «ваше преподобие». У него есть другое имя. Не так ли, Джемс Виллис?

— Пощади! Смилуйся, Сэм, не убивай меня!

— Молчать, когда я говорю! Ты меня не узнал, когда я перевозил тебя и твоего дружка на островок у большого водопада? Правда, я сам позаботился об этом — я закрыл себе лицо. Была минута, мне хотелось раскроить тебе череп. Но я решил отложить это до другого раза. Я надеялся еще повстречаться с тобой. И хорошо сделал, потому что вот я забрал у тебя карту, которую ты так тщательно прятал. А уж с картой в руках я разыщу клад непременно.

— Как? Карта у вас, джентльмен? — с удивлением воскликнул Корнелис. — Стало быть, ваша милость грамотны?

— Корнелис, вы задаете слишком много вопросов. Я этого не люблю. У вас всего один глаз, но вы еще сохранили оба уха. Раскройте их и слушайте хорошенько, что я говорю. Да, черт возьми, карта местности, составленная английским миссионером, у меня. Не так уж трудно было догадаться, что этот жулик держит ее у себя в кармане: вы сами орали об этом, как цапли. Так вот, ребята, слушайте меня и не перебивайте...

Он обратился к лжемиссионеру:

— Займемся тобой, Джемс Виллис. Мы-то ведь старые знакомые, не так ли? Ты отлично помнишь тот день, когда мы встретились впервые. Я был матросом на клипере «Аделаида», который разбился о подводные скалы в проливе Торреса. Судно, шедшее под голландским флагом, сняло со скалы трех оставшихся в живых. Они умирали от голода. Я был один из них. Не раз приходило мне в голову, что уж лучше бы мои кости высохли и валялись где-нибудь среди камней, чем вести страшную жизнь, какую я веду с тех пор. Но что сделано, то сделано. Люди, которые нас спасли, оказались просто-напросто пиратами. Они грабили австралийское побережье. Ты это отлично знаешь, потому что ты был одним из хозяев предприятия. Я нисколько не упрекаю тебя в том, что ты заставил меня наняться к твоим головорезам. Я мог не соглашаться и не слезать со скалы. Но я был молод, мне хотелось жить... И, наконец, было во

мне, вероятно, что-то и от рождения, благодаря чему я стал Сэмом Смитом...

Едва было названо это грозное имя, буры затряслись.

— Одно слово, джентльмен, — почти робко попросил Корнелис.

Смит кивнул головой, как бы разрешая ему говорить.

— Мы знаем ваше имя и вашу славу и должны вам покаяться: у нас есть враг, он француз, и однажды мы пытались взвалить на него ответственность за ваши дела.

— Да. Я знаю. Наше удивительное сходство не раз навлекало на него неприятности.

— Джентльмен, нам больше не о чем говорить. Для нас ваше имя — лучшая гарантия. Располагайте нами. Мы вам принадлежим телом и душой. Верно, Питер?

— Верно, — ответил тот.

— Джентльмену незачем было убивать нас. Достаточно было назвать свое имя.

— Ладно. Давайте дальше, — нетерпеливо перебил его Смит. — Ты меня слышишь, я надеюсь, Джемс Вилис? В твоем приятном кругу я снова встретил моего бывшего боцмана. У вас он был возведен в ранг помощника капитана. Вильям без труда заставил меня отбросить последние колебания. Я следовал его примеру и слушался твоих советов. Благодаря этому я скоро стал законченным негодяем. Однако наша компания распалась. Вышла неприятность, какие часто случаются; одни были перебиты в горячей схватке с матросами какого-то крейсера, других повесили, остальных угнали на Тасманию. Что касается меня, то я успел бежать. С тех пор я делал в жизни все, кроме добра. Бывший пират стал грабителем. Несколько лет я был грозой золотоискателей в Австралии. Но меня загребла колониальная полиция, и мы с тобой повстречались в Хоббарт-Тоуне, на каторге. Однако люди нашего склада не умеют долго оставаться под охраной тюремщиков. Мы решили бежать. Ты был душой заговора. Все было подготовлено. Нам предстояло вот-вот вырваться на свободу. Но какой-то мерзавец нас выдал. Я получил пятьдесят ударов кнутом. Должно быть, я живуч, если уцелел, потому что палач меня не щадил. Но всякий раз, как кнут вырывал у меня кусок мяса, я клялся найти того гнусного мерзавца, из-за ко-

торого мне пришлось вернуться на каторгу да еще вынести такую страшную порку. Предателя сначала перевели в другую тюрьму, а затем помиловали. Это его и разоблачило в глазах всех его жертв. Два года я прожил за решеткой, но жил я только ради мести. Наконец мне все-таки удалось бежать. Очень трудно удержать в клетке таких зверей, как я. Я обошел всю Австралию и всюду сеял ужас: я искал моего врага, я искал его со всем упрямством неутоленной ненависти. Но тщетно! Жулик точно сквозь землю провалился. Прошли годы, я вернулся в Европу и обшарил весь уголовный мир, все подонки. Опять тщетно. Я так и вернулся в Австралию, ничего не добившись. Я уже стал отчаиваться. Мне даже приходило в голову, что эта личность отдала наконец душу черту, как вдруг я нашел след в Капской колонии. Меня, знаете, трудно удивить, но, увидев его в облике миссионера-проповедника, я остолбенел. Однако я не ошибался, это был он. Чучело, которое в Западном Грикаленде гнусавило чернокожим евангельские проповеди, было моим старым товарищем по каторге, тем самым предателем, который меня выдал. Это был Джемс Виллис.

— Пощади!.. Пощади!.. — заикаясь, бормотал лжемиссионер, совершенно обезумев от страха.

А Смит невозмутимо продолжал свою речь. Его волнение проявлялось разве только в том, что он подчеркивал некоторые отдельные слова:

— Теперь ты умрешь... медленно... в одиночестве... От жажды... от голода... Насекомые перегрызут твою шкуру... Черви будут жрать тебя живьем... Солнце выжжет тебе глаза... Мозги будут вариться у тебя в черепе; ты будешь звать смерть, но она не станет торопиться... Ты ведь знаешь, Джемс Виллис, как слон мстит своему вечному и беспощадному врагу — крокодилу. Он хватает его хоботом, уносит в уединенное место и крепко-накрепко втыкает его между двух половинок треснувшего дерева. Потом он спокойно уходит, предоставив своему врагу медленно погибать. Именно такую пытку я приберег для тебя.

С этими словами Смит спокойно размотал свой длинный пояс из красной шерсти, разорвал на три куска и сказал Корнелису:

— Возьмите этого мерзавца. И смотрите, как бы он вас не оцарапал и не искусал. Это животное ядовитое...

Десять пальцев Смита заткнули миссионеру рот, и, как тот ни дергался, ни рвался и ни брыкался, все-таки он потерял возможность сделать малейшее движение. Смит очень ловко и быстро связал ему руки и ноги и воткнул в рот кляп, который позволял дышать, но заглушал крики. Затем он поднял миссионера с такой легкостью, как если бы это был ребенок, взгромоздил на расколотое дерево, стоявшее неподалеку от костра, и плотно втиснул между двумя половинками ствола.

— Прощай, Джемс Виллис! — с насмешкой сказал он напоследок. — Покайся, если можешь. А мы, ребята, займемся нашими делами. Идем!

Какие ни были скоты Корнелис и Питер, но и на них эта свирепая расправа произвела сильное впечатление. Они собирались покорно пойти за своим грозным компаньоном, но тот круто остановился.

— Опять это странное плесканье! Подозрительно! За нами следят. И не кайманы... Разве только они почуяли свежее мясо. Идем!

Все трое прошли к берегу и отчетливо увидели две черные полосы, покачивавшиеся в воде на лунной дорожке. Полосы были гладкие, отполированные, как зеркало, и имели метра три в длину каждая. Это могли быть два древесных ствола, это могли быть и спины крупных земноводных. Они тихо покачивались одна позади другой, на одной линии, как если бы первая вела вторую на буксире, оставляя на воде еле заметные круги.

Смит быстро вскинул ружье и выстрелил. Пуля попала в один из загадочных предметов, раздался сухой звук, и даже опытное ухо не могло бы определить, ударилась ли пуля в бревно или в роговое вещество, из которого состоит щит каймана.

Смит и его спутники были на мгновенье ослеплены вспышкой и окружены густым дымом, так что больше стрелять пока не могли. Странное дело: оба плававших предмета быстро отступили с характерным шумом, напоминающим всплески весла, какой производят перепончатые лапы каймана. Они мгновенно скрылись в тени деревьев, окаймлявших берег.

— Аллигаторы, — тихо сказал Питер, когда снова воцарилась тишина.

— Они не нырнули, — заметил Смит и, несмотря на все свое самообладание, не смог скрыть известную тревогу.

— Но если они не нырнули, — сказал Корнелис, — значит, они бегут прямо на берег. У вас есть лодка, джентльмен, — давайте поторопимся. Быть может, мы еще поспеем вовремя.

— Вы правы!

Они быстро пробежали мимо его преподобия, который хрипел от бешенства, и даже не удостоили взглянуть на него. Сэм Смит взял в руки лиану, которой лодка была привязана к коряге, потянул и отчаянно выругался: лиана поддавалась слишком легко. Пирога исчезла. В руке Смита остался лишь небольшой обрывок.

Несмотря на всю опытность, ни Смит, ни буры и догадаться не могли, чему следует приписать этот загадочный случай, который лишал их единственного средства передвижения и заставлял сидеть на островке, пока не спадет вода.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Самосуд. — Закон Линча. — Вору прощения нет. — Судебное заседание в лесной чаще. — Два честных француза на скамье подсудимых. — Еще одна подлость мастера Виля. — Оба друга впервые узнают об убийстве торговца в Нельсонс-Фонтейне. — Кого повесят? — Верный способ заставить свидетеля давать показания. — Медальон Альбера. — Никакой отсрочки. — Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. — Печальный конец палача-любителя.

— Позвольте, все это надо установить точно. Кто он, этот человек: вор или просто убийца?

— Я без колебаний обвиняю его и в том и в другом.

— Какие у вас доказательства? На основании чего строите вы такое предположение?

— Не предположение, а уверенность.

— Посмотрим. Разберемся. Мы судьи, а не враги, и мы хотим рассмотреть доводы обвинения и доводы защиты без всякой предвзятости. Приговор мы выносим

страшный, обжалованию он не подлежит, осужденного казнят тут же, сию же минуту. Вот мы и хотим все знать, чтобы решать дело по чести и совести. Людей, которые судят по закону судьи Линча, слишком часто и — признаю это — не без оснований обвиняют в том, что они бывают ослеплены страстью, что они злоупотребляют своим положением и, осуждая невиновных, совершают непоправимые ошибки. Мы, конечно, имеем право быть непреклонными, но лишь тогда, когда мы справедливы. Не так ли, джентльмены?

Рокот одобрения встретил эти мудрые слова, раздались рукоплескания.

— Вы все единогласно доверили мне роль председателя суда. Я хочу быть на высоте этой трудной задачи и выполнить ее без малодушия и не поддаваясь страстям. Скажите же мне, обвинитель, на чем основана ваша уверенность в виновности обвиняемого?

— Я должен сделать одно замечание, джентльмены. И весьма серьезное. Мы находимся на территории ее величества королевы. Британский флаг развевается над...

— К чему вы клоните?..

— А вот к чему: я должностное лицо, назначенное лордом губернатором, и не могу признать законности вашего так называемого суда.

— Неужели?

— Конечно. Большинство из вас работает на алмазном прииске; иными словами, вы простые граждане и, стало быть, не можете сами, по одному своему желанию, выполнять обязанности судей.

— Продолжайте, — холодно сказал председатель.

— Именем закона я требую передачи обвиняемого и его сообщника мне, дабы они были препровождены в ближайший город и там предстали перед судом, который разберет их дело по закону.

Это требование вызвало целую бурю. Поднялись крики и проклятия, со всех сторон послышались протесты и к тому же на языке, далеком от языка евангелия.

Председатель дал буре улечься и, не теряя спокойствия, заявил:

— Вы требуете именем закона передачи вам обоих арестованных? В таком случае, надо было вам само-

му поймать их именем закона и не обращаться к нам. В настоящий момент они вам больше не принадлежат. Ибо одно из двух: либо они виновны и, стало быть, представляют опасность для нашего прииска, тогда надо от них избавиться. Либо они невиновны и нам нечего их бояться. В этом случае каждый братски протянет им руку, вместо того чтобы поднять ее за их повешение.

— Но неужели вы не знаете, что едва убийство раскрылось, я пустился за этими людьми по пятам? В течение долгого времени я пренебрегал усталостью, жарой, жаждой, голодом, и все это — чтобы не отставать от них ни на шаг, следить за ними всюду и в конце концов заставить их искупить свою вину.

— Все это доказывает, что вы дельный и усердный сыщик. Но вам за это платят жалованье. Вы только выполнили ваш долг. Чего же вы еще хотите? Дайте я вам сам скажу. Вы человек честолюбивый, и вам хочется продвинуться по службе. А для этого вы думаете использовать совершившееся преступление, то есть кровь, пролитую каким-то негодяем. Я вас хорошенько раскусил, полицейский! И тем хуже для вас. Мы не можем входить в рассмотрение мелочных вопросов личного порядка. Мы сами, по собственной своей воле, назначили суд, и дело это мы сами разберем. Уж как вам угодно! Если виновность обвиняемых будет доказана, вы будете вполне вознаграждены. Всякий труд достоин награды. Если, наоборот, они сумеют оправдаться, вам всыплют тридцать штук кнутом, потому что нельзя безнаказанно морочить голову таким занятым людям, как мы. Слава богу, у нас есть что делать...

— Ладно, — в бешенстве сказал полицейский, — больше я говорить не буду. Категорически отказываюсь участвовать в судебных прениях.

— Чудесно! Но так как никто не имеет права насмехаться над судом Линча, то я начну с того, что прикажу пороть вас кнутом до тех самых пор, пока вы сочтете возможным нарушить свой обет молчания. Если ваш язык все еще не развяжется, то это кончится для вас плохо: вы будете повешены. Я прикажу... А вы, господа, извольте сесть. Пока вы только обвиняемые, но, быть может, вы ни в чем не виноваты.

Эти слова, одновременно вежливые и твердые, произвели на присутствующих гораздо более сильное впечатление, чем громкие окрики и трескучие фразы, обычно раздающиеся в залах судебных заседаний у цивилизованных народов. Кроме того, время, место, сама внешность председателя, присяжных и обвиняемых — все делало эту картину необычной и дикой.

Темная ночь. Штук двадцать факелов, поставленных полукругом, бросали красные блики и освещали фантастическим светом нижние ветви исполинского баньяна, похожие на крепления зеленого купола. Обнажив головы, стояли люди с прииска Виктория в живописных рабочих лохмотьях: неописуемая смесь пледов, красных рубашек, пончо и курток. Лица были обожжены солнцем, мускулы — как канаты, загорелые груди. Англичане, перуанцы, немцы, мексиканцы, ирландцы, аргентинцы, австралийцы, испанцы, даже китайцы братски смешались в общей массе. Забыв на минуту всякое национальное соперничество, всякую личную конкуренцию, забыв жадность, которая их снедает, забыв свой тяжкий труд, они все слушали строгую речь председателя и понимали — быть может, впервые в жизни, — что несложная судебная процедура, установленная судьей Джоном Линчем, не всегда является кровавым пиршеством, бешеной жаждой смертоубийства, веселой пляской вокруг виселицы.

Энергичные лица, на которые наложили свою печать лишения и тяжелый труд, отражали самые разнообразные переживания; глаза, изъеденные тонкой приисковой пылью, останавливались то на подсудимых, то на председателе. А председатель сидел прямо против них на огромном пне, прислонившись спиной к стволу баньяна.

Это был мужчина лет сорока, с высоким лбом; его помятое, но все же красивое лицо заросло густой черной бородой, в которой серебрилась седина. Никто не знает его имени. Его зовут Инженер, вероятно потому, что он человек широко образованный и на своем участке проявил большое знание техники. Должно быть, он пользуется большим доверием, раз товарищи по работе возложили на него такие опасные обязанности, с которыми он, впрочем, справляется тактично, но твердо.

Справа от него стоял мастер Виль, — читатель его узнал. Виль стоял вытянувшись во весь свой высокий рост и храбрился, несмотря на полученную головомойку и на страшную опасность, которая над ним нависла.

Наконец, слева стояли Альбер де Вильрож и Александр Шони. Несмотря на все, чем этот подлец Виль был им обязан, он смеет возводить на них ложное обвинение! Они грустны, но держатся гордо, без вызова, но и без приниженности, и производят самое выгодное впечатление на всех этих деклассированных людей, видавших виды и знающих, что такое мужество.

Альбер, снедаемый тревогой, кажется безучастным к тому, что происходит вокруг. Мысленно он рядом со своей любимой, с которой неумолимый рок разлучил его именно тогда, когда она особенно нуждалась в защите.

Однако де Вильрож не теряет надежды. Он помнит, что Жозеф свободен, — Жозеф, на ловкость и преданность которого он вполне полагается. Главное — вырваться. Он делает над собой усилие, и ему кое-как удается совладать со своей тревогой.

К счастью, тут Александр, который чувствует себя так же свободно, как если бы находился в Париже, в каком-нибудь салоне. Он скорее кажется зрителем, чем действующим лицом, для которого развязка драмы может оказаться роковой, и спокойно ожидает возможности отвечать на вопросы. Положение нисколько не кажется ему безвыходным. Напротив, публика ведет себя пристойно, что случается редко. Совершенно необычно, чтобы судебное разбирательство обходилось без криков, без брани и без драк между сторонниками и противниками обвиняемых. Это тем более удивительно, что народ-то все собрался отчаянный.

— Я спросил только что, — строгим голосом продолжал председатель, — имеем ли мы дело с кражей или просто с убийством. Сейчас я объяснюсь. Наш город только еще организуется, и все мы стараемся прежде всего оградить право собственности, даже если для этого придется применять меры совершенно исключительные. Мы приговариваем к смерти за воровство, однако нам пока нечего заниматься убийствами, которые, к сожалению, слишком часто происходят в драках.

— Этого еще не хватало! — заметил какой-то янки, который сидел и обстругивал кусок дерева. — Разве дуэль не существует у большинства цивилизованных народов? Мы затеваем драки во время игры или когда напиваемся, то есть каждый день. Мы никому не причиняем никакого зла, а что касается наших собственных шкур, то мы вправе протыкать их сколько нам угодно. Не так ли, джентльмены?

Циничный выпад был покрыт взрывом смеха, который ясно показывал умонастроение публики.

— Я отлично вижу, — продолжал янки, — куда гнет уважаемый председатель. Может случиться, что кто-нибудь из нас вздумает упрекнуть этих двух джентльменов в том, что они в свое время покинули прииск немножко неожиданно, я бы сказал — немножко внезапно. Черт побери! У нас еще не у всех зажили рубцы, которые мы от них получили. Я уж не говорю о моем компаньоне, о покойном Дике, который получил такой миленький удар навахой. Что ж, ничего не скажешь, игра была честная. Они палили в нас из ружья, они обрушили на нас стенку конюшни в краале, они выпустили на нас табун взбесившихся лошадей и топтали нас копытами. Но, я повторяю, все это была честная игра... Как они отступали! Я бы отдал мой алмазный участок за то, чтобы быть с ними! Тем более что ведь все мы ошибались. Как это мы оказались такими дураками? Как мы могли поверить этим неотесанным бурам, которые из кожи лезли, чтобы заставить нас принять этого джентльмена за Смита?

— Верно! Верно! — воскликнуло не менее двадцати голосов на самых разнообразных языках.

— Мы потом видели Сэма Смита и признаем свою ошибку!.. Джентльмен спасся чудом. Это нас научит быть в другой раз поосторожнее.

— Вы правы, — с ненавистью заметил мастер Виль. Он вспомнил угрозу председателя и нарушил наконец свое молчание. — Но одно дело — всеми средствами защищать свою жизнь, и совсем другое дело — подло убить ночью безобидного старика, чтобы забрать у него его добро...

Александр пожал плечами и презрительно улыбнулся.

— Джентльмены, — продолжал полицейский, — многие из вас находились на прииске в Нельсонс-Фонтейне, когда произошло это ужасное преступление. Убитый провел там всего несколько дней, когда неизвестно откуда появились два француза. Один из них удрал, второй сидит сейчас рядом с главным обвиняемым. А этот главный обвиняемый работал на прииске, и, когда мы его арестовали, все его узнали. У него была довольно долгая беседа с теми двумя французами, а затем, когда стемнело, они отправились к торговцу в фургон, в котором тот проживал со своей дочерью. Поводом была продажа участка. Покупатель уплатил деньги, и три француза тотчас скрылись. А наутро торговец был найден плавающим в луже крови. Его дочь и прислуга лежали связанные в глубине фургона, касса была взломана, товары валялись в беспорядке.

Ни Альбер, ни Александр не поддерживали с Нельсонс-Фонтейном никакой связи после своего отъезда и, естественно, ничего не знали об убийстве. Когда их схватили люди, которыми руководил мастер Виль, и выяснилось, что Виль — полицейский и что он обвиняет их в убийстве и грабеже, Александр подумал, что ему придется отвечать за злодейства Сэма Смита. Когда же его личность была установлена людьми, которые его знали, он надеялся быстро распутать недоразумение и доказать, что его еще раз приняли за Смита.

Но полицейский уверенно говорил о преступлении, которое было совершено, когда Смита в Алмазном крае не было. Дело чрезвычайно осложнялось. Над Александром Шони нависла страшная опасность.

Несмотря на все свое обычное самообладание, Александр затрясся и воскликнул сдавленным голосом:

— Убит?! Торговец из Нельсонс-Фонтейна?

— Да, господин француз! Убит за несколько часов до того, как вы так поспешно скрылись с обоими вашими приятелями. Вы поступили довольно-таки неумно. Надо было, по крайней мере, переждать несколько дней, тогда на вас не пало бы подозрение. Но из всего населения прииска только вы одни скрылись и пытались замести следы. Должно быть, вы имели серьезные основания...

Александр и Альбер были ошеломлены и не знали,

что ответить. Но их молчание, их тревога произвели неблагоприятное впечатление на собравшихся, которые до сих пор были расположены в их пользу.

— Но это еще не все! — с торжествующим видом провозгласил мастер Виль. — Как преступники ни хитры, а обо всем они подумать не могут. И часто бывает, что, поспешно покидая место преступления, они оставляют неопровержимые улики. Вот, господин председатель, возьмите эту вещицу. Предъявите ее этим двум джентльменам и спросите их, не знают ли они случайно ее происхождения...

С этими словами Виль передал председателю золотой медальон, на котором еще висели два кусочка оборвавшейся золотой цепочки.

Альбер не мог сдержать возгласа изумления. Он схватил медальон, торопливо раскрыл его и крикнул:

— Мой медальон!

Затем он стал рассматривать дорогое его сердцу изображение. Несколько слов мастера Виля вернули его к действительности. На лице полицейского играла злорадная улыбка.

— Итак, — обратился он к председателю, — джентльмен признает, что медальон принадлежит ему. Он даже знает секретный замочек, и ему знакомо лицо особы, которое здесь изображено. Так вот, знаете ли вы, где и когда я нашел этот медальон? Наутро после убийства, в нескольких дюймах от трупа. Вам хотелось доказательств? Вот они! Теперь судите этих людей и вынесите им приговор по совести и разумению!..

Ловкий ход мастера Виля произвел впечатление. Как ни были шатки улики, виновность обвиняемых уже не представляла для публики никакого сомнения.

— Тише, джентльмены, — сказал председатель.

Он был подавлен этой сценой, но, как человек более устойчивый, чем все остальные, еще не считал, что обвиняемые виновны.

— Что ж, господа, защищайтесь! — воскликнул он, поворачиваясь в их сторону. — Вы принадлежите к народу великодушному. Такие гнусные преступления не во французских нравах. Я люблю и уважаю французов, я знаю Францию, я преданно служил ей в мрачные годы

нашествия[1]. Я видел, как французы защищали свое отечество. Я видел, с каким мужеством французы дрались и с какой гордостью они переносили свое печальное поражение. Нет, честность всегда скажется!.. Еще раз говорю вам — защищайтесь, господа. Вас просит об этом собрат по оружию, ирландец, потерявший свою родину...

— Да посмотрите мне хорошенько в лицо! — воскликнул Александр дрожащим от негодования голосом. — Все вы кричите: «Смерть! Смерть!» Вы слепо верите этому презренному полицейскому. А мы его кормили, помогали ему, несколько раз спасали его от смерти. Похож я на грабителя и убийцу? Мы с вами были товарищами по работе. Заметили ли вы хоть что-нибудь предосудительное в моем поведении, когда я жил среди вас? Разве я не был добрым товарищем? Разве сами вы не признавали этого вслух? Разве человек с безупречным прошлым, как я, может этак вот, ни с того ни с сего стать грабителем и убийцей? И, наконец, разве мои слова стоят меньше, чем слова этой подозрительной личности, которая якобы принадлежит к колониальной полиции, но пока еще ничем этого не доказала? Почему мы должны верить, что этот медальон, принадлежащий моему другу, действительно был найден рядом с жертвой загадочного преступления? А разве вы не могли его украсть у нас, или, по крайней мере, найти, когда вы жили с нами?

Публика с лихорадочным любопытством ждала, что ответит мастер Виль на эти горячие слова.

И тот заговорил своим фальшивым голосом:

— Обвиняемый сказал вам: «Разве я похож на грабителя и убийцу?» На этот ребяческий довод я отвечаю: да! Разве вы сами не приняли его за Сэма Смита, за грабителя, одно имя которого наводит ужас в Австралии и в Африке? А что касается моей личности, которую обвиняемый считает подозрительной, то всякий, кто помнит его по Нельсонс-Фонтейну, помнит и меня, потому что все меня видели за исполнением моих служебных обязанностей.

---

[1] Судья имеет в виду франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

— Верно! — воскликнул американец. — Я тем более хорошо вас помню, что однажды вам вздумалось захватить и меня, как какого-нибудь жулика, и я очень мило вышиб вам зуб.

— Нет худа без добра, — философски ответил мастер Виль, — ибо благодаря этой неприятности нельзя больше говорить, что я кого-нибудь обманываю насчет моего служебного положения!

— Ничего себе положение! — буркнул янки.

— Я не поменяюсь с этими двумя французами.

— Гм!.. Да и я не поменяюсь. От них чертовски пахнет веревкой.

— Но вы все-таки не думаете совершить подобную несправедливость! — снова воскликнул Александр. — Во всякое другое время мы бы пошли на смерть без сожаления, но сегодня нам надо жить!

— Да! — зарычал Альбер. — Жить! Еще несколько дней, хотя бы несколько часов.

— Позвольте мне, джентльмены, обратиться к вашей совести, — сказал Александр. — Мой друг очень тяжело пострадал. У него похитили жену, и она молит его о помощи. Дайте нам отсрочку. Несколько дней. А потом, когда мы отмстим за нее и несчастная молодая женщина получит свободу, мы сами придем к вам и отдадим себя в ваши руки. Быть может, мы будем располагать какими-нибудь доказательствами нашей невиновности. Даю вам слово француза и дворянина.

Несколько человек были тронуты, послышались возгласы: «Браво!» Но подавляющее большинство разразилось грубым хохотом: люди не поняли, сколько величия и самоотверженности было в предложении Александра Шони. Кроме того, вообще взяла верх обычная жестокая грубость этих людей: им хотелось видеть повешение. Им было вполне безразлично, кого повесят: полицейского или французов. Но раз уж полицейскому удалось выдернуть голову из петли, то доставить публике развлечение должны французы.

Председатель был убежден в невиновности Альбера и Александра, но ясно видел, что их дело плохо. Однако он попытался добиться для них отсрочки, хотя бы самой непродолжительной: в душе Инженер надеялся, что про-

изойдет какое-нибудь неожиданное событие, которое переменит обстановку.

— Джентльмены, — сказал он, когда ему удалось водворить тишину, — позвольте мне сказать кое-что. Я хочу кратко подвести итоги. По-моему, дело нуждается в дополнительном расследовании. Вы не можете составить себе полное и твердое убеждение...

— Можем! Можем! Французы виновны! Пусть их повесят! Сейчас же!

— Завтра!

— Неизвестно, что будет завтра!

— Сию минуту!

— Веревка! У вас есть веревка?

— Да, да, веревка!

— Кто полезет на баньян? Вот готовая виселица!..

— Я! Я полезу!

— Нет, я!

Несколько человек бросились к дереву, расталкивая председателя и присяжных.

Американец подставил спину, и один из его приятелей смог взобраться на дерево.

А другие тем временем схватили Альбера и Александра. Те отбивались со всей силой отчаяния и каждый раз отшвыривали по нескольку человек, которые яростно орали и вопили. Но линчевателей было много, а французов всего двое.

— Давайте веревку! — кричал молодец, взобравшийся на дерево. Он очень добивался чести приготовить виселицу.

— Держи! — кричали ему снизу.

Тот уже протянул руку, чтобы поймать веревку, когда все увидели, что он внезапно схватился за горло. Он кричал и делал усилия, чтобы удержаться, но завертелся и тяжело грохнулся на землю.

Крик ужаса вырвался у его товарищей, когда они увидели, что змея сине-стального цвета обвивает его своими кольцами, как металлическим тросом, и впивается в него всей своей отвратительной широко раскрытой пастью.

И в ту же минуту из листвы огромного дерева послышалось шипенье разъяренных пикаколу.

Крик ужаса вырвался у присутствующих, когда они увидели, что змея сине-стального цвета обвивает его своими кольцами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Нашествие змей. — Паника. — Крокодилы на охоте. — Опять вместе. — Ужас мастера Виля. — Жозеф говорит, что он «учится на крокодила». — Обычай бакуэнов. — Таланты Зуги. — На реке. — Жозеф угнал у Смита пирогу — теперь они поквитались.

Когда из листвы баньяна послышалось шипенье грозного южноафриканского пресмыкающегося, люди, бросившиеся на помощь незадачливому палачу-любителю, благоразумно отступили назад. Все знали, что укус пикаколу равносилен смертному приговору. Ни у кого не было мужества хотя бы близко подойти к змее, которая впилась умирающему в горло и жадно насыщалась его кровью.

А тут послышалось новое шипенье. Видимо, в густой листве баньяна копошилось целое племя змей. Среди линчевателей уже никто больше не вызывался полезть на дерево, чтобы приготовить виселицу. Падение палача-любителя с живым галстуком на шее имело то последствие, что председатель, мастер Виль и французы оказались изолированными, потому что в минуту вполне понятной растерянности они все четверо прислонились к дереву.

Бешеным крикам, которые только что наполняли поляну, внезапно пришла на смену мертвая тишина. Все боялись, что выползут новые гады, и стали отступать все дальше и дальше, образуя полукруг, который медленно расширялся позади факелов. Пламя этих несложных светильников действительно могло привлечь змей, которые по ветвям и корням баньяна могли переползти на землю.

Внезапно со стороны реки раздался выстрел. Он прокатился громом над водой, которая тихо плескалась в нескольких шагах, и был как бы неким сигналом для всех злых духов, потревоженных вторжением человека. Шипенье все усиливалось, и вскоре показался авангард: медленно извиваясь и шурша чешуей, змеи скользили по лианам и спускались с дерева вниз. Они лениво и медлительно свертывали и распускали свои кольца; им, видимо, доставляло наслаждение поворачивать направо и

налево свои изящные головы и капризно изгибать шеи, отчего их голубая кожа отливала самыми неожиданными красками.

Они не спеша тянулись одна за другой, смотрели холодными и неподвижными глазами на факелы, со странной быстротой двигали своими раздвоенными язычками и время от времени останавливались, сворачивались в клубок и снова растягивались во всю длину. Шум под деревом, которое они облюбовали, сначала испугал их, но, завороженные огнем факелов, они постепенно становились смелей.

Несколько штук уже достигли земли. Высоко подняв головы, они ползли по направлению к факелам, не переставая шипеть, точно скликали всю родню.

Публика судебного заседания продолжала отступать перед этим грозным нашествием; люди уже как будто забыли, зачем пришли. Многие даже высказывались за то, чтобы всем убраться и закончить драматически прерванное судебное заседание в другой раз. Однако новое событие ускорило это отступление и превратило его в беспорядочное бегство: со стороны реки, позади линчевателей, внезапно послышались жалобные крики, похожие на плач новорожденного. Вода плескалась, как во время прибоя, или как будто к берегу пристала целая флотилия пирог.

Этот детский плач, эти жалобные крики, которые не забудет человек, слышавший их хотя бы однажды, издают кайманы на Замбези, самые страшные на всем африканском континенте.

Каждый узнал эти звуки, каждому известно их значение: хищники слышат запах человека. Они сбегаются из всех глубин гигантской реки. Несомненно, обоняние подсказало им, что поблизости находится пожива.

Какими бы страстными любителями повешения ни были эти люди, нет такого любопытства, которое оказалось бы сильней, чем страх очутиться в желудке у каймана или погибнуть от укуса змеи.

Раздался протяжный крик:

— Крокодилы! Крокодилы! Спасайтесь!

И каждый храбро повернулся на каблуках и пустился бегом на дорогу, к прииску Виктория.

Только четыре человека остались под баньяном, с которого каждый раз сваливалась новая змея. Мастер Виль, охваченный ужасом, стучал зубами, — казалось, он вот-вот упадет в обморок. А французы и Инженер не растерялись.

— Право же, господа, — негромко сказал Инженер, — я и не рассчитывал на такую счастливую развязку. Вы пока ограждены от людской ярости, постарайтесь же не быть укушенными ядовитой змеей. Опасность нам грозит весьма серьезная. Но если действовать осторожно, то у нас еще есть шансы спастись.

Поддаваясь порыву, Александр и Альбер протянули честному ирландцу руку, и тот ее сердечно пожал.

— Вы-то, по крайней мере, верите, что мы невиновны? — прошептал Александр.

— Еще бы! Вы могли это заметить по тому, как я вел судебное заседание. Но перейдем к делу. Я сейчас срежу три тонких, гибких прута — лучшее оружие против этой дряни. Что касается кайманов, то они утихли. Не думаю, чтобы они смогли много пройти по суше. Стойте спокойно, я сейчас срежу прутья.

— Нет, надо прут для пикаколу, вождь, — внезапно сказал кто-то на плохом английском языке. Гортанный голос шел из высокой травы. Говорившего не было видно. Все три европейца вздрогнули.

— Не двигайся. Моя идет.

Трава заколыхалась, и голос повторил:

— Моя вот, вождь!

Показалась черная голова. Она сидела на непомерно широком туловище, которое передвигалось на кривых ногах. Альбер и Александр были удивлены до предела, узнав своего друга бушмена.

Славный африканец сиял. Широкая улыбка расплылась у него до ушей, а живые глаза с любопытством осматривали поляну.

— Хорошо! — сказал он на своем наречии. — Пикаколу все еще здесь. Белые люди ушли. Змеи покинули свои логова из-за наводнения. Они спаслись на баньяне. Я все видел. Я был здесь, когда пикаколу укусила белого человека. Идите смело за мной. Они нас не тронут. Я знаю траву, которой они боятся.

— А кайманы?

— Ну, кайманов бояться нечего. Идите смело, месье Александр, — воскликнул в нескольких шагах по-французски хорошо знакомый голос.

— Жозеф! Это Жозеф!..

— Собственной персоной и весь к вашим услугам! Вместе с Зугой! Эй, Зуга! Аваи! Аван, дружище!..

— Дорогой ты мой Жозеф! Откуда ты взялся? Каким чудом ты оказался здесь? Что ты делаешь?

— Караи! Я взялся оттуда! — ответил Жозеф, показывая в сторону реки. — Вы спрашиваете, каким чудом я оказался здесь? Никакого чуда. Просто мы вас искали. Какой замечательный сыщик этот Зуга! Вы спрашиваете, что я делаю? С сегодняшнего утра я учусь на крокодила.

— Да ты с ума сошел!..

— Верно! Как же мне не сойти с ума от счастья, если я вас вижу вновь. Были бы у меня кастаньеты, я бы сейчас сплясал такое фанданго!.. Караи!..

— В чем дело?

— Змеи. Шутки в сторону. Они кусаются, эти мерзавки!.. Постойте, да ведь вот наш англичанин! Погоди ты у меня, я тебя сейчас зарежу. Я тебе обещал, что зарежу, значит, я обязан сдержать слово.

— Оставь его! Смотри, в каком он виде. Это со страху. Он испугался змей. Он точно заворожен. Он не может двигаться. Он не способен произнести ни звука. Как бы он не свалился среди змей...

— Месье Александр! Из человеколюбия и также для того, чтобы этот подлец больше нам не попадался, позвольте мне просунуть ножик ему в ребрышки, — настаивал мстительный каталонец.

— Уйдем, господа, уйдем, — вставил и Инженер. — Надо торопиться.

В это время бушмен дал каждому по пригоршне бледно-зеленых листьев, похожих на листья ивы, и знаками посоветовал сильно натереть себе лицо и руки.

Факелы догорали. При свете последних вспышек все двинулись в путь, в сторону, противоположную той, куда ушли линчеватели.

Жозеф обернулся в последний раз и бросил на окаменевшего мастера Виля взгляд, полный ненависти.

— Что же это? Он так и не подохнет, этот поганый? Ах нет, подохнет! Наконец-то он свалился... Жалко змей, которые будут его кусать.

Полицейский глухо застонал и упал навзничь, не то от страха, не то сраженный укусом пикаколу.

— А теперь куда мы пойдем? — спросил Альбер.

— На реку! Куда же еще? Сядем в лодку и поедем куда надо!

— Как, у тебя есть лодка?

— И еще кое-что, кроме лодки... Мы сегодня с Зугой здорово поработали!..

— Я понимаю, дорогой мой друг, — ответил Александр, пожимая ему руку. Затем он обратился к Инженеру. — Не знаю, месье, каковы в настоящее время ваши виды и возможности на прииске. В отношении нас вы себя проявили джентльменом и человеком сердца. Вы сказали, что надо торопиться. Стало быть, сейчас не время произносить речи. Хотите вместе с нами участвовать в добром деле, а затем по-братски разделить с нами доходы от одного предприятия, с которым тоже надо спешить? Но если у вас там, на прииске, есть дела, которые требуют вашего присутствия, то я говорю вам не «прощайте», а «до свидания». Где бы вы ни находились, помните, что имеете твердые права на нашу благодарность и что мы вам принадлежим телом и душой.

— Вы не поверите, месье, — неторопливо и серьезно ответил Инженер, — как меня трогают ваши теплые слова. Но, к большому моему сожалению, я сегодня присоединиться к вам не могу. Мне нужно вернуться на прииск по двум причинам, и это в ваших же интересах. Во-первых, я должен в меру моих возможностей установить истину и доказать вашу невиновность. Вы не можете жить в состоянии постоянной вражды со здешним народом, в особенности если вам почему-нибудь надо находиться в алмазном районе. Во-вторых, у вас нет оружия. Я вам раздобуду оружие во что бы то ни стало. Завтра ночью вы найдете под этим баньяном три полных комплекта вооружения. Я сам их здесь положу. Не благодарите ме-

ня. Я еще сам обращусь к вам за услугой, но потом. Вашу руку, господа, и до свидания.

Он быстро огляделся и пошел берегом, вниз по течению, — то есть в том же направлении, куда ушли люди, пришедшие поглазеть на повешение.

— А теперь, господа, за дело! — сказал Жозеф после минутного молчания. — Вот наша лодка. Садитесь. Я только привяжу наших крокодилов к корме и сяду с вами... Зуга, весла!

— Вот они.

— Хорошо. Вы готовы?

— Готовы.

— Пошли!

Легкое суденышко, подталкиваемое мощными руками кафра и бушмена, медленно соскользнуло с влажного песка в воду и стало тихо подниматься вверх. Держась все время поближе к берегу, где течение значительно менее быстро, оно не выходило из мрака, образуемого густой прибрежной растительностью.

— Что с Анной? — спросил Альбер, которого не переставала терзать тревога. — Какие у тебя известия?

— Ни хороших, ни плохих, месье Альбер. Фургон, который мы заметили, когда мошенник-англичанин вас арестовал, продолжает плавать, как шлюпка. Мы с Зугой видели его сегодня утром. Нам нельзя было открыто пуститься за ним, чтобы не возбудить подозрения той скотины, которая им правит. Но он не мог уйти далеко. Я надеюсь, мы его скоро найдем. Кроме того, мы не хотели все-таки уходить слишком далеко от вас. Мы решили сделать все возможное, чтобы спасти вас или умереть вместе с вами. Конечно, мы заставили бы дорого заплатить за это! Караи!

— Мой добрый Жозеф! Это так благородно с твоей стороны, но ты сумасшедший.

— Не знаю, благородно ли, а уж насчет того, что я сумасшедший, это еще как сказать! Правда, Зуга?

Не переставая работать веслом, кафр что-то буркнул. Было похоже, что он поддерживает Жозефа.

— Но что бы вы могли сделать? — спросил Александр, которого отвага и решимость Жозефа восхищали, но не удивляли нисколько.

— Я вам охотно все расскажу, потому что нам пока делать нечего. Вы знаете, что наш Зуга хитрей, чем все каталонские контрабандисты вместе взятые. Вот он и стал учить меня на крокодила.

— Это еще что за чертовщина?

— Очень просто. Наш Зуга прекрасно умеет подражать голосу и всем повадкам крокодила. Он даже использовал свой талант, чтобы произвести небольшую разведку на реке. Он поразительный малый. Сейчас увидите. Да вы и сами скоро будете первоклассными крокодилами. Да, на чем это я, бишь, остановился? Я сказал, что Зуга привел меня в такое местечко, где река образует заводь и вся сплошь покрыта водяными растениями, так что воды и не видно. И тут Зуга разгреб траву, и я увидел несколько лиан, которые одним концом привязаны к корягам, а сами уходят в воду. Зуга сделал очень милую гримасу в знак удовлетворения. А я подумал: «Это, должно быть, какие-нибудь глубинные удочки. Не иначе, как мой славный Зуга собирается угостить меня ухой». Но хоть мне и было любопытно, я все же решил не расспрашивать. Я давно убедился, что лучше видеть все своими глазами, в особенности здесь. Зуга стал тянуть одну лиану. Я взялся за другую. Вижу — тяжело! Ну, думаю, и рыбка! Тяну, тяну, вдруг что я вижу?.. Нет, угадайте...

— Крокодил? — смеясь, сказал Александр.

— Я и сам так подумал. Но я быстро успокоился, потому что вместо настоящего крокодила я увидел узенькую лодочку, только похожую на крокодила.

— Быть не может!

— Даю вам честное слово. На носу — довольно искусно вырезанная голова крокодила, а корма нагружена глиной, так что лодка имеет низкую посадку.

— Здорово придумано!

— Это еще не все. Главное впереди.

— Я слушаю.

— Вы все хорошо поймете, потому что сами будете крокодилом. Правда, Зуга?

— Правда.

— Наш друг великий мастер в этом деле, но, прямо вам скажу, дело нелегкое. Прежде всего надо лечь в эту

душегубку ничком и собственной своей спиной изображать спину каймана.

— Да ведь у нас белая кожа. Она для этого не подходит.

— Ничего, Зуга обмазал меня густой черной грязью. Я еще долго буду отмываться.

— Здорово!

— Так вот, человек-кайман смазывает себя грязью, ложится в лодку, берет в руки весло, погружает его в воду и потихоньку гребет, почти не двигая руками, а только пальцами. Это очень трудно. Тем более что весло высовывается впереди резной головы и не имеет никакого упора, кроме ладони гребца. Рука скоро начинает болеть, но зато цель достигается!..

— Не сомневаюсь, дорогой Жозеф. Прием остроумен, но не нов. Точно так же делают некоторые племена краснокожих на берегах Амазонки. Они пользуются для этого легкими челночками — там они называются «убас» — и тоже придают им вид кайманов.

— Что ж, из всех способов разведки на реке этот, по-моему, самый лучший. Вы можете пробраться в самую гущу ваших врагов, а они и знать не будут. Так, например, когда мы пытались высадиться на берег недалеко от того места, где эти злодеи хотели вас повесить, мы видели обоих буров в компании с Сэмом Смитом и его преподобием.

— С его преподобием? Вы ошибаетесь, Жозеф.

— Прошу прощения, месье Александр, я его видел, и видел ясно, и никакой ошибки тут быть не могло. Они, по-моему, отлично спелись и друг друга стоят.

— Смит и буры — пожалуй, но его преподобие?..

— По-моему, он отъявленный мерзавец. Вроде мерзавца, известного под именем мастера Виля, которому я хотел обработать шкуру, а вы мне не дали... К несчастью, мы не имели возможности пробраться к ним достаточно близко, чтобы послушать, о чем они говорят. Они были очень осторожны, эти плуты. Один из них даже послал мне кусок свинца, который, по счастью, попал в корму моей душегубки, иначе я бы мог остаться без ног. Так как у меня были основания предполагать, что лодочка, в которой мы сейчас сидим, принадлежит Сэму Смиту, то

я счел себя вправе одолжить ее. В счет двадцати тысяч франков, которые он у меня забрал. Нашей целью было отыскать вас. Мы взяли курс прямо на факелы. И тут Зуга, который получил законченное крокодиловое образование, решил сопровождать нашу высадку музыкой. Как она подействовала, вы видели. Я теперь учусь у него, но мне еще многого не хватает. Ничего, научусь.

— Какая досада, — задумчиво сказал Александр, — что мы не можем проехать к этим негодяям. Хотелось бы расспросить их кое о чем.

— Это верно, месье Александр, но у нас времени нет.

— А куда вы нас, собственно, везете?

— О, не беспокойтесь. Зуга отлично знает, что делает. Он везет нас туда, где затоплены запасные лодки. У него их, кажется, две или три штуки. Вместе с теми, которые мы сейчас ведем на буксире, получится порядочная флотилия.

— Хорошо. А дальше?

— Мы немедленно пустимся на поиски злосчастного фургона, в котором томится мадам Анна!

— Давайте спешить, друзья мои! Давайте спешить! — воскликнул де Вильрож.

Последние слова Жозефа оторвали Альбера от мрачных мыслей, которые преследовали его, как мучительный кошмар.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Алмазная лихорадка. — Позднее раскаяние. — Ищейка и полицейский. — Тревожная ночь. — В пятистах метрах от тюрьмы на колесах. — Нетерпение. — Самый незначительный предмет может иметь большое значение. — Крыло бабочки или клочок бумаги? — Догадки Альбера. — Отчаяние.

Много народа бросилось на поиски легендарных сокровищ кафрских королей, но результатом были только разочарование и многочисленные жертвы. Однако, несмотря на трудности, возникавшие на каждом шагу, несмотря на опасности, число которых только возрастало, жадность искателей становилась лишь более яростной. Тайна, которую так оберегали немногие посвященные, стала достоянием людей без роду, без племени,

и поиски клада они сделали единственным смыслом своего существования.

О предстоящем нахождении клада говорили как о событии, которое произойдет пусть через неопределенное время, но произойдет безусловно. Даже люди, которые не бросали своей ежедневной работы, не выпускали из рук кирки или лопаты и с тревогой и надеждой просматривали каждый комочек, каждое зернышко разработанной ими земли, расспрашивали каждого встречного и поперечного, что слышно о «большом деле». Это мудрецы, но их, конечно, мало. Другие забросили все. К чему рыться, подобно кротам, в обожженных солнцем ямах, наполненных удушливой пылью, поминутно грозящих обвалом? Вот-вот придет богатство! Разве не лучше петь, пить и драться в ожидании этой счастливой минуты? Кабатчик оказывал кредит. Будущие блага учитываются. Еще немного — и шансы будут продаваться, как биржевые ценности. Досужие статистики — их везде хватает — вычисляли, сколько может прийтись на долю каждого участника дела. Цифры получались фантастические. Они сводили с ума людей, у которых мозги и без того были расшатаны алкоголем. Никто не думал о том, как будет производиться дележ и кто будет его производить. Вероятно, в ход будут пущены ножи и револьверы. Не обойдется без жертв, но это никого не трогает. Доля погибших пойдет в дележку.

А ищут плохо. Как будто клад должен отыскаться сам собой. Короче, нездоровый ветер носится над прииском.

Никто не знает, кто первым пустил этот тревожный слух. Достаточно было каких-нибудь нескольких часов, чтобы он всех взбудоражил. Однако есть основания предполагать, что слишком много болтали пьяные буры и как раз во время событий, которые последовали за необычным поединком между Жозефом и американцем.

Но если верно, что у буров оказались слишком длинные языки, то им пришлось прежде всего горько пожалеть о своем пристрастии к вину, потому что, разбудив людскую жадность, они уже не смогли исправить свою ошибку никакими отговорками. Тут же, не сходя с места, все решили отправиться на розыски клада целой экспе-

дицией, и во главе были поставлены Корнелис и Питер. Отказаться было невозможно: буров так запугали, что им поневоле пришлось принять эту честь, которая была в равной мере опасной и бессмысленной. Как, в самом деле, спорить с людьми, у которых вся способность мыслить и рассуждать сводится к петле или револьверу?!

Будучи, таким образом, вынужденными подчиниться, оба братца делали вид, что в самом деле намерены оставаться верными своим непрошенным компаньонам. Они поставили на ноги весь сброд, всех, кому случайности опасной экспедиции более по душе, чем упорный труд на прииске. Все поклялись друг другу во взаимной верности, шумно попраздновали и отправились. Разумеется, буры только о том и помышляли, как бы поскорей отделаться от своих назойливых сотоварищей.

Спустя двенадцать часов после отъезда с прииска они встретили Клааса. Тот пригнал своих истощенных быков к месту встречи, которое ему указал Кайман.

Мы уже рассказали выше, чем закончилось первое свидание трех братцев и как Клаас и слышать не пожелал о каком-либо соглашении. Читатель помнит также, какие дьявольские меры принял Клаас, чтобы оградить себя от возможного нападения, которое могло сразу развеять все его самые заветные мечты.

Но одновременно он, помимо своей воли, открыл братьям возможность расстаться с их жадными компаньонами. Благодаря неожиданному случаю бурам в руки попала карта, составленная мистером Смитсоном, и они сбежали всего за несколько часов до того, как Клаас отравил воду в ручье. Конечно, обманутые ими люди с яростью пустились бы в погоню, если бы их не поразила слепота. Несчастные, вероятно, погибли бы, если бы не Зуга и бушмен.

Корнелис и Питер ушли вместе с его преподобием, и тот находил дорогу благодаря карте.

Все трое отошли уже довольно далеко, а буры клялись, что не скоро еще вернутся в цивилизованные места, где кабатчики торгуют такими снадобьями, против которых нет сил устоять, и где нескромные уши подхватывают каждое слово, вылетевшее из уст вместе с винными парами.

Не сидел сложа руки и мастер Виль. Он провел несколько дней на прииске, но оставался совершенно в стороне от описанной выше экспедиции. Ему не было никакого дела до всех алмазов мира. Его интересовали только виновники убийства в Нельсонс-Фонтейне. Мастер Виль страстно любил то, что называл своим искусством, и был человеком в известном смысле бескорыстным. Но его ослепляло честолюбие, и ему не хватало чутья, которое для сыщика является природным даром и нигде не приобретается.

Сыск представляет собой искусство, целиком построенное на чутье, которому трудно дать точное определение. Этому искусству вряд ли можно научиться по одним только книгам, и требует оно столько же такта, сколько ума.

Но мастер Виль забил себе голову полицейскими романами и был непоколебимо убежден, что он сам — один из тех чудесных сыщиков, подвиги которых так увлекательно расписывают романисты. Его взгляд на загадочное убийство торговца нисколько не переменился. Напротив, попав на ложный след, он стал его держаться со всем упрямством, которое свойственно людям ограниченным, и утвердился в мысли, что убийцами являются Альбер и Александр. Не спрашивайте его, почему и отчего. Этого он и сам не знает. В своей наивной и ничем не оправданной гордости он еще считает, что эта мысль является одним из проявлений его гениальности.

Предположив, не без оснований, что три француза должны находиться где-то неподалеку от прииска Виктория, он решает играть ва-банк. Он подговаривает людей, которые не соблазнились экспедицией и остались на работе, раскрывает им свое звание, изображает себя как человека важного, как освободителя, говорит об общественной безопасности, которая поставлена под угрозу, и в конце концов ему удается сколотить целый добровольческий отряд по борьбе с грабежами.

Мастеру Вилю весьма помогло то обстоятельство, что где-то неподалеку от прииска видели Сэма Смита. Добровольцы-полицейские обязались отдавать делу по нескольку часов в неделю, днем и ночью, и в течение этого времени находиться в распоряжении мастера Виля, кото-

рый присвоил себе права главного начальника. Подготовка отняла несколько дней. Люди были полны энтузиазма и жаждали действий.

Долго ждать не пришлось. Мастер Виль, который заставил своих людей обшарить все углы, нечаянно наткнулся на бивуак, разбитый людьми Корнелиса и Питера. Он уже собирался отвести их домой, когда добровольные полицейские, которые в это время оказывали помощь жертвам Клааса, заметили трех французов. Мы уже рассказали, как мастер Виль, который был им столь многим обязан, схватил их, точно они были какие-нибудь разбойники.

Жозеф сбежал, Зуга пустился за ним; в суматохе никто не заметил, как скрылся бушмен; Альбера и Александра увели на прииск. Следствие по делу провели быстро и, чтобы не терять времени, назначили суд на ближайшую ночь.

А чтобы судьи, по крайней мере во время исполнения обязанностей, не подпали под опасное влияние алкоголя, для разбирательства выбрали место, достаточно отдаленное от палатки, в которой кабатчик торговал своими огненными жидкостями.

И в минуту, когда, казалось, все было потеряно для друзей, начались драматические события, которым они обязаны своим спасением.

. . . . . .

Несмотря на темноту, лодка, которой правили сильные руки бушмена и Зуги, быстро поднималась вверх по Замбези. Легкое суденышко тащило на буксире чудные пироги и, как мы уже сказали, держалось поближе к берегу, не выходя из зоны мертвой воды, то есть в стороне от течения. Жозеф сидел на корточках в носовой части и правил. Пользуясь длинным бамбуковым шестом, он не давал суденышку врезаться в извилины берега и запутаться среди лиан и деревьев. Плавание протекало в полной тишине, как вдруг Жозеф издал негромкий переливчатый свист. Бушмен и Зуга остановили лодку в зарослях, которые немного выдавались вперед и могли служить удобным укрытием.

Горизонт стал светлеть; над водой, которую еще пронизывали звезды своим трепещущим светом, подымались

Несмотря на темноту, лодка быстро поднималась вверх по Замбези.

легкие испарения; залопотали попугаи, чайки носились с резкими криками, наевшиеся гиппопотамы тяжело опускались на самое дно реки. Скоро наступит рассвет.

— Ну, как? — шепотом спросил Альбер, даже не замечавший, что все его лицо и платье стали мокрыми от росы. — Мы приближаемся?

— Дальше идти невозможно, месье Альбер, — ответил Жозеф.

— Почему?

— Да потому, что тот бандит тоже не дремлет у себя в фургоне... Этак можно и на пулю нарваться.

— Но ты хоть уверен, что это здесь?

— Я здесь был вчера. Да вот, смотрите, — вот вам доказательство: видите этот узел на лиане? Это я его сделал.

— И фургон был недалеко отсюда?

— В пятистах метрах.

— Каких-нибудь пятьсот метров, а я бессилен предпринять что бы то ни было! Потерять целые сутки из-за этого подлеца-полицейского и не иметь оружия!

— Спокойствие, дорогой Альбер, — перебил его Александр. — Мы чудом спаслись от смерти, мы приближаемся к цели, и, пожалуйста, возьми себя в руки. Отдохни несколько минут — вероятно, нам скоро понадобятся все наши силы.

— Ах, меня именно неподвижность и убивает! Я измучен...

— Бедный ты мой дружище, да неужели мы не разделяем твоих тревог? И разве твоя беда — не наша беда?

— В конце концов, нас пятеро, а тот мерзавец, вероятно, один...

— Нас пятеро, это верно, но у нас нет никакого оружия. А что мы можем сделать голыми руками против этой крепости? Враг перестрелял бы нас раньше, чем мы успели бы пройти половину дороги...

— И тогда больше некому было бы освободить мадам Анну, — рассудительно вставил Жозеф.

— А так мы за день хорошо изучим местность, подробно обдумаем план действий и ночью сможем что-нибудь предпринять. Наш новый друг судья обещал нам оружие. Немного раньше полуночи Зуга сможет туда от-

правиться в своей пироге. Он быстро обернется. А мы будем его ждать вблизи того места, откуда решили предпринять атаку.

— Караи! — воскликнул Жозеф. — Победить или умереть — для меня ничего другого быть не может! И для вас тоже. Не так ли? Пусть я только поймаю этого бура! Я откушу у него кусок мяса, хоть бы мне потом пришлось умереть от бешенства. Смотрите, вот и солнце! Здравствуй, солнце!..

Зуга сделал резкое движение, лодка закачалась, но чернокожий быстро привел ее в равновесие и тихо свистнул, как бы призывая всех к молчанию.

— В чем дело? — спросил Александр шепотом.

— Тсс!

Негр извлек из воды свою деревянную лопату и сделал ею непонятное движение: он провел плоскостью по поверхности воды, как если бы хотел поймать какой-то плавающий предмет. Европейцы этого предмета и не видели, так он был мал, но от глаз негра он скрыться не мог. Зуга так хорошо знал все течения в родных местах, его глаз был так наметан, что он сразу заметил какое-то постороннее тело, которое кружилось в водовороте.

Спутники доверяли полностью инстинкту сына природы и не мешали ему.

— Вот! — радостно воскликнул Зуга, слегка подымая весло и протягивая его Александру. — Смотри! — Он указывал на крохотный белый, неправильной формы лоскуток, который остался на весле.

Александр легко снял этот предмет, с любопытством осмотрел его, повернул, перевернул, осторожно держа кончиками пальцев, и не смог подавить возглас удивления.

— В чем дело? — спросил Альбер.

— Неслыханно!.. Это неслыханно! — бормотал Александр, не отвечая на вопрос.

— Похоже на крыло белой бабочки, — заметил Альбер.

— Или на кусочек папиросной бумаги, — добавил Жозеф.

— Друг мой, — ответил Александр, — девяносто девять шансов против одного за то, что Альбер прав.

Ибо если чешуекрылые еще встречаются в этих местах, то уж бумага, хотя бы и папиросная, довольно-таки необычная штука на берегах африканской реки, и в особенности в самой реке. Но, тем не менее, при всей неправдоподобности...

— Я угадал? Да?

— Вы ошиблись только насчет качества...

— Но это бумага?

— Совершенно верно. Клочок бумаги, оторванный от какой-то книжной страницы небольшого формата.

— Верно! — волнуясь, сказал Альбер. — Это верно! У тебя поразительный дар следопыта. На бумажке видны печатные цифры, на каждой стороне. На одной стороне — 120, на другой — 121. Ясно, это нумерация страниц. Стало быть, бумажка вырвана из книги. И книга была небольшого формата, потому что цифра стоит очень близко к букве, которой заканчивается первая строка. Я уверен, — продолжал Альбер, внимательно глядя по сторонам, — что где-то здесь, поблизости, должно быть еще кое-что. Ты меня понял?

— Возможно.

— Я уверен. Если вниз по Замбези плавает клочок бумаги и он еще более или менее сохранился, значит его намеренно бросили в воду, и к тому же недавно.

— Что бросили недавно, я согласен. Но зачем? С какой целью?

— Вы правы, месье Альбер. Я теперь все понял, и мы должны благословлять зоркость нашего проводника. Это все та же сказка про мальчика-с-пальчик, с той только разницей, что здесь вместо камешков — бумага.

— Вот именно!

— Согласен, — сказал Александр. — Разделяю вашу надежду. Но мне бы очень хотелось найти еще один такой клочок.

— Будем искать. Видишь ли, друг мой, я хватаюсь за эту последнюю надежду. Анна где-то здесь. Я уверен. Сердце говорит мне. Она, бедняжка, узнала каким-то образом, что мы находимся поблизости. Я убежден, что это именно она подает нам вести о себе. Жозеф говорит, что фургон стоит метрах в пятистах отсюда? Вот течение и принесло бумажку, которую бросила Анна.

Внезапно Александр услышал шум в зарослях, точно там ходил крупный зверь.

Тут раздался глухой удар, точно в реку упало что-то тяжелое. Оказалось, это нырнул Зуга. Он понял, о чем говорил его друг белый вождь, и бросился в воду, чтобы выплыть по ту сторону густого сплетения лиан и ветвей, позади которых стояла их пирога. Он отсутствовал недолго. Его доброе черное лицо вскоре показалось из воды у самого борта, и он легко вскочил на свое место. Широко улыбаясь, он вынул изо рта три клочка бумаги, которые подобрал в воде, и положил их себе на руку. Было сразу видно, что два из них подходят друг к другу.

— Ну вот, — нервно воскликнул Альбер. — Теперь ты видишь, как я был прав!

— И я счастлив, что ты не ошибся, дорогой мой! Наконец-то мы уже играем не вслепую! И сегодня ночью тот бандит кое-что от нас получит.

— Ночью! Как медленно будет тянуться время! Нет, я не смогу ждать так долго. Вот что, выслушай меня. Берег зарос очень густо. Я умею ползти, как змея. Не хуже любого краснокожего.

— Ты хочешь совершить безумие!

— Пусть так. Но это разумное безумие. Для меня это лучше, чем терзаться и мучиться целый день. Со мной пойдет бушмен. Он прихватит свой лук и стрелы. Если я замечу хоть что-нибудь подозрительное, я вернусь. Не беспокойся, я буду осторожен. Ты отлично знаешь, что мне надо остаться в живых, чтобы освободить дорогую узницу, так что рисковать жизнью попусту я не буду. Я только пойду в разведку. Два часа туда, два часа обратно. Четыре часа я буду хоть чем-нибудь занят. И уж я постараюсь, чтобы прогулка была не напрасной. Повторяю, не бойся за меня.

Александр и Жозеф знали, что если в упрямой голове их друга засела какая-нибудь мысль, то вышибить ее оттуда невозможно. Им поневоле пришлось согласиться.

Прошло два часа. Каталонец сидел на носу пироги и, ожидая возвращения своего молочного брата, пытался вздремнуть. Но тщетно: тревога оказалась сильней усталости, сон не шел к нему.

— Ладно! — говорил он, отгоняя комаров, не дававших ему покоя. — Скоро он пойдет назад.

Внезапно Александр услышал шум в зарослях, точно там ходил крупный зверь. Он решил, что его друг в опасности, и хотел выскочить на берег, чтобы пойти по следу, когда появился Альбер. Глаза у него блуждали, лицо и руки были исцарапаны, платье изодрано.

Александр почуял беду и не решался задавать вопросы. Альбер разрыдался.

— Фургон пуст. Там нет никого... И никакого следа... Ничего!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сэм Смит «в поход собрался». — Поражение без сражения. — Грабитель мечтает учредить фирму «Сэм Смит и К°». — Три следа. — Походка каторжника. — Что было с Джемсом Виллисом. — Муравьиная кислота. — Чуть не съеден заживо. — Чуть не утонул. — Что бывает с человеком, который падает в водопад Виктория.

Звезда Сэма Смита, которая некогда сверкала так ярко, стала меркнуть. Ей грозило превратиться в самое простое туманное пятно. Смит, как подлинный философ, сделал самому себе то безрадостное признание, что переселение в Южную Африку впрок ему не пошло. Встреча с тремя французами, которая произошла в момент, когда он повел батоков на войну с макололо, была для него тем более досадной, что Александр помирил оба враждовавших племени.

Негры, в особенности южноафриканские, легко забывают обязательства, принятые ими в отношении друг друга или в отношении иностранцев, если эти обязательства касаются обыденной повседневной жизни, но они строжайшим образом соблюдают клятву, если дело касается торжественно заключенного договора, в особенности если при этом были выполнены установленные обрядности и вынесены эмблемы их наивных суеверий. А в данном случае были закопаны в яму наконечники стрел и копий, а также порох и пули. Ветвь мира была воткнута в холмик, выросший над засыпанной ямой, и поверх всего Гэну была вручена Полума — грозный фетиш, делающий своего обладателя неприкосновенным. Всего этого было больше чем достаточно, чтобы сделать друзьями Сешеке и Маго-

по — вождей обоих враждовавших племен. Оба царька очень скоро признали, что между ними произошло всего лишь недоразумение, что теперь оно разъяснилось и надо выпить. А Сэму Смиту было необходимо, чтобы заговорило оружие, чтобы оба племени бросились одно на другое. Он громко призывал их к этому. Но тщетно.

Магопо уже стал косо на него посматривать, и если бы не то уважение, которое жители этой части побережья питают к белым, то, пожалуй, Смиту не снести бы головы. Повелитель батоков отдавал себе отчет в малочисленности своего войска и не помнил себя от радости, узнав, как счастливо закончились переговоры, которые без его ведома повел Гэн. Кроме того, он увидел стройные ряды плетенок с пивом бойялоа. Радость глаз сулила радость желудку, и достойный повелитель батоков не мог больше питать самой малейшей вражды к макололо.

Кроме того, сын его Гэн держал в руках Полуму, а это больше чем что бы то ни было на свете говорило о честных намерениях макололо. Да и Сешеке тоже устал от войны, он тоже был рад положить конец боям, потому что победы давались ему ценой очень тяжких потерь. Наконец, как и Магопо, он искренне полюбил Александра и сразу растолковал своему новому союзнику, что собой представляет Сэм Смит. Магопо увидел, что стал жертвой жулика, и страшно рассердился, потому что это был удар по его самолюбию. Думать, что ты заручился содействием бесстрашного и честного белого, из таких, каким был Дауд, и вместо храброго и бескорыстного вождя, которому ты обязан жизнью, получить лишь подделку! Да, тут самый спокойный кафр и тот изошел бы желчью.

Целый рой соображений пронесся в голове у Магопо, и все они были не в пользу Сэма Смита. Александр старался во что бы то ни стало поддержать мир между черными племенами, он не пил, мало ел и никогда не намекал на сокровища кафрских королей. А этот, напротив, с самого начала стал подстрекать батоков к нападению на макололо и сам предложил Магопо свои услуги. Кроме того, он пил, как лошадь, жрал, как настоящий англичанин, и все время приставал с расспросами относительно клада, зарытого на острове баримов.

Нет, конечно, такой человек не имел с белым вождем

ничего общего, кроме разве только черт лица. Цвет кожи спасал его от расправы, но надо было как можно скорей закрыть ему доступ в Котлу и вежливо выпроводить его. И поскорей. Пиво могло перегреться; воины чувствовали в ногах зуд — предвестник бешеной пляски, — надо было поскорей кончать.

И все было сделано быстро. Мастер Смит внезапно увидел, что вокруг него образуется пустота, он понял, что игра проиграна и что всякая настойчивость может плохо для него кончиться. Об этом говорили полные ненависти взгляды воинов, которые он ловил на себе. Он пытался изобразить равнодушие, которого далеко не испытывал, видя крушение своих надежд, и радовался только тому, что дешево отделался. Сэм Смит гордо повернулся на каблуках и ушел в сторону реки.

— В конце концов, — сказал он в утешение самому себе, — я все-таки не потерял сегодняшний день даром. Я продал ружье этому французу по довольно выгодной цене. Хе-хе! Я становлюсь честным купцом. А не было ли бы, в самом деле, выгодней заниматься честной торговлей, чем моим нынешним промыслом, который все-таки стал слишком опасным? Надо подумать. После! Этот чернокожий глупец столько наговорил мне о кладе, что я весь горю. И надеюсь найти его, ибо, в общем, я имею довольно точные сведения... Да, но у меня нет оружия. Надо пойти поискать в тайничке. У меня там припрятано великолепное нарезное ружье Гринера. Затем надо будет серьезно приняться за поиски. К несчастью, я один. В этом всегда была моя сила, а сегодня я об этом жалею — впервые в жизни. Если бы я мог найти трех компаньонов, вроде этих трех французов, то вчетвером мы бы целое царство завоевали! Но вот беда — эти джентльмены полны предрассудков! Постой-ка! А буры? По-моему, вполне подходящие ребята! Черт возьми, об этом стоит подумать. Они где-то недалеко отсюда и, должно быть, высматривают какое-нибудь дельце повыгодней. Надо их найти. Это нетрудно. Ими, к сожалению, заправляет этот мерзавец Джемс Виллис. Я его сразу узнал, хоть он вырядился миссионером. Интересно, для чего именно они объединились? Во всяком случае, с Джемсом Виллисом я должен покончить. Мошенник давно это за-

служил. И я его пристукну во что бы то ни стало. Когда те болваны не будут находиться под его влиянием, я сделаю с ним что захочу. Итак, все в порядке. Схожу к себе на склад, а потом займемся фирмой «Смит и Компания».

Смиту удивительно повезло. Неподалеку от водопада, в укромном, скрытом от глаз месте, у него был тайничок, в котором он прятал все, что удавалось награбить. Смит взял здесь оружие и снаряжение и на обратном пути увидел на прибрежном песке следы. Он остановился как вкопанный, сочно выругался и расхохотался во все горло. Никакой ошибки быть не могло: три отчетливо видных следа спускались прямо к реке. Два из них сказали бы любому наблюдателю, что здесь прошли не люди, а мастодонты в человеческом облике. Шаги были необычайной длины; вмятины, оставленные огромными ножищами, были такие, что в них можно было бы поместить футляр от скрипки. Такие ноги должны были служить опорой для тела необыкновенной величины и веса. Третий след, гораздо более мелкий и легкий, очевидно, принадлежал человеку среднего роста, который семенил ногами.

— Двое буров, — пробормотал Смит, снова пускаясь в путь, и прибавил глухим голосом: — и Джемс Виллис.

При этом суровая складка легла у него на лбу.

— Мерзавец! И походочка все та же, что на Трид-Миле.

Эти слова требуют некоего пояснения. До 1873 года во Франции каторжников приковывали по две пары к одной цепи; кроме того, им надевали на ноги стальные кольца, к которым прикрепляли еще одну цепь. На этой цепи висело тяжелое ядро. Каторжник волочил его за собой по земле вплоть до полного отбытия срока. Постоянное усилие, которое для этого нужно было делать, вырабатывало у заключенных особую походку, от которой они не могли отделаться даже после освобождения. Они по старой привычке волочили ногу, к которой некогда было прикование ядро. Для полиции это служило важной приметой, по которой она узнавала рецидивистов.

В Англии, где исправительная система резко отличается от системы французской, заключенному оставлена свобода движений. Однако не думайте, что англичане, всегда

кичащиеся своим человеколюбием, создали у себя в местах заключения такую уж сладкую жизнь. Как люди практичные, они решили не растрачивать попусту человеческие силы, не заставлять осужденных бессмысленно волочить за собой тяжелое ядро, а извлекать из них пользу. В каждой английской тюрьме установлено для этой цели несколько больших колес — таких, какие приводят в движение водяные мельницы. Это и есть Трид-Мил. Здесь во всем блеске проявилась англосаксонская изобретательность. Заключенный должен приводить колесо в движение несколько часов подряд. Человека ставят на плицу. Естественно, она опускается. Тогда он должен немедленно прыгнуть на следующую плицу, иначе у него будут переломаны ноги. Так он должен прыгать с одной плицы на другую, пока не выполнит свой урок. Колесо вращается быстро, но не подумайте, что заключенный может замедлить его движение. Адская плица все время уходит у него из-под ног, и подходит другая. Он должен либо продолжать прыгать, либо станет калекой. Эти упражнения, этот бег на месте по движущейся поверхности вырабатывают у английского заключенного мелкий, прыгающий шаг, который, в общем, напоминает походку «воспитанника» французской каторги.

Сэму Смиту все это было отлично известно, и он сразу узнал по следам нервную, прыгающую походку, от которой его преподобие — он же Джемс Виллис — не смог отделаться, несмотря на все старания.

Сэм Смит и не надеялся, что ему удастся так легко найти всю тройку. Теперь он пошел по следу и недалеко от реки услышал шум, который заставил его насторожиться.

— Вот они, мои молодчики! — пробормотал Смит.— Какие, однако, жалкие дураки! Ну разве можно орать так громко? Они как будто и не подозревают, что вода отражает звук и делает его слышным очень далеко.

Мы уже видели выше, как ловко Смит использовал положение, как он выведал тайну у трех компаньонов, с какой жестокостью он отомстил своему врагу и как зуботычины помогли ему завоевать симпатии буров.

Когда Корнелис, Питер и их новый хозяин заметили исчезновение пироги, они не стали тратить время на

бесплодные взаимные упреки. Все трое поняли, что за ними следят и что им грозит опасность. Они не знали, какая именно и с чьей стороны, но от этого она только казалась больше. Каждый свернул свое оружие и снаряжение в тючок и устроил его у себя на голове. В таком виде все трое потихоньку вошли в воду. Спустя несколько минут они благополучно выбрались на берег, оставив его преподобие на дереве. Рот у него был заткнут, и он задыхался. Его буквально свело от бессильной ярости, и все тело ныло от боли. Его преподобие считал себя погибшим, он видел приближение неминуемой смерти и все же пытался выторговать у нее хоть небольшую отсрочку.

Однако, если он и оцепенел, едва увидев Смита, то уход грабителя помог ему снова обрести обычное хладнокровие, ничуть не соответствовавшее ужасу его положения. Он решил немедленно освободиться от пут, причинявших ему тяжкие боли, используя для этого приемы, которые знал по своему старому опыту каторжника.

Внезапно он стал различать слабое, но непрерывное потрескивание, и снова пришел в ужас.

Эти странные звуки раздавались у подножия того самого дерева, на которое его взгромоздил Сэм Смит, и обезумевшему пастору снова почудилось нашествие змей. Но нет, ползание змей по дереву сопровождается шуршанием, не похожим на звуки, которые его испугали. Одновременно он услышал какой-то особенный, острый запах, который медленно поднимался и насыщал пропитанный сыростью воздух.

Его преподобие сразу узнал муравьиную кислоту, обильно выделяемую некоторыми видами муравьев. Он задрожал при мысли об ужасной пытке, которая его ждет, если на него набросятся эти жестокие перепончатокрылые насекомые. Не то чтобы была так опасна выделяемая ими кислота, но африканские муравьи ужасно прожорливы, и опасность заключается в их неисчислимом множестве. Не раз случалось, что крупные животные, как лошади, быки и даже раненые слоны, попадавшиеся на пути прохождения муравьиной колонны, погибали за одну ночь: их съедали миллионы маленьких насекомых и оставляли начисто обглоданные скелеты.

Его преподобие знал это. Густой запах говорил ему,

какое множество насекомых на него надвигается. Он понимал, что будет съеден заживо.

Пусть читатель не подумает, что мы что-нибудь преувеличиваем. Доктор Ливингстон часто встречал крупных черных муравьев, имеющих до двадцати пяти миллиметров в длину. Туземцы называют их «лешониа». Подумайте сами, какие опустошения может произвести армия этих лешониа, густо покрывающая площадь длиной в триста и даже четыреста метров и шириной в пятьдесят метров. Тогда вы сможете понять, какой страх охватил Джемса Виллиса.

Рот у него был заткнут, но все же он глухо зарычал, когда почувствовал, что по ногам у него ползут тысячи проворных лапок. Он испытывал острую боль в ноге, точно его ущипнули стальные клещи. Кусок кожи был сорван, муравьи начали свое пиршество. Его преподобие стал судорожно корчиться и напрягать до предела все свои онемевшие члены, но Смит, связывая его, вспомнил свое старое матросское ремесло и завязал такие узлы, которые не поддавались никаким усилиям.

Муравьи, возбужденные запахом крови, с одинаковой жадностью пожирали и тело, и одежду, и даже кожаную обувь. Бандита брала приступом целая армия, она захватила его с головы до ног. Как мы уже сказали, ему в рот воткнули тряпку. Концы ее отчасти прикрывали лицо. Но скоро и оно будет искусано муравьями, затем язык, глаза, а он ничего не может предпринять против маленьких челюстей, которые держат его и не выпускают.

Вот она, стало быть, месть Сэма Смита!

Чтобы отдалить эту роковую минуту, Джемс Виллис машинально откинул голову назад, сделал невероятное и болезненное усилие и почувствовал, что его руки свободны. Тут не могло быть никакого самообмана, обе его руки освободились и получили возможность действовать! Прожорливые насекомые сами сделали то, чего не могли сделать его исступленные усилия. Живые клещи в одну минуту обратили в паклю те крепкие путы, которые стягивали ему запястья.

Увидев себя наполовину свободным, он прежде всего подумал о том, чтобы выдернуть кляп у себя изо рта, освободить ноги и побежать к реке. Что теперь значила

для него опасность нарваться на кайманов, гиппопотамов, пресноводных акул или водяных змей! Сейчас главное было поскорей избавиться от страшной пытки.

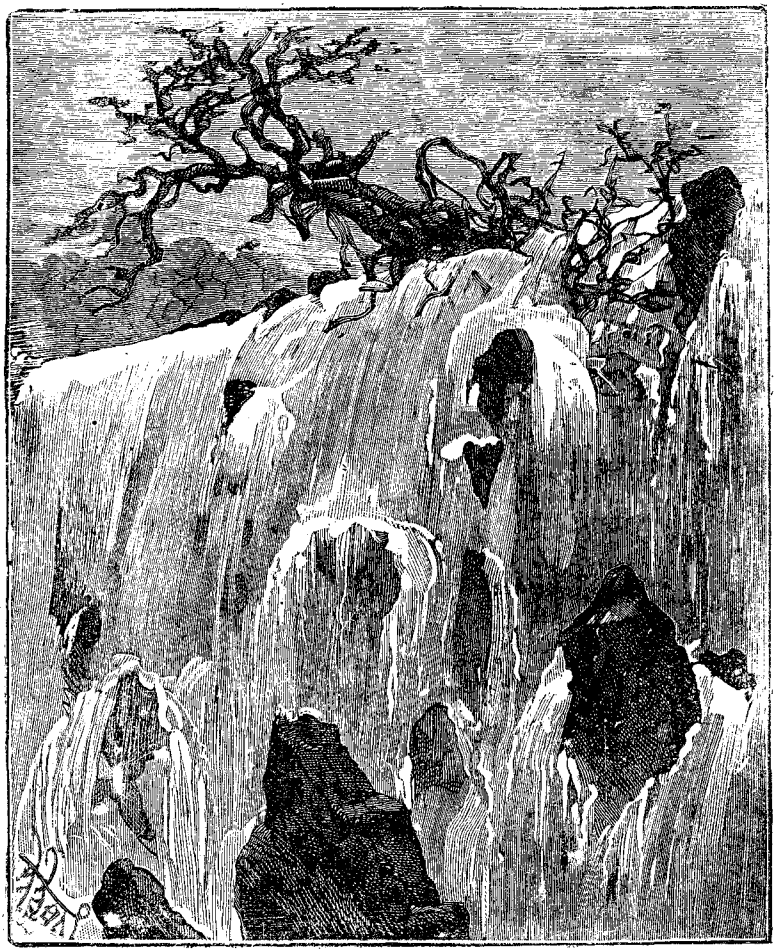
Но он не успел приступить к исполнению этого плана. Дерево, на котором он находился, подмыло наводнением, оно закачалось и с шумом рухнуло.

Дерево стояло на самом конце косы. Ствол средней толщины поддерживал густой зеленый купол. По удивительной случайности дерево упало ветвями в воду, благодаря чему прежде всего прекратилась мучительная пытка его преподобия. Первой заботой Джемса Виллиса было взобраться на ветвь, за которую он ухватился. Освежившись благодаря благотворному погружению в воду и сам не веря своему счастью, он, однако, с ужасом заметил, что дерево, подхваченное течением, плыло, медленно кружась, по направлению к водопаду.

Тут лжемиссионер произнес богохульное ругательство. Однако он не оставался пассивным: держась рукой за свою ветвь, он старался высвободить ноги. Если бы это ему удалось, он мог бы либо переплыть реку по диагонали, либо пристать к одному из островков, каких на реке было много.

Но ему решительно не везло, ибо муравьи, его бессознательные освободители, перегрызли только те путы, которыми у него были связаны руки. Все же остальные остались целы и в воде они так набрякли, что развязать узлы было положительно невозможно. К тому же Смит совершенно обезоружил его преподобие и не оставил ему хотя бы карманного ножа, которым он мог бы их перерезать. И, наконец, в довершение всех бед островки, на которые он рассчитывал, были затоплены и скрылись под водой. Так что Джемс Виллис потерял всякую надежду.

Тем временем его дерево стало игрушкой волн и неслось со все возраставшей, головокружительной быстротой. Попав в полосу прибоя, оно поплыло, кружась и вертясь. У верхней губы водопада оно на минуту задержалось, повернулось два или три раза вокруг своей оси, попало во встречное течение, стремительно понеслось в боковой проток и упало в бездну. Его преподобие, уже наполовину задохшийся, оглушенный грохотом, похолодевший от ужаса, закрыл глаза и потерял сознание.



Дерево стало игрушкой волн и неслось с головокружительной быстротой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сила и слабость человеческого организма. — Кривая вывезла. — В угольной пещере. — Неожиданность. — Подземный ход. — Тайный склад. — Углубление в почве. — Еще один тайник. — Что иногда содержится в бочонке из-под анчоусов. — Шкатулка, достойная султана или набоба. — Золото!.. Алмазы!.. — Уж не тайник ли это Сэма Смита?

Организм человеческий настолько непрочен, что иной раз достаточно какой-нибудь мелочи, чтобы его разрушить. Но иногда он оказывается поразительно живуч. Обыкновенный сквозняк может вызвать смертельное воспаление легких, но сколько раз бывало, что солдат, раненный в грудь навылет, благополучно поправляется и всю свою дальнейшую жизнь наслаждается цветущим здоровьем. Какой-нибудь толчок, удар в голову при падении могут вызвать воспаление мозга, заканчивающееся смертью. Вместе с тем осколки снаряда, попадая в черепную коробку, обнажают мозг, но жизни это еще не угрожает.

Можно привести бесконечное множество таких примеров. И все же читатель будет удивлен, когда узнает, что его преподобие, почти удавленный Сэмом Смитом, едва не задохшийся из-за тряпки, воткнутой ему в рот, изъеденный муравьями, утопавший со своим деревом в Замбези и в конце концов унесенный водопадом Виктория, уже на следующее утро наслаждался всеми радостями бытия.

Логически он должен был бы сначала быть раздавленным огромной массой воды, а затем разбитым о базальтовую скалу, по которой она проносится с оглушительным шумом.

Но его преподобие чудесным образом избежал обеих этих опасностей. Он был, по всей вероятности, первым человеком, пробравшимся живым через места, над которыми гремит божественный голос баримов.

Случайность, благодаря которой слепая судьба сохранила бандиту жизнь, была, в сущности, очень простой. Читатель помнит, что его преподобие тщетно пытался распустить узлы, которыми были стянуты его ноги, и с отчаянием утопающего впился в свое дерево.

То, что должно было стать причиной его гибели, стало источником его спасения. Дерево, как мы видели, было унесено в один из боковых каскадов, отделенный от главного водопада скалами. Оно свалилось, как в колодец, на дне которого с воем кружилась вода. Густая зеленая крона и прочные ветви не дали его преподобию удариться о базальтовые скалы, и он уцелел. Это не все. Базальтовая стена стояла здесь не отвесно, а представляла собой наклонную плоскость, и в ней зияло неправильной формы отверстие шириной метра в три. Никто не мог и заподозрить его существования. Чтобы его увидеть, нужно было предварительно выполнить гимнастическое упражнение, которое против своей воли проделал Джемс Виллис.

По непостижимой прихоти случая дерево угодило в это отверстие своей густой зеленой кроной и на минуту заткнуло его. Затем оно перевернулось корнями кверху и полетело вниз. У входа в отверстие произошла короткая задержка, и тогда переместился центр тяжести. По этой причине бандит выпустил из рук ветви, за которые держался, и в силу закона притяжения его тело продолжало лететь по кривой линии, по которой ранее неслось дерево. Эта кривая привела его в самую сердцевину зияющей пещеры. Он упал на дно и лежал, раскинув руки.

Обморок продолжался долго. Очнувшись, Джемс Виллис увидел водяную пыль, которая облаком стояла над пещерой, и солнце, в сиянии которого водопад казался огромным потоком металла.

Мы предоставляем читателю самому судить, о чем подумал бандит, столь неожиданно убедившись, что он жив, какова была его радость, его удивление, его изумление. В один миг пронеслось перед его мысленным взором все пережитое за ночь, все нагромождение ужасов; затем он вспомнил минуту, когда услышал где-то внизу грохот водопада и потерял сознание. Он медленно перебирал в уме все события, которые могли бы объяснить, как он попал в эту пещеру, и, в общем, его предположения не были лишены основания.

Но хоть бандит и ушел от грозной опасности, он еще не был огражден от новых злоключений. Эта тревожная мысль пришла ему в голову весьма кстати.

— Ну-ка, — сказал он, с трудом садясь, — давай по-

думаем, как выбраться отсюда. Навсегда поселиться в водопаде Виктория — это не дело. Я не вижу здесь никаких удобств. Однако сначала осмотрим нашу новую квартиру. Кроме того, пора наконец освободить ноги. Этот мерзавец Сэм Смит поработал усердно. Вот кому лучше не попадаться мне на глаза, если только я сам еще выберусь отсюда. Эти куски черного камня мне пригодятся. Я перетру ими все мои путы и пойду на разведку.

Джемс Виллис попытался разбить один такой камень, сильно ударив им о землю, но, к великому его удивлению, камень весь раскрошился. То, что Виллис принимал за скалы, было глыбами каменного угля.

— Черт возьми! — закричал он, обрадовавшись. — Уж не попал ли я в каменноугольную шахту из тех, которые здесь некогда разрабатывали португальцы? Но, в таком случае, я спасен! Я найду главную галерею— там обязательно должен быть выход.

Беглый осмотр пещеры убедил его, что он ошибается. Нигде не было видно никаких следов человеческого труда. Пещера образовалась, вероятно, в результате оползней, вызванных вековым действием вод. Пласт каменного угля, менее прочный, чем соседние породы, естественно, подался и образовал разрез толщиной метра в два.

Отказавшись от мысли найти кусок базальта, его преподобие немедленно сам принялся за свои путы. Вооружившись терпением, ломая себе ногти и крепко ругаясь, он наконец освободился.

— А теперь вперед! — сказал он, когда кровь стала снова правильно обращаться в его жилах.

Он продвигался на ощупь, держась правой рукой за стенку, потому что наступила полная темнота. Мало-помалу грохот водопада становился все слабей, и его преподобие слышал уже только сплошной гул, от которого в его мрачной тюрьме дрожали стены.

Боясь оступиться и упасть в какую-нибудь новую, невидимую яму, он делал каждый шаг, только убедившись, что под ногами есть почва.

Так он прошел метров сто и крайне устал от бесконечных предосторожностей и трудностей, которые встречал на каждом шагу. Легко, впрочем, понять, что и пережитые злоключения отняли у него немало сил.

Он все еще продвигался вперед, почти ни на что уже не надеясь, подталкиваемый одним лишь желанием уйти как можно скорей от бездны, которая грохотала позади него. Естественная подземная галерея, на выступы которой он поминутно натыкался, внезапно повернула в сторону, и вздох облегчения вырвался из груди бандита: он заметил вдали бледный свет, падавший на дно пещеры откуда-то сверху. Свет! Почти то же, что жизнь! Он шагал еще в течение некоторого времени, которое казалось ему ужасно долгим, и очутился наконец на просторной круглой площадке.

Она как бы лежала в угольном пласту и получала свет через своего рода круглую трубу, в которую было видно темно-голубое небо. Труба имела метров десять в длину и около двух метров в ширину и пропускала огромный сноп ярких лучей.

Его преподобие оказался как бы на дне высохшего колодца. Он осмотрел все углы и закоулки и был ослеплен. Казалось бы, после всех пережитых приключений он уже не должен ничему удивляться, но теперь он был в буквальном смысле потрясен. Это было потрясение радостное, ибо каковы бы ни были его мечты, он никогда не мог мечтать о том, что сейчас лежало у него перед глазами. Он все еще был узником, но как великолепна была его тюрьма!

Впрочем, посудите сами!..

Прежде всего коллекция ружей, аккуратно поставленных вдоль стены. Она была совершенно сухой благодаря вентиляции, которую давала все та же труба. Несколько карабинов с покрытыми бронзой стволами стояли рядом с ружьями системы «Мартини-Анри», «Винчестер», «Уэттэрли», — словом, здесь были собраны лучшие образцы современных ружей, последнее слово техники. Охотничье оружие было достойным образом представлено ружьями центрального боя, среди которых можно было заметить и скромные пистонные, которыми тоже не следует пренебрегать, когда не хватает патронов. Тщательно рассортированное снаряжение было завернуто в куски просмоленного брезента, что делало его нечувствительным к изменениям атмосферы.

Рядом с этими обильно смазанными жиром грозными

орудиями нападения и защиты его преподобие с неописуемой радостью заметил несколько небольших ящиков, содержавших галеты, табак и различные консервы в тяжелых коробках, украшенных цветными этикетками. Далее шло самое разнообразное платье: синие шерстяные куртки, такие же брюки, фланелевые рубашки, сапоги для верховой езды и даже колониальные шлемы. Затем ножи, тесаки, полные комплекты упряжи, компасы, часы, серебряные столовые приборы и туалетные несессеры...

Таинственный хозяин этого подземного склада должен был быть не только коллекционером и знатоком, но еще и человеком, который любит удобства. Так, в небольшой нише оказался целый ворох густых мехов. Они могли служить такой мягкой постелью, какой был бы доволен любой неженка.

Джемс Виллис был потрясен. Со все возрастающим удивлением созерцал он эти богатства. Он был человек, весьма далекий от суеверий, и все же ему казалось, что в его жизнь вмешались сверхъестественные силы, если только под влиянием всего пережитого накануне у него не начались галлюцинации.

Но нет, действительность представала перед ним в неопровержимом виде, и отрицать очевидность было бы невозможно. Он перетрогал, перещупал, пересмотрел все лежавшие перед ним разнообразные предметы и, убедившись, что в его невероятном приключении нет никакой фантастики, решил вскрыть банку мясных консервов. Но тут взгляд его упал на небольшую круглую выемку в почве, по-видимому образовавшуюся в результате того, что слой угля здесь недавно переворошили.

Странно — этот человек, умиравший от голода и который, казалось, должен был бы мечтать только о том, чтобы хорошенько наесться, благо еда была под рукой, и хорошенько поспать, этот человек, только что находившийся в таком ужасном положении, подумал только об одном: поскорей разрыть это местечко, показавшееся ему загадочным тайником. Он отбросил коробку с консервами и воткнул в уголь саблю, при помощи которой собирался вскрыть консервы.

Предчувствие не обмануло его. Уголь действительно недавно ворошили, если судить по тому, как он крошился.

Преподобный был убежден, что закопанный здесь предмет должен представлять особенную ценность, раз уж владелец всех этих богатств дал себе труд так тщательно скрыть его в этом и без того скрытом и недоступном месте. Джемс Виллис яростно работал клинком и выгребал уголь с такой поспешностью, что по его почерневшим рукам потекла кровь.

Но вот клинок наткнулся на твердый предмет.

— Так я и думал! — пробормотал бандит, наклоняясь над ямкой. — Постой-ка! Бочонок! Из-под соленых анчоусов. Их сколько угодно в любом кабаке. Очень просто. Анчоусы вызывают отчаянную жажду, и кабатчику легче сбывать свое огненное пойло. Ну-ка, посмотрим, что в бочонке. Не думаю, чтобы в нем оказалось виски. Я что-то вообще не вижу, чтобы мой хозяин достаточно позаботился о напитках.

Джемс Виллис с трудом извлек из ямы бочонок и поставил его на свет.

Напрасно пытался бандит выбить клепку. Дерево было крепкое, острие сабли сломалось с сухим треском. Заметив американский топор, стальной клинок которого отливал лазурью, он схватил его и с силой ударил по днищу.

Дерево треснуло, ободья лопнули, бочонок рассыпался.

Бандит был ослеплен, заворожен, он задыхался и дико закричал при виде сказочной картины, которая открылась его глазам.

Вообразите, что перед вами внезапно засверкали драгоценности султанши или раскрылся ларчик набоба, переливающий всеми цветами радуги; вообразите, что великолепные дары Голконды [1] прихотливо играют перед вами всеми своими огнями, и вам все же будет трудно составить себе представление о несравненном великолепии клада, который бандит нашел так неожиданно.

Из бочонка высыпались сотни алмазов. В беспорядке рассыпавшись по углю, они сверкали, как звезды, которые оторвались от небесной тверди и упали на полог чер-

---

[1] Голконда — старинное название нынешнего индийского княжества Хайдерабад. Властители Голконды славились несметным богатством.

ного бархата. Безумными глазами смотрел миссионер, из груди его вырвалось рычание, какое издает хищный зверь, вышедший на охоту. Затем взгляд его снова перенесся на бочонок. Этот скромный сосуд был до половины наполнен драгоценными камнями разной величины и желтыми металлическими кружками — золотыми монетами.

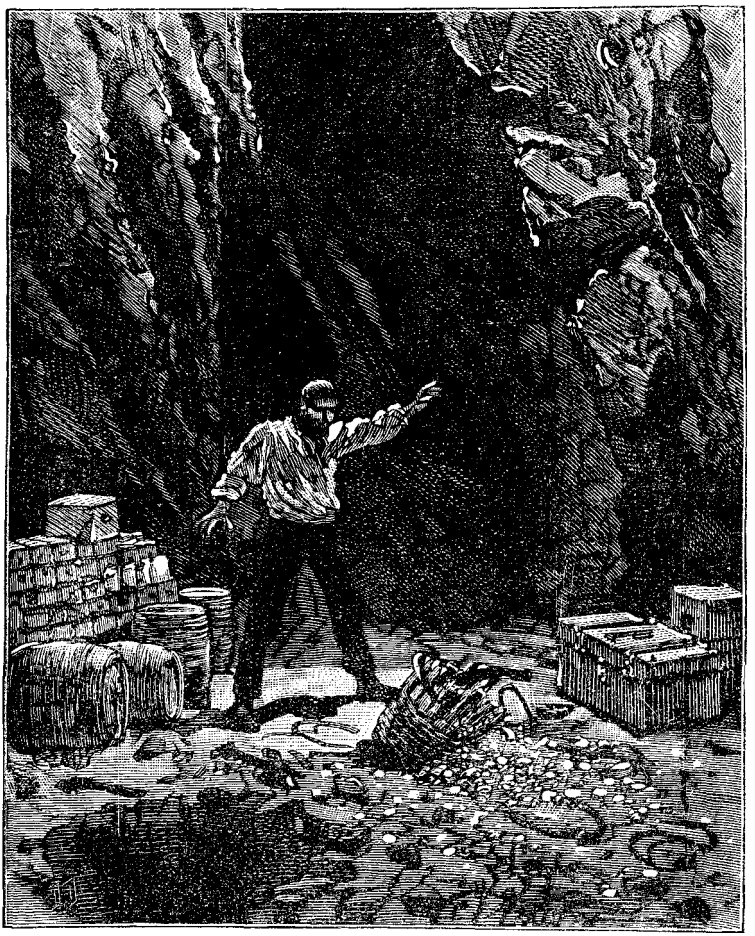
Камни еще не были отделаны, к ним еще не прикасались ни искусство гранильщика, ни прихотливый вкус ювелира, и все же они представляли неоценимое богатство. Их естественные грани, на которые сверху падал свет, задерживали на себе все лучи. Некоторые камни, случайно лежавшие на золотых монетах, напоминали сверкающие глаза тигра.

— Мое!.. Мое!.. Все мое!.. — задыхаясь, повторял бандит, погружая руки в алмазы. — Я богат!.. Наконец-то! Я давно это заслужил!

Он набрал полные пригоршни драгоценных камней и сжал их так, что они врезались ему в ладони. Вероятно, это было ему нужно, чтобы еще лучше поверить в обладание. Затем, нечувствительный ко всему остальному, сразу забыв голод, жажду и усталость, он стал пересыпать драгоценные камни из одной руки в другую, как маленькие дети, забавляясь, пересыпают песок. Камни оживали, напоминая рой мошек, играющих в солнечном луче.

Молчаливое созерцание этого сверкающего волшебства продолжалось долго. Наконец его преподобие как будто очнулся. Посторонний наблюдатель этой удивительной сцены подумал бы, что бандит наконец решил поесть. Ничего подобного. Жадность, которую такая находка, казалось, могла утолить — хотя бы на время, — проявилась в странной форме. Бандит пересыпал обратно в бочонок все алмазы, и они падали с сухим потрескиванием. Затем он подобрал камни, валявшиеся тут и там по углам, делая это спокойно, неторопливо — как бережливый земледелец подбирает каждое зерно, вывалившееся из снопа.

Эта нелепая работа отняла много времени, и его преподобие, которого созерцание богатства взволновало и утомило, но не насытило, подумал наконец о еде. Но тут ему захотелось прежде всего полностью вступить в право владения, и он стал пересыпать алмазы и золотые монеты из



Ободья лопнули, и бочонок рассыпался.

бочонка к себе в карманы. Затем он сел на бочонок, опустил ноги в ямку и жадно съел галету и кусок мяса.

Только тогда стал он серьезно обдумывать свое положение и хладнокровно его взвешивать.

— Вот что, — сказал он, разгрызая своими острыми волчьими зубами сухую галету, — нечего тут сидеть и восторгаться этой странной милостью судьбы. На минутку я было потерял голову. Надо, впрочем, признать, что было от чего. Другой на моем месте совсем спятил бы. Постараемся все обдумать, как подобает умному человеку. Немыслимо, чтобы я наскочил на сокровища кафрских королей. Все оборудование этой подземной пещеры, все предметы, которые здесь находятся, — все говорит о том, что хозяин или хозяева — европейцы. В этом и сомневаться нельзя. Отличный порядок во всем, прекрасное состояние оружия, аккуратное хранение платья и снаряжения, качество продуктов, — все это убеждает меня, что сюда заглядывают довольно часто. Долго я здесь не продержусь, даже если не найду выхода. Конечно, выход-то есть, но сейчас он мне просто недоступен. Вот он, у меня над головой, этот проклятый вертикальный коридор, скорей похожий на трубу или на ствол колодца. Несомненно, именно им-то и пользуются мои загадочные хозяева. Надо только иметь веревку с узлами. По ней можно легко взбираться и спускаться. Кажется, я даже вижу царапины на стене. Это следы ног. Но, черт возьми, кто они, эти хозяева? Люди с приисков не стали бы так прятать плоды своих трудов. Они бы поторопились обратить такие богатства в деньги. Кабатчик тоже не стал бы устраивать здесь свой склад. И, наконец, какой же сумасшедший будет прятать столько алмазов и заниматься тем, чтобы продавать пьяницам алкоголь? Только у какого-нибудь миллионера могла зародиться такая фантазия. У миллионера? Как сказать... А быть может, у осторожного вора?.. У вора?..

Джемс Виллис внезапно разразился неудержимым смехом.

— Черт меня побери, если это не так! — воскликнул он, все больше трясясь от смеха. — Но это было бы уж чересчур! А почему бы и нет? Я столько насмотрелся за эти сутки!.. Только один-единственный вор на свете

способен собрать такую разнообразную коллекцию и содержать ее в таком порядке. Я не впервые это вижу, — конечно, кроме алмазов. В Австралии мне оказал гостеприимство один джентльмен, орудовавший на больших дорогах. Он принимал меня в просторной пещере, в которой с большим толком и вкусом было собрано все, что может быть необходимо в жизни. Мой бывший дружок Сэм Смит был человек осмотрительный, и мы с ним неплохо кутили, покуда колониальная полиция рыскала по нашим следам. Уж не попал ли я случайно на дачу моего милого Сэма? Чего на свете не бывает!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первое собрание пайщиков фирмы «Сэм Смит и К°». — Смит считает, что, когда человек богат, он должен быть честен. — Что подразумевается в Южной Африке под выражением «соленые быки». — Питеру поручается купить упряжку. — О некоторых свойствах южноафриканского скота. — Украшение или уродование? — Яд убивающий и яд предохраняющий. — Предшественники Пастера.

Покуда его преподобие, избежав страшной мести Сэма Смита, находился в таинственной пещере, Смит держал совет со своими новыми компаньонами. Все трое высадились на твердую землю и, оставив справа дорогу на прииск Виктория, направились в сторону базальтовых холмов, сжимающих русло Замбези выше водопада. Узкая тропинка— скорее, карниз, прилепившийся к отвесной стене, у подножия которой ревела вода, — привела их к площадке, окруженной густыми зарослями алоэ, молочаев и опунций. Эта живая изгородь была утыкана такими колючками, что перед ними отступил бы полк солдат, но в ней все же оказалось несколько просветов, и благодаря им путники могли видеть простиравшуюся внизу необозримую долину.

Корнелис и Питер положили перед собой огромный кусок холодной дичи, которого вполне хватило бы, чтобы накормить взвод английской пехоты, вынули ножи и приготовились есть. Смит, сидя на обломке скалы, внимательно изучал карту, нанесенную на платок покойным отцом

госпожи де Вильрож, и время от времени окидывал местность быстрым взглядом.

— Это может быть только здесь, — бормотал он. — В какую сторону ни повернись — всюду эта пунктирная линия, которая идет с севера на юг немного выше водопада. Стало быть, здесь и надо искать. Ладно! Скоро мы кое-что узнаем о сокровищах кафрских королей.

Эти последние слова заставили обоих белых дикарей привскочить.

— Как? — воскликнули они оба одновременно и сразу перестали жевать.

А Смит удостоил их снисходительно-высокомерной улыбкой, которая должна была напомнить о его превосходстве, и сказал:

— Что, ребята, встрепенулись? Понравилось?

У Корнелиса и Питера были набиты рты. Они могли только утвердительно мотнуть головами. Но это помогло им проглотить пищу, и тотчас оба брата обрели способность говорить.

— Конечно, джентльмен!

— Вот и отлично. Стало быть, излишне спрашивать вас, не переменили ли вы прежнее решение.

— Мы принадлежим вам телом и душой. Вы это отлично знаете.

— Теперь уж недолго ждать. Или я сильно ошибаюсь, или мы подходим к цели.

— Приказывайте. Мы все сделаем. Наши собственные интересы — лучшая гарантия нашей полной преданности вам. Но ведь у вас есть еще и свои доводы, против которых возражать невозможно, — с простодушным видом ответил Корнелис.

— Вы умница! — заметил Смит.

— Не знаю. Но мне страшно хочется стать миллионером.

— Похвально. Раз так, слушайте меня. Вы, должно быть, догадываетесь, что если я заставил вас карабкаться на эту кручу, то не для того, чтобы посмотреть, крепкие ли у вас ноги.

— Вам видней.

— И не для того я вас привел на эту почти недоступную площадку, чтобы вы подышали горным воздухом.

— Нам все равно.

— Здесь будет наш штаб. И уж поверьте мне, если я выбрал это место, то не без оснований.

Тут Корнелис, по-видимому, вспомнил побои, какие ему нанес Смит, и сказал:

— Ваша милость все делаете основательно. Верно, Питер?

У Смита лицо прояснилось.

— Хорошо, что вы этого не забываете, ребята. Но довольно болтать попусту. К делу! Мы находимся неподалеку от склада, о котором знаю только я один. Там мы найдем оружие, одежду и в особенности еду. И в таком количестве, что хватило бы для целого войска.

— Неужели? —с энтузиазмом воскликнули братья.

— Так что важный вопрос о питании разрешен. А он тем более важен, что, как только мы раскопаем клад, надо будет подумать об отъезде в цивилизованные края. Но это еще не все. Нам понадобится фургон — по крайней мере, один — и хорошая упряжка «соленых» быков [1], которые не заболеют в пути. А отсюда, сверху, мы легко можем видеть все фургоны, которые приходят на прииск и уходят...

— ...и которые можно взять за спасибо! — грубо рассмеявшись, воскликнул Питер.

— Вот что, дружок! — холодно оборвал его Смит. — Я заметил, что Корнелис умница. К сожалению, должен сказать вам, что вы, по-видимому, круглый дурак.

— Почему, джентльмен?

— Потому что надо будет платить, чтобы избежать каких бы то ни было неприятностей. И платить щедро. Поняли? Когда человек богат, он должен быть честен. И, наконец, не мы одни знаем о сокровищах кафрских королей, и не мы одни за ними гоняемся.

— Да, конечно. Есть три француза...

— ...и Клаас, ваш милый братец.

— Совершенно верно! А мы про него и забыли!

— Но я, ваш начальник, я должен думать обо всем! Стало быть, вы засядете один справа, другой слева от

---

[1] Так называют быков, которым сделана прививка против губительной местной болезни. *(Примеч. автора.)*

плато и возьмете под наблюдение все видимое пространство между юго-востоком и юго-западом, не упуская также из виду и реку вверх и вниз от водопада.

— Это нетрудно. Все?

— Пока все.

— Я думаю, что это «пока» не будет тянуться слишком долго.

— Почему?

— Потому что справа, на лесной опушке, я вижу людей и много скота.

— Что за люди?

— Негры.

— А скот какой?

— Верховые быки.

— Вы уверены?

— Вполне. Вот они остановились. По-видимому, хотят здесь расположиться.

— Надо как можно скорей связаться с ними. У них быки, несомненно, «соленые». Купить во что бы то ни стало! Фургон после найдем. Быть может, быки не захотят идти в упряжке, но это уж вы возьмете на себя — приучить их к ярму.

— Положитесь на нас, джентльмен.

— Питер, переговоры возлагаю на вас. Будьте уступчивы и не скупитесь. Я могу предложить в обмен самые разнообразные товары. И платить буду через три дня после получения быков. Кстати, какие у вас отношения с публикой на прииске Виктория?

— Отвратительные. От нас требовали, чтобы мы с Корнелисом непременно указали, где лежит клад, и поставили нас во главе экспедиции, а мы ушли.

— Стало быть, новые конкуренты! — сказал Смит насмешливо. — Увидим. А пока что, Питер, идите. И будьте осторожны. Избегайте всяких встреч и попросите наших будущих продавцов немножко отойти в глубину леса. У французов это называется купить веревку, не купив теленка, но у нас выбора нет, мы должны хвататься за первую возможность. Ступайте.

— До свидания, джентльмен.

— До свидания, дружок.

Смит снова занялся изучением местности по карте,

Корнелис стал на свой наблюдательный пункт, а Питер спокойно спускался по крутой тропинке.

Он добрался до владельцев скота меньше чем за два часа и тотчас узнал всадников, если только можно назвать всадниками людей, которые ездят верхом на рогатом скоте: это были люди из племени макололо.

Питер знал их обычаи и язык и сразу обратился к ним как человек, знакомый со всеми правилами вежливости и приличий. Ему оказали сердечный прием, тем более что он белый. Зная, как макололо любят животных, он осмотрел все стадо и расхваливал его как знаток.

Действительно, любой скотовод замер бы от удовольствия на его месте. А всякий, кто слыхал о методах разведения скота, применяемых туземцами Южной Африки, был бы глубоко удивлен.

В стаде были быки двух различных пород. Одних называют «батока», потому что их разводит племя батоков. Быки эти невысокого роста, прекрасно сложены и весьма легко одомашниваются, так что их используют для верховой езды. Они отличаются замечательно веселым нравом. Стоит пастуху, если он идет впереди, прыгнуть, и все стадо начинает прыгать. По вечерам они, резвясь, собираются вокруг костров и спят со своими хозяевами, так что их даже не привязывают.

Вторая порода называется «бароти» — по имени долины, которая считается ее родиной. Быки огромного роста. Встречаются экземпляры, у которых два метра от копыта до плеча. У них высокие жилистые ноги и рога, достигающие двух с половиной метров в длину [1].

Не менее, а, пожалуй, и более терпеливые, чем китайцы, и такие же любители оригинальности, кафры умудряются придавать этим рогам самые причудливые формы. Путешественники, начиная с Левайяна и включая Ливингстона, с изумлением рассказывают о бычьих рогах, имеющих форму правильного круга или спирали. У одного быка четыре, шесть и восемь рогов, у другого они соединены и срослись и придают ему вид единорога, и т. д.

[1] Доктор Ливингстон, посетивший земли макололо, привез оттуда рога именно таких размеров. Их можно видеть в Британском музее. *(Примеч. автора.)*

Левайян полюбопытствовал узнать, как добиваются этого местные скотоводы-художники. Ему захотелось самому научиться, и, по его собственному шутливому выражению, он прошел полный курс.

Кафры берут теленка в самом раннем возрасте. Как только начинают прорезаться рожки, по ним делают небольшой вертикальный надрез пилой или каким-нибудь другим режущим инструментом. Таким образом, каждый рог разделен надвое. Ткани в этом возрасте еще только формируются, поэтому половинки рога не срастаются, а, напротив, расходятся и растут независимо одна от другой, так что получается уже четыре рога. Если хозяин хочет, чтобы их было шесть или восемь, ему остается только поработать пилой соответствующее количество раз. Если надо, чтобы одна из частей рога или весь рог целиком принял, скажем, форму круга, кафр снимает часть верхнего слоя вблизи самого острия рога, остерегаясь, однако, задеть это острие. Если повторять эту операцию достаточно часто и осторожно, то рог начинает изгибаться, и в конце концов кончик соединяется с основанием у самого лба животного, и рог получает форму правильного круга. Этим способом рогам можно придавать бесчисленные и самые разнообразные формы.

Порода «батока», можно сказать, рогов не имеет. Однако кафров это не смущает. Они видоизменяют, переделывают кожу животного. Одни делают своего любимого быка похожим на зебру. Для этого они прикладывают ему к шее, к хребту и крупу раскаленные клинки и выжигают шерсть параллельными полосами. Другие вырезают у животного полосы кожи вокруг головы, на бедрах и на ногах. Затем на раны искусно накладывают швы, так что остаются лишь еле заметные шрамы, а так как вырезанные полосы кожи не отделены от тела, то они свисают в виде бахромы, браслетов и т. п.

Пропускаю много других приемов.

Животные со странным спокойствием переносят все эти варварские операции, которые, впрочем, благодаря умению и ловкости операторов не слишком болезненны. Эти мастера уродования напоминают компрачикосов, о дикой работе которых наш бессмертный Виктор Гюго рассказал в романе «Человек, который смеется».

Кафрские быки ходят и под седлом и в ярме и могут оказывать человеку неоценимые услуги. Благодаря некоторым мерам, применяемым опытными скотоводами, они ограждены от страшной местной болезни, которая опустошает стада и известна под названием «бычьей болезни». Пусть это название недостаточно точно, но я его предпочитаю термину «легочная болезнь», которым пользуются англичане в Капской колонии и голландцы в Ваале. Это заболевание держится здесь эндемически и свирепствует во всей Южной Африке, но особенно сильно между 15° и 27° южной широты. Оно начинается внезапно с сильного воспаления легких и кончается смертью в семи случаях из десяти. Я склонен думать, что это воспаление сходно с сибирской язвой, действие и причины которой так чудесно установил Пастер, один из наиболее прославленных ученых нашего времени.

В самом деле, люди, поевшие мясо умершего животного, заболевали сибирской язвой; малейшая царапина, сделанная инструментом, на котором была кровь больного животного, также вызывала сибирскую язву. По словам миссионеров, такие случаи наблюдались нередко, а кафры погибали во множестве, после того как делали себе щиты из шкур павших животных.

Туземцы не находили никакого средства для борьбы с этим бичом, который опустошал их стада, однако с проницательностью, которой нельзя не восторгаться, подумали о средствах предупредительных. Таким средством является *прививка*. Да, да, вы не ошиблись — именно прививка. Задолго до памятных опытов великого Пастера, которые лишь недавно доказали безошибочную правильность его теории, бедные африканские кафры догадались, что бороться с болезнью можно, прививая ее.

Мы очень далеки от того, чтобы сопоставлять слепой эмпиризм этих первобытных детей природы со строго научным методом Пастера. Ученый может быть только доволен, видя такое новое и неожиданное подтверждение его теории.

Вот как действуют кафры.

Погибшее животное вскрывают и извлекают легкие: в них и заключен возбудитель болезни. Легкие кипятят в медном сосуде на слабом огне. Полученной массой пропи-

тывают тампон из ваты и с помощью длинной иглы вводят его здоровому животному в нижнюю часть хвоста. Затем накладывается шов, который удерживает тампон на месте, и операция закончена.

В области прививки вскоре появляется небольшое воспаление, но, как правило, животное не заболевает. Оно только теряет хвост, который нередко отмирает; иногда же на месте надреза появляется небольшое нагноение.

Утверждают, что смертность, доходящая до семи десятых у скота, которому прививка не была сделана, не подымается выше трех десятых после прививки.

Кто знаком с открытием Пастера, сразу заметит, что отличительной чертой кафрской операции является не сама прививка, а предварительное вываривание вируса. В этом суть. Если бы в здоровый организм был введен вирус в натуральном виде, он безусловно вызвал бы заболевание и смерть. Но под воздействием известной температуры вирус утрачивает часть своей силы, и благодаря введению в организм ослабленного вируса животное переносит болезнь в очень легкой форме, а так как эта болезнь не дает рецидивов, то нет риска, что животное заболеет ею снова.

Но вернемся к макололо.

Можно без труда понять, какую ценность представляют их быки, укороченные хвосты которых доказывают, что им была сделана прививка. Путешественник, располагающий подобной упряжкой, может спокойно пуститься в незнакомые местности, куда его влечет дух бродяжничества. Если он еще будет избегать районов, где водится муха цеце, то он хоть и медленно, но почти наверняка достигнет своей цели, независимо от того, удаляется ли он от цивилизованных мест или возвращается с богатым грузом мехов, слоновой кости или страусового пера.

Из-за трудности сообщения здесь до сих пор почти невозможно соблюдать американское правило «время — деньги». Понятие времени как бы не существует ни для черных, ни для белых жителей этих неисследованных мест. Малейшая сделка сопровождается проволо́чками, которым конца не видно, а сократить их невозможно. Питер, зная, что дело будет долгое, позаботился о том, чтобы, по крайней мере, приятно провести время у макололо.

Он был достаточно хитер и понимал, что делать слишком поспешные предложения нельзя: это могло бы сорвать успех всего дела. Помня строгие наказы Сэма Смита, он пустил в ход все свое лукавство, чтобы заставить негров отойти как можно дальше от прииска Виктория. Ему помог случай: в этом месте оказались огромные заросли мокуна, и хозяева, испугавшись за своих животных, были бесконечно благодарны Питеру за его милую заботливость.

А потом Питер стал ловко выведывать у вождя, что бы он сказал, если бы ему предложили уступить часть стада.

Ответ был решительный, но безнадежный, отчего у Питера жадность только разгорелась. Негры ни за что не соглашались продать хотя бы одного быка.

Питер скрыл свое неудовольствие и подумал:

«Ладно! Чего вы не хотите продать, то вы отдадите даром! И хоть бы мне пришлось всех этих черномазых перерезать, а быки будут моими».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Оргия. — Жертвы Клааса. — «К оружию!» — Бахвальство. — Парламентер. — Ультиматум. — «Белые! Уходите отсюда!» — Последствия одного нарушения международного права. — Стрелы с красным оперением. — Чем кончилось пьянство. — Месть Питера. — Новое появление Каймана — Пожирателя людей.

Когда ночное судебное заседание было так внезапно прервано, линчеватели, испугавшись нашествия змей, бросились со всех ног в палатку кабатчика. Сей почтенный негоциант отлично знал своих завсегдатаев и, несмотря на поздний час, не закрыл заведения. Он предвидел, что во время судебных прений разгорятся страсти и хроническая жажда доморощенных судей перейдет всякий предел. Кроме того, предстояло два повешения при свете факелов. Волнение, обычно вызываемое подобным зрелищем, должно было неизбежно найти отклик во всех желудках и повысить постоянную потребность в пойле до крайних пределов. За свою долгую жизнь на золотых и

алмазных приисках кабатчик подобными сценами пресытился и потому остался на месте. Несмотря на все протесты, он задержал также и слуг. Им очень хотелось пойти поглазеть на повешение, но поневоле пришлось остаться, потому что кабатчик был здоровенный детина ростом в пять футов десять дюймов, сложенный, как боксер, и не любил шутить. Все готовились к приему посетителей. Огромные чаши с пуншем только ждали, чтобы к ним поднесли спичку; бутылки с каким-то подозрительным шампанским были построены в боевом порядке и окружены хорошенько начищенными оловянными кружками. Из полотняных мешков, опечатанных множеством печатей, вылезали копченые окорока и обязательные анчоусы, на которых выкристаллизовалась соль. А тем временем на кухне приготовлялись обжигающие смеси, для поглощения которых нужны желудки из жести.

Внезапно послышался отдаленный шум. Хозяин напряг слух и зычным голосом крикнул слугам:

— По местам!

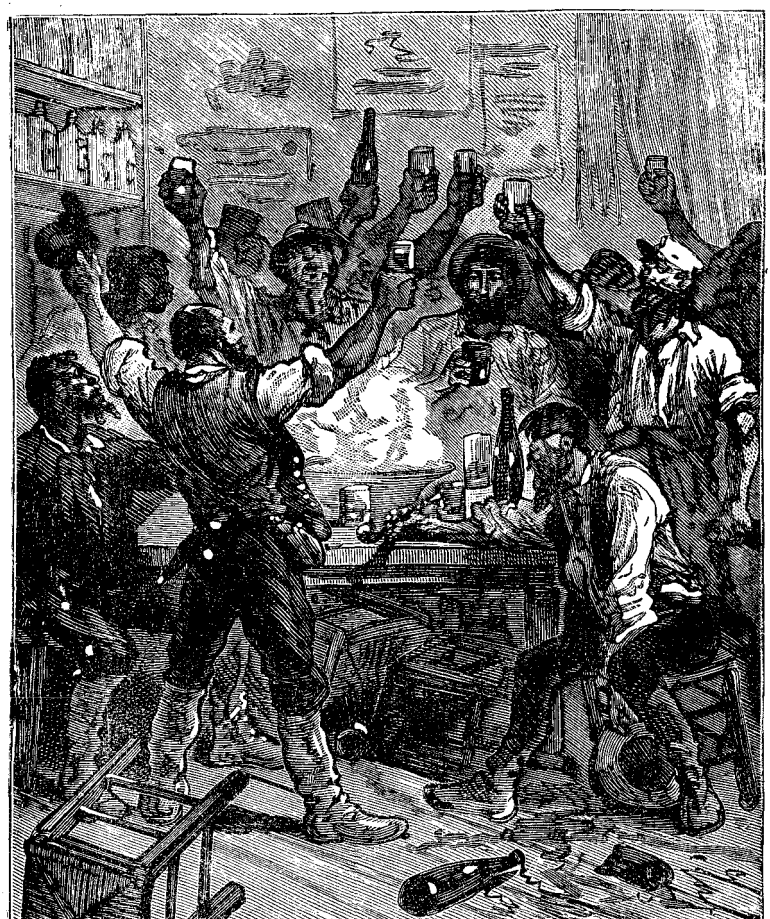
Так капитан артиллерии командует: «К орудию!»

В одно мгновение каждый был на своем посту, готовый лить потоки спиртных напитков в разверстые глотки гостей. Шум усиливался и перешел в невообразимый гул. Люди вбегали, охваченные волнением, которое объяснять не надо. Тотчас запылал пунш, захлопали пробки, вылетая из бутылок шампанского. Было похоже на салют, сопровождаемый фейерверком.

Затем все накинулись на еду и питье.

Подобной попойки никто еще не видел на прииске.

Крик, шум, гам! Все говорят, никто не слушает; каждый пытается по-своему объяснить неожиданный конец ночного суда. Только одного не хватало для полноты празднества: обвиняемые не были повешены! Зато, правда, были змеи, была страшная смерть палача-любителя и почти несомненная гибель мастера Виля. Все эти события достаточно необычны, чтобы хоть на время удовлетворить самых требовательных любителей острых ощущений. Конечно, никому и в голову не пришло поинтересоваться дальнейшей судьбой обвиняемых. Даже отсутствие Инженера и то было едва замечено. Хватало о чем думать!



Подобной попойки никто еще не видел на прииске.

Но действительно ли обвиняемые виновны? Они держались очень хорошо, с достоинством, что было вполне оценено, ибо этот сброд прекрасно знает, что такое мужество. Стали ли они тоже жертвами змеиного нашествия, или им удалось спастись, — так или иначе, можно было биться об заклад, что скоро увидеть их не придется. Следовательно, нечего ими и заниматься. Поэтому люди только и делали, что пили. Оргию сопровождали неумолкающие крики и пьяные песни, распеваемые на всех языках. Время от времени какой-нибудь пьяница, наполненный вином до отказа, соскальзывал со своего сиденья, взмахивал руками и валился под стол. Его падение приветствовали взрывом шумного смеха, и вскоре громкий, заливчатый храп присоединялся к общему шуму, наполнявшему огромное брезентовое строение. Были и страшные пьяницы, способные пить без всякой меры и не пьянеть. Этим требовалось другое возбуждающее. Кабатчик смотрел на них одновременно с восторгом и теплым сочувствием и в конце концов приносил им засаленные карты и сукно, покрытое пятнами жира, напитков, а быть может, и крови. Игра шла дьявольская. На необструганные столы сыпались такие ставки, что любой богатый сынок, который спускает свое состояние в каком-нибудь из наших наиболее прославленных клубов, только побледнел бы от зависти. Крики стали понемногу стихать. Вскоре было слышно только, как позванивают небольшие весы, на которых взвешивались ставки, да еще разве замечания понтеров.

Время от времени тишину нарушали восклицания какого-нибудь проигравшегося неудачника или крик радости, невольно вырвавшийся из груди выигравшего счастливца. Алмазы притекали со всех сторон. На всех перекошенных лицах, во всех глазах читалась пожирающая жадность. Достаточно было нескольких минут, чтобы составить себе состояние или потерять все плоды долгого и тяжелого труда, награду за столько мучений.

Раскрывались тайнички, в которых была запрятана богатая добыча, и иной игрок, только что потерявший огромную сумму, исчезал на полчаса и возвращался весь вспотевший, с руками, испачканными в земле, но с полными карманами.

Иные пытались поправить то, что считали ошибками фортуны.

— Не мошенничать! — кричал им потерпевший.

— Я? Я мошенничаю? Врете!

— А я говорю, у вас карты крапленые. Хозяин, держите его! Он шулер.

— Руки прочь, или я тебе вспорю брюхо!

— Тихо! — вмешивался кабатчик. У него был хриплый голос атлета, который попортил свои голосовые связки на ярмарочных подмостках. — Тихо, приятель! Я бы мог расквасить вам физиономию, всего один раз стукнув по ней кулаком, но я предпочитаю вот это... — Он тыкал недовольному револьвер «Бульдог» под самый нос и прибавлял не без насмешки: — Ну-ка, вон отсюда! Или покажите карты, которые вы прячете за пазухой. И живей! Нечего тут раздумывать и валять дурака! Револьвер — это тот же кулак, но он бьет на двадцать пять шагов. И уж за него я ручаюсь.

Шулер поднимался и возвращал то, что незаконно присвоил. Затем игра продолжалась до новой стычки, которая кончалась точно так же, если только шулеру не взбредало в голову артачиться.

Но тогда все решалось быстро. Гремел выстрел, и мозг упрямца забрызгивал соседей. Затем два человека из публики хватали труп за голову и за ноги и оттаскивали к дверям. Убитых подсчитывали только после пирушки.

Чудовищная оргия продолжалась целый день. Ночь прошла быстро, а игроки и не думали расходиться. Настало утро. Пьяные просыпались один за другим. У них ломило все тело и пересохло во рту. Они снова напивались, и безобразие начиналось сначала. Те, у кого были полные карманы, занимали места проигравшихся, а проигравшиеся здорово напивались за счет счастливчиков и валились под стол. Люди просто-напросто менялись местами, и никто этого не замечал, никто не обращал на это никакого внимания. О том, чтобы пойти работать, и речи не было, участки стояли пустые, там не было ни души.

Прииск Виктория — правда, он лишь недавно открылся — еще не видал подобного зрелища. Стремительные переходы от проигрыша к выигрышу пагубно отразились

на этих людях. Достаточно одного слова, случайно сорвавшегося с уст пьяницы, и все, в большинстве своем народ все-таки трудовой, приходили в состояние безумия. Кто-то утверждал, что достаточно одной удачи, всего только одной, и можно в мгновение ока и без всякого труда выиграть фантастическое состояние. Не ушли разве позавчера многие на поиски сказочного клада, о котором все говорят так уверенно?

— И вспомните, — настаивал оратор, — когда они уходили, мы над ними подтрунивали и предсказывали, что они скоро вернутся, а ведь никто не вернулся! Разве это не доказывает, что поиски далеко не так напрасны, как мы думали?

Тут произошел неожиданный случай, который сразу опроверг эти разглагольствования и заставил умолкнуть громкое «браво» пьяниц, разгоряченных алкоголем и жадностью.

В палатку вошли человек двенадцать из тех, о которых только что говорил оратор. Платье на них было изодрано, они имели изможденный вид, с трудом поддерживали друг друга и, казалось, вот-вот упадут от усталости и голода. Впечатление было тем более тягостно, что на груди у трех или четырех из них зияли открытые раны. Ко всему, они были почти совершенно слепы, как об этом можно было догадаться по их изъязвленным, побагровевшим, беспрерывно моргавшим векам.

Всеобщее безудержное веселье сразу оборвалось. Его сменила зловещая тишина. Игроки оставили карты, пьяницы отодвинули кружки, ибо все узнавали в этих призраках тех самых своих товарищей, которые с такой надеждой отправились на поиски сокровищ кафрских королей.

Затем со всех сторон посыпалось:

— В чем дело? Что случилось? Да они на ногах не стоят!.. Хозяин! Пить! Дай этим беднягам есть и пить! И поживей!

Кабатчик суетился и покрикивал на слуг, которые после тридцати шести часов беспрерывной работы буквально падали с ног.

— Джентльмены, — угасшим голосом пробормотал один из новоприбывших, — тревога!

— Что вы хотите сказать?

— Беритесь за оружие! Будет нападение! Черные гонятся за нами по пятам. Они перебили всех наших товарищей! Беритесь за оружие!..

Хмель прошел у всех в одно мгновение, все повскакали с мест. Игроки быстро спрятали выигрыши и разобрали лежавшие на столах револьверы и ножи. Слышно было, как пощелкивают барабаны револьверов и пружины ножей.

— Черные? Вы говорите, на вас напали черные? Удивительно! Кто они?

— Это все Питер! Он нас предал, мерзавец, и натравил на нас целую армию чернокожих.

— Ах, так? Пусть только придут! Мы им окажем такой прием, какого они долго не забудут!

Человек уравновешенный несомненно пожал бы плечами, услышав такое бахвальство. Правда, тут было полтораста — двести мужчин, достаточно хорошо вооруженных для встречи с неграми, но ведь только очень немногие сохранили способность защищаться. После страшной попойки все еле держались на ногах, и если бы им пришлось стрелять, то это было бы в такой же мере опасно для их товарищей, как и для врагов.

Надо, кроме того, признать, что в обычное время эти люди выполняли сравнительно легкую работу, жили в довольстве и в окружении племен совершенно безобидных.

В общем, это были обыкновенные пионеры [1], пускай люди в большинстве и деклассированные, но они не имели того размаха, который отличал былых калифорнийских золотоискателей. Те жили постоянно начеку, их окружали воинственные племена, с которыми они находились в состоянии беспрерывной войны, и они позаимствовали у североамериканских краснокожих все их страшные методы нападения и защиты. Жизнь среди постоянной борьбы, беспрерывные тревоги, вечный страх пытки, постоянная забота о том, как бы не потерять свой скальп, выработали из них грозных бойцов, всегда готовых встретить любого врага, не моргнув глазом.

---

[1] Так называют первых белых поселенцев Америки, Африки и Австралии.

Короче говоря, можно смело биться об заклад, что люди мужественные быстро разделались бы с чернокожими, наступавшими на прииск Виктория.

Но население этого прииска привыкло только к дракам, которые обычно заканчивались либо убийством, либо просто побоями. Они не были способны вести напряженную борьбу, из которой умели выходить победителями иррегулярные войска на Соноре.

И все же они подтянулись и кое-как приготовились к обороне. Попутно они узнали, какое несчастье произошло с их товарищами во время купанья в воде, отравленной соками эвфорбии, и о том, что последовало далее — как пострадавшим помогли Зуга и бушмен, как они возвращались на прииск и как повстречали Питера, который вел какие-то переговоры с отрядом макололо. Увидев своего бывшего предводителя, который бросил их в трудную минуту, они пришли в ярость. Им хотелось поймать его, и, несомненно, Питеру пришлось бы плохо, но, вопреки обычаю, который не позволяет кафрам вмешиваться в ссоры белых, за Питера заступились его черные приятели. Они ринулись на белых с невиданной яростью и в одно мгновение перебили три четверти из них. Оставшиеся в живых, в большинстве раненые, едва унесли ноги.

Едва был закончен рассказ об этом печальном событии, как послышались дикие крики. Они раздавались где-то поблизости, в нескольких шагах по ту сторону слабой брезентовой стены. В ожидании нападения все привели оружие в боевой порядок и загородились столами, которые еще были завалены остатками оргии.

Внезапно слетела грубо сорванная портьера, закрывавшая главный вход, и, ко всеобщему глубокому удивлению, вошел всего один человек — негр. На нем не было даже тех лохмотьев, какие обычно носят туземцы, чуть пообтершиеся в цивилизованной среде. Он предстал во всей живописной наготе первобытного африканца: грудь вперед, гордо откинутая голова, в руке копье. Все изумились, увидев этот торс, точно вырезанный из черного дерева, эту могучую мускулатуру, это смелое выражение лица.

Не обращая никакого внимания на забаррикадировавшихся людей, на их револьверы и сверкающие ножи, он молча продвигался вперед и остановился посреди

Не обращая никакого внимания на забаррикадировавшихся людей, негр молча продвигался вперед и остановился посреди помещения.

помещения. Все были удивлены такой самоуверенностью, но молчали, догадываясь, что раз человек держит себя так вызывающе, то за ним, должно быть, следуют значительные силы.

Кабатчик счел себя обязанным выступить. Он сделал несколько шагов и, приветливо обращаясь к пришельцу, как если бы это был обычный посетитель, спросил:

— Чего бы ты хотел?

Негр минуту помолчал, обвел всех взглядом, еще крепче оперся на копье и ответил на ломаном, но достаточно понятном английском языке.

— Белые люди, — сказал он, — всегда приезжали в страну наших отцов в больших фургонах, запряженных быками. Они охотились и в обмен на слоновую кость и страусовое перо давали нам ткани, бусы и огненную воду. Это были добрые белые. Они платили налог и уважали наши обычаи и наши верования.

— Что он там лопочет, этот черномазый? — грубо перебил кабатчик.

— Тише! Тише! — закричали более благоразумные гости. Слыша, куда гнет черный оратор, они надеялись, что можно будет все уладить ценой кое-каких подарков.

А негр невозмутимо продолжал:

— Что касается вас, белые люди, к которым я обращаюсь в данную минуту, вы захватили наши земли, даже не спросив, что мы-то думаем по этому поводу. Вы привезли разные ваши штуки, которые плюются огнем и дымом, и прогнали нас с нашей родной земли. Мы всё терпели и не жаловались, потому что Дауд учил нас терпению. Мы отступили перед вами, и мы искали спасения вблизи Мози-оа-Тунья, где находятся баримы. А вы еще дальше продвинулись вперед, и теперь вы уже находитесь на расстоянии нескольких стрел от Мотсе-оа-Баримос. Белые! Ваше пребывание в этих местах — оскорбление для нас и святотатство в отношении наших богов. Теперь вам уже нужны не только слоновая кость и страусовое перо, но и камни, которые отцы наши закопали в пещерах, там, где гремит голос наших богов. Этого не будет! Вы уйдете отсюда, вы оставите

эти места и вернетесь в земли юга. Белые, вы меня выслушали. Уходите! Так надо! Я приказываю!

Громкий смех прокатился по кабаку и покрыл этот необыкновенный ультиматум, предъявленный, правда, с большим достоинством. Чары развеялись. Слушателям казалось, что с этим человеком, который все еще не получал никакого подкрепления, нетрудно справиться. Они даже приняли его за сумасшедшего и держались за бока от смеха. Со всех сторон посыпались двусмысленные шуточки.

— Честное слово, из него стоит набить чучело!

— Нет, каков! Покинуть прииск, который приносит доход!..

— Потому что якобы мы стесняем его божков!..

— Хозяин, подайте ему шиллинг!

— Лучше поднесите ему рюмку кап-бренди.

Эти необдуманные замечания прервало происшествие, последствия которого были ужасны.

Кто-то из пьяниц, видимо все время поигрывавший револьвером, неосторожно нажал на собачку. Прогремел выстрел и, по досадной случайности, пуля попала негру в плечо.

Ранение, нанесенное в такую минуту, привело негра в бешенство. Он весь затрясся и побледнел, как бледнеют негры: кожа его сделалась пепельно-серой. Он не желал допустить и мысли, что стал жертвой несчастного случая.

В этом грубом, но, вероятно, нечаянном нарушении норм международного права негр увидел только подлость и гнусность.

Он испустил страшный крик. Вырвав из колчана стрелу с белым оперением, он вымазал ее в крови, которая текла из его раны, и воткнул в землю, крича:

— Белые! Я войны не хотел! Но вы ранили посланца великого племени. Вы все будете истреблены. На вас посыплются градом стрелы с красным оперением.

Прыжок, достойный тигра, — и негр скрылся. Все были ошеломлены, никто не знал что делать.

Осуществления угрозы не пришлось ждать слишком долго. Едва ли прошло несколько минут, когда с новой силой возобновились крики и рычание, предшествовав-

шие появлению черного посла. В один миг палатка была распорота больше чем в ста местах, и в помещение ворвалось целое сонмище демонов. Голые, в чем мать родила, густо покрытые буйволиным жиром, вооруженные небольшими стрелами, наконечники которых были смазаны смертельным ядом игуа, они ринулись на белых с неудержимой яростью.

— Убивай! Убивай! Смерть! — кричали они гортанными голосами.

Град стрел прорезал воздух со зловещим свистом.

Кабатчик увидел, что тут могут пострадать и его имущество и его клиентура, и зашел за стойку. Это был бесстрашный малый, которого ничто не могло смутить. Он держал по револьверу в каждой руке и приготовился открыть адский огонь.

— Внимание, друзья, — сказал он, не проявляя никакого волнения. — Целиться прямо в грудь и стрелять только наверняка. Огонь!

Грянул залп и окутал стрелявших красным пламенем и пороховым дымом. Несколько негров упали. Но никто не отступил.

— Смелей, друзья! Смелей! — кричал кабатчик, вокруг которого точно сверкали молнии.

Напрасно.

Ярость нападающих дошла до такой степени накала, что осажденные даже не могли использовать свое огнестрельное оружие. У них не было времени перезарядить револьверы после того, как они безрассудно расстреляли свои патроны.

Началась рукопашная схватка, дикая и беспощадная. Перевес клонился на сторону черных: они были ловки, и буйволиный жир помогал им выскальзывать из самых цепких объятий.

Белых охватил ужас. Они увидели, что их попросту истребляют и что им нечего ждать ни милости, ни пощады.

Африканцы слепо повиновались приказанию, как будто не замечая, что их режут ножами и что им вспарывают животы. Противник стоял слишком близко, стрелять из лука было невозможно. Поэтому они схватили свои отравленные стрелы и размахивали ими, поро-

вя нанести хотя бы маленькую царапину: она была бы смертельной.

Белые увидели, что сопротивляться невозможно, и пришли в еще больший ужас. Они пытались удрать и поспешно покидали палатку, в которой происходила невероятная резня. Но тщетно. Вырвавшись наружу, они натыкались на правильные ряды воинов, окружавших разоренное предприятие кабатчика. Беспощадное истребление продолжалось, потому что белые оказались совершенно беспомощны.

Бойня стихла, как стихает пожар, когда больше нечему гореть. Убитые и агонизирующие белые валялись в лужах крови вперемежку с черными.

Эти последние, тоже сильно пострадавшие, оставались, однако, хозяевами поля битвы. Но какой ценой! Едва несколько человек еще могли держаться на ногах.

Мужчина высокого роста вышел тогда из затемненного угла и медленно прошел в глубину палатки, где в предсмертных судорогах бился кабатчик.

С довольным видом оглядел он всю эту ужасную картину и издал пронзительный свист.

— Питер! Бур Питер! — прохрипел кабатчик. — На помощь, джентльмен, я умираю!

Питер — это он и был — злорадно улыбнулся и по самую рукоятку всадил свой нож в грудь умирающему, который молил его о помощи.

— Подохни, свинья! Подохните все, как собаки!

Питер свистнул. Это было условным знаком. Прибежал негр.

— Кайман! Твои люди здесь? — спросил убийца.

— Здесь, хозяин.

— Ты знаешь, что им надлежит сделать?

— Кайман помнит. Воины Каймана сейчас прикончат всех, кто еще дышит.

— Белых и черных.

— Да. Как быть с теми, которые уцелели?

— Сделай с ними что хочешь. Можешь убить их сейчас, можешь увести их и откормить, чтобы потом съесть. Только помни — все должны быть истреблены.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Рабовладение в Южной Африке. — Белые дикари. — План Питера. — Питер использует суеверия макололо. — Разбойник черный и разбойник белый. — Побоище. — Ни победителей, ни побежденных. — Как Кайман — Пожиратель людей навсегда утратил вкус к человеческому мясу. — Загадочный мститель. — Инженер. — Питер становится вождем племени. — Быки есть, нужен фургон.

Капские колонисты — замечательно трезвые, трудолюбивые и гостеприимные крестьяне. Но есть еще и разный темный сброд, живущий за пределами английской колонии или вне патриархальных законов, господствующих в нескольких независимых округах. Это подлинные разбойники. Они систематически грабят несчастных туземцев, не щадя ни их собственности, ни даже самой жизни.

Доктор Ливингстон своими глазами видел, как они пришли в одну деревню и потребовали, чтобы им дали двадцать пять женщин для работы в их фруктовых садах. Несчастные женщины поплелись, неся свою еду на голове, детей — за спиной и орудия — на плечах. Они работали даром по целым дням и еще почитали себя счастливыми, когда их не били палками.

Хозяева находили это вполне естественным. Когда им говорили о бесчеловечности подобных порядков, они отвечали: «Мы их заставляем работать на нас — это верно. Мы им не платим — это тоже верно. Но на что они жалуются? Разве в награду за их труд мы им не позволяем жить в нашей стране?»

Они совершают набеги на туземцев, когда нуждаются в скоте или в слугах, и возвращаются, ведя вперемежку быков, коз, баранов, женщин, детей, в то время как среди остатков подожженного ими крааля валяются трупы безжалостно убитых мужчин. Самое чудовищное то, что этакий разбойник — прекрасный отец семейства, он осыпает знаками любви свою жену и детей, и все они молятся богу за успех его набега [1], когда он с

[1] «Они все, по традиции, набожны и всегда ведут свою родословную от каких-нибудь весьма праведных людей. Будучи, как они утверждают, потомками голландцев или гугенотов, они требуют, чтобы их признавали христианами. Но негров они считают своей «черной собственностью». (*Доктор Д. Ливингстон.*)

легким сердцем отправляется убивать ни в чем не повинных людей, у которых, правда, кожа другого цвета, но чувства и привязанности такие же, как у него самого.

Таковы и три брата, мрачные похождения которых мы описываем. Клаас уже показал, на что он способен, когда ему нужно добиться своей цели. Питер еще тоже себя проявит.

Макололо, быки которых ему понадобились, приняли его сердечно, но уступить упряжку отказались. Тогда мерзавец в одну минуту составил себе план действий. Он был один, так что о применении силы нельзя было и думать. Питер боялся, как бы в его будущих операциях ему не помешали люди с прииска Виктория. Их соседство таило для него постоянную опасность: они могли заставить его дорого заплатить за то, что он так предательски их бросил. И в первую очередь он подумал о том, как бы от них избавиться. Вызвать конфликт между белыми и черными, сшибить их лбами, подтолкнуть их на борьбу, которая должна была бы неизбежно привести к истреблению тех и других, — таков был замысел, на котором Питер остановился. В случае удачи ему больше не надо было бы опасаться белых: немногие остались бы в живых, да и тем пришлось бы удрать. Вместе с тем были бы перебиты и черные, так что он вполне мог бы без всяких помех выбрать себе самых лучших быков.

Туземцы — народ, весьма строго придерживающийся вековых предрассудков, завещанных предками, — как раз собрались в паломничество к водопаду баримов. Каждый верующий кафр обязан совершить такое паломничество хотя бы раз в год, подобно тому как мусульмане отправляются к могиле пророка. Питер решил использовать наивные верования туземцев, и это было ему тем более удобно, что алмазный прииск находится в непосредственной близости к Мози-оа-Тунья. Он созвал черных паломников, произнес перед ними горячую речь, убедил их, что для баримов соседство белых оскорбительно и в особенности недопустимо то, что белые роются в этой священной земле и каждую минуту нарушают покой, который вкушают умершие предки.

Поэтому вождь должен как можно скорей потребовать, чтобы они удалились, а в случае отказа силой заставить их убраться.

Негры слушали эти зажигательные речи, с трудом сдерживая негодование. Они попались на удочку. Вообще говоря, ни один из них не осмелился бы не то что напасть на белого, но хотя бы сопротивляться белому, даже для самозащиты. Но теперь они пылали злобой и, не колеблясь ни минуты, откликнулись на вызов, брошенный их религиозному фанатизму, как один человек.

Вместе с вождем племени Питер решил дождаться ночи, чтобы, как он говорил, ультиматум выглядел более внушительно. В действительности же он рассчитывал, что ночью, когда белые будут утомлены трудом или отупеют от пьянства, с ними легче будет покончить. Мерзавец знал, что в палатке кабатчика больше народа, чем на россыпи. В довершение всего бандиту помог слепой случай. В ожидании решительной минуты и следуя старой своей волчьей привычке, Питер шнырял вокруг бивуака и наткнулся на Каймана — Пожирателя людей.

Читатель помнит, что Кайман стоял во главе целой шайки грабителей, которую навербовал среди мелких племен неподалеку от Нельсонс-Фонтейна. Вместе с этой шайкой он следовал за лжемиссионером и двумя его компаньонами, как шакал за крупным хищником в надежде обглодать брошенную кость. Оба разбойника — черный и белый — были друзьями. Но Кайман был скромней Питера и мечтал только о том, как бы напиться и наесться. Случай представился сам собой. Питер, как малый осторожный, решил пойти со всех козырей. Он рассуждал, что если макололо перебьют белых на прииске, то ему, Питеру, больше нечего будет бояться своих врагов, но это еще не значит, что у него будут быки. Если, напротив, черные будут отброшены, то он, Питер, возьмет волов, но не будет избавлен от соседей, и они несомненно учинят над ним расправу. Появление Каймана сразу разрешило все трудности. Кайман налетит со своими людьми, когда схватка будет в разгаре. Он будет убивать победителей и побежденных

и в награду за эти услуги получит право ограбить прииск.

Судьбе было угодно, чтобы после драматических событий, прервавших ночное судебное заседание, все население прииска собралось в палатке кабатчика. Перепившись, эти люди представляли для разъяренных африканцев легкую добычу. Не то чтобы они не оказали сопротивления, но неожиданность нападения, последовавшего сразу после того, как вождь объявил им войну, и то, что они приняли его ультиматум за бахвальство, непреодолимость натиска, ужасные методы нападения — все способствовало поражению белых.

Сильно пострадали и черные. Револьверные пули пробили большие бреши в их рядах. Их победа при всей своей очевидности была, однако, роковой победой. Так что торжествующий крик оставшихся в живых — увы, их было немного! — едва перекрывал стоны раненых и хрип умирающих.

Но скоро не будет ни победителей, ни побежденных. Внезапно поднявшийся зловещий вой заглушил все звуки, которые держались в воздухе над местом побоища.

Питер подал знак. Потрясая копьями, размахивая ножами и прыгая, появились, подобно грозному и фантастическому видению, бандиты Каймана. В одну минуту все пошло прахом, все было разрушено. С громким треском рухнули столы и скамейки; все, что еще уцелело из обстановки, перебитой во время первой схватки, все было в буквальном смысле слова обращено в щепки. Противники, белые и черные, еще державшиеся на ногах, свалились под сокрушительными ударами, их бездыханные тела лишь увеличили груду мертвых и умирающих.

Затем началась резня. Она была яростной и одновременно методической. Все были переколоты, перерезаны, перебиты. И на это потребовалось едва десять минут, настолько была сильна ярость убийц. Кайман, весь, с головы до ног, в крови, с раздувающимися ноздрями, лязгая своими острыми зубами хищника, держал за волосы голову какого-то белого, которую он только что отпилил тупым ножом. Он взобрался на валявшиеся

под ногами трупы и, потрясая в воздухе своим трофеем, издал долгое победное рычание.

Глазами он искал Питера, как бы для того, чтобы спросить его: «Ну как, хозяин, ты доволен?»

Но Питера, который только что бесстрастными глазами смотрел на всю эту кровавую оргию, не было.

Впрочем, какое значение имело его отсутствие для Каймана? Кайман добросовестно выполнил возложенное на него поручение, и так как в награду он получал право ограбить прииск, то ему захотелось, не откладывая в долгий ящик, прежде всего овладеть богатствами, которые имелись в кабаке. Конечно, предпочтение должно было быть отдано напиткам. Что касается платья, оружия, лопат, кирок и прочего, об этом не поздно будет подумать и после.

Кайман хотел собрать свою ораву и приступить к делу. Он уже даже раскрыл рот, чтобы скомандовать сбор, но тут прогремел выстрел. Кайман закружился и тяжело рухнул на землю: у него был пробит череп. С интервалами в несколько секунд прогремели второй и третий выстрелы, и свалилось еще двое: им тоже пули попали в голову. Потом началось методическое и размеренное истребление остальных.

Выстрелы шли все из одного места. Если судить по их регулярности и звуку, можно было заключить, что стрелял всего один человек, но из магазинного ружья. По-видимому, неизвестный мститель, явившийся в последнюю минуту, прятался за каким-нибудь бараком неподалеку от палатки, и так как брезент был изорван в клочья, все было ему видно как на ладони. Убийцы потеряли вожака и увидели, что пустеют их ряды. Они сразу забыли о грабеже и бросились врассыпную, крича от ужаса.

Наиболее быстроногие вскоре услышали свист пикаколу и остановились. Однако искушенный слух подсказал им, что свистит все-таки не змея. Как ни было искусно подражание, они догадались по некоторым еле уловимым оттенкам, что свистит человек. Они не ошиблись. Шагах в двадцати от места побоища они увидели Питера.

С осторожностью, достойной могикана, Питер сразу

лег на землю, как только раздался первый выстрел. Он решил — быть может, не без оснований, — что стреляет какой-нибудь белый, случайно уцелевший во время резни. Сначала бандит был в восторге от результатов своей гнусной затеи, но теперь, увидев, что он рискует все потерять, если долго задержится на месте, Питер решил собрать всех растерявшихся черных убийц.

Бояться белых больше ему нечего было, макололо тоже были все перебиты, и Питер решил, что сейчас самое время побежать захватить быков, явиться к Сэму Смиту и отдать ему отчет о результате своих переговоров.

Стадо было оставлено на попечении нескольких стариков, женщин и детей. Значит, угнать быков будет не трудно. Что касается людей из банды Каймана, то Питер решил оставить их всех при себе, чтобы использовать, когда они понадобятся. Они, вполне естественно, заняли бы места убитых макололо и, как это часто практикуется в подобных случаях, каждый получил бы готовую семью.

Отход совершался в полном порядке. Убийцы боялись нового нападения и, не зная численности врагов, инстинктивно чувствовали, насколько для них важно соблюдать дисциплину. Они сплотились вокруг Питера и отступали быстро, не переставая, однако, с сожалением оборачиваться в сторону прииска, где пришлось оставить богатую добычу.

Уже убрался последний из этой мрачной орды, когда на место побоища, где валялись бесчисленные убитые, вышел человек, вооруженный двуствольным карабином.

Тусклый свет немногих чудом уцелевших подвесных фонарей падал на его лицо, на котором можно было прочитать ужас и оцепенение. Он сделал несколько шагов и поскользнулся в луже крови.

Это был Инженер — быть может, единственный оставшийся в живых на прииске. Его спас только случай, оторвавший его от линчевателей в минуту, когда те бежали, напуганные появлением змей. После разговора с тремя французами он не торопясь вернулся на прииск и заперся у себя, в своем дощатом домике. Его, конечно, не тянуло принять участие в оргии. Инженер лежал

на своей постели из листьев, когда его заставили вздрогнуть выстрелы и крики, доносившиеся со стороны палатки кабатчика. Он быстро схватил оружие и побежал на место, но прибыл, когда несчастье уже было непоправимо.

Он увидел потрясающую картину. Его товарищи по прииску валялись убитыми. Их позы, их страшные раны и увечья — все говорило о бесчеловечной ярости происшедшего здесь побоища. Стон вырвался из груди Инженера, слезы, которых он не смог удержать, выступили у него на глазах и медленно покатились по его внезапно побледневшему лицу.

— Несчастные! — пробормотал он слабым голосом.

Опершись на свой карабин, он неподвижно стоял среди мертвой тишины, окутавшей это место, которое еще так недавно наполнял неистовый шум резни.

— Что же делать? — сказал он, оглядывая эту скорбную картину. — Этим я уже ничем помочь не могу. Надо подумать о тех, которые едва не стали их жертвами. Надо поскорей найти французов, выполнить обещание, которое я им дал, и доставить им оружие. Оно им очень нужно.

В это время Питер уже добрался до того места в лесу, откуда вышли полные надежд макололо. Нетрудно догадаться, что здесь разыгралось, когда пришел Питер со своими головорезами. Но Питер был не из тех людей, которых могут тронуть жалобные крики женщин и детей.

— Молчать! — грубо крикнул он и обратился к людям Каймана: — Теперь хозяевами здесь будете вы! И заставьте-ка этих крикунов молчать!

А про себя он подумал:

«Да ведь я, кажется, могу одним выстрелом убить двух зайцев! У меня есть быки, теперь мне нужен фургон. Фургон! А я знаю, где его взять! У нашего драгоценнейшего братца Клааса... Он мне не откажет. Напротив, он только будет рад. Ибо, если ему взбредет в голову артачиться, — ну, тогда берегись!.. Я напущу на него душ двадцать этих молодчиков, и они поговорят с ним так, как они только что поговорили на прииске Виктория».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Покинутый фургон. — Осторожность волка. — Повреждение. — Луч надежды. — Находка Жозефа. — Плот Клааса. — Надо уметь ждать. — Варварство и цивилизация. — Беда научит. — Плотники, медники, конопатчики, а потом матросы. — Как Александр чинит водопровод. — Остроумный способ паять без железа, без огня, без олова. — Фокус. — Выстрел.

Мы занялись описанием многочисленных событий, которые происходили одновременно в разных местах, и из-за этого нам пришлось на время покинуть наших французов. Читатель помнит, что все они, вместе с Зугой и бушменом, находились на реке, несколько выше большого водопада. Их не оставляла уверенность в том, что госпожу де Вильрож держат в фургоне, который прибило к берегу, и они решили дождаться ночи, чтобы сделать попытку освободить пленницу. Альбер, измученный тревогой и не имея больше сил томиться, пошел в разведку. Можно представить себе его горе, когда он увидел, что дом на колесах пуст!

Он помчался бегом обратно и, забыв обо всякой осторожности, шумно ломился сквозь заросли, по которым только что пробирался крадучись два часа с лишним.

Удрученный, он сообщил друзьям о своем плачевном открытии, и всех охватила растерянность.

Но Альбер де Вильрож не был кисейной барышней. Он поддался слабости лишь в первую минуту, но быстро взял себя в руки и первым нарушил молчание, воцарившееся после его тягостного сообщения.

— Ушла! Она ушла! — более спокойно сказал он. — Но она не могла уйти так уж далеко.

— Конечно, — согласился с ним Александр. — Клаас, видимо, знает, что мы не перестанем преследовать его — не такие мы люди, — и решил тоже принять меры.

— Что бы он ни сделал, развязка приближается. Не удастся ему замести следы и уйти от нас.

— В особенности от наших двух помощников. Правда, Зуга?

— Правда, вождь! — подтвердил кафр, сверкнув глазами.

— Мы отправимся сейчас же, дойдем до фургона, хорошенько изучим всю местность, каждую травинку, каждую песчинку...

— Надо думать, госпожа Анна тоже сделала все возможное, чтобы как-нибудь подать нам знак, — вмешался все время молчавший Жозеф. — Она знает, что такое пустыня, и уже доказала нам, что решительности у нее не меньше, чем ума.

— Идем! Идем!

— Кстати, не забудем, что судья назначил нам свидание в полночь у баньяна.

Несмотря на все свое мужество, Александр содрогнулся, произнося эти слова: перед ним всплыли мрачные воспоминания о пережитой ночи.

— Правильно. Мы потом увидим, надо ли нам идти туда всем пятерым. Сначала, Александр, ты пойдешь с Зугой, хорошо? Я не должен учить тебя, как благодарить этого достойного человека в случае, если я не смогу лично прийти пожать ему руку.

Обмениваясь короткими замечаниями, напрягая зрение и слух, все пятеро пробирались к фургону, массивные очертания которого уже были им видны.

Заметив, что махина прочно стоит на своих четырех колесах и вода доходит до осей, Александр воскликнул:

— Этого ты мне, однако, не сказал!..

— Верно! Я был так расстроен! Но, как видишь, здесь неглубоко. Мы рискуем только промочить ноги.

— Не в этом дело. Я хочу сказать, что фургон стоит посреди лужи, которая имеет добрых триста метров в длину и полтораста в ширину. Мы не найдем никаких следов...

— Я надеюсь на догадливость Анны.

— След мальчика-с-пальчик! — почти весело прибавил Жозеф.

— На воде?

— Да ведь не впервой! К тому же в этой заводи течение почти незаметно. Малейшая вещь будет держаться на поверхности и никуда не уплывет.

— Браво! У тебя на все есть ответ! Лезем в воду! И глядеть в оба!..

Через десять минут они подошли к фургону. Перед-

няя и задняя стены были опущены и висели на цепях наподобие подъемного моста. Благодаря этому была отчасти видна внутренность фургона.

Все пятеро были осторожны, как краснокожие, вступившие на тропу войны. Вместо того чтобы очертя голову броситься в опустевшее логово, они самым тщательным образом осмотрели фургон снаружи и убедились, что балки и обшивка целы, что все части держатся прочно, не рассыплются и не обрушатся, если войти внутрь.

Установив это, Альбер с ловкостью заправского гимнаста подтянулся на руках и взобрался на заднюю стену. Александр и Жозеф последовали за ним, потом бушмен и наконец Зуга. Снова тщательно осмотревшись и не найдя ничего подозрительного, они прошли вглубь.

Может показаться непонятным, зачем столько предосторожностей, чтобы проникнуть в какой-то заброшенный фургон, одиноко торчащий в воде и в котором никто не живет.

Замечание Альбера ответит на этот вполне естественный вопрос.

— Вы не видите ничего ненормального?

— Ровно ничего. Впрочем, было бы довольно трудно разобраться в этой обстановке. Она свидетельствует о поспешном бегстве людей, которые здесь жили.

— Равно как и о желании уничтожить все вещи, которые не удалось унести...

— Вот и выходит, что здесь нельзя и пошевелиться, хорошенько не осмотревшись. Я готов ко всему. Не удивлюсь, если какой-нибудь топор свалится с крыши прямо нам на голову. Или мы наступим ногой на какой-нибудь отравленный гвоздь. И не исключено, что среди этого хлама лежит невидимая бечевка, один конец которой привязан к собачке ружья, так что довольно одного движения, чтобы ружье выстрелило и мы получили бы порядочный заряд крупной дроби.

— Возможно. Этот мерзавец способен на все, чтобы от нас избавиться. Вряд ли только он успел что-нибудь сделать: очень уж поспешно пришлось ему уносить ноги. Во всяком случае, нельзя прикасаться ни к чему съестному, — конечно, кроме консервов, которые лежат в неначатых жестяных коробках.

Обследование велось еще долго и с бесчисленными предосторожностями, но оно только убедило французов, что их враг не успел принять ни одной из тех варварских мер, к которым так часто прибегают в этих местах, где борьба всегда беспощадна и кровава.

Они не теряли надежды найти хоть какое-нибудь — пускай самое маленькое — указание, оставленное госпожой де Вильрож.

В фургоне имелась масса самых разнообразных вещей, тщательно заготовленных для длительного путешествия. Теперь среди них царил кромешный беспорядок. Все было перебито, переломано, изодрано и свалено в кучу. Кто-то все уничтожал методически и со знанием дела. Нечего было и думать навести здесь хоть какой-нибудь порядок. Французам и двум неграм оставалось только вытаскивать обломки и, тщательно осмотрев, бросать в воду — работа долгая и неблагодарная.

— И все-таки, — сказал Альбер, — не может быть, чтобы мы так-таки ничего не нашли.

— Я того же мнения, — поддержал его с обычным спокойствием Александр. — Надо искать.

Жозеф, который, против своего обыкновения, не раскрывал рта, казался озабоченным. Наконец он заговорил:

— Знаете, господа, о чем я сейчас думаю?

— Я догадываюсь, — отозвался Александр.

— Неужели?

— Очень просто: вы думаете о том, какая причина заставила этого плута внезапно покинуть фургон.

— Вы угадали только наполовину, месье Александр. Я действительно хочу знать причину. Но мне также интересно, как он ушел отсюда.

— Причину, дорогой Жозеф, понять нетрудно. Раз у него не было быков, чтобы вывезти эту махину, ему ничего не оставалось, как бросить ее и уйти. Это вполне естественно. Что же касается того, как он отсюда выбрался, то вот как дело было, по-моему. Он ушел часов пять или шесть назад. Вода еще стояла довольно высоко, и он не мог увезти госпожу де Вильрож и ее спутницу на ту сторону лагуны. Я думаю, что он добрался вплавь до этого леса, который мы видим впереди.

А там он либо нашел лодку, либо сколотил плот и вернулся сюда за своими пленницами.

— Правильно! — горячо перебил его Альбер. — Бедняжка, что она переживает!.. Неужели мне только останется всю жизнь проклинать мою безумную затею...

— Мужайся, друг мой! Не падай духом. Мы знаем, что она там не одна. Слепая судьба вас разлучила, но дала ей подругу. Вдвоем все же легче.

Его прервало громкое восклицание Жозефа:

— Аваи! Аваи!

— В чем дело, Жозеф?

— Караи! — ответил каталонец, размахивая металлической крышкой от бисквитной коробки. — Вы были правы! Не надо отчаиваться! Посмотрите! Здесь что-то написано! Верней, нацарапано.

— Давайте, Жозеф! Давайте поскорей!

Александр, который владел собой гораздо лучше, чем его друг, охваченный вполне понятным волнением, разобрал несколько слов, нацарапанных неровными — то круглыми, то угловатыми — буквами:

«Он нас увозит... плот... пересекаем реку...»

— Ну вот! — сказал он. — Выходит, наши предположения вполне оправдались.

— Да ведь он еще больший подлец и сумасшедший, чем я думал! — вне себя воскликнул Альбер. — Как это он пустился на такую авантюру?.. Пересечь гигантскую реку на нескольких жердочках, когда у него есть фургон, который плавает, как корабль!

— Но один человек управлять этим кораблем не может, — вполне рассудительно заметил Александр. — К тому же мы еще не знаем, не протекает ли он. Мне даже кажется, что все мягкие вещи набухли от воды. Возможно, было какое-нибудь повреждение, либо умышленное, либо случайное... Давай-ка посмотрим, в каком состоянии пол.

— Зачем? Нам надо поскорей вернуться туда, где мы оставили лодку и челноки Зуги и бушмена. Пересечем Замбези и обыщем берег...

— И Клаас, который прячется за скалой или за деревом, перестреляет нас одного за другим, как куропаток... Право же, дорогой Альбер, я тебя не узнаю.

Ведь ты никогда наобум не действуешь, ты человек смелый, но рассудительный...

— Что же ты советуешь?

— Обязательно увидеться сегодня ночью с судьей. Мне хочется держать в руках добрый карабин. А завтра утром мы переправимся на тот берег.

— А пока что мы будем делать?

— Пока мы вооружимся терпением. И возьмемся за ремонт фургона. Он течет, как решето. Смотри, я так и знал: этот болван пробил обшивку в нескольких местах. Но ничего, дыры мы заделаем! Однако погоди — вот кое-что посерьезнее.

— Что именно?

— Большая пробоина... Не меньше двадцати пяти сантиметров в длину и пятнадцати в ширину...

После небольшой паузы он прибавил:

— Ладно, управимся и с пробоиной! Сегодня к вечеру все будет в порядке. Ах, господин Клаас, вы думали привести в полную негодность это великолепное сооружение! Вы хотели нас перехитрить! Посмотрим, кто окажется сильней — такой дикарь, как вы, или мы, люди цивилизованные.

— Я больше ничего не понимаю! — признался Альбер. — И я ума не приложу, что ты задумал. Приказывай, действуй, я верю в тебя и думаю, что ты поступаешь правильно. Скажу только одно: надо торопиться.

— Вот это верно! Но ты хочешь отправиться на тот берег в утлой пироге? Безумие! Я предлагаю тебе плавучую крепость с бойницами, в которой ты будешь в полной безопасности и никакие пули тебя не тронут. Стоит ради этого поработать несколько часов?

— Разумеется! Ведь дело не в том, чтобы выбраться отсюда, а в том, чтобы добраться туда...

— Наконец-то я снова слышу голос бесстрашного, но благоразумного человека, которого зовут Альбер де Вильрож! Что касается крепости, или каземата, или фрегата — назови как хочешь, — но ты понимаешь, что это все тот же фургон. Мы разгрузим его по мере возможности, поставим на весла...

— А пробоины?

— Да ведь я говорю тебе, мы все отремонтируем.

Мы будем работать как плотники, как конопатчики и лишь потом станем матросами... Но когда работа будет закончена, я отправлюсь с Зугой к судье. На обратном пути мы приведем пирогу и челноки. Таким образом, наш корабль будет снабжен спасательными судами на случай морского бедствия, — верней, речного. Впрочем, в здешних условиях одно другого стоит. Хорошо? Теперь ты доволен?

— Прекрасный план! Я только не решаюсь верить в его осуществление.

— Почему?

— Да ведь пробоин много, и одна — прямо-таки громадная!

— А мы с нее и начнем. Наложим большой пластырь. Давайте, друзья, за дело. Разрешите, я буду распоряжаться.

— Ну конечно!

— Важно действовать дружно. Этак все пойдет быстрей. Вода спадает довольно быстро. Стало быть, с ремонтом надо торопиться, иначе мы здесь застрянем. Зуга и бушмен выбросят из фургона три четверти того, что там имеется. Все это лишний балласт. И я не вижу здесь ничего, чем стоило бы дорожить. Скажите, Жозеф, вы плотницкое дело знаете хоть немного?

— Смотря что требуется.

— Сумеете ли вы выстрогать мне клинья? Надо заткнуть дырки, которые этот дикарь наделал в кузове. Сумеете?

— Конечно. Было бы дерево и инструмент.

— Дерево найдется. Можно взять кусок боковой доски.

— Это можно. Но ведь у меня нет хотя бы самого жалкого ножика!

— Вот топор. Правда, нет топорища и работать будет неудобно, но ничего не поделаешь. Что касается нас с тобой, дорогой Альбер, то наша задача будет трудней.

— Вижу. Эта пробоина? Ведь он повредил металлическую обшивку! Довольно-таки сложная штука.

— Ошибаешься. Если ты мне поможешь, я попытаюсь впаять сюда кое-что, и ни одна капля воды не просочится...

— Впаять? Как это ты собираешься паять, когда у тебя нет ни олова, ни паяльника, ни даже огня?

— Разве у нас только этого не хватает? Но все-таки я надеюсь, мы управимся. Давай действовать по порядку. Я видел только что ящик с топленым салом. Вот он. Набери-ка ты мне этого сала в коробку из-под консервов. Теперь нам потребуется бечевка.

— Вот бечевки.

— Очень хорошо. Я их скатываю, как фитиль, и обильно пропитываю жиром. Этот несложный прибор заменит нам коптилку. И больше нам ничего не нужно. Зуга, кремень и огниво при тебе?

— При мне, вождь, —ответил Зуга, крайне удивленный тем, что европеец спрашивает его о предметах, с которыми туземец никогда не расстается.

— Зажги-ка мне этот фитиль.

Кафр быстро высек целый сноп искр. Трут воспламенился. Зуга обложил его несколькими стружками, которые Жозеф не без труда снял с куска дубового дерева, подул, и маленький костер разгорелся. Прошла минута, загорелся и пропитанный жиром фитиль. Он горел, потрескивая и распространяя довольно-таки тошнотворный запах.

— Ну и вонища! — заметил Альбер.

— Ты напрасно клевещешь на буйволиное сало. Это еще ладан по сравнению с тюленьим или китовым. Ну вот, теперь все идет как следует. Продолжаем приготовления. Мы заделаем пробоину при помощи куска жести, на котором писала твоя жена. Он даже больше пробоины. Это очень хорошо. Остается его припаять. Ты вполне правильно заметил, что у нас нет олова. Придется обойтись без него. Попробую паять свинцом.

— Как же ты его расплавишь? И, наконец, разве у тебя есть свинец?

— Первое, на что я наткнулся, войдя сюда, был этот мешочек с пулями восьмого калибра. Вероятно, это калибр его ружья. Я сразу отложил мешочек в сторону — очень уж ценная штука. У тебя есть носовой платок?

— Носовой платок? Господи, при чем тут носовой платок? Зачем?

— Чтобы расплавить пули. У меня еще, к счастью,

платок сохранился. Мы выгадаем время, если будем работать оба. Смотри, как это просто. Я беру пулю, завертываю ее в ткань и сжимаю в руках так, чтобы ткань прилегала как можно плотней. Затем я закручиваю платок хвостиком и ставлю свинцовый шарик в его оболочке на огонь коптилки.

— И пуля расплавится?

— В несколько минут. А платок даже не пострадает. Когда свинец расплавится и потечет, надо будет только направить его на место соединения обоих кусков металла, которые мы хотим спаять.

Все так и было, как сказал Александр. Не прошло и двух минут, как шарик стал менять форму. Сквозь ткань полилась серебристая струйка. Она расплывалась по краям жестяной заплаты, которая закрывала пробоину.

— Браво! — закричал Альбер, обрадованный, как ребенок, и повторил прием своего друга. — Пять—шесть пуль, и мы достигнем полной водонепроницаемости. Ну, дорогой мой Александр, должен тебе сказать, что ты меня ошеломил!..

— Уж и ошеломил! — скромно возразил Шони. — Это просто-напросто опыт из занимательной физики. Я только вовремя о нем вспомнил. Ну, а у вас что там, Жозеф?

— Готово, месье Александр! Хоть и не без труда.

— Ладно. Возьмите эти клинья, заверните в какие-нибудь тряпки и постарайтесь как можно плотней вогнать в дыры. Вижу, наши черные друзья поработали на славу. Фургон почти пуст.

— И совершенно водонепроницаем! — воскликнул Альбер.

— Остается последняя операция. Она потребует силы и ловкости.

— Ты собираешься спустить фургон на воду? Но ведь он твердо стоит на колесах! Будь у нас пила, мы могли бы отпилить обе оси, благо они деревянные. Но есть другой способ, — сказал Альбер. — Колеса держатся на чеках. Надо снять чеки. Затем четверо из нас возьмут рычаги и начнут сталкивать колеса. Только надо действовать дружно. Пятый будет командовать.

— Ничего другого не остается. Сейчас же приступим к делу.

Александр стоял в это время позади фургона, как раз против спущенной задней стены. Его речь нарушил резкий свист, за которым тотчас послышался сухой удар. Пуля задела его за плечо и врезалась в деревянную стену. Во все стороны полетели щепки.

— Это кто балуется? — невозмутимо спросил Шони и прибавил после небольшой паузы: — Впрочем, кто бы ни баловался, а я спасся чудом!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Путешественник по призванию. — Перелетные птицы. — После выстрела. — Военная хитрость. — В осаде. — Опасный маневр. — Полный успех. — В лодке. — На Замбези. — Кафр идет на разведку. — Следы в лесу. — На полянке.—Потухший костер. — Опять следы. —Бешеный бег. — Безрассудство.

Пусть человек принадлежит к миру науки, искусств или промышленности; пусть он будет географ, инженер, естествоиспытатель, ремесленник или житель новооткрытых земель; пусть он повинуется только условиям борьбы за существование, или побуждениям жадности, или голосу честолюбия, — все равно, если таинственная тяга к перемене мест увлекла его в далекие страны, он попадает во власть неумолимой судьбы.

Он не может, да и не хочет сопротивляться мучительной страсти, которая влечет его навстречу неизвестному. Раньше или позже, в зависимости от обстоятельств, он попадает на палубу парохода. Свистит пар, вырываясь из металлической глотки, бьет пушка, взвивается флаг, морской гигант сотрясает глухая дрожь, поднят якорь, судно медленно отчаливает. Прощайте, семья, друзья, родина!

В плавание!.. С богом!..

Что значат рано обманутые надежды или неожиданно возникшие опасности! Какое значение имеют злокачественная лихорадка, беспощадный зной экватора, неприступные полярные льды, когти хищных зверей, ядовитые жала пресмыкающихся, да хотя бы и сама смерть,

которая поминутно предстает в самых разнообразных и страшных обликах! Разве человек, который порвал с цивилизованным миром, который отказался от его удобств и пошел навстречу всем случайностям, поджидающим его в диких странах, не отрекся от самого себя? Разве он не решил — да простится мне это грубоватое выражение, — что его шкура недорого стоит?

Но зачем уезжать? Зачем покидать родину? Не может разве географ удовольствоваться спокойным изучением материалов, которые прибывают в научные организации со всех концов мира? Разве не может инженер найти себе поле деятельности, не покидая родной страны? Разве все возрастающие потребности нашей цивилизации не нуждаются в труде ремесленника и землепашца? Разве в великолепных зоологических парках Старого и Нового Света ученые не найдут для себя самые интересные и разнообразные образцы флоры и фауны?

Все дело в том, что есть великая разница между географией кабинетной и личными поисками материалов. Прорезáть каналы через перешейки, открывать новые острова, прокладывать железные дороги в пустыне, отбирать у земли драгоценные камни и металлы — вот смелые замыслы, осуществлением которых по праву гордятся наши промышленники. Кто опишет счастье ученого, который поймал редкое насекомое, или открыл новое растение, или изловил птицу неизвестной породы? И разве земледелец, который привык воевать с воробьями у себя на пашне, не испытает жгучее волнение, когда ему придется охранять свои посевы от нашествия гиппопотамов и слонов?

Нет, люди этого склада не могут прозябать среди нашей будничной европейской жизни. Им нужно пространство, не знающее границ, по которому носится великое дыхание свободы! Им нужно созерцать великолепные и всё новые зрелища, которые поминутно раскрывает перед ними природа. Им нужны еще нетронутые, подчас страшные, но всегда величественные новые земли. Им нужна опасная борьба, захватывающие победы, незабываемые воспоминания!

Это особенные люди, у них особенные желания, осо-

бенные потребности. Они подобны тем перелетным птицам, которых великолепно воспел Жан Ришпен [1].

Смотрите! В синеве прозрачной утопая,
Далеко от земли, от рабства, от цепей,
Летят они стрелой, ни гор не замечая,
Ни шума грозных волн бушующих морей...
Измучены они, и худы, и усталы...
Зато им наверху так дышится легко!
И дикий рев стихий не страшен им нимало,
Их крылья всем ветрам раскрыты широко.
Пусть буря перья рвет! Пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочит их, сечет холодный град!
Согретые лучом живительной свободы,
В волшебный, светлый край отважные летят.
Летят к стране чудес, к стране обетованной,
Где солнце золотит лазури вечной гладь,
Где вечная весна, где берег тот желанный [2].
. . . . . .
. . . . . .

Мы позволили себе это отступление, чтобы лучше раскрыть облик людей, которых нельзя назвать искателями приключений, потому что эта кличка стала унизительной, но нельзя причислить и к ученым-исследователям. Таковы три француза, о приключениях которых в стране алмазов мы здесь рассказываем.

Они тоже находились во власти непреодолимой силы. В Южную Африку они попали каждый своей дорогой и встретились благодаря одной из тех случайностей, которые происходят все-таки чаще, чем принято думать. Объединенные общими потребностями и связанные дружбой, они без колебаний, очертя голову взялись за дело, которое сулит им много злоключений и может закончиться их гибелью. О своих личных интересах они не думают. Обстоятельства заставляют их жить среди постоянных трудностей и беспрерывно возникающих опасностей, но самым неожиданным катастрофам они противопоставляют несо-

[1] Жан Ришпен (1849—1926) — французский писатель и поэт.

[2] Перевод А. Варыковой.

крушимое упорство. Свою силу и находчивость они черпают в тех особых свойствах, которыми наделяет таких людей сама природа.

С каким трудом, ценой каких утомительных и сложных ухищрений удалось им наконец создать себе средство обороны! Но вот возникла новая опасность.

На берегу лагуны, по которой фургон должен был вот-вот поплыть, показались несколько человек. Кто-то из них без предупреждения выстрелил, — стало быть, нельзя сомневаться насчет их намерений. Александр остался жив только благодаря чуду. Однако надо спешить, потому что вода спадает — еще немного, и фургон окажется на сухой земле.

Бесстрашные друзья голову не теряют. Опасность придает им новые силы, они решают играть ва-банк, и сию же минуту. К счастью, фургон стоит не поперек реки, а вдоль. Таким образом, одна сторона кузова более или менее защищена от пуль, которых враги, несомненно, не пожалеют.

Альбер и Жозеф выломали каждый по перекладине из боковых стенок и вооружились ими. Они требуют, чтобы им была предоставлена опасная честь первыми начать задуманную операцию по снятию колес. Операция была бы достаточно рискованной при любых обстоятельствах, а сейчас, на глазах у нападающих, она становится в сто раз более трудной и опасной. Решено на всякий случай выполнить работу в два приема и сначала снять колеса, которые смотрят в сторону Замбези. В изобретательной голове Александра рождается новая мысль. Найти в фургоне среди хлама какую-нибудь старую куртку, рваные штаны и продавленную шляпу, напялить все это на обломки доски, так чтобы получилось чучело, было для Александра делом одной минуты.

— Это ты что же, задумал ворон пугать на огороде? — спрашивает заинтересованный Альбер. — Тем мерзавцам понадобилась наша шкура, вряд ли они испугаются, когда увидят твое изделие!..

— А я на это и не рассчитываю! — смеясь, отвечает Александр. — Пока не мешай мне. Потом увидишь, что выдумка не такая уж глупая.

— Но все-таки?..

— Когда осажденный гарнизон намерен сделать вылазку или восстановить повреждения, он прежде всего старается отвлечь внимание неприятеля, приковать его к какой-нибудь другой точке.

— Знаю.

— Эту стратегическую задачу я и возлагаю на чучело.

— Браво! Понял! За работу! Жозеф, ты готов?

— Готов, месье Альбер.

— Одну минуту, — продолжал Александр. — Я выставлю этого тряпичного джентльмена у задней двери. А вы тем временем скользните вперед. Прячьтесь за колесами и снимайте чеки. Наступать враг еще не решается. Наше молчание пугает его не меньше, чем могла бы испугать самая энергичная стрельба. Остается несколько минут. Это больше, чем нам нужно. Зуга, лук и стрелы при тебе?

— При мне!

— Отлично! Стреляй в первого, кто сунется.

Все вышло именно так, как предвидел Александр. Едва появилось чучело, раздался новый выстрел. Пуля пробила лохмотья, но единственным последствием было то, что в рванине образовалась еще одна дырка.

Тем временем Альбер и Жозеф вошли в воду. Их скрывали высокие массивные колеса.

— Хороший выстрел, — пробормотал Александр. — Судя по раскату и облаку дыма, это голландское ружье. Неужели с нами воюет владелец фургона или кто-нибудь из его братьев?

— Чеки сняты! — сообщили Альбер и Жозеф одновременно.

— Хорошо. Укрепите рычаги между колесами и стенкой фургона и ждите моей команды.

— Готово.

— Фургон накренится в вашу сторону. Будьте осторожны.

— Хорошо.

— Вы готовы?

— Готовы.

— Раз, два, три...

Огромный деревянный ящик сначала заколыхался,

Огромный деревянный ящик сначала заколыхался, потом резко накренился набок, как если бы собирался опрокинуться в реку, и поплыл.

потом резко накренился набок, как если бы собирался опрокинуться в реку. Он затрещал, но не упал. И тут раздался крик радости. Тяжелая махина в одну минуту снова принимает устойчивое горизонтальное положение и тихо покачивается на спокойной глади воды.

Оба каталонца, которым этот успех стоил больших усилий, вскакивают в фургон, обливаясь потом. Но они сияют от радости и кричат как сумасшедшие:

— Плывем! Плывем! Мы спасены!..

Это было верно. Подхваченный легким течением, которое уносило его к реке, фургон поплыл, к великому изумлению осаждающих, не понимавших, что за чудо происходит у них на глазах.

Три друга, наконец избавившиеся от грозной опасности, крепко обнялись. Теперь им надо было позаботиться об управлении этим необычным кораблем. Что им до бешеного крика врагов и их пальбы?

Более всех был заинтригован всегда спокойный и не так-то легко удивляющийся Александр. Опираясь на крепкий багор, посредством которого он приводил в движение свою пловучую телегу, он все старался понять, почему все-таки она поплыла.

Объяснил Альбер:

— Не скажу, чтобы это вышло совсем случайно, но все-таки нам на сей раз просто повезло. Когда мы с Жозефом спихнули одновременно оба левых колеса, фургон резко накренился влево. Края осей не выдержали и поломались. Тогда кузов потерял опору и снова выпрямился. Кстати, кузов совершенно водонепроницаем. Ни одна капля воды не просочилась.

— Эта махина ведет себя лучше, чем можно было ожидать.

— Совершенно верно. Мы плывем довольно прилично, хотя наш ковчег ничем не похож ни на катер, ни на шлюпку.

— Ни хотя бы на самое обыкновенное угольное судно.

— Ну вот, мы наконец попадаем в реку, — заметил Александр. — Теперь нам необходимо на минутку задержаться, чтобы изготовить весла, иначе нас может унести течением. К тому же не надо забывать, что впереди водопад.

— Весла?.. Вот одно весло. Его, по-видимому, оставил хозяин. Нам нужно таких два или три. Третье будет служить рулем.

— Я, кстати, приберег немного гвоздей. Мы сделаем лопасти из ящиков. И выстругаем древки из боковых досок.

— Как это все медленно тянется! — вздохнул Альбер, подумав о том, сколько времени потребуется на изготовление этих предметов.

— Ничего не поделаешь, друг мой, мы еще немало потеряем времени. Ведь у нас нет никаких инструментов. И все-таки, если бы ты меня послушал, мы пустились бы в путь только ночью или, верней, завтра утром, до рассвета.

— Опомнись! — горячо воскликнул Альбер. — Неужели ты думаешь, что я могу этак сидеть здесь до бесконечности сложа руки? Да мне каждая минута мучительна!..

— Я понимаю. И потому хочу обратиться к твоему благоразумию. Неужели ты забыл, что в нескольких стах метрах отсюда стоят наши лодки? И что ночью надо встретиться с судьей и получить у него оружие? Я чувствую, что дело приближается к развязке. Поверь мне, излишняя поспешность может только погубить все, чего мы достигли ценой таких усилий.

— Нет, это невозможно! Я сойду с ума! Я больше ждать не могу!

— Ну что ж, будь по-твоему, — с грустью сказал Александр. — Едем. Только как бы нам не пришлось пожалеть...

Через полчаса весла были кое-как сделаны. Альбер схватил одно из них и занял место в задней части фургона. Александр и Жозеф поместились в передней части, предварительно подняв стену и спрятавшись за ней. Надо было еще прорезать два отверстия в боковых стенках, чтобы пропустить весла и дать им точки опоры. Наконец было покончено и с этим.

Альбер, который все время ерзал от нетерпения, подал наконец сигнал к отплытию.

Громоздкое сооружение с трудом снялось с места и медленно поплыло по желтым водам Замбези, пересекая

реку наискось. Несмотря на свою необычную форму, на свою тяжесть, на слабые силы гребцов, судно держалось довольно хорошо. Только двигалось оно удручающе медленно, хотя и это медленное движение стоило гребцам огромных усилий. Надо было во что бы то ни стало не отклоняться от курса, и оба передних гребца положительно выбивались из сил. И хотя это были люди крепкие, но от беспрерывной борьбы с течением у них уже ломило все тело.

А тем временем Зуга и бушмен, прильнув к щелям в передней стенке, смотрели на берег и подавали команду гребцам, которые гребли вслепую.

Стойкость всех этих людей была наконец вознаграждена. Фургон попал в мертвую зону, то есть в стоячую воду. В каких-нибудь ста метрах лежали непроходимые заросли. Негры-дозорные сказали, что ничего подозрительного не видят, и гребцы остановились недалеко от берега.

Зуга обменялся несколькими словами с Александром, направился к задней стенке фургона, вышел, нырнул и скрылся под водой. Его отсутствие продолжалось больше часа. Французы понимали, какое значение имеет разведка, в которую он ушел, а также и то, что лучше его никто с таким делом не справится. Поэтому возвращения кафра ожидали терпеливо и молча. Наконец Альбер, который за все время не сдвинулся с места, внезапно заметил, что вода забурлила. В то же мгновение вынырнула черная голова.

Зуга сиял. Счастливая улыбка растянула ему рот до ушей.

— Идем! — сказал он, раньше чем Альбер успел произнести хоть одно слово.

— Ну что? Что ты видел?

— Идем! Все! — повторил африканец своим гортанным голосом.

Несколько мощных взмахов веслами — и фургон подошел к берегу, где его закрепили с помощью лиан. Их было здесь великое множество. Альбер, Александр и Жозеф бросились в траву, которая густо покрывала берег. Они даже не подумали, какими опасностями это могло им грозить. Бушмен последовал их примеру.

Но тотчас все поднялись на ноги и пошли, вытянувшись гуськом. Впереди выступал Зуга. Кончились водяные растения, начались густые сплетения гигантских злачных. Поломанные или помятые стебли свидетельствовали о том, что здесь недавно проходил человек. Все пятеро пробирались в течение почти получаса, а прошли едва какой-нибудь километр. И не потому, что дорога была такая уж трудная, а потому, что проводник вел осторожно. Наконец вышли на небольшую полянку и увидели остатки потухшего костра, несколько обгорелых головешек, пепел, остатки еды, а также две охапки травы. Они были слегка примяты и, видимо, служили сиденьем для тех, кто здесь останавливался на привал.

Альбер внимательно осмотрел пепел и, от волнения не будучи в силах говорить, пальцем указал своему другу на несколько вполне явственных следов. Рядом с одним из них, который мог бы перекрыть след слона, был виден след маленькой ноги на высоком каблуке, какой могла оставить только женщина, носящая изящную обувь.

По другую сторону костра, в направлении, почти параллельном реке, видно было продолжение тропинки, по которой сюда пришли наши путешественники.

— Там? — спросил Альбер голосом, дрожавшим от волнения.

— Там, — ответил Зуга.

— В таком случае, вперед! — воскликнул Альбер, к которому вернулась вся его энергия.

Даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть, следуют ли за ним его друзья, и совершенно забыв, что у него нет оружия, он пустился в лес. Остальные на минуту растерялись, но все же последовали за ним, терзаемые тревогой и предчувствием беды.

Сумасшедший бег продолжался долго. Но догнать Альбера не удавалось. Он все время оставался впереди и шумно ломал кусты, среди которых извивался еле заметный след.

Внезапно все стихло, и четыре спутника Альбера, охваченные щемящей тревогой, услышали в нескольких шагах от себя душераздирающий крик.

Понять, что произошло, было невозможно

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В темнице. — План побега. — Рудокоп поневоле. — Суп из водки. — Как изготовляются свечи. — Взрыв. — Пожар. — «На помощь!» — Сэм Смит недоволен. — Рудничный газ. — «Кающиеся грешники» и «пожарные». — Новый взрыв. — Попались!

Его преподобие стал беспокоиться — он все еще не нашел выхода из своей угольной темницы. Текли часы, но никакая неожиданная случайность не приходила ему на помощь.

Благодаря непостижимому чуду он остался жив, благодаря второму чуду ему в руки попало богатство, о каком и мечтать нельзя было. Неудивительно, что его преподобие предался безудержной радости.

Затем, несколько успокоившись, он стал думать о трудностях своего положения и об опасностях, которые еще ждут его впереди. Он понимал, что ему никак не удастся найти дорогу, которой пользуется таинственный владелец всех этих богатств, и потому решил дожидаться его прихода: спрятаться в каком-нибудь уголке, дать незнакомцу войти и снести ему череп выстрелом из карабина. А тогда можно будет и уйти. Да, но что будет, если хозяин долго не придет? Если он ранен? Если он попал в плен к чернокожим? Если он умер?

От одних этих мыслей дрожь охватила нашего героя, который только что избежал гибели и мечтал снова спасти свою жизнь ценой преступления. Ему пришло в голову, что, если он здесь проторчит слишком долго, могут иссякнуть запасы продовольствия. К мукам заточенья присоединились бы муки голода. Все кончилось бы самой страшной из всех смертей — смертью от истощения. Погибнуть среди богатств, даже не привыкнув еще к мысли, что они тебе принадлежат!

— Нет, нет! — глухо бормотал он, — надо выбраться отсюда во что бы то ни стало. И чем скорей, тем лучше.

Он вытер вспотевший лоб, сел на глыбу угля и предался размышлениям.

— Остается только одно: проложить подземную галерею. Ну-ка, попробуем сориентироваться. Это нетрудно. Сейчас я стою спиной к водопаду. Стало быть, Замбези

у меня слева. Слой земли между моей пещерой и руслом не может быть слишком толстым. Тридцать метров, быть может, сорок. Пускай шестьдесят! Прорыть подземный ход длиной в шестьдесят метров не такое уж великое дело. В особенности если угольный пласт тянется до продольного разреза. Таким образом я дойду до стены, которая возвышается над водой. Правда, стена отвесная, но кто мне помешает прорубить в ней ступени? Тогда я смогу подняться туда, где начинается чертов колодец, ведущий в мою темницу. Итак, решено! Немедленно рыть подземный ход! Время и труд — и я снова увижу божий свет! Ей-богу, Джемс Виллис еще узнает счастливые денечки!.. А если поверх угля лежит базальт? Тогда я окажусь как перед железной броней! Никакая кирка, никакая сила не одолеет такое препятствие... Но, черт возьми, я забыл, что здесь есть порох! Чего нельзя разбить, то можно взорвать!

Внезапно его внимание привлекла некая геологическая особенность.

Вход в пещеру, пробитый в угольном пласте и потому совершенно черный, соприкасался справа с каким-то белым веществом. Это был известняк грубого строения, образующий слои средней толщины, которые лежат один на другом уступами вплоть до самой вершины холма.

По странному капризу природы, этот известняк, почему-то затесавшийся среди пластов угля, имел форму гигантского опрокинутого клина, так что угол упирался в дно пещеры, в то время как основание уходило вверх, беспрерывно расширяясь. Уголь проступал справа и слева и тесно сжимал этот известняковый слой, самым любопытным образом контрастируя с его белизной.

Джемс Виллис отметил про себя, что если бы известняк находился слева, то это могло бы здорово помешать его работе. Затем он вернулся на круглую площадку, на которой находился склад, отобрал лопату и кирку и приступил к работе, то есть стал рубить уголь. Но тут он заметил со все возрастающим удивлением, что известняковый пласт пересекает пласт угля по правильной прямой, которая идет параллельно реке. Ошибаться он не мог хотя бы потому, что одна из стен склада была известняковой.

— Странно! — пробормотал бандит. — Эта стена что-то мне напоминает. Если мысленно продолжить эту линию по реке вверх от водопада, то... Постой-ка! Не ошибаюсь ли я? Нет, не ошибаюсь! Я дойду до акаций, которые отмечены на карте этого чудесного мистера Смитсона. На карте отмечено три акации. Я обнаружил только две. Но третью могли и срубить! Уж не вздумала ли слепая фортуна побаловать меня два раза в один день?.. Да ведь тут есть от чего сойти с ума! У меня голова раскалывается надвое! Я не выдержу! Это было бы чересчур!.. Успокойся! Я вижу эту карту во всех мельчайших подробностях. Дурак Сэм Смит! Он забрал у меня карту и думает, что без нее я как без рук и без ног. Пунктирная линия, которая идет от акаций, пересекает Садовый Остров. На чертеже мистера Смитсона имелось черное пятно. Я думал, что это обыкновенная чернильная клякса. А не имел ли он в виду мою пещеру? Ведь он несомненно знал о ее существовании... Но, в таком случае, я попал как раз туда, куда нужно! Я становлюсь миллионером! Ах, черт возьми, только бы вырваться на свободу!

Он стал бить киркой по угольному пласту с такой силой, какой сам за собой не знал. Удары звучали глухо, точно падали на какой-то резонатор.

— Что это значит? — пробормотал озадаченный Джемс Виллис.—Там какая-то пустота?! Уж не наткнулся ли я еще на одну пещеру или на подземный ход? Было бы неплохо. Работа сразу подвинулась бы вперед! Ибо нечего обманывать самого себя — шахтер я плохой!..

Он, впрочем, клеветал сам на себя, потому что вокруг него уже образовался изрядный холмик угля и заслонял вход в галерею, которая становилась еле видна.

Старый бандит работал с бешеным усердием, не замечая усталости. Часы текли быстро, и хотя он испытывал настойчивую потребность подкрепиться, но не мог прервать работу. Между тем руки его покрылись волдырями, которые лопались, так что кровь и сукровица, смешиваясь с угольной пылью, образовали черную грязь на древке лопаты.

Тогда ему пришло в голову обратиться за подкреплением к алкоголю. Он откупорил бутылку бренди и хва-

тил порядочную порцию этой огненной жидкости. Затем, увидев жестяное блюдо, он туда вылил все содержимое бутылки. Рядом стоял жестяной ящик с галетами. В одну минуту Виллис вскрыл его, сорвал крышку, взял несколько галет, разломал их на мелкие куски, бросил в алкоголь и приготовил себе хороший «пьяный суп», какой часто видел на приисках.

Таким образом, он мог подкрепляться, не прекращая работы. После каждого большого усилия он бежал к своему блюду, жадно глотал галету, набрякшую в водке, и снова возвращался к работе, разгорячаясь все больше и больше.

Последствия подобного питания не заставили себя ждать. Сначала Джемс Виллис почувствовал, что у него рябит в глазах и отяжелела голова. Вскоре он был совершенно пьян.

— Стоп! — крикнул бандит, замечая симптомы этого физиологического явления. За свою бурную жизнь он успел изучить его достаточно хорошо. — Стоп! Иначе я скоро буду пьян в стельку. Довольно хлебать этот суп из водки! Черт возьми, да у меня все руки изодраны! Говорят, алкоголь способствует заживлению ран. Не лучше ли протереть руки, вместо того чтобы так по-дурацки напиваться? Гром и тысяча молний, да это не водка, это расплавленный свинец!

В проходе стало темнеть, и кусок неба, который бандит еще видел из тайника, когда разбрасывал уголь, стал краснеть, озаряемый пламенем заката. Спускалась ночь.

Его преподобие весьма обрадовался, когда нашел несколько штук свечей из буйволиного жира, которые буры изготовляют довольно интересным способом.

Кусок ваты или тряпки они погружают в сосуд, наполненный растопленным жиром. Когда тряпка хорошенько пропитывается, ее вынимают и подвешивают за один конец на просушку. Через несколько минут она затвердевает. Тогда ее снова погружают в жир, и она обволакивается новым слоем. Ее снова просушивают. Эту операцию повторяют несколько раз, покуда свеча не получит желаемую толщину.

Лжемиссионер высек огонь, зажег свечу и снова взял в руки кирку. Не слишком твердо держась на ногах, он,

однако, работал как бешеный. И тут он потерял всякое представление о времени. Чтобы проложить себе выход из пещеры, он бил киркой направо и налево, не задумываясь над тем, правильного ли он держится направления.

Внезапно кирка провалилась. Она прошла через тонкую перегородку, позади которой лежала пустота.

Его преподобие услышал сильное шипенье: откуда-то вырывался воздух или газ. Ему показалось, что коптящее желтое пламя его свечи стало неожиданно увеличиваться и принимать странный голубоватый цвет. Джемс Виллис решил, что это ему только кажется, что у него в голове бродит похлебка из бренди. Он даже собрался отпустить по этому поводу шутку, но не успел.

Ослепительная молния сверкнула в черной пустоте, бандита окутало пламя, он услышал страшный взрыв и почувствовал, что его с невероятной силой подбросило в воздух.

Больше он не помнил ничего — падая, он потерял сознание.

Должно быть, солнце уже давно взошло, когда его преподобие пришел в себя.

Как ни странно, он с замечательной ясностью сознавал все, что с ним было до того, как он напился, и после. В один миг промелькнули перед ним все события — начиная с падения в пещеру и кончая загадочным взрывом.

Но если сознание было ясно, то бренное тело находилось в плачевном состоянии. Первые движения, которые его преподобие пытался сделать, вызвали у него крик боли. Когда же он захотел подняться, ноги отказались ему служить. Он тяжело упал на кучу угля. Но этот уголь медленно тлел, распространяя едкий и удушливый дым. Джемс Виллис даже почувствовал жестокий укус огня,— видимо, это и привело его в чувство.

— Горю! Я горю! — в ужасе закричал он. — Огонь! Огонь! Бежать! Оставаться здесь — смерть! Я сгорю или задохнусь! Бежать! Но я не могу сделать ни шагу. Неужели у меня перебиты ноги? Да ведь в таком случае я пропал! Неужели начинается возмездие?.. На помощь! На помощь!..

— Иду! Иду! — отозвался насмешливый голос, шедший как будто из колодца.

Бандита окутало пламя, он услышал страшный взрыв и почувствовал, что его с невероятной силой подбросило в воздух.

Покачиваясь, оттуда спустился длинный и тонкий канат. Затем показался какой-то темный предмет, и с ловкостью обезьяны по веревке спустился человек.

— Это что такое? — воскликнул он. — Ко мне забрались воры? Да тут пожар! Вовремя же я прибыл, однако!

Его преподобие тотчас узнал этот издевательский голос и в неописуемом ужасе воскликнул:

— Сэм Смит! Кончено, я погиб!..

Это действительно был Сэм Смит. Несмотря на всю свою невозмутимость, на всю свою выдержку, он был ошеломлен и вздрогнул.

— Джемс Виллис! Ты? Ах, мошенник, да у тебя в животе зашито десять тысяч жизней!.. Не иначе, как ты заключил договор с нашим общим покровителем Вельзевулом! Я тебя оставил на съедение муравьям, а ты цел и невредим? Вероятно, им было противно жрать твое мясо! Как ты попал сюда, ко мне на дачу, вот чего я не постигаю? А уж я, кажется, кое-что повидал на своем веку!

— Пощади!—прохрипел лжемиссионер, которого сразу обуяли все страхи.

— Послушай, приятель, — резко оборвал его Сэм Смит, — должен тебе сказать, ты все-таки возмутительный трус. К тому же страх у тебя какой-то препротивный. Как только ты меня видишь — сразу начинаются плаксивые причитания и мольбы. Они были бы способны увеличить мое презрение к твоей особе, если бы это еще было возможно!.. Придумай что-нибудь другое, чучело ты этакое!..

— Что ж, убей меня сразу!— прорычал Джемс Виллис, скрежеща зубами.

— Вот! Это уже лучше! Все равно ты обречен. Значит, надо держаться молодцом... — И он насмешливо добавил: — Знаешь, если бы ты даже не был вычеркнут из списков живых, я бы все равно не рекомендовал моим друзьям взять тебя на службу в качестве прислуги. Смотри, во что ты превратил мой дом! Прямо кавардак какой-то! Тут на неделю работы приводить все в порядок! Но ведь ты способен протянуть в это время лапу к моему карабину и пустить мне пулю в голову! Так что лучше уж я тебя свяжу, чтобы тебе не лезли дурные мысли в голову.

Его преподобие все еще оставался неподвижен. Но когда Сэм Смит грубо схватил его ноги, чтобы связать их, он громко закричал от боли.

Жалость была Смиту чужда, все же он остановился и пробормотал:

— Бедняга! У него перебиты ноги!.. Но это ничего не значит, ползать он еще может. Такие мерзавцы — народ живучий. Настоящего мужества нет у них, но ненависть придает им силы. Свяжем ему руки.

Так он и сделал, после чего зажег свечу и стал осматривать пещеру.

— Ума не приложу, — со злостью ворчал он, — как этот болван умудрился наделать здесь пожар! Надо убрать весь этот уголь. Он лежит на сквозняке и пылает, как в печи! А это что за галерея? Э, да он не так глуп, Джемс Виллис! Он не мог удрать через колодец и прокладывал себе подземный ход!.. Да, но как он сюда попал? Давай-ка осмотрим эту галерею, быть может, мы что-нибудь узнаем.

Он легко перескочил через груду угля, заметил темную пробоину, сделанную киркой Джемса Виллиса, и, естественно, приблизил к ней свою свечу. И тут он тоже обратил внимание на то, что пламя изменило форму и цвет и стало голубоватым.

Он быстро отошел и бросил пронизывающий взгляд на его преподобие, по лицу которого, сведенному болью, скользила недобрая улыбка.

— Стой! — сказал Смит. — Мы люди опытные, мы видали виды, мы с этим явлением знакомы. Я сразу узнал рудничный газ... Ах, значит, вот оно как! — прибавил он насмешливо. — Значит, мы не захотели предупредить нашего доброго друга Сэма Смита, что в эту галерею лазить опасно, потому что там газ? Это неблагодарность с вашей стороны, мистер Джемс Виллис. Потому что я ведь мог убить вас, едва войдя, и вы обязаны только моему великодушию тем, что вам все-таки оставлено несколько минут жизни! Верь после этого людям!..

— Раз я все равно обречен, — глухим голосом проворчал его преподобие, — для меня было бы, по крайней мере, утешением погибнуть рядом с тобой.

— Ах, вот как? Ты в самом деле набираешься сме-

лости! Но поздно! Жаль, что у меня нет времени заняться твоим воспитанием. Впрочем, довольно болтать. Надо поскорей вспомнить Австралию и как я был пожарным в угольных копях. Можно все-таки избавиться от этого зловещего газа. Есть способ.

Способ, о котором Смит говорил так непринужденно, был чрезвычайно опасен, он ставил под отчаянный риск жизнь смельчака, который к нему прибегал.

Известно, что рудничный газ, или углеводород, обладает свойством воспламеняться под действием света и, смешавшись в определенной пропорции с атмосферным воздухом, дает мощный взрыв.

В старину, до того как была изобретена шахтерская лампочка, газу обычно давали распространиться по галереям и смешаться с воздухом. Затем эту смесь поджигали — конечно, предварительно удалив рабочих, — и она взрывалась. На некоторое время это сгорание газа предупреждало возможность непроизвольного взрыва. Человека, который производил взрыв, в Англии называли «пожарным», а во Франции — «кающимся грешником». На него надевали мокрое платье, маску со стеклами для защиты глаз и в руки давали длинный шест с факелом на конце. В таком виде он ложился наземь и полз в отравленную галерею. Он там находился до тех пор, покуда не раздавался взрыв.

Не надо объяснять, какой опасности подвергался «кающийся грешник».

В Австралии, в первые годы колонизации, такие работы возлагались на каторжников.

Вот, стало быть, что имел в виду Сэм Смит.

В пещере, которую он в шутку называл своей дачей, длинного шеста не нашлось. Тогда он схватил жестяное блюдо, из которого его преподобие недавно хлебал свой «суп», наполнил его раскаленным углем, с размаху швырнул в галерею, а сам мгновенно бросился наземь.

Взрыв был оглушительный.

В одно мгновение пламя охватило галерею, пронеслось, как метеор, по круглой площадке, и, гонимое сквозняком, образовавшимся между обоими отверстиями, с шумом ворвалось в колодец, который служил входом Сэму Смиту.

Все это продолжалось едва несколько секунд. Потом наступила тишина.

— Вот и все, ваше преподобие, — сказал Смит вставая. — Опасность миновала, и ваш друг Сэм пойдет знакомиться с вашей работой.

С этими словами Смит машинально поднял голову и глухо зарычал от отчаяния: веревку, которая служила ему лестницей, пожирал огонь.

Теперь всякую возможность общаться с внешним миром потеряли уже оба бандита.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Сэм Смит продолжает изучать местность. — Белая линия в угольном пласте. — За компасом. — Как Сэм Смит попадал на свою дачу. — Приступ безумия. — Муки его преподобия. — Сокровища кафрских королей. — Осквернённая усыпальница. — Новые последствия взрыва. — Жилище мертвых дает убежище живым. — Пожар.

Покуда Питер добывал для Сэма Смита быков — мы знаем, каким способом, — Смит оставался на вершине холма с Корнелисом и ждал.

Общество неотесанного мужлана, который не умел связать двух слов, было утомительно, поэтому Смит замкнулся и предался размышлениям.

Он думал о странном сцеплении событий последнего времени и в особенности о тех, которые были связаны с вожделенными сокровищами кафрских королей.

Бандит глубоко верил в свои силы; кроме того, благодаря неожиданной случайности к нему в руки попал ценный документ, который давал ему огромные преимущества перед прочими искателями клада. Будущее представлялось ему в розовом свете, и он мысленно перебирал счастливые возможности, которые перед ним откроются, когда он станет обладателем сказочных сокровищ.

Разложив у себя на коленях карту, он внимательно сравнивал нанесенные на нее условные знаки с предметами на местности. Его беспокоила белая линия на карте, зажатая между двумя черными полосами. На местности он ничего подобного не видел.

«Какого черта делает здесь эта линия? — не переставал он спрашивать самого себя. — Что она обозначает? Зону, где надо производить поиски? Или углубление в почве? Или подземный ход? Подземный ход! Ах, черт возьми! Я знаю только один подземный ход, который идет в этом направлении: у меня на даче! Там есть коридор. Он ведет к выступу, который висит над водопадом. Вот это было бы здорово! Надо проверить. Нечего жаловаться на карту. Был бы у меня компас, я бы покончил с этой неизвестностью. Компас!.. Да их там у меня на складе несколько штук! Но я бы не хотел, чтобы этот дурак бур видел, куда я пойду. Эх, ничего не поделаешь, придется! Я ему прикажу оставаться здесь, караулить. Он меня боится, как черта, и не посмеет двинуться с места. Да я ведь ненадолго».

— Эй, Корнелис!

— Что прикажете, джентльмен?

— Вот что! У нас кончаются запасы продуктов, а я проголодался, как волк. И умираю от жажды.

— Джентльмен, я всегда голоден, как волк, и всегда умираю от жажды.

— Тем более надо подумать о продуктах.

— К вашим услугам. Хотите, я пойду поищу где-нибудь ногу антилопы и принесу одну—две пинты воды в колене бамбука?

— Я могу предложить вам кое-что получше. Что бы вы сказали о коробке тушеного мяса, о ломтике ветчины и паре бутылок бренди?

— Что бы я сказал, джентльмен? Да очень просто. Я бы сказал, что если не пошарить у кабатчика на прииске Виктория и если обойтись без колдовства, то нам о таком пире и мечтать нечего...

— Что ж, считайте меня колдуном, потому что на прииск я не пойду — тому есть причины, — но через два часа ваши желания будут исполнены...

— Вы меня ничем не удивите. Я знаю, что вы можете сделать то, чего не сделает никто другой.

— Пожалуй. Я ухожу. А вы сидите тут и смотрите в оба. И не уходите с этого поста ни в коем случае. Это вопрос не только нашей безопасности, но и нашего будущего благосостояния.

— Положитесь на меня, джентльмен. Я буду неподвижен, как камень. Я открою уши и не пропущу ни малейшего подозрительного шороха. А что касается того, чтобы смотреть в оба, то хоть у меня всего один глаз, но он меня не подводит.

— Хорошо. До свидания, дружок.

Смит взял карабин на ремень, поправил шлем на голове, обогнул холмик и пошел, раздвигая кактусы и ветви эвфорбий, как Питер, и вскоре исчез. Однако он не спустился вниз, в долину, как сделал Питер. Он стал петлять, то ползая среди тощей, покрытой колючками растительности, то скрываясь за выступами скал, то исчезая в темных зарослях.

Вероятно, он хотел сбить с толку Корнелиса, которому не особенно доверял. В конце концов он пришел к некоему косогору, один из склонов которого смотрел на реку. Здесь Смит остановился, отер пот, градом катившийся у него по лицу, и внимательно осмотрелся по сторонам.

Ничего подозрительного. Несколько коршунов, паривших высоко над этой сумрачной землей, были единственными живыми существами, какие могли его видеть. Но как он устал! Сколько понадобилось предосторожностей, чтобы добраться сюда, не будучи замеченным.

На склоне имелась небольшая яма, и в глубине ее — круглое отверстие диаметром около метра. Оно было похоже на колодец. Странная особенность — края были черные, но их с запада на восток перерезала слегка вдавленная белая полоса.

Сэм мечтательно оглядел эту геологическую особенность и пробормотал:

— Что же это за белая полоса? Я обратил на нее внимание в первый же день, когда ступил ногой в угольную пещеру. По-моему, тут никаких сомнений быть не может: известняк, который торчит клином в угольном пласте, — это и есть та белая линия, которая отмечена на карте. Странно! Пришло время все проверить, а я колеблюсь!.. Чем я рискую, в конце концов? Разве я уже и так недостаточно богат? Если выйдет неудача, неужели мне не хватит моих сбережений, чтобы утешиться? Но нет, я все-таки боюсь неудачи. Боюсь, как бы стрелка компаса

не показала совсем иное направление... Ах, эта стрелка компаса! Она мне страшней, чем отравленная стрела! Ведь я играю ва-банк! Если компас подтвердит мои предположения, мне в руки попадет неисчислимое богатство. Не из тех обычных состояний, какими располагают купцы, нажившиеся на торговле кожей, салом или хлопком, а сумасшедшее великолепие набоба. Но ведь только оно и подобает людям моего склада! Если нет — всю мою бурную жизнь увенчает скромное существование мелкого рантье. Какой это был бы жалкий конец мечтаний! А ведь я все сделал, даже невозможное, чтобы претворить их в жизнь!.. Однако довольно малодушничать! Надо кончать!..

С этими словами Смит отвалил ногой небольшой, заполненный углем окоп, прорытый поблизости от колодца. На самом дне под углем лежал кусок дерева твердой породы, не толще руки взрослого человека и длиной метра в два. Сэм извлек его и положил поперек входа в колодец, как раз на середине.

Затем он снял с себя длинный тонкий шнур, который носил вместо пояска, прикрепил его к деревянной перекладине, сделал прочный узел, в чем был великим мастером, и спустил свободный конец вниз.

— Ну вот! — вздохнул он. — Никогда еще, кажется, я так не волновался, спускаясь к себе в пещеру. Но человек, который через несколько дней или даже через несколько часов может стать архимиллионером, имеет все основания волноваться.

И тут он одной рукой схватился за веревку, которая свисала над колодцем, другой рукой — за перекладину и стал медленно спускаться в логово, которое в шутку называл своей дачей.

Остальное читатель знает. Читатель видел, как изумлен был Смит, наткнувшись на миссионера, которого считал съеденным муравьями, как он рассердился, заметив беспорядок, причиненный первым взрывом, и как он пришел в отчаяние после второго взрыва, когда сгорела его веревка и пропала всякая возможность общения с внешним миром.

Мастер Смит оказался в заточении вместе с Джемсом Виллисом.

Прошло несколько минут вполне понятного смятения, и Смит, как человек, хорошо знакомый со всеми превратностями судьбы, но никогда не теряющий надежды, стал понемногу успокаиваться.

— Ну и что? — сказал он лжемиссионеру, который продолжал смеяться сатанинским смехом. — Мы попались. Но ведь, кажется, нам не впервой? Можешь смеяться и злорадствовать сколько хочешь и думать, что я разделю твою судьбу. Ошибаешься, дружище! Я убегу! Мне это не раз удавалось. И тогда я не располагал такими средствами, как сейчас.

А в сторону он пробормотал:

— Одно только неприятно. Пожар-то ведь не погас, вопреки моим расчетам. Огонь распространяется по потолку. Правда, это не так опасно. Но неприятно все-таки работать, когда у тебя над головой пылает. К тому же у меня здесь лежат изрядные запасы пороха. Надо их поскорей вынести в какое-нибудь безопасное место. Но сначала осмотрим-ка галерею, из которой вырвался газ.

Смит взял новую свечу, зажег ее и вошел в проход, из которого Джемса Виллиса недавно выбросило взрывом.

Смит отсутствовал минут пять, потом появился, но в каком виде! Лицо было бескровно, как у мертвеца, глаза вот-вот выскочат из орбит, рот свело судорогой, руки дрожат нервной дрожью, ноги еле передвигаются.

Он воткнул свечу в какую-то щель, потом схватился обеими руками за голову, стал рвать на себе волосы, смеяться, выть, петь, рыдать, — Сэм Смит производил впечатление человека, с которым случился приступ помешательства.

Когда наконец к нему вернулся дар речи, он стал выкрикивать бессвязные слова, из которых его преподобие ничего не мог понять.

— Так и есть! Я был прав! Они тоже!.. И ты тоже!.. Что тебе здесь нужно было, жулик? Я тебя изрежу на куски!.. Это ты во всем виноват... В том, что я пьян... И в том, что я доведен до отчаяния! Дай я тебя убью!.. Нет, этого было бы слишком мало! Я хочу тебя разрезать на куски живого! Я сварю твое мясо и буду его жрать у тебя на глазах... Нет, нет!.. Ты мой старый товарищ!

Я люблю тебя, как брата! Я хочу тебя обнять... Вылечить... Забудем все... Да, все!.. Я тебя прощаю. Гип! Гип! Ура! Cod save the queen! Пой! Да пой же! Rule, Britania![1] Спой какую-нибудь песню каторги! Или молись богу! Или богохульствуй! Но говори что-нибудь... Говори!.. Пусть я услышу человеческий голос!.. Чей-нибудь голос... Только не мой собственный. От него мне больно! Идем! Да идем же! Туда!.. Туда, в галерею... Ты не можешь ходить? Я тебя понесу! Не бойся ничего! Ты должен все видеть, Джемс!..

Он подхватил калеку, взял его на руки, как ребенка, взял свечу, направился в галерею и, пробежав метров пятнадцать, остановился как вкопанный.

— Смотри! — закричал он. — Смотри и скажи мне, не следует ли перед лицом такого зрелища забыть нашу старую вражду, и злобу, и ненависть!..

— Да что ты тут увидел? Что тут есть?—глухо спросил Джемс Виллис.

— Наше богатство!.. Наше неслыханное богатство!.. Наше сумасшедшее богатство!

— Что?

— Да ведь это сокровища кафрских королей! Вот из-за чего я до такой степени потерял голову, что даже простил тебе все твои подлости. Но будь спокоен, я человек слова. Раз я сказал, что простил, значит, простил. Только бы нам выбраться из этой пещеры — а мы выберемся, и скоро, — тогда я поделюсь своим богатством с тобой! Потому что хотя ты только косвенный и невольный виновник открытия, но открытие все-таки сделано.

— Да я ничего не вижу, — возразил преподобный, которого эти дружеские слова и весь неожиданный поворот дела сразу успокоили. — Я вижу только скелеты, несколько более или менее высохших мумий и негритянское оружие...

— А эти грубые глиняные горшки, которые стоят рядом с покойниками, что в них, по-твоему?

Смит сделал резкое движение, и крик боли вырвался у Джемса Виллиса, у которого беспомощно свисали обе

---

[1] Rule. Britania (англ.) — Правь, Британия... — Слова из английского государственного гимна.

искалеченные ноги. Сэм спустил его наземь, поднял свечу над его головой и сказал:

— Здесь полно алмазов, дружище! Ты меня понимаешь? Алмазы! Да еще какие!.. Ты успел украсть все алмазы, которые я припрятал в земле, под углем! Но они имели бы довольно жалкий вид, если бы их сравнили с этими! На, смотри!..

Смит всем корпусом откинулся назад и что есть силы ударил ногой по большому пузатому глиняному сосуду, который стоял между скрещенными ногами сидевшего на земле скелета.

Сосуд разлетелся вдребезги, заодно рассыпался и скелет, но на земле засверкали алмазы.

Нетрудно догадаться, благодаря чему было сделано это необычайное открытие и как велика здесь была роль случая...

Джемс Виллис, роя себе выход к берегу реки, наткнулся на полость, которая содержала значительное количество рудничного газа. Хватив киркой, он пробил стенку резервуара. После этого он имел неосторожность поднести к нему свечу и вызвал взрыв. В результате стенка обрушилась, и Виллису перебило ноги.

Сэм Смит явился в ту минуту, когда со всех сторон с характерным шипением вырывалось новое и гораздо более значительное количество газа. Смит тотчас понял всю опасность положения и вспомнил единственную меру, какую еще можно было принять.

Он с полным успехом применил средство «кающихся грешников» и вызвал второй взрыв, который должен был воспламенить — и действительно воспламенил — весь свободный газ. В момент взрыва произошла отдача, подобная откату орудия. Она ударила в сравнительно тонкий простенок, который отделял газовый резервуар от некоей другой пещеры, лежавшей позади него и, стало быть, ближе к реке. Простенок обрушился, и тогда раскрылось то убежище, где сейчас и находились оба бандита.

Угольный пласт кончался в нескольких сантиметрах от входа, который был завален обломками. Пещера лежала в глубине базальтовой скалы. Она была довольно просторна и имела круглую форму. Это делало ее похожей на огромный воздушный пузырь, стенки которого закре-

пились, когда скала еще находилась в расплавленном состоянии.

Непрерывный глухой гул говорил о близости реки, а чистый воздух, прорывавшийся сквозь невидимые щели, как будто доказывал, что свободная атмосфера находится не так уж далеко. Наконец, это жилище мертвых должно было иметь хотя бы один удобный вход, если не несколько.

В пещере находилось не менее двадцати покойников. Все они были посажены на корточки по стенам и занимали примерно три четверти круга. От некоторых остались одни скелеты.

Но большая часть мумифицировалась, ссохлась и еще сохраняла перевязки. Это доказывало, что они погребены сравнительно недавно и что примитивное бальзамирование, которому их подвергли, оказалось успешным.

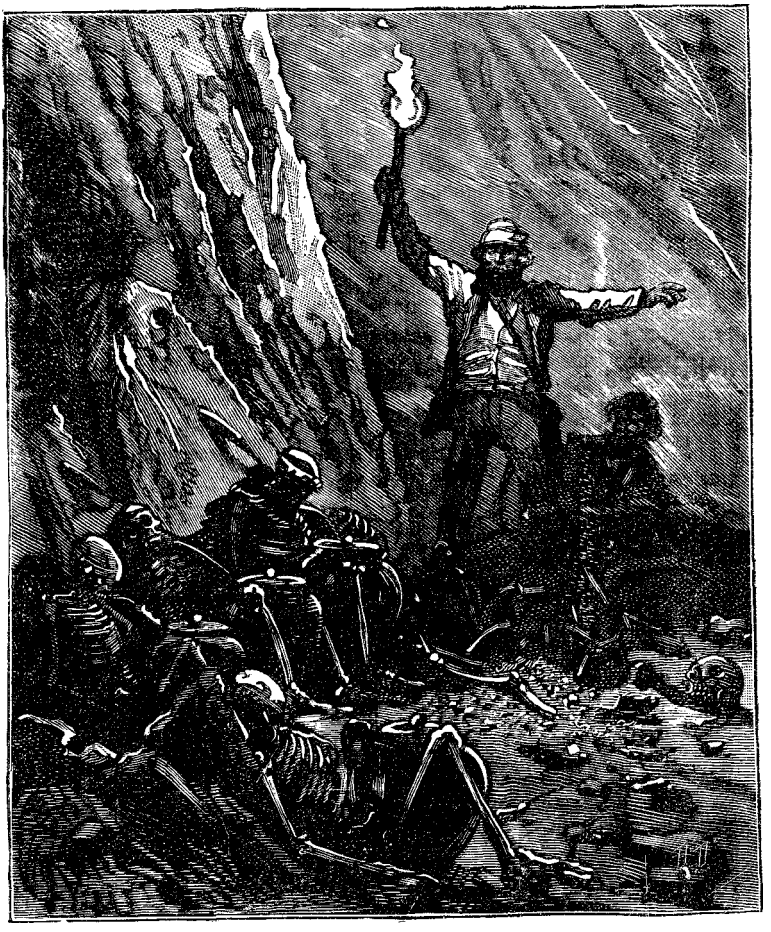
У каждого был свой колчан из леопардовой шкуры, стрелы и небольшой лук из железного дерева. Все эти предметы, уже в истлевшем виде, лежали тут же.

Пальцы каждого скелета сжимали боевое копье вождя, на бесплотных шейных позвонках висели стеклянные бусы, диадемы из жемчуга стягивали черепные коробки с пустыми глазницами, — видимо, все эти останки некогда принадлежали высоким сановникам.

И, наконец — это больше всего интересовало обоих осквернителей гробницы, — перед каждым из мрачных стражей стояло по глиняному сосуду, подобному тем, какими еще и ныне пользуются жители этих мест.

Взрыв нисколько не нарушил порядка в пещере мертвых. Разбился всего один сосуд, и из него вывалилось содержимое. А когда Смит вошел в это дотоле нетронутое убежище и стал осматриваться, его зачарованный взгляд различил сверкание, какое могло исходить только от алмаза.

Сомневаться не приходилось. Указания, которые мистеру Смитсону дал кафр Лакми, были вполне точны. Карта, составленная покойным миссионером, была верна до мельчайших подробностей, и оба бандита действительно стояли перед сокровищами, которые в течение столетий накапливали короли кафров.



В пещере находилось не менее двадцати покойников. Все они были рассажены по стенам и занимали примерно три четверти круга.

Каждый сосуд был по крайней мере до половины наполнен великолепными алмазами. Кафры, эти первобытные дети природы, усердно собирали их с далеких, незапамятных времен и ценили их относительно высоко только как предметы, необходимые для обработки жерновов. Однако их истинной, современной ценности никто и не подозревал. Местонахождение клада хранилось в тайне, и тайна переходила от отца к сыну. Из полупризнаний Сешеке и Магопо можно сделать вывод, что и современные вожди заглядывают время от времени в таинственную пещеру, когда им бывают нужны алмазы для отделки жерновов.

Приступ безумия, вызванный у Сэма Смита ошеломительной находкой, стал наконец проходить. Бандит более или менее успокоился и, уверившись, что видит не сон, а самую настоящую действительность, быстро закончил осмотр.

Но теперь его охватывала тревога. Не то чтобы он не надеялся оставить когда-нибудь эту пещеру из «Тысячи и одной ночи», но огонь распространялся с угрожающей быстротой.

— Ты пока побудь здесь, — сказал он Джемсу Виллису. — А я быстро перетащу провизию, оружие и боеприпасы. Устроимся в склепе. Нам здесь будет неплохо. Потом постараемся найти ход, через который сюда вносят этих мертвых джентльменов — не свалились же они с луны! А затем постараемся уйти отсюда, предварительно набив карманы. Немножко терпения! Я не бог весть какой хирург, но все же я постараюсь сделать тебе аппарат для ног. Я возьму крышки от ящиков.

Смит быстро вышел и с ужасом увидел, что огонь распространяется еще быстрей, чем он думал. Потолок пылал так, что огонь прямо-таки гудел, но пол оставался почти нетронутым. Смит приписал это странное явление сквозняку между колодцем и недавно сделанной пробоиной.

Он быстро завернул в густые меха ящик с порохом и попытался спасти его, шагая среди падавших с потолка кусков пылающего угля и добела раскаленных камней.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Клаас готов применить силу, но добивается цели словами убеждения. — Впервые в жизни бур теряет самоуверенность. — Дикарь. — «Лучше смерть, чем позор!» — Воинственный клич. — Встреча. — Борьба. — Клааса погубила борода. — На радостях Жозеф опять путает «б» и «в». — Пытать бандита нет времени, надо его просто повесить. — Прощение. — Клаас все равно должен был кончить плохо.

События, которые мы описали, развертывались быстро и в нескольких местах одновременно. Из-за этого нам пришлось надолго расстаться с антипатичной личностью Клааса.

Мерзавец варварски разделался со своими преследователями, но боялся заслуженных и к тому же весьма вероятных последствий.

Он давно знал, какая тесная солидарность обычно связывает людей на приисках, и не без оснований боялся, что, когда товарищи пострадавших узнают о его проделке, ему несдобровать. Поэтому его первой заботой было положить перед ними какую-нибудь преграду, которая сделала бы его недосягаемым. Такой преградой могло служить стремительное течение Замбези, сильно разбухшей после грозовых ливней и затопившей всю долину.

Сначала он было надеялся переправиться через реку в своем фургоне, который так кстати и вопреки всяким его ожиданиям оказался способен держаться на воде. Но эта надежда рухнула из-за быстрого спада воды: фургон сел на мель.

У Клааса не было ни времени, ни сил снять его, и он придумал кое-что другое. Как правильно догадались Альбер и Александр, он добрался до берега и срубил несколько деревьев. Обладая чудовищной физической силой и прекрасно зная плотничье ремесло — все буры прекрасные плотники, — он быстро сколотил плот и устроил на нем шалаш из листьев, в котором могли бы укрыться от жгучего солнца обе его пленницы.

Затем он вернулся в фургон, где, терзаемые тревогой, все еще находились эти две несчастные женщины. Он решил не останавливаться ни перед чем, чтобы сломить их сопротивление, если они откажутся перейти на плот. И все

же он сам был не слишком уверен в результатах своей затеи.

Обычное хладнокровие и смелость внезапно покинули его, когда пришлось столкнуться с двумя слабыми созданиями, на неукротимую силу воли которых он уже не раз наталкивался.

Клаас решил действовать словами убеждения, обратиться к их рассудку и именно так добиться того, чего не рассчитывал добиться силой.

Он пристал на своем плоту к задней стенке фургона, осторожно постучал и, стараясь говорить по возможности мягко, попросил разрешения войти.

Против его ожидания, задвижка, на которую дверь была заперта изнутри, быстро скользнула, и Клаас услышал мелодичный, но твердый голос госпожи де Вильрож:

— Войдите!

Клаас отвернул шарниры, спустил стенку и закрепил ее на цепях. Он не воспользовался приглашением и остался на плоту, но не мог сдержать трепета, увидев Анну и Эстер.

— Чего еще вы хотите? — спросила госпожа де Вильрож. — Вам мало того, что вы нас держите здесь вопреки священному праву на свободу, которое имеет каждое человеческое существо, — вам надо своим гнусным присутствием еще усугубить весь ужас нашего положения? Отвечайте! Чего вы хотите?

— Выслушайте меня, сударыня, ради бога! И вы, барышня. Надо бежать... И как можно скорей!.. Нам грозит ужасная опасность...

— Что ж, тем лучше!..

— Правильно, Анна! Правильно, сестра моя! — энергично поддержала ее Эстер. — Что для нас новая опасность после всего, что мы пережили! Что для нас смерть? Разве мы не решились на все?..

— Но вы не знаете... Они придут пьяные от крови, от ярости... и от алкоголя...

— Кто?

— Люди с прииска. Мы чудом ускользнули от них...

— Вы говорите, «мы» ускользнули? Мне вдвойне жаль. Эти люди — труженики. Они должны быть великодушны. Если бы мы обратились к ним, они бы застави-

ли вас дорого заплатить за то, что вы так подло держите нас в заточении.

— Видимо, вы не знаете, что большинство из них — разбойники, у которых нет ничего святого. Это сброд. Хоть они и работают на прииске, но все они воры и бандиты! У них нет совести, они не знают разницы между «моим» и «твоим». И когда у них разыгрываются страсти, они не отступают ни перед каким преступлением.

— Стало быть, они такие же люди, как вы! — бесстрашно возразила молодая женщина.

Бур побледнел, у него сжались кулаки.

— Пусть так, — пробормотал он, стараясь подавить подымавшуюся в нем ярость. — Прошу вас, сударыня, не будем спорить о том, каким я был и каким стал теперь. Я-то проявлял к вам уважение... А уж они уважать вас не станут... И я буду бессилен помочь вам... Вы станете их добычей, когда я погибну, защищая вас. Вы слышите, сударыня? Вы станете добычей этих людей, которых невозможно тронуть и разжалобить. Так что решайте. Подумайте, посмотрите и решайте сами, что вам делать, если вы хотите спасти вашу жизнь и вашу честь...

— Вы говорите правду? — спросила госпожа де Вильрож. Она услышала ноту искренности в голосе Клааса и заколебалась.

— Клянусь вам моей матерью и спасением моей души! — ответил бур, благочестиво крестясь.

— Ваше мнение, Эстер? — спросила госпожа де Вильрож свою подругу.

— Выберем из двух зол меньшее.

— Вы правы. Тем более, что для нас самое главное — выиграть время. Альбер должен быть где-нибудь недалеко... Хорошо! — сказала она, обращаясь к буру. — Мы последуем за вами. Дайте нам несколько минут на приготовления...

Клаас молча поклонился и направился к передней части фургона. Он пробил киркой металлическую обшивку пола, переломал все, чего не мог увезти, и, закончив дело разрушения, вернулся, чтобы помочь своим пленницам пересесть на плот.

Госпожа де Вильрож воспользовалась этим временем, чтобы гвоздем нацарапать на консервной коробке не-

сколько слов. Она твердо надеялась, что этим поможет мужу найти ее след.

Через реку переправлялись осторожно, медленно, но переправились благополучно. На берегу Клаас разобрал плот и пустил разрозненные части по течению; бандит не хотел оставить ничего, что могло бы указать, в каком направлении он скрылся.

Затем он взвалил на свои могучие плечи столько провизии, сколько мог поднять, а также два одеяла, топор, кухонный нож и свое верное ружье.

Именно в этот момент пустой фургон и нашли друзья — французы и негры. Отремонтировав его, они возобновили временно приостановленные поиски.

А Клаас углубился примерно на километр и свернул вправо — то есть пошел вперед параллельно течению Замбези. Он знал, что неподалеку от водопада найдет в базальтовой стене пещеру, и рассчитывал, что обе пленницы смогут в ней переждать, покуда он отправится на поиски братьев, с которыми надеялся легко помириться.

Сделали привал на завтрак, развели костер, затем тронулись дальше.

Несмотря на всю его кажущуюся самоуверенность, бура мучили какие-то мрачные предчувствия, хотя для них как будто не было никаких оснований. Щемящая и в то же время непонятная тревога сжимала его сердце, никогда не знавшее раскаяния. Быть может, впервые в жизни вспоминал этот закоренелый и беззаботный злодей, что он хладнокровно убил двух стариков и преспокойно жил после этого рядом с двумя женщинами, один вид которых должен был бы быть постоянным живым укором для его совести.

Злясь на самого себя за эти чувства, которые он считал проявлением малодушия, он тряхнул своей дикой гривой, как бизон, который ломится сквозь чащу, и ускорил шаг.

Но Анна и Эстер изнемогали. Они остановились и решительно объявили, что дальше не пойдут.

Тут бандит потерял терпение. Гнев ударил ему в голову. Он мерзко выругался и закричал:

— Ах, так? Вы не хотите идти? Посмотрим! У меня, слава богу, довольно крепкие плечи, чтобы понести вас

— Таких женщин, как мы, бить нельзя! Нас можно убить!

обеих. И ноги крепкие, — я дойду!.. Итак, раз, два... Идете?

Несчастные молодые женщины похолодели от ужаса, увидев эту вспышку звериной ярости. Они были не в силах ответить...

Мерзавец заключил из этого, что они отказываются, и подошел к ним ближе, подымая кулаки. Неизбежно должно было произойти мерзкое насилие.

Эстер, боясь за жизнь своей подруги, не колебалась ни минуты. Великолепная в своем самоотверженном порыве, она бросилась вперед и, раскинув руки, защитила Анну собственным телом. Затем, взглянув на Клааса своими большими черными глазами, которые сверкали от негодования, она громко воскликнула:

— Не посмеешь! Таких женщин, как мы, бить нельзя! Нас можно убить!

— Так и будет! — зарычал обезумевший дикарь и выхватил нож. — Не ее, а тебя, собачья дочь! Да, я тебя зарежу! Как я зарезал твоего отца там... на прииске...

Услышав эти страшные слова, девушка почувствовала, что силы покидают ее. Восковая бледность разлилась по ее лицу, и она рухнула наземь.

— На помощь! На помощь! Скорей! Альбер! — вскричала Анна, потерявшая голову от ужаса.

На этот вопль отчаяния отозвался дикий рев, в котором не было ничего человеческого. Он скорей был похож на клич страшных воинов Дальнего Запада, когда они ликуют на кровавом празднестве, опьянев от ярости и крови.

Ветви ломались и падали под непреодолимым натиском, и на полянку, на которой происходила описываемая драма, выскочил человек.

Два крика раздались одновременно:

— Анна!

— Альбер! Ах, я спасена!..

Бешенство во сто раз увеличивало силы де Вильрожа, и достойный тигра прыжок, который вынес его на полянку, столкнул его лицом к лицу с Клаасом. Тот стоял, откинувшись назад, готовый нанести удар ножом. Но, получив толчок в грудь, он потерял равновесие, и нож выпал из его руки. У Альбера не было никакого оружия.

Он просто схватил негодяя сперва за шиворот, а потом сжал ему горло обеими руками.

Клаас захрипел. Он опустил руки, схватил своего противника за бока и сжал его изо всех сил. Оба задыхались, но каждый хотел прикончить другого, ибо они уже успели друг друга узнать и черпали силы во взаимной старой ненависти... Оба все сильней сжимали друг друга в смертельном объятии.

Бесспорное преимущество бура было в его необыкновенной силе, к которой присоединялся вес буйвола. Но зато Альбер занимал выгодную позицию. Впрочем, он вообще был не из тех противников, которыми можно пренебрегать: де Вильрож был сложен, как античная статуя, и обладал железной мускулатурой.

Вскоре оба противника стали выбиваться из сил. В момент, когда они упали наземь, прибежали Александр, Жозеф и оба чернокожих. Все, что было до сих пор, оказалось лишь прелюдией, а настоящая яростная и ожесточенная борьба только теперь началась. Противники обвились один вокруг другого, как змеи. Они сталкивались лицами и старались укусить один другого; они катались по земле, и каждый оказывался то верхом на своем противнике, то под ним; у обоих платье было в клочьях, все тело в крови, у обоих тяжело вздувались бока. Но оба держали друг друга с неистовой силой диких зверей, так что друзья де Вильрожа не могли даже и попытаться помочь ему.

Сквозь кровавый туман, который застилал ему глаза, Клаас все же увидел новоприбывших. Он понял, что погиб, и решил идти на все. Его единственным стремлением было хоть на миг привести противника в состояние неподвижности и один раз его ударить. Остальное не важно. Один раз ударить — и Альбер будет убит.

Этот роковой замысел был близок к осуществлению. Де Вильрож сделал неосторожность, впрочем весьма простительную: он стал искать глазами свою любимую подругу, и тут бандит успел на секунду оторваться, схватил его за грудь и занес над его головой могучий кулак, которым несомненно раскроил бы ему череп. Но Альбер машинально схватился левой рукой за длинную бороду своего противника и что было силы дернул вниз.

Это было настолько болезненно, что Клаас мгновенно выпустил свою жертву из рук и глухо зарычал. Но уж Альбер-то его не выпустил. Альбер неистово бил по бороде правой рукой между подбородком, из которого она росла, и своим левым кулаком, на который она была намотана. Слышно было, как что-то хрустнуло. Нижняя челюсть бандита выскочила из суставов и повисла, едва поддерживаемая порвавшимися мышцами.

Свидетели этой дикой сцены испустили долгий победный клич, когда Альбер без усилий отшвырнул своего изуродованного врага и бросился в объятия оцепеневшей от ужаса и тревоги жены.

Все произошло так быстро, что Александр едва успел заметить Эстер, которая все еще лежала в обмороке.

— Жозеф, бушмен и ты, Зуга, — сказал он, — возьмите-ка этого негодяя. И свяжите его покрепче. Если он будет сопротивляться, вы сами догадаетесь, что с ним делать. А я тем временем постараюсь помочь бедной девушке.

— Караи, месье Александр, сейчас я что-нивудь сделаю, уберяю бас! Я схожу с ума. Я сноба бижу мадам Анну, мою любимую госпожу!.. Аваи, аваи! Я и смеюсь и плачу однобременно. Я весь дрожу от радости, воже мой!..

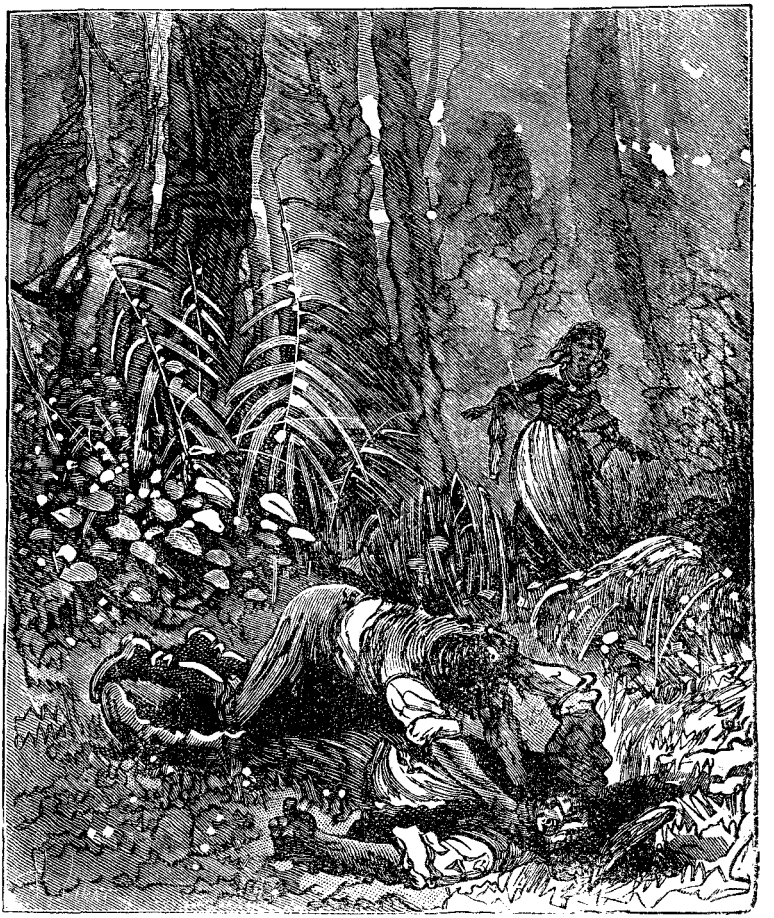
Нервное потрясение не давало Анне отвечать на расспросы мужа. Она сотрясалась от судорожных рыданий и с нежностью протянула верному слуге руку, которую тот почтительно поцеловал.

Тем временем Зуга и бушмен уже успели связать бура, а тот продолжал мычать, как смертельно раненный бизон.

— Анна! Дорогая моя Анна! — сказал Альбер. — Вот Александр, мой друг, мой брат, который принял громадное участие в твоем освобождении. Это ему и Жозефу я обязан счастьем видеть тебя.

— Я буду вам сестрой, — просто сказала Анна, вкладывая в эти несколько слов, шедших из глубины сердца, всю свою признательность.

— Я не забуду также этих добрых чернокожих, — продолжал Альбер. — Что было бы с нами, если бы не их неисчерпаемая преданность!



Оба все сильней сжимали друг друга в смертельном объятии.

— Черт возьми, месье Альбер! — перебил его Жозеф. — Неужели мы здесь будем долго торчать? Проводите дам в фургон, а я задержусь только на минутку с Зугой и бушменом и сведу счеты с этим мерзавцем. Я както обещал, что спущу с него шкуру живьем. Я также принял на себя обязательство немного поджарить его, да и еще кое-какие другие. Но времени у нас маловато, придется ограничиться тем, чтобы просто его повесить. Пусть себе висит и пугает воробьев. Как ваше мнение?

— Альбер, друг мой, — сказала Анна голосом нежным и грустным. — Я переживаю первую минуту счастья с тех пор, как умер мой горячо любимый отец...

— Он умер?.. Наш отец умер? — со скорбью воскликнул Альбер де Вильрож.

— Его убили, когда он отправился разыскивать тебя... Я тебе еще расскажу когда-нибудь, какая это была страшная катастрофа. Он стал жертвой отцовской любви, он, который всю жизнь проповедовал прощение. Он молился за своих убийц, испуская последний вздох. Альбер, его уже нет, но во имя морали, которую он проповедовал, простим того, кто был моим палачом. Оставим ему, по крайней мере, возможность раскаяться.

— Пусть будет по-твоему, — ответил де Вильрож, стараясь подавить ненависть, которая сверкала в его черных глазах. — Я не хочу быть более непримиримым, чем сама жертва. Я прощаю.

— Но я не прощаю! — неожиданно произнес чей-то негодующий голос. — Этот человек убил моего отца! Он должен за это ответить!..

Эстер, которую Александр уже привел в чувство, произносила эти слова вся бледная, прекрасная в своем гневе, трагичная, как олицетворение мести.

— Я могу забыть муки, которые он заставил меня перенести, оскорбления. Но убийство старика, которого я почитала и любила, не должно остаться безнаказанным. Вы люди смелые, бесстрашные. Кто из вас поможет мне, кто будет орудием моей ненависти?

Все три француза с грустью опустили головы и не ответили.

— Что же это? — пронзительным голосом воскликнула девушка. — Вы молчите? Неужели я сама должна

поднять этот сверкающий нож, чтобы исполнился закон мщения? Неужели я сама должна пролить кровь врага?

— Нет! — разбитым голосом перебила ее Анна. — Нет, Эстер, любимая сестра моя... Не надо, чтобы кровь легла пятном на нашу дружбу. Оставьте этому презренному человеку жизнь, пусть его терзают укоры совести. Не отвергайте мольбы женщины, которая, подобно вам, несет в сердце незаживающую рану...

Несколько секунд прошло в томительном молчании.

— Ах, сестра моя, ты победила! — внезапно воскликнула Эстер и разразилась слезами. — Пусть он идет с миром и покается. Но уйдем поскорей отсюда. Если я останусь, то могу раздумать. И тогда я завтра не испытаю счастья при мысли о том, что сегодня простила.

Клаас имел ужасный вид. Окровавленный и изувеченный, он мрачно молчал все время, покуда решался вопрос о его жизни. Из всего, что было сказано, он понял только, что его не убьют.

Но оставят ли ему свободу движений, развяжут ли путы, от которых он весь посинел? Его великодушный победитель был так счастлив, найдя свою жену, что даже не подумал о заряженном ружье, которое лежало тут рядом. Да и нож все еще сверкал в траве.

Право же, он нелепый человек, этот француз. Вот он приказывает своему молочному брату развязать Клааса и догонять остальных. Да, именно так. Клаас свободен. Ему нужно всего несколько минут, чтобы расправить онемевшие члены.

Тогда он их догонит и убьет без всякой жалости эту красивую молодую женщину, которая так доверчиво опирается на руку своего мужа.

За это убьют его самого? Что из того? У него переломана челюсть. Все равно он еще долго не сможет принимать пищу. Немного раньше, немного позже — все равно он обречен. Так уж не лучше ли погибнуть, отомстив слишком великодушному врагу?

На свою беду Клаас строил все расчеты, забыв о Жозефе. А в лице этого каталонца он имел дело с человеком не менее мстительным, чем он сам. Жозеф простить-то простил, но весьма мало полагался на раскаяние Клааса.

Вернув ему свободу, каталонец наказал бушмену незаметно следовать за ним по лесу, как тень, и не допустить с его стороны какого бы то ни было покушения.

Бушмен что-то с удовлетворением проворчал и скрылся в зарослях.

Прошло два часа, а он все не показывался. Его спутники вкушали заслуженный отдых на берегу реки и уже начали тревожиться за него, когда наконец он появился. На нем была черная кожаная куртка, огромный ягдташ висел у него через плечо, и в руках он сжимал непомерной длины ружье.

— Что это за диковинный наряд, дружище? — спросил его Александр.

— Тише! — прошептал негр, прикладывая палец к губам и приглашая француза отойти в сторону.

— В чем дело?

— Бур хотел убить белую женщину. Он уже прицеливался...

— Говори!..

— Меня скрывала листва, но я видел, как у него сверкали глаза. Тогда я взял отравленную стрелу. Яд нгуа. Я натянул тетиву, и стрела улетела. Она попала в глаз. Белый умер... Я взял его вещи...

— Ты верный слуга, и мой друг обязан тебе жизнью своей жены...

— Разве ты не спас моего ребенка, когда его укусила пикаколу?..

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Первые минуты счастья. — Альбер отказывается от поисков клада. — Зачем бушмену понадобилась буйволиная шкура? — Подозрительная группа. — Негры под предводительством белого. — Фургон принесен в жертву. — Добыча и тень. — Новая группа туземцев. — Отсутствие бушмена. — Флотилия и плот. — Магопо.

Гигантские деревья, растущие на берегах великой южноафриканской реки, впервые давали приют счастливым людям. Счастье было бы полным, если бы его не омрачали печальные воспоминания о понесенных утратах. Усталость, раны, болезни, заточение, физическая боль и ду-

шевные муки — все было забыто среди радостей неожиданной встречи и нежных излияний.

Обеим героиням долгих и мучительных скитаний по Южной Африке пришлось подробнейшим образом рассказать все, что они пережили, и рассказ их заставлял слушателей дрожать в одинаковой мере от ужаса и от умиления.

Эстер поведала о ночном нападении, жертвой которого пал ее отец, о загадочном и неслыханном по дерзости убийстве, о подозрениях мастера Виля, о том, как он отправился на поиски трех французов, в которых непременно хотел видеть убийц. Девушка простодушно созналась, что и сама разделяла эти нелепые подозрения. Она вспомнила также, как приняла Сэма Смита за Александра, когда бандит прискакал к фургону, найдя библию госпожи де Вильрож.

Анна, со своей стороны, описала подлое нападение бандитов у Пемпин-крааля, и горе, которое ее постигло, и как Эстер, которая не знала ее, раскрыла ей свое сердце, предложила все, что имела, и добровольно делила с ней все муки заточения.

Беседа продолжалась долго, а тем временем оба негра занялись постройкой обширного шалаша и приготовлением ужина. Ими руководил Жозеф, на которого все единодушно возложили обязанности мажордома.

Альбер и Александр решили пока оставаться на левом берегу — отсюда было легче обозревать местность, лежавшую выше водопада. Они не забыли нападения, которому подверглись в момент, когда пересаживались в фургон и собирались покинуть лагуну.

Теперь они решили принять меры предосторожности.

— Подождем несколько дней, — говорил де Вильрож, который наслаждался своим счастьем. — Ведь мы все-таки нуждаемся в отдыхе, особенно эти бедные женщины. А потом отправимся на прииск Виктория. Мы теперь можем представить тамошним линчевателям неопровержимые доказательства нашей невиновности. И я надеюсь, что этот горе-полицейский не сможет взять наши доводы под сомнение. Они будут подтверждены такими свидетельскими показаниями...

— Зачем нам возвращаться к этим скотам? — спросил Александр.

— Да хотя бы затем, чтобы поскорей получить возможность вернуться в цивилизованные страны. Скажу тебе по чистой совести, я испытываю огромную потребность жить в доме, под крышей, видеть людей, которые одеты не в лохмотья, как мы с тобой, и попросту поесть хлеба.

— Это-то верно! Вид у нас не ахти какой. Мы скорей похожи на каких-то бродяг, чем на честных путешественников. Но ты хочешь вернуться в Кейптаун? А как же с нашей экспедицией, с ее главной целью?

— Пусть все рухнувшие планы с треском летят в преисподнюю. Я вернусь во Францию, в Вильрож, хоть и несолоно хлебавши. Кое-как я еще проживу. Я не смогу пышно обставить замок моих предков и жить в моем живописном имении... Короче говоря, я не смогу оказать моей дорогой Анне наше чудесное пиренейское гостеприимство... Шалаш и сердце — вот все, что у меня есть.

— Ты правильно рассуждаешь, и я тебя одобряю полностью. Возвращайся, дорогой Альбер, во Францию. А я еще на некоторое время задержусь. Я должен снова взяться за кирку. Ведь у меня-то нет ни гроша. Что касается сокровищ кафрских королей, то об этом мы больше говорить не будем. Я на эти сокровища махнул рукой. Из-за них пролилось столько крови!..

— И, в конце концов, мы еще все-таки не дошли до крайности. Наши скитания все-таки немало нам принесли. Эй, Жозеф!

— Есть, месье Альбер.

— Ты сохранил кожаный мешочек с алмазами, который нам передал Александр, когда вернулся от батоков?..

— Конечно, сохранил. Я зашил его буйволиной жилой во внутренний карман. Вот он, месье Альбер.

Де Вильрож раскрыл мешочек, и сразу засверкали великолепные камни — подарок Магопо.

— Тут на добрых двести тысяч франков, дорогой мой Александр. Позволь мне взять столько, сколько нужно на дорогу, и положи остальное к себе в карман.

Это верных десять тысяч годового дохода. Хватит на хлеб и еще кое на что кроме хлеба...

— Это мы потом увидим, — ответил Александр улыбаясь. — Не надо забывать, что мы все-таки на берегах Замбези и нас окружают опасные враги, а до Кейптауна несколько тысяч километров. В общем, наши приключения еще, пожалуй, не кончились.

— Это верно, — признал Альбер. — С тех пор как наш экспедиционный корпус получил пополнение в лице этих двух милых созданий, я совершенно потерял голову. Ты заставляешь меня вспомнить, что сегодня вечером нам предстоит встретиться с судьей. Я бы отдал все, что имею, за хороший карабин или хотя бы за простое гладкоствольное ружье и несколько сот патронов.

— Это было бы кстати. Все наши оборонительные средства заключаются в настоящий момент в этой старинной пушке, которую бушмен догадался унести с поля битвы. Кстати, ты, должно быть, здорово устал после борьбы с этим взбесившимся бизоном...

— Нет же, право. Чуть-чуть ломит и только. Во всяком случае, счастье, которое я сейчас переживаю, может исцелить от всяких болей.

— Все равно, советую тебе немного отдохнуть. А я буду караулить.

— Спать? Ты смеешься! Да я теперь неделю глаз не сомкну!

Альбер не был хвастуном. Он ошибался самым добросовестным образом. Силы человеческие ограниченны. Так что не прошло и получаса, как де Вильрожа охватила вялость, и, ласкаемый свежим ветерком, который дул с реки, он заснул как убитый.

Александр бодрствовал, прислонившись к дереву. Жозеф хлопотал по хозяйству, ожидая, когда вернутся Зуга и бушмен, ушедшие в лес на охоту.

После сравнительно недолгого отсутствия они пришли, буквально сгибаясь под тяжелой добычей.

Ведомые своим безошибочным инстинктом, они сумели найти громадного буйвола и убили его. Бушмен освежевал тушу и завернул лучшие куски в шкуру. Не то из прихоти, не то с какой-то целью, которой белые не могли разгадать, африканец использовал довольно ори-

гинальный прием, чтобы отделить мясо этого дикого животного от кожи, толщина которой вошла в поговорку. С удивительной ловкостью, мы бы даже сказали — с искусством, которому позавидовал бы естествоиспытатель, он вывернул кожу наизнанку. Туша вышла целиком через широкий разрез в области шеи, и, таким образом, шкура представляла огромный, совершенно водонепроницаемый мешок.

Александр осмотрел его глазом знатока и оценил мастерство работы. Он уже собирался спросить бушмена, зачем ему нужен этот трофей, который, вероятно, так трудно было нести на себе, да еще под палящим солнцем, как вдруг вдали, на противоположном берегу Замбези, показались какие-то люди.

Александр стал внимательно и не без тревоги следить за каждым их движением.

Вскоре он услышал позади себя могучее дыхание, похожее на вздохи кузнечных мехов. Он обернулся и, к великому изумлению, увидел, что оба негра, вооружившись полым тростником, изо всех сил надувают буйволиную шкуру.

Бушмен предварительно прочно зашил разрез, ввел две трубки в специально проделанные дырки, и Зуга помогал ему во всю силу своих легких. Оба славных малых дули изо всей мочи, у обоих глаза вылезали на лоб от напряжения, оба обливались по́том, жилы вздулись у них на шее, готовые вот-вот лопнуть, но шкура становилась больше, чем был сам буйвол. Когда она была наконец надута и гудела, как барабан, бушмен извлек обе трубки, тщательно зашил отверстия и оказался обладателем огромного бурдюка.

Для чего предназначается этот необычный сосуд, Александр спросить не успел. Его внимание все больше привлекали незнакомцы. Они медленно приближались и становились все более отчетливо видны.

Не было никакого сомнения — это была группа туземцев.

Зоркий глаз Александра уже различал отдельные фигуры и даже набедренные повязки, которые белой линией делили надвое их тела, точно выточенные из черного дерева.

Зоркий глаз Александра уже различал отдельные фигуры туземцев.

Они стояли на почти затопленной площадке, которая напоминала сплавной лес, и, усердно работая веслами, направлялись к фургону, который все еще держался среди густых водяных зарослей.

Александр не знал, друзья это или враги. Скрываясь за деревьями, он на всякий случай взял ружье покойного Клааса, нашел мушку и стал искать точку прицела. Но человек, на которого тяжелое ружье случайно оказалось наведенным, был европеец. Он резко выделялся среди своих спутников-африканцев.

— Черт возьми! — пробормотал Александр. — Черные под предводительством белого! И держат курс прямо на наш флагманский корабль!.. Дело осложняется!.. Может быть, я ошибаюсь, но мне все-таки кажется, что это те самые, которые дали салют в нашу честь, когда мы снимались с якоря. Что им нужно? Неужели только фургон? Посмотрим! Черт возьми, они все ближе! Если бы мне только захотелось, я бы мог разнести эту белокожую личность на куски, как гипсовую куклу... Идея! Если я подпущу их слишком близко и они на нас нападут, нам будет довольно трудно их отбросить. Если же я без всякого повода выпущу в них то, что лежит в этом здоровенном ружье, я могу покалечить людей ни в чем не повинных да еще разбужу беднягу Альбера, который спит сном праведника. Конечно, этот фургон-корабль мог бы нам пригодиться, но он не так уж необходим. Если нужно им пожертвовать, чтобы избежать опасного столкновения, уж лучше махнуть на него рукой.

Александр имел обыкновение тотчас выполнять все, что решил. Он отставил ружье, пополз к водяным растениям, потихоньку спустился в воду, перерезал лианы, на которых фургон держался, сильно его толкнул и с теми же предосторожностями вернулся на прежнее место.

Фургон сбоку подхватило течением, он медленно отчалил, два раза повернулся вокруг своей оси, закачался, но вскоре принял устойчивое положение. Затем он стал набирать ходу и, увлекаемый волнами, поплыл вниз по реке.

Замысел Александра увенчался полным успехом. Едва махина тронулась с места, как плот, на котором

сидели туземцы и который, казалось, шел прямо к берегу, резко повернул в сторону.

Поднялись громкие крики, и гребцы, понукаемые белым, изо всех сил налегли на весла, пытаясь догнать фургон.

Александр был в восторге, видя, как удалась его хитрость. Он беззвучно посмеялся и вернулся на свой пост.

«Догоняйте его, милые мои, догоняйте, — говорил он про себя. — Хоть до самого водопада! Через полчаса он полетит вниз. Если вам угодно, ныряйте за ним. Счастливой дороги! Что касается нас, то, я думаю, нам надо отсюда убираться, и поскорей! И подальше! Здесь место нездоровое, по-моему. Ах, было бы со мной человек пятьдесят моих верных батоков! Кстати, куда девался бушмен со своим бурдюком? Что-то у него сегодня таинственный вид, у этого славного малого! Я готов биться об заклад, что он что-то задумал. Скоро мы увидим результаты...»

Александр собирался разбудить Альбера и объяснить ему, что надо поскорей уходить, но Зуга, очевидно угадывая его намерения, остановил его.

— Пусть белый вождь поспит, — сказал он. — У нас есть время. Ты еще кое-что увидишь, раньше чем наступит ночь.

— Что именно?

— Увидишь! — ответил кафр, загадочный, как сфинкс.

Прошло два часа. Поспело румяное жаркое, приготовленное по туземному способу и приправленное пахучими травами.

Альбера разбудили гастрономические токи, испускаемые этой первобытной поварней. Он потянулся, зевнул и воскликнул:

— Ах, какой аромат!.. У меня в желудке собрались все вампиры джунглей! Прошу дам пожаловать к столу. Александр, брось пушку. Кушать подано. Можешь оставить свой пост.

— Я буду посматривать одним глазом и есть за двоих. Потому что, если я не ошибаюсь, мы скоро увидим кое-что интересное...

— Вот как?

— А ты посмотри в сторону водопада. Только незаметно!..

— Что там еще случилось? — с тревогой спросила госпожа де Вильрож.

— Пустяки, дитя мое. Человек тридцать негров и, как будто, один белый...

— Враги?

— Пока не знаю. Но вот Александр давно наблюдает за ними. Он, вероятно, лучше знает.

— По-моему, — ответил Александр, — это те самые люди, которые стреляли в нас, когда мы снимались с якоря. Я не знал, мы ли их интересуем или фургон, и на всякий случай отвязал его. А течением его унесло к водопаду. Тогда эти загадочные личности помчались за ним на своем плоту. Таким образом мы выиграли часа два. За это время ты смог выспаться, а тут поспело и наше прекрасное жаркое.

— Об остальном я догадываюсь. Фургон сделает великолепный прыжок вниз с водопада, а люди вернутся посмотреть, кто это сыграл с ними такую милую шутку.

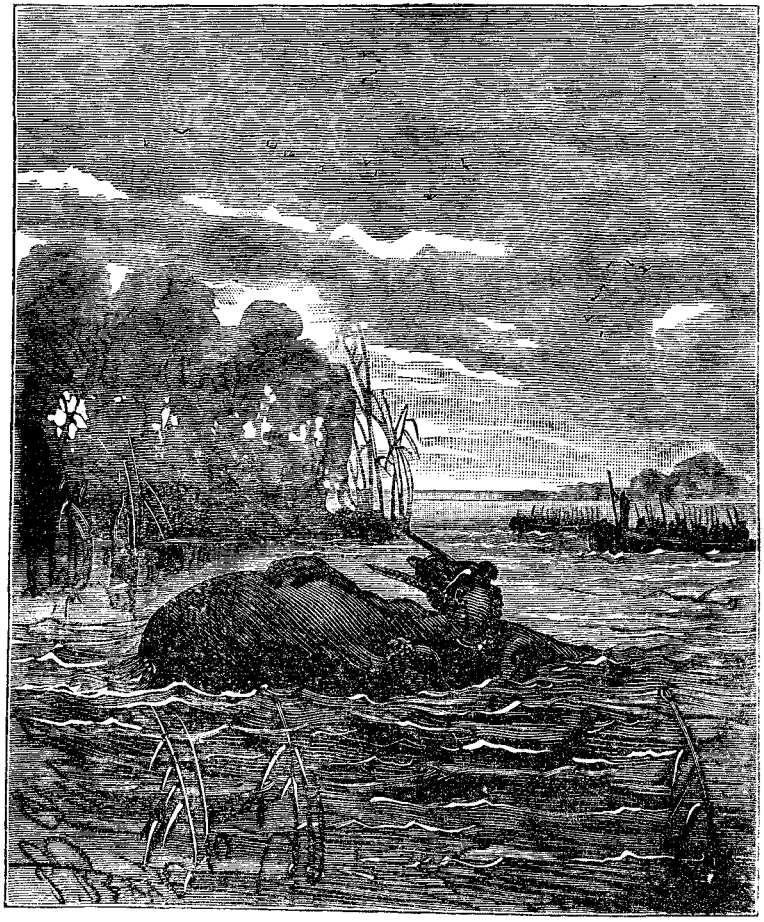
— Возможно! Если они пытаются подняться на своем плоту вверх по течению, то они двигаются медленнее, чем самая медлительная из всех черепах. Мы вполне успеем покушать. А затем примем меры обороны.

— Ты считаешь, что они готовят нападение?

— Почему нет? Но, в общем, я не боюсь. Что-то они не кажутся мне слишком страшными. Зуга и бушмен укроются как следует в зарослях и покончат с ними. Что касается белого, который ими командует, пусть пеняет на себя. Если он только попытается сделать нам какие-нибудь неприятности, я подстрелю его, как самого обыкновенного зайца.

Черные гребцы все приближались. Они гребли и в такт гребле во всю глотку орали какую-то дикую мелодию.

Догадывались ли они, что тут есть белые? Привлек ли их запах пищи и дым костра? Вполне можно было это допустить, зная, какие у них зоркие глаза и какое тонкое обоняние. Во всяком случае, направлялись они



Позади шарообразной массы плыл человек. Это был бушмен.

прямо к тому уголку, где заканчивали трапезу наши друзья.

— Внимание! — негромко сказал Александр. — Приближается решительная минута. Не двигаться!

— Тысяча молний! — воскликнул Альбер.

— В чем дело?

— Этот белый... это Питер... И с ним та самая орава, которую мы однажды видели с лжемиссионером. С этим отпетым мерзавцем, которого мы звали «ваше преподобие»...

— Ну, в таком случае сейчас будет жарко. Но куда же это девался бушмен? Нам бы теперь весьма пригодились его лук и стрелы. Ведь у нас всего одно ружье...

Александр почувствовал, что кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел Зугу. Тот молча показывал рукой вправо.

— Ах, черт возьми! — воскликнул Александр. — Похоже, что сегодня на Замбези гонки яхт-клуба! Посмотри, сколько пирог! Целая флотилия!

— И гребцы серьезные! — заметил Альбер. — Смотри, в каком правильном порядке идут у них пироги! Прямоугольный треугольник, и мы — его вершина! И как они дружно гребут! Смотри, как красиво вздымается пена!.. Что касается тех, первых, среди которых находится Питер, то я не сомневаюсь, что они — враги. Но я охотно отдал бы алмаз в сто фунтов стерлингов, чтобы узнать, каковы намерения этих.

У Зуги лицо застыло от напряжения — он всматривался в приближающуюся флотилию. Но вот он широко улыбнулся и произнес всего одно слово:

— Магопо!..

Затем он показал пальцем на шарообразную массу, которая плыла впереди пирог, покачиваясь на воде, как буек. Непосредственно позади нее плыл человек. Он яростно греб. Зуга сказал:

— Бушмен.

— Магопо! — воскликнул Александр. — Мой старый друг, вождь батоков! Вот кого привел наш славный бушмен. Ну, теперь мы спасены! Теперь мы как следует проучим этих бессовестных грабителей! Мы заставим презренного бура ответить за все его злодейства.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Подвиги бушмена. — Магопо доказывает, что для кафра слово «дружба» — не пустой звук. — Загадочный дым. — Баримы разгневаны. — Магопо жертвует собой. — Ужас и суеверие. — Гроза. — Дым без огня. — Выстрел.

Изобретательный бушмен еще раз спас белых от смертельной опасности.

Славный африканец понимал, что раньше или позже его белые друзья подвергнутся новому нападению, и решил, что на всякий случай надо обеспечить себе возможность связаться с противоположным берегом.

Действительно, только в этом и было спасение. О том, чтобы уйти от Питера и его банды на север, и думать не приходилось: женщины были совершенно не в силах проделать пешком хотя бы самое небольшое расстояние. Значит, надо было придумать что-нибудь другое, и поскорей. Этим и занялся наш бушмен.

Его лодка и пироги были упрятаны недалеко от прииска в бухточке, которую скрывали заросли. Построить новое суденышко, хотя бы и самое незатейливое, времени не было. Поэтому бушмен и решил использовать буйволиную шкуру, которую вместе с Зугой накачал воздухом. Она легко держалась на воде и вполне соответствовала его целям.

Туземцы часто пользуются такими буйками, когда надо переправляться через реки. Прием прост, хотя и не всякому доступен.

Надо одной рукой ухватиться за хвост, другой рукой грести и делать сильные толкательные движения ногами.

Буек, в общем, полезен тем, что дает пловцу опору и позволяет продвигаться вперед, не тратя слишком много сил, и отбиваться от кайманов, которыми кишат африканские реки.

Именно неизбежность встречи с этими отвратительными земноводными и затрудняет переправу, которая сама по себе довольно проста, ибо еще мало привыкнуть к их виду и уметь спокойно вынести отвратительное прикосновение их толстой брони, — надо уметь разгадывать их намерения и их приемы.

Стало быть, смельчак, который решается пересечь реку вплавь, должен уметь и плавать и нырять.

Обзаведясь своим необычным средством передвижения, бушмен уже думал о крокодилах не больше, чем о ящерицах. Но он понимал, что, если европейцы будут предоставлены самим себе, они застрянут на левом берегу. Поэтому он и решил без отлагательства использовать свой пловучий буй, чтобы переправиться на противоположный берег и поискать союзников. Бушмен не сомневался, что найдет их без особого труда.

Никому не сказав о своих намерениях, он незаметно полез в воду, быстро и благополучно пересек реку и пошел разыскивать Магопо.

Ему помог благоприятный случай.

Внимание воинов-батоков и их вождя Магопо привлекло странное явление, наблюдавшееся неподалеку от Мози-оа-Тунья. Они все покинули убежище и направились к водопаду, где намеревались принести разгневавшимся баримам искупительную жертву.

Надо отдать справедливость Магопо: едва узнав от бушмена, что европейцам грозит опасность, он бросился на выручку, не колеблясь ни секунды. Он даже отложил ради этого торжественный обряд, который, по наивному своему суеверию, обязан был совершить в самый короткий срок.

Магопо прибыл вовремя. Только неожиданное его появление могло помешать в последнюю минуту нападению, которое задумал Питер.

Едва обменявшись с черным вождем первыми приветствиями, Альбер и Александр заметили, как мрачен этот всегда общительный человек.

Когда они дружески осведомились о причине его озабоченности, Магопо показал на восток.

Водяная пыль держалась над водопадом, гул висел над ним.

Но было необычно то, что позади водопада столбом подымался густой черный дым. Он вился прихотливой спиралью, затем, достигнув известной высоты, расстилался облаком и тяжело висел над водяной пылью.

— Речные божества разгневаны, — глухим голосом сказал африканский властитель, — поэтому к светлым

испарениям Мотсе-оа-Баримос примешивается черный дым подземного огня. Горе последним потомкам баримов, если из-за огня, который пылает на дне бездны, иссякнет вода в реке, у которой жили наши предки!.. Горе нам, если огонь пожрет их почитаемые останки! Горе нам, если из рук баримов выпадут знаки их вечного всемогущества!..

— А ведь явление действительно странное, — пробормотал Александр. — В чем тут дело, интересно знать?

— Растерянность нашего друга, — заметил Альбер, — легко понять. Вряд ли здесь когда-нибудь происходило что-нибудь подобное.

— Я теряюсь в догадках. Дым как будто идет из совершенно голой скалы. Я даже не могу приписать его пожару. Не видно, что́ тут может гореть...

— Похоже на извержение вулкана.

— Похоже-то похоже, но это предположение надо отбросить: почва здесь не такая... да и самый вид местности...

— Позволь мне, друг мой, сразу же не согласиться с тобой и опровергнуть поговорку — «нет дыма без огня». Дым, который мы видим, — батоки зовут его Мози-оа-Тунья, — имеет происхождение чисто водяное. Впрочем, скоро мы все сами увидим, потому что, если я не ошибаюсь, Магопо намерен лично туда отправиться. Мы обязательно должны пойти вместе с ним. Нам надо на прииск Виктория, так что его отряд будет нас охранять в пути. Зато наше присутствие, один только наш престиж европейцев будет поддержкой этому славному малому. По-моему, он напуган до смерти. Боюсь, как бы он и вовсе не потерял голову и не натворил каких-нибудь глупостей. Мы должны этому помешать.

— А затем, — с живостью вставил Жозеф, — когда этот дым рассеется — не будет же он держаться вечно, я надеюсь, — мы поищем тех двух буров. Они где-нибудь здесь, поблизости. У меня с ними старые счеты. Мы их непременно поймаем и, если вы только пожелаете, можно будет их повесить, чтоб другим неповадно было. Нечего их жалеть, эту падаль. От них ничего хорошего ждать не приходится.

Магопо становился все мрачней. Он торопил с посадкой. Все расселись по легким пирогам, и флотилия вышла на речные просторы, к великой радости европейцев, которым не терпелось покинуть эти негостеприимные места.

Менее чем за три четверти часа достигли противоположного берега.

Питер и шайка Каймана прибыли почти одновременно. Увидев, что европейцев сопровождают батоки, они удрали.

Пироги были спрятаны в береговых зарослях, и воины-батоки, опустив головы, молча построились перед своим вождем и все одновременно воткнули копья в землю.

Гэн и Хорс вышли из рядов и стали рядом с Магопо, лицо которого внезапно просветлело, как лицо человека, принявшего твердое решение.

Он выпрямился во весь свой высокий рост, гордо выставил вперед черную грудь и протянул обе руки Альберу и Александру.

— Прощайте! — сказал он торжественно. — Прощайте, белые! Я вас любил. Дауд, наш почитаемый отец, говорил мне: «Вождь! Все люди братья. Люди моего народа — ваши братья. Любите их. Они тоже будут любить вас». Я слушал нашего отца Дауда, и ваша дружба была моей наградой. Дауд сказал правильно: все люди братья. Кровь, которая течет в сердце негра, такая же красная, как та, что течет в сердце белого. Я сейчас отдам свою кровь за мой народ, потому что я — вождь. Я умру, чтобы умилостивить наших богов. Гэн и Хорс, вместе со мной, — последние потомки баримов. Гэн и Хорс также погибнут! Дети, идем! Нас ждут баримы!

Европейцы были взволнованы этой верностью, которая была в одинаковой мере и самоотверженной и бесполезной. Но напрасны были все их старания заставить Магопо переменить решение. Мольбы, убеждения — все было бесплодно, вождь оставался непреклонен.

— Выслушай меня, друг! — сказал ему Александр, когда все доводы были исчерпаны. — До сих пор ты все-

гда верил словам белых людей. Они тебя не обманули ни разу. Поверь мне, как ты поверил бы самому Дауду. Жизнь твоего народа не находится в опасности. Твоя смерть будет бесполезной, и ты напрасно скажешь «прощай» твоей прекрасной стране, твоим отважным воинам... Подожди, по крайней мере, до завтра. Мы найдем способ умилостивить разгневанных богов без того, чтобы тебе пришлось отдать жизнь.

— Благодарю, вождь, — ответил Магопо. — Ты добр, и твое желание удержать меня доказывает, что ты мне друг. Но ты не знаешь баримов. Дай мне уйти туда, куда меня зовет мой долг. А затем — кто знает, — быть может, я и не погибну. Вместе с Гэном и Хорсом я отправлюсь на возвышенность, которая господствует над Мози-оа-Тунья. Мы произнесем слова, к которым милостивы боги. А в это время мои воины взберутся на высоту, из которой вырывается проклятый дым. Оттуда они будут обстреливать черную тучу. Их стрелы отравлены ядом нгуа. Если им удастся загнать чудовище обратно в землю, если баримы услышат мой голос, если испарения Мози-оа-Тунья снова станут белыми, как хохолок цапли, и снова будут отражать светлые круги, я вернусь к вам счастливый и гордый как победитель. Если нет, мы бросимся все трое в бездну... Я сказал. Вы слышали слово вождя.

Белые были подавлены этой непреклонностью. Они в последний раз пожали руку Магопо, не переставая, однако, надеяться на чудо, хотя ничто его не предвещало и совершить его они не могли.

Магопо и оба молодых человека снова сели в пирогу, налегли на весла и направились наискось через реку, так что с определенного места течение само понесло их к Садовому Острову.

Вскоре их скрыли многочисленные, похожие на цветники небольшие острова, сверкавшие всей пышной красотой тропической флоры.

Вождь отдал помощнику кое-какие приказания, и тот их аккуратно выполнил: он немедленно отрядил с европейцами надежную охрану из лучших воинов и направил основные силы к водопаду, до которого было около километра.

Странное дело, решение Магопо внушило всем батокам такую твердость, что воины, которых загадочный дым только что пугал, теперь горели желанием рассмотреть его поближе.

Они спустились к водопаду, обогнули расселину, расположились полукругом, сохраняя правильный интервал, как в стрелковой цепи, и стали взбираться на вершину холма, из которого беспрерывно били клубы черного дыма.

Затем, порядочно продвинувшись вперед, они стали потрясать копьями и испускать неистовые крики, очевидно имея в виду запугать невидимое чудовище, о присутствии которого густой дым и свидетельствовал.

Госпожа де Вильрож, ее подруга, Альбер, Александр, Жозеф, а также бушмен и Зуга разместились на краю расселины, между Столбами богов. Они видели Магопо, обоих юношей, а также воинов, приступом бравших высоту.

Покуда батоки имели дело с врагом лишь воображаемым, европейцы оставались неподвижны, с тревогой и нетерпением ожидая развязки. Нечего и говорить, что они самоотверженно и бесстрашно бросились бы на помощь, если бы их друзьям грозила опасность не воображаемая, а действительная.

Вот уже несколько времени, как, несмотря на всю свою энергию, обе молодые женщины испытывали непреодолимую усталость. Да и мужчины, которые уж на что привыкли к здешнему зною, и те с трудом переносили тяжелую духоту. Впрочем, ее не вынесла бы и саламандра.

Правда, со стороны водопада дул ветерок, но внезапно его приятная свежесть сменилась горячим дыханием доменной печи.

Люди задыхались, они обливались по́том. Растения, даже такие, как эвфорбии и кактусы — мрачные жители песков и скал, — стали никнуть и увядать.

— Уф! — вполголоса пробормотал Жозеф. — Не могу! Точно глотаешь раскаленный свинец.

— Собирается гроза, — отозвался Альбер.

— И еще какая! Смотрите, даже эти чертовы заросли и те съежились, чувствуя ее приближение.

— Было бы хорошо найти какое-нибудь укрытие, — заметил Александр.

— Да вот хотя бы это углубление в скале. Дамы поместятся, а мы можем оставаться и снаружи...

— А что наши друзья батоки?

— Они всё карабкаются вверх. Ты их видишь?

— Вижу! Не люди, а черти какие-то!.. В такую жару!

— Видимо, гроза будет необыкновенная.

— Хоть бы ливень погасил этот загадочный огонь, который бушует там, в недрах земли. Наш бедный Магопо вернулся бы цел и невредим.

— Господам баримам представляется превосходный случай доказать свое всемогущество и предупредить его прекрасное, но бесполезное самопожертвование.

— Славный Магопо! Жалко будет, если он погибнет!

— Ну, вот гроза и начинается! Попросим наших дам пройти в укрытие. Сейчас отсюда будет видно величественное и страшное зрелище.

Буря, предвестником которой было это резкое изменение атмосферы, приближалась с быстротой метеора.

Житель умеренного пояса не может себе и представить ее силы и быстроты.

На горизонте, в том месте, где сверкающее зеркало реки сливалось с лазурью неба, возникла черная точка. Она стала увеличиваться и в несколько мгновений разрослась в пятно. Небо побледнело.

Солнце стало багровым, оно покрылось пятнами лилового цвета и как будто только мигало из-за туч.

Вот пятно превратилось в черную тучу. Ее мрачный вид только усугублял дикое сверкание медного круга, который ее опоясывал.

Скорбная тишина обрушивалась на необозримую долину. Природа точно собирала все свои силы, чтобы устоять против надвигающегося потрясения.

Все смолкло — люди и животные. Рев водопада и тот как будто стих. Испарения Мози-оа-Тунья стали еще плотней, но поднимались они с трудом и на черном фоне сверкали ослепительной белизной.

Молния бледными бороздами прорезала ползущие

одна на другую и насыщенные электричеством тучи. Глухой грохот прокатывался над рекой, воды ее в один миг стали свинцовыми.

Горячий ветер был насыщен запахом серы, стебли эвфорбий поникли. Дым кружился, и к нему медленно приближались африканцы.

Темнота окутывала низину; но не та обычная темнота, какая следует за сумерками и лишь ненамного предшествует наступлению ночи, — это скорей разрежение дневного света, которое так же болезненно для глаз, как недостаток воздуха — для легких. Это сумрак солнечного затмения. В пятнах светотени как будто движутся какие-то тела, за которые цепляется угасающий свет. Они сохранили теплоту и могут еще сверкать несколько мгновений.

Ночь была бы непроницаемой, если бы не молнии. Их бледный свет позволял время от времени видеть батоков. Они как будто остановились в нерешительности.

Они увидели, что что-то странное и новое происходит на вершине холма, из которого только что выбивался дым: на фоне грозовых туч показались длинные языки пламени, кровавые отсветы пожара.

До сих пор бедняги батоки держались хорошо. Но ведь они приготовились бороться всего только с дымом, который, по наивным своим суевериям, принимали за дыхание сказочного чудовища. Теперь им предстояло иметь дело с пламенем, которое показывало, как разрослась ярость их таинственных врагов.

Александр сразу понял причину их колебаний. Он понял, что они могут растеряться, и тогда среди них поднимется паника.

Он решил броситься к ним, подбодрить их, стать во главе отряда, если потребуется. Но вдруг с вершины холма донесся треск, которому предшествовала вспышка красноватого огонька.

Секунда затишья позволила установить, что это прогремел выстрел.

Никакого сомнения быть не могло, потому что мгновенно один из воинов зашатался, вскинул руками, два раза повернулся вокруг самого себя и упал замертво.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Злоключения Питера. — Расторжение договора. — Корнелис и Питер хотели бы унести ноги. — Стрельба из лука. — Тропический ливень. — Баримы успокоились. — Жозеф видит ручей, в котором кипит молоко. — Взрыв в шахте. — Сэм Смит. — Землетрясение?

Питера бесила медлительность, с которой двигался его плот. Но вот бур убедился, что вся его охота за фургоном была потерянным временем, как если бы он гонялся за тенью: Александр пустил фургон по течению. Тут Питер пришел в неподдельное отчаяние.

Подняться на плоту обратно вверх по Замбези, да еще в таком месте, где из-за близости водопада течение в десять раз более стремительно, было делом нелегким.

Так что Питер был не только разъярен неудачей — он уже беспокоился за весь конечный исход возложенного на него дела.

Он как будто и не замечал, что люди Каймана изнурены долгими странствованиями по воде и по суше, и все время подбадривал их крепкими словами, не скупясь также и на тумаки для тех, кто недостаточно хорошо понимал слова.

Ему удалось обойти водовороты, островки и подводные скалы, и вот он вошел в спокойные воды. Именно тогда, то есть после того, как он потерял три часа на охоту за пустым фургоном и на возвращение к своей исходной точке, Питер заметил флотилию батоков, которая, сильно налегая на весла, шла как будто туда же, куда и он.

Питер не сомневался, что там находятся те самые европейцы, которые ушли от него, пустив фургон по течению. Но он и помышлять не мог о том, чтобы на них напасть, когда их охраняли воины Магопо, рядом с которыми его грабители имели довольно жалкий вид.

Опять ему пришлось отступить, и весьма поспешно, пока его не заметили батоки: они обошлись бы с его шайкой не слишком дружелюбно.

Питер трясся от бешенства, но все же отдал команду повернуть другим бортом. На сей раз ему не пришлось прибегнуть к обычным своим мерам поощрения: его лю-

ди были и сами достаточно напуганы появлением батоков. Питер благополучно добрался до берега, но никакими силами не удалось ему удержать при себе людей: они пустились врассыпную, едва почувствовали под ногами твердую почву.

Питера одновременно охватило и бешенство и уныние, и он решил вернуться туда, где оставил Корнелиса и Сэма Смита. Питер не знал, что произошло за это время со Смитом, и хотел с ним посоветоваться.

Он поднялся на холм, все время думая о том, как бы отомстить европейцам. У него даже созрел план.

Тогда-то и разыгрались события, которые мы описали в предыдущей главе. Они завершились тем, что холм был занят батоками, а их вождь отправился на Садовый Остров.

Когда Питер увидел, что из скалы бьет густой дым, его тоже охватил суеверный ужас. Белый дикарь был достаточно закален, чтобы не бояться опасностей физических, но дрожал, как дитя, столкнувшись с явлением, причины которого были ему непонятны, а последствия могли быть ужасны.

Корнелиса он нашел скоро. Того тоже обуял сумасшедший страх, и он не решался покинуть свое место, защищенное эвфорбиями, алоэ и гигантскими кактусами.

— Ах, вот и вы! Это хорошо! — сказал Корнелис.

— Пусть меня задушит чума, если я не радуюсь, видя вас!

— Где вас черти носили?

— А вы-то сами что поделываете? Вы небось укрылись здесь, как леопард в засаде, а за мной гонятся по пятам все чернокожие демоны, какие только живут на берегах Замбези! Где мастер Смит?

— Это мне известно не лучше, чем вам, — угрюмо ответил Корнелис. — Вот уже несколько часов, как он ушел за провизией, и я не знаю, куда он девался.

— Мне кажется, дело серьезно, Корнелис!

— Очень серьезно, Питер!

— Все осложняется и осложняется. Я не знаю, что и думать.

— С тех пор как нет Клааса, некому за нас думать, и все идет из рук вон плохо.

— Пожалуй, мы напрасно враждовали с Клаасом и бросили его. В конце концов, он наш брат и всегда умел помочь добрым советом.

— Советом и делом.

— Загадочное исчезновение мастера Смита тревожит меня больше, чем что бы то ни было на свете. Вы так-таки ничего о нем не знаете?

— Ничего ровно.

— В какую сторону он пошел?

— Не знаю. Могу сказать только одно: он не спустился в долину. По-моему, он не ушел с холма, на котором мы находимся.

— Уж не оступился ли он и не упал ли в пропасть?

— Понятия не имею. Но вот что меня беспокоит: вскоре после того, как он исчез, показался столб дыма. Он бьет прямо из-под земли.

— Скажу вам по чистой совести, все это мне не нравится. Мне просто-напросто страшно.

— Мне тоже. У меня земля горит под ногами. Этот дым нагоняет на меня ужас. И от одиночества у меня тяжело на сердце. Уйдем отсюда.

— Правильно! Уйдем отсюда! Наше соглашение с мастером Смитом считается расторгнутым, потому что мастер Смит исчез. Нечего нам здесь торчать.

— Как говорится, что отложено, то не потеряно. И мы скоро снова возьмемся за поиски клада.

— Гром и молния!

— В чем дело?

— Нам и уйти некуда: мы окружены!

— Окружены?

— А вы поглядите на чернокожих! Они потрясают копьями и идут на приступ!

— Э, да, в конце концов, это всего лишь негры. С ними мы управимся!.. Смотрите, какая черная туча поднимается! Сейчас разразится гроза, и мы сможем прорваться сквозь их ряды.

— Это вы правильно сказали. Пусть подойдут поближе. Тогда мы откроем огонь.

Оба негодяя приготовили оружие и укрылись в зарослях.

Африканские воины приближались. Гроза разрази-

лась со всей яростью, и как раз эту минуту Питер счел подходящей, чтобы разрядить свое ружье в одного из батоков.

Однако воины не только не испугались, когда пал их товарищ, но стали кричать еще более яростно. Мгновенно кто-то другой занял место сраженного. Понимая, что за первым выстрелом могут последовать другие, батоки мгновенно изменили тактику: они бросились на землю, распластались на ней и поползли вперед.

Затем, видимо повинуясь команде, они все как один с четкостью движений, которой могли бы позавидовать наши самые отборные европейские войска, схватили свои луки, вырвали из колчанов отравленные стрелы — и на то место, где сверкнул огонь, предшествоваший раскату выстрела, посыпался град стрел.

Буры имели в виду прорваться бегом сквозь ряды батоков, но теперь, внезапно услышав, как пронзительно свистят на лету посланцы смерти, они остановились.

— Клянусь всеми чертями, Питер, вы совершили неосторожность! Смотрите, как ловко они стреляют, эти черти, несмотря на темноту. Наш куст утыкан стрелами, как дикобраз колючками. Чуть-чуть в меня не попало.

— Но что нам делать, тысяча молний! Я ума не приложу!

— Пойдем туда, откуда вырывается это красноватое пламя!

— Да подумали ли вы, что говорите?

— Так хорошо подумал, что сейчас же туда отправляюсь. Оставайтесь, если хотите, чтобы вас нашпиговали отравленными стрелами. Что касается меня, то я предпочитаю немного прожариться, чем погибнуть мучительной смертью от нгуа.

— Вы правы, Корнелис. Тем более что начинается ливень. Он нам поможет незаметно пробраться к реке. А там, кто его знает, быть может, мы сумеем выскользнуть из этой ловушки.

То, что бур называл ливнем, было самым настоящим потопом.

Трудно составить себе представление о количестве воды, которое обрушилось на базальтовые скалы.

Это был водяной смерч. Он оглушительно ревел, ломал деревья, уносил камни и мгновенно все затопил.

Батоки цеплялись за что только было возможно, но не отступали, а европейцы забились в укрытие, прижались друг к дружке и этим спасались от ливня, который мало в чем уступал самому водопаду.

К счастью, длительность таких приступов безумства обычно бывает у природы обратно пропорциональна их ярости.

Все кончилось в каких-нибудь четверть часа.

Перестал греметь гром, молнии больше не прорезали небо, грозовая туча сразу потеряла свою мрачную плотность, понемногу стал пробиваться бледный свет, прекратился дождь.

Последний порыв ветра разорвал темную тучу и унес ее на запад; он пригнул столбы испарений, державшиеся над водопадом, но вскоре они выпрямились и вновь обрели свою величественную неподвижность.

И тогда показалось солнце. Оно сияло ярче, чем когда бы то ни было; небесная лазурь была чиста, гроза промыла ее и придала ей чудесную прозрачность.

Европейцы и африканцы были в одинаковой мере потрясены быстротой этого преображения и не смогли сдержать крики радости и восторга.

Все взгляды были обращены туда, где только что краснело изрыгаемое землей загадочное пламя.

Его больше не было.

Не было ни огня, ни дыма. Скала приняла обычный вид.

Если бы вода не стекала с холма тонкими ручейками, если бы алоэ, эвфорбии и кактусы не приобрели необычную свежесть, нельзя было бы и догадаться о том, что́ здесь произошло.

Не осталось также ничего от загадочного явления, которое так встревожило племена, живущие на берегах великой африканской реки.

Баримы угомонились, и все обошлось без того, чтобы Мози-оа-Тунья поглотила их последних потомков. Как мы уже сказали, смерч пригнул Столбы богов к земле. Тогда благодаря необычайной прозрачности воздуха стал отчетливо виден Садовый Остров.

На выступе подводной скалы, побелевшем в результате многовекового действия вод, стояли три черные фигуры. Они стояли гордо, неподвижно, издали похожие на три огромных восклицательных знака.

Это были Магопо, Гэн и Хорс.

Батокам больше незачем было продолжать разведку: перестала существовать причина, делавшая ее необходимой.

Доблестные черные воины обнимались, даже прыгали от радости и приготовились спуститься со своей возвышенности, чтобы торжественно выйти навстречу вождю и обоим молодым людям.

Европейцы промокли до костей, но их приободрило благотворное солнце. Они решили присоединиться к батокам и покинуть скалу, которая едва не стала местом их гибели.

Один лишь Жозеф был чем-то озабочен.

— Караи, месье Альбер! Я согласен уйти отсюда, но мне бы хотелось раньше узнать две вещи.

— Какие?

— Куда девался тот бедный негр, которого застрелили.

— Застрелили? Тебе, должно быть, приснилось.

— Нет! Я видел и слышал. Я ведь был снаружи, когда вы находились в укрытии.

— Ладно, не будем спорить. Допустим, кто-то выстрелил и один человек упал.

— Так вот, я хотел бы знать, куда он девался, этот человек. Похоже, что товарищи заботятся о нем не больше, чем о всемирной выставке. И еще хотел бы я знать, кто стрелял.

— Вот это правильно! Если только ты не ошибся, то этот загадочный стрелок должен находиться где-нибудь недалеко отсюда.

— Вот и я говорю. Так что если вы разрешите, я взберусь на выступ, под которым вы укрывались от дождя, и постараюсь осмотреть окрестности.

— Только будь осторожен.

— Ладно. Уж как-нибудь...

Каталонец все сделал быстро и ловко. Он взобрался, осмотрелся, — все это отняло едва несколько ми-

нут. Но, спустившись, он усердно чесал у себя в затылке, а это всегда бывало у него признаком большого волнения.

— Что вы видели? — спросил его Александр.

— Сейчас объясню. Или, скорей, не объясню, потому что и сам ни черта не понимаю. Я вам просто расскажу, что я видел.

— Боже, какой болтун! — воскликнул Альбер. — Говори толком, не тяни!

— Дай ему, по крайней мере, начать, — благодушно посоветовал Александр.

— Значит, дело вот какое, — продолжал Жозеф. — Представьте себе, что слева направо, если идти от расселины, то есть прямо по течению, черная скала перерезана длинной белой полосой. Она имеет метра четыре в ширину и метров триста—четыреста в длину, вправо от нас.

— Очень хорошо. Пока все ясно. Должно быть, через базальт проходит известняковая жила. Это бывает.

— Так. Я вам верю, потому что вы знаете все на свете и еще многое другое, — продолжал Жозеф.—Но когда я вам опишу, какой вид она имеет, эта белая полоса, вы тоже скажете, что дело странное. Она лежит на дне неглубокого овражка, так что вся вода, которая стекла с холма во время грозы, собралась в этом овражке и заполнила его. Но ведь вот что непонятно: вода-то побелела и кипит, так что от нее пар идет... Похоже, как если бы в речке варился молочный суп. А где печь? Где огонь, на котором варится эта кастрюля? Не видно. Вот и все. Если хотите убедиться, полезайте наверх. Это ничего не стоит.

— Право же, полезу. Для очистки совести! — воскликнул Александр, которого живо заинтересовало это, по-видимому, правдивое описание еще одного непонятного явления природы.

Он уже был готов взобраться на площадку, когда на правом берегу Замбези раздался глухой взрыв. Густой белый дым вырвался из щели, которая внезапно образовалась в скале, и вместе с дымом — град обломков.

Все видевшие это странное явление замерли, хотя находились достаточно далеко и никакая опасность им не грозила.

— Похоже на взрыв в шахте. И не иначе! — заметил Жозеф, первым нарушивший молчание.

— Этого быть не может! — воскликнул Альбер.

Дым рассеялся.

— А вот и шахтеры! — воскликнул Жозеф, увидев, что из щели, образовавшейся в результате взрыва, вылезает оборванный, весь в лохмотьях, весь измазанный грязью человек. Двое других появились неизвестно откуда и бежали, как очумелые.

Александр и Альбер сразу узнали этих неожиданно и столь странным образом появившихся незнакомцев, и оба одновременно воскликнули:

— Сэм Смит!

— Буры!..

Тут прибежали батоки. Они тоже услышали взрыв и поспешили к европейцам, готовые помочь им, оградить их от новой опасности.

Вот они построились в грозную линию, ощерившуюся копьями, и стали недалеко от того места, где, по живописному выражению Жозефа, известняк кипел, как молочный суп.

Сэм Смит осмотрелся, увидел обоих буров и резко окликнул их.

Буры тотчас остановились и как будто вступили с ним в беседу.

Тем временем Александр позвал адъютанта Магопо и стал советоваться, как бы схватить всех троих негодяев.

Внезапно оглушительный треск покрыл гул водопада.

Затем произошел второй толчок, похожий на землетрясение, и тогда закачался весь холм.

Французы и батоки едва удержались на ногах. Им даже пришлось сесть на землю, чтобы не упасть.

Затем на протяжении нескольких секунд последовали один за другим еще несколько сильных толчков. Они сопровождались беспрерывным грохотом.

Всем — и французам и африканцам — казалось, что земля уходит у них из-под ног и что они летят в бездну.

Это было чистейшей правдой.

Вся та часть холма, которая сжимала реку справа, медленно скользила, отрываясь от твердой земли.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Новое в эксплуатации угольных шахт. — Мины пороховые и мины из негашеной извести. — Несравненное преимущество последних. — Обвал. — Конец четырех негодяев. — Батоки будут жить! — Эпилог.

При разработке угольных шахт нередко приходится прибегать к взрывам: тогда от пласта откалываются и дробятся огромные глыбы, не поддающиеся кирке.

Очень долго основным взрывчатым веществом считался порох. Однако он таит в себе много опасностей, в особенности если надо взорвать пласты, лежащие на значительной глубине.

Несмотря на весь накопленный опыт и на все предосторожности, регулировать грубую силу взрыва не удается.

Две мины с одинаковым зарядом, взорванные одним и тем же способом, дадут разные результаты: одна сорвет целый пласт, трещины побегут по всей галерее, жизнь шахтеров будет в опасности, другая только прошумит и даст едкий дым. Зато обе могут высвободить и поджечь значительные количества рудничного газа и вызвать катастрофу.

Много было сделано попыток заменить капризный порох другими веществами, но попытки оказались тщетны.

Все открытия современной химии были бессильны в этом вопросе до тех пор, покуда решение не нашел скромный труженик, которому помог случай и его собственная наблюдательность [1].

Вот в чем состоит новшество. Этот принцип основан на свойстве негашеной извести значительно увеличиваться в объеме под действием воды. Процесс этот протекает чрезвычайно бурно.

Таким образом, родилась мысль заменить порох негашеной известью. В угольном пласте пробуравливают на расстоянии полутора метров одну от другой необходимое количество скважин глубиной в метр, при диаметре в

[1] Открытие приписывается г. Паже-Мале. Но есть основания утверждать, что этот почтенный инженер только первым применил его в угольных шахтах в Бельгии и в Англии. *(Примеч. автора.)*

семь—восемь сантиметров. Затем в них закладывают патроны с известью.

Патроны сделаны из тонкой бумаги или светлой ткани. Их наполняют негашеной известью в виде порошка. Вдоль патрона, который набивают не слишком туго, находится небольшой паз, в который вставляется железная трубка с краном.

Когда мины заряжены, в них наливают при помощи ручного насоса воду и прекращают подачу воды, когда ее достаточно.

Известь тотчас вступает в реакцию, разбухает, начинает распирать сжимающую ее угольную породу и понемногу, без толчков, разваливает ее, так что глыба, опоясанная скважинами, в несколько минут отделяется без взрыва, без дыма и, что особенно важно, без риска поджечь рудничный газ.

Несравненные преимущества этого способа не надо объяснять слишком долго — понятно и без того, что он в значительной мере облегчает трудную работу шахтера.

Читатель недоумевает: зачем мы отклонились в область угольной промышленности, когда наши герои сидят в крайне опасном положении на берегу Замбези?

Затем, ответим мы, что это самый простой способ вернуться к нашим героям и объяснить причины и вероятные последствия того явления, которое привело их в столкновение с опасностью.

Читатель не забыл рельефа местности, где должен разыграться последний акт драмы. На берегу Замбези, выше водопада, близко от поверхности земли, лежит пласт угля, уходящий на неопределенную глубину в недра. В центре пласта находится естественная пещера, которую Сэм Смит обратил в свой склад. Благодаря случайностям своей бурной жизни он здесь же натолкнулся и на его преподобие, который, со своей стороны, свалился сюда после целого ряда перипетий.

Читатель помнит также и белую полосу, которая представляет собой не что иное, как известняк.

Наконец, читатель помнит взрыв рудничного газа, происшедший по вине его преподобия, и страшный пожар, который был последствием этого взрыва, и то, как быстро огонь распространялся из-за сильного сквозняка,

возникшего между двумя отверстиями в пещере, а также ужас батоков, увидевших дым этого пожара.

Соединились уголь, известь и огонь. Пройдет короткое время — и к ним присоединится вода. Она придет в виде грозового ливня. Тогда естественным образом возникнет явление, подобное тому, которое в Европе в угольных шахтах достигается посредством закладки мин, заряженных известью.

Но в каких грандиозных размерах!

Пожар пылал несколько часов подряд. Пещера превратилась в настоящую печь по обжигу извести. Неслыханной силы пламя обожгло весь известковый пласт, который представлял собой углекислую соль кальция. Под действием огня известняк разложился, угольная кислота выделилась, и получилось именно то, что называется негашеной известью. Оставалось только, чтобы на нее попало известное количество воды.

Так и случилось. Ливень, который последовал за грозой, залил всю эту огромную массу негашеной извести, она разбухла, стала с непреодолимой силой распирать сжимавший ее уголь и выталкивать его по направлению к пропасти. Часть пласта, в которой находились пещера Сэма Смита, усыпальница кафрских королей и их сокровища, откалывалась медленно, но с грохотом и треском, которые так испугали наших друзей-европейцев.

Сэм Смит, конечно, не подозревал, какая ему грозит опасность. Увидев заветный клад, он захотел как можно скорей вырваться из мрачной темницы. Он особенно тяготился в ней теперь, когда осуществились его мечты. Поэтому он решил взорвать ту часть угольного пласта, которая мешала ему выйти. Он нашел глубокую скважину, до половины засыпал ее порохом, приспособил фитиль, поджег его и удалился в ожидании взрыва.

Мы видели, что взрыв произошел за несколько секунд до того, как начался обвал.

Трудно описать, как Смит обрадовался, когда увидел у себя над головой клочок синего неба. Его подбросило точно пружиной. Он выбежал из пещеры, на дне которой сверкали тысячи сказочных алмазов, и столкнулся носом к носу с обоими бурами, которые удирали, боясь встречи с батоками.

Долго разговаривать им не пришлось: все трое внезапно почувствовали, что земля пошла ходуном у них под ногами.

Охваченные безумным страхом, они хотели бежать. Но тщетно. Таинственная сила не давала им держаться на ногах, они хватались за выступ скалы, как утопающий хватается за обломки корабля, потерпевшего крушение.

Онемевшие, задыхающиеся, почти утратив всякую способность соображать, звать на помощь, кричать, они увидели только, что перед ними разверзлась бездна, что эта бездна зовет их и они летят в нее.

Действительно, оторвался весь огромный участок, подвергшийся действию взрыва. Он медленно с глухим шумом соскальзывал куда-то вниз.

Затем он приостановился. Было похоже, что масса нашла устойчивое равновесие. Но вскоре она покатилась с возросшей быстротой и с грохотом рухнула в пропасть, на дне которой рычала стиснутая базальтом Замбези. Скалы, деревья, клад, мумии, — все исчезло в мгновение ока вместе с презренными негодяями.

Дружеский голос вывел европейцев из оцепенения, которое охватило их при виде этой страшной картины.

Показался Магопо, сияющий, преображенный. С ним были Гэн и Хорс. Показывая пальцем на склон холма, где зиял пролом, на воды Замбези, внезапно под действием извести ставшие похожими на молоко, Магопо кричал своим гортанным голосом:

— Здесь покоились вместе со своими сокровищами умершие короли кафров. Белые нечестивцы осквернили их усыпальницу и хотели похитить сокровища. Баримы не допустили этого святотатства. Баримы — грозные боги. Пусть прах наших предков навеки покоится в водах реки, которая всегда была доброй покровительницей моего народа! Пусть сверкающие камни, которые разбудили столько вожделений, покоятся на дне пропасти. Воды Мози-оа-Тунья — неподкупные стражи. Пока они не иссякнут, никто не сможет совершить новое святотатство и накликать на мой народ гнев баримов. Батоки будут жить!..

ЭПИЛОГ

Только благодаря чуду не свалились европейцы в пропасть вместе со всеми теми, кто так долго питал к ним слепую ненависть и преследовал их.

Обвал остановился в каких-нибудь пяти—шести метрах от них. Легко понять их волнение.

Но они все-таки освободились от мучительного кошмара, едва не ставшего явью! Они избавились от постоянной угрозы, которая преследовала их в лице буров, его преподобия и Сэма Смита. Теперь им надо было добраться до прииска Виктория; оттуда они надеялись выехать в цивилизованные края.

К гибели сокровищ кафрских королей все отнеслись с полнейшим безразличием.

Альбер, хотя и потерял надежду на обогащение, был счастлив, что вновь нашел свою жену. Счастье было бы полным, если бы не смерть отца Анны.

Жозеф был человек трезвого ума, как истинный каталонец. Он чувствовал себя хорошо всегда и везде, лишь бы быть рядом со своим молочным братом. Что для него все алмазы мира! Было бы дружеское сердце и любовь!

Что касается Александра, то его философия всегда позволяла ему смотреть на жизнь, на взлеты и падения со спокойствием, достойным древних мудрецов.

— Вот я и остался ни с чем, — невозмутимо сказал он. — Значит, надо снова взяться за кирку. Найду другой участок. Когда сколочу состояние, приеду в Пиренеи и поселюсь рядом с вами. А пока самое главное — до-

браться до Нельсонс-Фонтейна. Но это еще порядочно далеко.

— Надеюсь, — заметил Альбер, — мы доберемся благополучно. Наш добрый друг Магопо охотно проводит нас с соответствующей охраной, так что мы сможем не бояться бандитов, которыми кишат здешние места.

Так они добрались до Виктории. Прииск имел плачевный вид. Судья рассказал им обо всех последних событиях, которые опустошили Викторию.

Решили раньше всего предать земле жертвы буров, не допустить, чтобы их прах стал добычей хищных зверей.

Батоки великодушно предложили свою помощь, и вскоре трупы несчастных, завернутые в обрывки брезента, были погребены на заброшенном алмазном участке.

Когда с этим было покончено, европейцы и туземцы двинулись на юг. Магопо был удивительно добр. Он дал каждому по прекрасному верховому быку с удобным, хотя не совсем изящным седлом, так что дорога не была слишком утомительной.

Путешествие протекало весело. Было истинным удовольствием смотреть, как Эстер и госпожа де Вильрож сидели на могучих хребтах своих медлительных животных. Эстер сопровождал Александр, Анну — муж. Мужчины вооружились зонтами из листьев латании и защищали прелестных амазонок от палящих солнечных лучей.

Судья, единственный человек, уцелевший после побоища на прииске, не пожелал расстаться со своими новыми друзьями. Он тоже отправился в Нельсонс-Фонтейн и охотно разделял общество Жозефа, чтобы не мешать остальным.

Далее следовали Зуга и бушмен. Шествие замыкал отряд воинов-батоков.

Александр стал кавалером Эстер, и все, начиная с нее самой, находили это вполне естественным.

Да почему бы и нет? Оба были молоды, красивы, честны, добры и полны самоотверженности. Что же удивительного в том, что сердца их пошли навстречу друг другу и объединились во взаимной симпатии?

— Мы их скоро поженим! — шепнула госпожа де Вильрож своему мужу, который лукаво поглядывал на прелестную пару.

— Так должно было быть, так и было.

Приехали в Нельсонс-Фонтейн. Александр, несмотря на всю свою отвагу, был бледен и дрожал, когда обратился к Эстер с вопросом, согласна ли она стать его женой.

Девушка покраснела, опустила голову и еле слышно сказала:

— Да.

Было условлено, что бракосочетание состоится в кратчайший срок и по английским законам, с тем чтобы впоследствии брак был скреплен в официальном представительстве Франции.

Церемония происходила в присутствии множества приискового народа. Все знали, какие приключения недавно пережили новобрачные, и восторженными криками выражали радость по случаю такой счастливой и неожиданной развязки.

Странный и вместе с тем тягостный случай едва не испортил этот праздник, который взбудоражил весь прииск. В момент, когда молодые и их друзья уходили от представителя британской власти, у которого регистрировали брак, какой-то человек бросился на Александра и пытался схватить его за воротник. На неизвестном были грязные лохмотья, борода его была всклокочена, глаза блуждали. Он рычал глухим голосом:

— Именем закона я арестую вас!

Это был мастер Виль!

Чудом удалось ему избежать смертельного укуса пикаколу. Но страх, который он пережил, когда почувствовал одно лишь прикосновение этой гадины, был так велик, что несчастный потерял рассудок.

Он блуждал по пустыне, и там его встретили какие-то бродячие кафры. В глазах чернокожих безумие священно. К тому же этот сумасшедший был европеец, и его препроводили к белым.

— Вот те на! — воскликнул Жозеф. — Да это наш полицейский! Ах, бедняга! Хоть он и поступил в отношении нас, как свинья, мне его жалко. Месье Альбер, а

не отправить ли его в Кейптаун? Можно было бы поместить его в больницу и платить за него.

— Идет, добрейший мой Жозеф. От всей души присоединяюсь к твоей «мести»!

— Завтра прибывает почта, вот мы его и отправим.

Почта прибыла в назначенное время, с той хронометрической точностью, которая является завидным свойством англичан. Она привезла Альберу объемистый пакет. Адрес был написан незнакомым почерком, но со столькими подробностями, что де Вильрож улыбнулся.

— Так пишут только нотариусы, — пробормотал он. — Уж не извещают ли меня о получении какого-нибудь наследства?

Он попал в самую точку. Какой-то весьма и весьма отдаленный родственник, имя которого было Альберу едва знакомо, умер, оставив ему свое состояние. Это было чудовищное богатство. Оно исчислялось многими миллионами, как извещало письмо, пришедшее действительно от нотариуса.

Родственнику было около ста лет. Альбер никак не мог его вспомнить, даже перебирая воспоминания детства. Таким образом, ничто не мешало ему обрадоваться этому неожиданному дару.

— Что ж, — сказал он Александру, — чур, пополам. Я отстрою замок Вильрож, и ты приедешь туда жить вместе с женой.

Александр был готов ответить на это братское предложение дружеским отказом, когда явился судья. Со вчерашнего дня он носился по прииску в поисках концессии. Теперь он был чем-то явно взволнован.

Он слышал последние слова Альбера и тоже обратился к Александру:

— Простите, что я врываюсь без предупреждения. Пусть мне послужат извинением добрые чувства, которые я к вам питаю. Я принес вам известие, которое несомненно вас обрадует.

— Вы прекрасно знаете, что вам мы всегда рады. Мы вас считаем членом нашей семьи. Говорите.

— Вчера я искал для себя подходящий участок и весь день бегал по прииску, главным образом по заброшенным концессиям. Одна из них сразу привлекла мое

внимание. Я в этом деле человек искушенный и по разным безошибочным признакам сразу увидел, что участок страшно богатый. Я тотчас предпринял пробную раскопку. Результаты были ошеломительны. Тогда я побежал в контору регистрации, чтобы узнать, окончательно ли этот участок заброшен. Я бы его взял. Управляющий конторой сказал мне, что участок был продан некоему Самуэлю Бернгейму одним французом, которого зовут Александр Шони...

— Мой участок! — воскликнул Александр.

— ...и теперь он перешел по наследству в полную собственность девицы Эстер Бернгейм, по мужу — госпожа Шони. Так что примите, прошу вас, мои самые искренние поздравления. Я счастлив, что мне довелось установить, что́ это за необыкновенный участок. Теперь вы богаты, как Крез, можете требовать за концессию сколько хотите.

— Я предпочитаю, — улыбаясь, ответил Шоки, — самому продолжать разработку. Я бы только хотел пригласить дельного и честного управляющего. Я предложил бы ему половину доходов, сколько бы это ни составляло. Пусть роет, пусть копает, пусть действует по своему усмотрению. Я стеснять его не буду, потому что я твердо решил вернуться во Францию. Вы, конечно, согласитесь быть этим управляющим?

— Я?.. Да вы мне предлагаете богатство!

— Что ж, тем лучше. Вы найдете для него хорошее применение. Скоро вы создадите себе здесь значительное положение, и это позволит вам, кроме того, продолжать дело прогресса, которое начали здесь некоторые славные исследователи-англичане. Вы знаете кафров. Надеюсь, вы поможете им освободиться от рабства и вернуть себе независимость и свободу.

Конец

ЛУИ БУССЕНАР

В прошлом столетии западноевропейская литература обогатилась новым жанром: романами о путешествиях в далекие заморские страны, о природе и людях этих стран, о бурных приключениях, которые ожидают там европейцев, пустившихся в путь кто в погоне за наживой, кто с целями научно-исследовательскими, кто в поисках сильных ощущений, а кто и для того, чтобы принять участие в борьбе угнетенных народов за независимость.

Новая литература имела в виду юного читателя.

Нам могут возразить: «Как так, разве этот новый жанр появился только в прошлом столетии? А «Робинзон Крузо?»

Замечание будет не совсем правильным. Верно, что английский писатель и публицист Даниэль Дефо писал в XVII веке, но «Робинзона Крузо» он написал не для юношества. Этот шедевр мировой литературы перешел в библиотеку юного читателя через много-много десятилетий после выхода в свет. Автор этого не знал по той уважительной причине, что его уже не было в живых. Но вряд ли он и при жизни поверил бы такой возможности. Для того чтобы юношество сложилось в отдельную и достаточно значительную читательскую категорию, нужны были огромные сдвиги во всей культурной жизни Европы. Нужно было, чтобы французская революция разбила основы феодализма, чтобы начался расцвет точных наук, чтобы открытие пара и электричества облегчило связь между наиболее отдаленными

друг от друга частями земного шара, чтобы благодаря этому расширилось познание мира, чтобы образованность распространилась на более широкие слои общества. Нужно было очень много пройти по пути прогресса для того, чтобы такая книга, как «Робинзон Крузо», которая в годы своего появления волновала умы не слишком тогда многочисленных взрослых читателей, сделалась доступной для юношества, а затем и для детей школьного возраста.

Литература, о которой мы говорим, появилась во Франции и Англии как новый жанр в середине XIX века. На английском языке писали Майн Рид, Капитан Мариэтт, американец Фенимор Купер, на французском — Густав Эмар, Жаколио, Луи Буссенар и знаменитый Жюль Верн, который в научном отношении стоял выше всех своих французских и английских коллег.

Кроме Фенимора Купера, который родился в 1790 году, все перечисленные выше авторы писали и печатались во второй половине XIX века.

Это была эпоха великих путешествий. Англичанин Ливингстон, имя которого вы часто встречали в этой книге, Стенли, Камминг, Болдуин и другие, французы Бразза, Дитон, Солейе, Шарне сделали очень много для изучения Азии, Африки и Австралии, которые до того были известны науке чрезвычайно мало.

Наша родина тоже дала в эту эпоху несколько прославленных ученых-путешественников: Миклухо-Маклай, Семенов-Тяншанский, Федченко, Пржевальский, Козлов. Были в русской литературе и писатели-путешественники: Станюкович, Гончаров, Гарин-Михайловский.

Но те французы и англичане, которых мы назвали создателями жанра, отличались тем, что привносили в свои произведения элемент романтического вымысла, их романы полны увлекательных приключений, быстро сменяющихся положений, опасностей, создаваемых природой или людьми, и мужественной борьбой с этими опасностями.

Не все эти писатели стоят на одном литературно-художественном уровне. Но юные читатели всего мира

полюбили их всех, вероятно, за то, что встречают на страницах их романов людей мужественных, смелых, находчивых, великодушных.

Луи Буссенар, автор романа «Похитители Бриллиантов» и многих других не менее увлекательных романов, родился в Эскрон, во Франции, в 1847 году и умер в 1910 году. Буссенар едва успел окончить медицинский факультет, когда вспыхнула франко-прусская война. Это было в 1870 году. Молодой доктор ушел в армию и был ранен в бою под Шампиньи. Его врачебная карьера кончилась, когда кончилась война. Буссенар забросил медицину и целиком посвятил себя литературе.

Вы прочли страницы, в которых он описывает страсть к путешествиям.

«Люди этого склада, — пишет он, — не могут прозябать среди нашей будничной европейской жизни. Им нужно пространство, не знающее границ, по которому носится великое дыхание свободы. Им нужно созерцать великолепные и всё новые зрелища, которые поминутно раскрывает перед ними природа. Им нужны еще нетронутые, подчас страшные, но всегда величественные новые земли. Им нужна опасная борьба, захватывающие победы, незабываемые воспоминания».

Буссенар сравнивает таких людей с перелетными птицами и цитирует поэта Ришпена:

Пусть буря перья рвет! Пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочит их, сечет холодный град!
Согретые лучом живительной свободы,
В волшебный, светлый край отважные летят.
Летят к стране чудес, к стране обетованной,
Где солнце золотит лазури вечной гладь,
Где вечная весна, где берег тот желанный...

Эти строки автобиографические. Буссенар сам был захвачен страстью к путешествиям, которую он называет «таинственной» и «мучительной». Он изъездил Австралию, западное побережье Африки, Марокко, Гвиану и вложил в основу многих своих романов личные впечатления путешественника-исследователя.

В «Похитителях Бриллиантов» главные действующие лица пустились на далекие берега Замбези только в на-

дежде разбогатеть. Конечно, цель не такая уж возвышенная, и люди эти неизмеримо далеко стоят от того идеала героизма, какой составили себе мы, люди советские. И все-таки эти три француза — Шони, Вильрож и Жозеф, а также ирландец-судья — симпатичны. Они не ослеплены страстью к стяжательству. Посмотрите, с каким великодушием, с каким мужеством, с какой беззаветной самоотверженностью заступаются они за слабых, за угнетенных. Посмотрите, с каким уважением нарисовал автор образы бушмена и Зуги, — и это в такую пору, когда даже образованные европейцы относились к людям черной кожи презрительно и звали их дикарями. В этом гуманизме — главное достоинство книги.

Территория, на которой развертывается действие романа, ныне входит в состав Южно-Африканского Союза. Это очень богатое государство. Но все богатство белой буржуазии зиждется на дешевом труде африканцев. Черное население находится в фактическом рабстве. Оно стоит на грани вымирания. Здесь в полной мере раскрылась вся мерзость колонизаторства, которое ставит угнетаемые им народы вне всяких государственных и нравственных законов.

В. Финк

Ответственный редактор
О. А. Лаврова.

Художественный редактор
Н. Г. Холодовская.

Технический редактор
Н. А. Молоканова.

Корректоры
Т. П. Лейзерович и
К. П. Тягельская.

Сдано в набор 7/V 1957 г. Подписано к печати 7/VIII 1957 г. Формат 84 × 102¹/₃₂— 32,5 печ. л. — 26,7 усл. печ. л. (26,8 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. Заказ № 2179. Цена 10 р. 55 к. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * *

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.